

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

**Семиотико-
семасиологическое
измерение
политического дискурса**

Коллективная монография

Под научной редакцией Н.А. Боженковой, П.А. Катышева

Москва

2021

УДК 81
ББК 1.161.1
С 30

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Рецензенты:

*Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор
Шаклеин В.М., доктор филологических наук, профессор*

С 30 Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография / Под науч. ред. Н.А. Боженковой, П.А. Катышева. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-98269-248-1

В предлагаемом исследовании, опирающемся на полипарадигмальную методологию описания, представлены современные научные воззрения на устройство политического дискурса как сложной и семантически насыщенной социально-коммуникативной системы, включающей в себя разноплановые по видам/ типам/ жанрам/ форматам/ степени легитимности дискурсивные практики.

Специфичность функционирования политического дискурса и динамика его изменения в ответ на запросы и вызовы изменившегося мира наглядно демонстрируют реалии XXI в.: формирование новых ролей и функций партиципантов, изменения макро- и микроструктуры дискурсивного взаимодействия, появление новых способов языковой и знаковой (в широком смысле) аранжировки аксиологически значимых компонентов этноментальной сферы универсума, что не только особым образом маркирует лингвосемиотические черты современного социетального пространства, но и задает гносеологическую перспективу исследований в данной области.

Монография адресована лингвистам, филологам, социологам, политологам, культурологам и, являясь междисциплинарным исследованием, будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 81
ББК 1.161.1

ISBN 978-5-98269-248-1

© Коллектив авторов, 2021
© Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, 2021

Содержание

Предисловие 5

Раздел 1.

Политический дискурс в парадигме философии и политологии

СОЦИОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (*Новикова Е.Ю.*) 7

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (*Шелестюк Е.В.*) 27

ЛЕГИТИМНЫЕ И НЕЛЕГИТИМНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ:
К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ (*Чернышева Е.Н.*) 42

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ КАК ФАКТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ
(*Маслова В.А., Дединкин А.Л., Лавицкий А.А.*) 55

Раздел 2.

Политический дискурс в лингвориторической парадигме

СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ
В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ (*Балахонская Л.В., Сергеева Е.В.*) 82

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГОСФЕРА:
НОВЫЕ ТЕКСТОВЫЕ РЕАЛИИ
(*Боженкова Н.А., Каличкина Т.И., Пантелеева А.П.*) 102

ИНАУГУРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА
В АСПЕКТЕ ДОТЕКСТОВЫХ ОЖИДАНИЙ АДРЕСАТА
(*Ким Л.Г., Беляева Е.С.*) 118

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ
ДОМИНАНТЫ ЛЕГИТИМНЫХ/НЕЛЕГИТИМНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРАКТИК: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (*Щербаков А.В.*) 134

Раздел 3.***Политический дискурс в парадигме медиалингвистики***

МЕДИАИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В XXI ВЕКЕ: ФОБИИ – ФЕЙКИ – ИНТЕРТЕЙМЕНТ (Желтухина М.Р.)	150
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЙ В ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (Мельник Н.В., Савельева И.В.)	170
ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТОВ СВОЕ/ЧУЖОЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ЦЕННОСТЯХ РОССИЯН (Китанина Э.А.)	195
ЛИТЕРАТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 2014—2020 ГОДОВ (Афанасьева Э.М.)	209

Раздел 4.***Политический дискурс в парадигме прикладных исследований***

ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКИ В АКТУАЛЬНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И КОЛУМБИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ (Богуславская В.В., Руис Рохас М.)	233
ИМИДЖ РЕГИОНА В ГУБЕРНАТОРСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ (Чепкасов А.В.)	258
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТОК В ОБЛАСТИ МЕТОДИКИ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ (Горбачева А.В., Берлин Хенис А.А., Пучкова А.Н., Осадчий М.А.)	274
ДЕЛИКТОГЕННОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ОПОСРЕДОВАННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА И СУДЕБНО- ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ (Катышев П.А.)	293

Как известно, *Слово* есть феномен, претерпевающий бесконечное развитие и подвергающийся таким же непрерывным исследованиям, поскольку именно язык мы считаем основным маркером «человечности».

В этой связи широкое поле политического взаимодействия и политический дискурс как отдельное пространственно-временное образование, ярко выраженная эмоциогенная среда и одновременно системное явление, эксплицирующее многомерный лингвоментальный материал, оказывается «сверхчувствительной компонентой» современной российской логосферы, где новые формы коммуникативного поведения, транслирующиеся в иные дискурсивные интеракции, не только создаются, но и, что важнее, отрабатываются и закрепляются в качестве эталонных моделей, определяя в последующем трансформацию семиотической организации и характера социальных отношений.

Уже на стыке веков ученые отмечали кардинальные изменения в постсоветской политической логосфере (от расширения арсенала жанров политической речи и сфер спонтанного общения, тенденции к замене монолога на диалог/полилог до возрастания личностного начала и стилистической полифонии политического общения), что во многом было обусловлено основными трендами развития общества в целом, изменившими облик современного социума и заложившими основы развития новых форм коммуникации – информатизацией и компьютеризацией.

Интернет не только сформировал новую сферу межличностного взаимодействия, что привело к возникновению новых типов общественных отношений между человеком, политическими институтами и властью, но и (благодаря высокой скорости обмена информацией, упрощению форм ее передачи и – как следствие – ее доступности) быстро стал одной из центральных площадок для политической деятельности. Сетевая природа Интернета обусловила мощное развитие в политическом дискурсе горизонтальной коммуникации, заменив (или, корректнее, изменив) традиционную модель односторонней передачи информации от политического субъекта к целевым аудиториям: возможности Интернета позволяют легко формировать сеть людей, объединенных общими интересами и ценностями, управлять данной сетью и даже выводит ее в офлайн. В настоящий момент на смену информатизации и компьютеризации пришла цифровизация, которой уже сейчас охвачены все социальные сферы. Как отмечают исследователи, «ментальный перенос цифровых технологий на практику отношений между властью, обществом и индивидом осуществляется со времени начала компьютеризации и развития сетей, если не раньше: об

электронной и сетевой демократии, скажем, заговорили задолго до активного распространения гаджетов и мобильных приложений»¹.

В результате – политическая жизнь языка и природа политического языка, несмотря на значительное число работ в этой области, вновь остаются непознанными. Какими знаковыми компонентами «оснащается» современный политический язык? Как трансформируется языковое сознание его носителей? И, наконец, возможно ли сегодня говорить об особом коммуникативном регистре русскоязычного политического дискурса XXI века?

Желание авторского коллектива ответить на эти вопросы стало отправной точкой настоящей монографии и определило ее научный вектор. Представляется, что предложенные исследовательские воззрения дадут импульс для современного прочтения законов «аранжировки» политической коммуникации, что, в свою очередь, позволит по-новому описать социально-иерархическую структуру общества и лингвоэтнический универсум в целом.

Н. А. Боженкова, П. А. Катыхов

---

¹ Коньков А.Е. Политический дискурс в условиях расширения цифрового пространства // Россия: тенденции и перспективы развития. М., 2019. С. 120.

Раздел 1

Политический дискурс в парадигме философии и политологии

Новикова Е.Ю.

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории и философии
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Novikovaelena77@yandex.ru*

СОЦИОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Социоантропологический подход, сложившийся в социальной философии и социальной антропологии, направлен на исследование механизмов взаимосвязи системных качеств человека как индивида и форм его общественного бытия. Методология социоантропологического подхода исходит из идеи реконструкции человека как единства биосоциальных, психологических, социально-ролевых, аффективно-эмоциональных, эталонно-нормативных и ситуационно детерминированных характеристик в стилевых особенностях макросоциального поведения. Политический дискурс, рассмотренный на основе социоантропологического подхода, предстает как единство нормативного и индивидуально-личностного, экзистенциального, погруженного в различные уровни ментальности и чувственную ткань. Исследование политического дискурса с этих позиций позволяет выйти на такие проблемы, как определение типологии дискурса и его границ, структуры и иерархии дискурса, картины мира субъекта политической деятельности.

Ключевые слова: социальная антропология, политика, дискурс, язык, человек, индивид, бытие, семантика, семиотика.

Введение

Социоантропологический подход как методология философского исследования сложился в мировой науке в связи с актуальностью проблем человека как многогранного феномена. В российской социально-философской мысли наибольший вклад в его становление внесли такие авторы, как В.Н. Асташов, В.С. Барулин, В.П. Бранский, А.А. Горелов, Б.М. Завьялов,

М.К. Мамардашвили, Э.В. Ильенков, Г.Г. Рапаков, Ю.М. Резник и др. Актуальность обращения к социоантропологическому подходу обусловлена значимостью в настоящее время проблемы человека и гарантий его развития в обществе. Длительное время народные массы рассматривались как «винтики», как «объект управления» со стороны лидеров-субъектов. Но в настоящее время акцентирование индивидуально-бытийной проблематики актуально в научных исследованиях в связи с потребностью реконструирования картины мира «простых людей», которые в современных социальных парадигмах рассматриваются как полноценные активные субъекты общественно-политической жизни.

Социоантропологический подход к политическому дискурсу актуализирован в связи с ростом человеческого фактора во всех сферах жизни современного общества, как в экономике, так и в политике. Актуальность именно такого ракурса исследования прослеживается в различных областях, в частности в активном использовании парадигмы антропоцентризма в лингвистике.

Результаты и обсуждение

Достоинством социоантропологического подхода является многоуровневое исследование человека и его деятельности, духовности, проявляющихся в общественном и индивидуальном бытии. Социоантропологические аспекты дискурса исследовались в работах таких авторов, как Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан, Дж. Серль, Дж. Остин, Р. Андерсен, Ю. Хабермас, М. Йоргенсен, Л. Филлипс, Ч. Осгуд, Дж. Келли и др. Опираясь на их идеи, с нашей точки зрения, при анализе политического дискурса необходимо исходить из следующих положений:

1. В русле социоантропологического подхода человек исследуется как представитель человеческого рода и одновременно как субъект общества, как носитель ролей и статусов, в связи с чем уделяется особое внимание характеристике субъектно-личностных черт – целеполаганию, свободе выбора, границ инициативы и ответственности, творчеству, самостоятельности и самореализации. Социальные роли личности рассматриваются в единстве социально-нормативного и индивидуально-вариативного содержания. Политический дискурс, несущий в себе нормативное содержание и общепризнанные, понятийно фиксированные значения, при этом рассматривается со стороны индивидуальной системы значений и смыслов, отражающих экзистенциальность и самоценность бытия индивида в обществе. Социоантропологический подход к политическому дискурсу позволяет исследовать его многоуровневое строение и, соответственно, различные истоки детерминации.

2. Человек и его мотивы, ценности рассматриваются как продукт исторического развития. Субъекты политического дискурса по своей типологии являются «действующими лицами истории», воплощая типологические черты человека своего времени.

3. Культура признается как основа формирования важнейших социологических качеств человека, которые складываются на основе культурных ценностей, ритуалов, мифов, эталонов, форм коммуникации. Для анализа политического дискурса важно рассматривать его субъектов как носителей субкультур, микрокультур, культур личности.

4. Личность индивида как субъекта политического дискурса анализируется как динамично изменяющаяся под влиянием различных линий социализации. Представляет интерес исследование политического дискурса субъектов, находящихся на различных стадиях развития – адаптации, индивидуализации и интеграции (В.А. Петровский, Ж. Пиаже).

5. Аффективно-эмоциональная сфера личности, мотивы и ценности могут быть описаны с позиции их значимости, выраженности. Эффективность коммуникаций в политическом дискурсе зависит от того, насколько они соответствуют наиболее значимым мотивам субъектов. Политический дискурс, входя в политическую деятельность и соответствуя ее личностно-стилевым характеристикам, зависит от мотивов субъекта, их побудительной, активирующей, направляющей и смысловой функций.

6. Системность социологического подхода при исследовании политического дискурса проявляется в интегрировании различных характеристик феномена человека. Познавательная сфера выступает в единстве рационального и чувственного, иррационального, бессознательного, термины и смыслы – как единство понятийного, нормативного, всеобщего и индивидуального, ситуативного, вариативного, научно-теоретического и обыденного.

Дискурс часто рассматривается как язык в многомерном пространстве, погруженный в жизнь, в контекст, в ситуацию общения, который организован в соответствии с коммуникациями в различных сферах социальной жизни. Для анализа политического дискурса важны не только объективная оценка политико-экономической ситуации, но и оценка духовной сферы. Сознание индивида, качество населения, социальный капитал, ментальный контекст, ценности и оценки, формы общественного сознания, толерантность общества и его социальные институты – все это рассматривается как факторы, влияющие на политический дискурс.

Во многих работах в качестве существенных черт политического дискурса называются такие, как:

- 1) преобладание массового адресата;
- 2) доминирующий фактор эмоциональности и значительная доля фактического общения;
- 3) смысловая неопределенность, связанная с фантомностью ряда денотатов и фидеистичностью;
- 4) эзотеричность как результат использования манипулятивных стратегий, важнейшими из которых является эвфемизация, намеренная уклончивость и ссылки на слухи;

- 10 | 5) опосредованность политической коммуникации факторами масс-медиа;
- 6) театральность, необходимость политиков работать на публику, в связи с чем стоит проблема имиджа;
- 7) динамичность языка, обусловленная ситуационностью политических проблем [14].

Политический дискурс как знаковое образование включает в себя вербальные и невербальные знаки политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, типичные речевые действия и представления о типичных жанрах общения в области политики. В политическом дискурсе можно выделить три типа знаков, границы между которыми не являются четко фиксированными: 1) по выражению – вербальные и невербальные, 2) по коннотативной маркированности, 3) по характеру референции. Субъектно-деятельностная парадигма позволяет анализировать эволюцию прагматики знаков как семиотическое преобразование одного типа в другой.

Социоантропологический подход, описывая различные грани человека, помещает исследование политического дискурса в поле междисциплинарности, вследствие чего осуществляется согласование концептуальных схем разных наук. Именно такой подход соответствует тенденциям развития научного знания в постнеклассический период. Политический дискурс исследуется в традициях нелинейности и многомерности как феномена языка и одновременно – социально-антропологического явления во всем его многообразии. Интерес к такому исследованию политического дискурса обусловлен возрастающей ролью политических коммуникаций в современном мире, актуальностью влияния на сознание людей в противоречивом обществе, вследствие чего язык и дискурс стали рассматриваться как важнейшие социально-политические инструменты формирования личности.

Кроме социальных представлений, в русле политического дискурса необходимо исследовать и эмоциональные состояния, участвующие в процессе социального взаимодействия. Важнейшие проблемы политического дискурса – формы толерантности, консенсуса, доверия к институтам власти, психология войны и мира, терроризм, принятие политических решений, этнические и межгосударственные конфликты, восприятие партнеров по переговорам, внутривнутриполитическая жизнь – участие в политических институтах, движениях, проблемы дискриминации, формирование политической идентичности и др.

В свою очередь, в рамках социоантропологического подхода к политическому дискурсу осуществляется лингвистический анализ отражения социальной реальности, благодаря чему обогащается представление об эвристических функциях языка при описании когнитивных и прагматических структур поведения человека.

В работах авторов указываются *общечеловеческие характеристики* субъектов политического дискурса, к которым относятся:

- 1) роли и статусы;
- 2) оценка политико-гражданской позиции (благонадежность);
- 3) общественно-значимые достижения (известность);
- 4) мотивационные особенности деятельности (настойчивость);
- 5) качества человека как работника (ответственность);
- 6) характеристики образования и уровня знаний;
- 7) качества речевого поведения и коммуникаций;
- 8) черты моральности, духовности;
- 9) характеристика имманентных качеств человека (медлительный);
- 10) оценки человека и его качеств со стороны других людей (обаятельный) [22].

Дискурс при этом трактуется как форма социального поведения в широком смысле слова, что позволяет организовать его исследование в контексте различных видов деятельности и социальных миров, а не только коммуникативно-речевой активности субъекта.

Исследуются *стратификационно-групповые* особенности политического дискурса. Так, изучение доверия к социальным институтам среди российской интеллигенции показало, что общий уровень доверия к политическим институтам достаточно низок, отношение к президентской власти связано с ожиданием политики патернализма, вместе с тем констатируется уважение к политическому лидеру [10].

Человек в структуре политического дискурса анализируется как представитель определенных *политических взглядов*, как член партии [12]. Так, в дискурсе КППРФ отмечается достаточно медленное, постепенное и поэтапное формирование диспозиций по отношению к наднациональным и парламентским структурам Евросоюза.

Достаточно подробно исследованы особенности политического дискурса у разных *профессиональных групп* населения. В качестве существенных признаков политического дискурса среди военнослужащих выделяются тенденции к суггестивному доминированию над оппонентом, управление массовым сознанием, поддержка уже сложившихся порядков либо стремление утвердить новые политические правила игры [8]. Исследование особенностей политического дискурса в среде военнослужащих дает возможность приблизиться к решению проблемы структурирования военно-гуманитарного знания и его воздействия на сознание военнослужащих, анализировать отношение военных к кризисным явлениям в обществе, к реформе армии. Личностный, индивидуальный, мифологический аспект политического дискурса среди военнослужащих актуален для России, поскольку длительное время политическая коммуникация носила ритуальную, нормативную форму.

В зависимости от когнитивных процессов и профессионально-политической подготовки субъектов выделяются такие аспекты политического дискурса, как соотношение языков, интонаций, выбор терминологии, форм аргументации. Если адресант и адресат дискурса не являются профессионалами, то отмечается отсутствие институционального компонента, отсутствие многих терминов. И политической является лишь тема дискурса. Неформализованные тексты при этом отличаются короткими предложениями. Формализованный и неформализованный дискурсы отличаются также и использованием выразительных средств. Формализованный дискурс профессионалов больше использует метафору, эвфемизм, метонимию, а неформализованный дискурс непрофессионалов, отражающий обыденное сознание, в большей степени использует междометия, риторические вопросы, иронию и идиомы [1].

Исторический подход к исследованию политического дискурса учитывает установки и ценности разных эпох, поколений. В русле этого направления дается характеристика дискурсов прошлых времен, описание субъектов политической деятельности, принципов исторической, поколенческой герменевтики при трактовке политических событий. Достижения и факты эпохи трактуются как социально-политические коды в структуре современного дискурса [5].

Историческая линия анализа политического дискурса представлена исследованием семиотических систем прошлых лет, политических текстов, аудио- и видеозаписей с целью реконструкции образов политических деятелей, политических процессов и др. Так, королевский парадный портрет исследуется как текст-изображение в его знаковой функции и с собственными семиотическими свойствами. Анализ знаковых систем связан не только с сопоставлением современности и прошлого, но и с исследованием пересечения художественного и политического дискурса. Семиотика исторического портрета направлена на визуальную репрезентацию власти, которая направлена на создание и распространение образа идеального монарха, легитимность правления которого является обоснованной [3].

В рамках социоантропологического подхода подчеркивается важность индивидуального бытия прошлых эпох, частных миров личности. Однако индивидуальное бытие имеет множественную детерминацию, оно вариативно и индивидуально, уникально, поэтому именно в рамках этого подхода наиболее эвристично описывается такое качество политического дискурса, как его ситуационность. В работах авторов выделяются актуальные концепты политических дискурсов как отражение настоящего времени. Актуализированная концептуальная семантическая конструкция основана на ценностях, связана с метафорами и представляет собой иерархическую структуру, которая и определяет общую стратегию построения дискурса, основанную на его личностной рамке [18].

Индивидуально-личностное измерение политического дискурса представлено в исследованиях по психосемантике. Индивид, как носитель политического менталитета, рассматривается как субъект общественного процесса. Политический дискурс описывается через субъективные семантические пространства. Они рассматриваются как языковые обобщения, которые выступают как первичные дискрипторы, основания для оценки других явлений, и конструкты, которые интегрируются в категории-факторы. Категории-факторы изоморфны осям многомерного семантического пространства, личностные смыслы представлены как координатные точки внутри пространства. Именно они создают установки по поводу восприятия ментальных компонентов политического дискурса. В такой структуре учитывается также когнитивная сложность и мотивационная значимость признака, представленного в языке.

Психосемантика учитывает в политическом дискурсе:

- 1) удовлетворение индивидуальных желаний человека и его потребностей, прагматику поведения;
- 2) социальный пласт, роли и статусы человека как область «Я», которая распространяется на ближайшее окружение;
- 3) область символических конструкций, сферу языка и знаков, где идет борьба в ментальном, семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за доминирование картины мира;
- 4) потребности человека как активного субъекта, который стремится выйти за рамки собственного «Я» и обрести смысл бытия, соотносясь с вечными, общечеловеческими ценностями, выходящими за рамки индивидуальной жизни;
- 5) индивидуальность человека, которая проявляется через идентификацию с историей семьи, группы, страны;
- 6) веру как путь обретения смыслов, которая дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами [15, с. 20].

Индивидуально-личностный компонент политического дискурса исследуется в виде включения в него ценностей и отношений, которые выходят за узкие рамки политики. Так, дружелюбность как компонент политического дискурса может быть исследована на основе наиболее типичных конструктов, входящих в значение языка и его понятийные характеристики, которые отражают производство высокотехнологичных и высококачественных товаров в стране, мощь государства, предсказуемость политики страны, высокий авторитет страны на международной арене. Понятийно-оценочные структуры по таким параметрам строятся, как правило, на основе объективных данных статистики, а эмоциональная насыщенность оценок невелика и связана больше с эталонными оценками и установками. В то же время с позиции психосемантики в шкалу включаются такие личностные векторы отношения, как «Я одобряю внутреннюю политику этой страны», «Я одобряю внешнюю

14 | политику этой страны», «Я бы с удовольствием взял представителя этой страны на работу, если бы был работодателем», «Я бы хотел иметь друзей среди представителей этой страны», «Я хотел бы получить профессиональное образование в этой стране» [16, с. 43–44]. В таких параметрах оценки отражаются индивидуально-личностные миры, в которых живет человек и которые близки ему по приватности, сокровенности – это мир друзей, малые группы, близкие коллеги и др. Эмоциональный контекст таких оценок, как правило, отличается большим разнообразием и более глубокой погруженностью в чувственную ткань. Психосемантический подход к политическому дискурсу позволяет определить и степень единства оценок того или иного смыслового параметра. Подобные исследования показывают степень вариативности языковых значений под влиянием конкретных условий бытия личности. Значение подобных исследований состоит в глубинном анализе политического менталитета населения. Проведение политики основано как на понимании ценностей населения, так и на знаниях о психологических личностных профилях субъектов дискурса. Объективные характеристики субъектов политической деятельности дополняются мифологизированными структурами массового сознания, имиджевыми характеристиками, что в итоге дает возможность не только управлять политической деятельностью, но и прогнозировать ее результаты.

Психосемантика позволяет решать многие проблемы, связанные с политическим дискурсом. Прежде всего это построение семантических пространств политических союзов. Это дает возможность оценить степень идеологического единства, выделить сходства и различия разных политических партий. Семантическое пространство политических имиджей позволяет исследовать субъективные стороны политического дискурса, зависимость оценки имиджа от политической пропаганды, средств массовой коммуникации, политической рекламы. На основе семантического пространства индивида строится оценка электоральной мощности политических партий. В задачи психосемантики входит также выделение социально-демографического портрета электората. Возможна типологизация политического менталитета населения, при этом за основу берется построение общегрупповых семантических пространств. Этот аспект позволяет включить в структуру политического дискурса общественные настроения, учитывать не только сторонников политического лидера, но и его противников, и в этом смысле такая типология более развернута.

Акцент на изучение индивида, используемый в русле социоантропологического подхода, позволяет отказаться от исследования усредненного мнения населения в структуре политического дискурса, но делать предметом исследования идеологемы, политические конструкты. Психосемантика дает возможность исследовать динамику политического менталитета, при этом правомерно устанавливая генетическую взаимосвязь семантических про-

странств общества в разные времена. В методологическом плане описание семантических пространств политического дискурса при этом связывается не только с социоантропологическим, но и синергетическим подходом и концепцией диссипативности, поскольку речь идет о психосемантическом описании нелинейной динамики в системе политических процессов.

На основе психосемантики возможно исследование геополитических представлений населения как оценки внешней политики государства. В структуре политического дискурса при этом исследуются образы различных стран, геополитическая идентичность, отношение стран к России, этнические стереотипы, образы стран как субъектов международной политики, а также понятия и категории как базовая основа для политического восприятия стран. Средствами решения выступает построение семантических пространств, в которых в систему оценки включаются системные показатели общественного и индивидуального бытия – экономические, культурные, показатели политических свобод, принципов демократии, отношение к силовым структурам, религиозность.

С позиции социоантропологического подхода объясняется и включение в политический дискурс многих нетрадиционных жанров, отражающих его личностную вариативность и «эластичность». Речь идет о метафоризации современного политического дискурса, позволяющей строить и ретранслировать новые смыслы в политическую ментальность. Больше внимание уделяется таким жанрам, как карикатура, фельетон, политический юмор [6].

Социоантропологический подход предполагает исследование и *антропологического знания* как основы политического дискурса. В качестве социально-антропологических детерминант политического дискурса указываются этнокультурные характеристики народа, а в качестве важных антропологических проблем в политическом дискурсе – проблема меньшинств и их прав, их взаимоотношений с коренным народом, проблемы ксенофобии. Так, лидеры политических движений активно используют социально-антропологические знания, взятые из археологии, истории, этнографии и других наук. В контексте антропологического знания правомерно рассматривать и различные виды идентичности в обществе. Категории и классификаторы при описании человека, предлагаемые в социальных науках, часто используются в структуре политического дискурса. Человек в системе политического дискурса описывается на основе базовых понятий социальной антропологии как представитель расы, национальности, языка, происхождения, стратификационных признаков – имущества, собственности, образования, социального и ролевого статуса, политических установок и др.

В работах ряда авторов исследуются уровни и формы знания в структуре дискурса. С позиции социоантропологического подхода уровневый компонент политического дискурса выступает через описание различных

видов психологического отражения, благодаря чему политический дискурс исследуется в аспекте многостороннего влияния психологических факторов на политическое поведение и психологические состояния. Политический менталитет – базовое понятие, позволяющее исследовать различные грани включения политического дискурса в общественную жизнь. По мнению авторов, он включает в себя такие элементы, как картина мира, система ценностей и оценок, политические установки, проявляющиеся на сознательном и бессознательном уровнях стилевые особенности политической деятельности, стереотипы, метафоры, настроения ситуационного характера, имиджи, эмоции и чувства [15, с. 23].

В аспекте различий рационального и иррационального уровней политического дискурса исследуется стигматизация, которая искажает реальные признаки политических процессов и явлений и обуславливает формирование виртуальной социально-политической идентичности, что наблюдается при взаимодействии виртуального политического дискурса и процессов, связанных с социализацией индивида. Цифровая стигматизация исследуется применительно к виртуальным политическим дискурсам как механизм создания ценностей, смыслов, стереотипов и мифов, а также символов, воздействующих на сознание субъекта. В связи с этим рассматривается такая проблема политического дискурса, как наклеивание ярлыков и политическое мифотворчество [4, с. 119].

Стигматы в политическом дискурсе анализируются в контексте постмодернистского сознания и в связи с этим рассматривается проблема восприятия информации посредством мемов и мемокодов, выступающих в роли сигналов для интернет-пользователя о степени личностной важности информации для него и его ближайшего окружения.

Однако отмечается, что цифровые стигматы как средство политического дискурса могут исказить информацию о реальности и служить целям манипулирования сознанием личности, акцентировать внимание на отдельных характеристиках социально-политических событий в ущерб другим, вызывая веру в реальность псевдособытий в политике, что в итоге приводит к деформации и дерационализации политического сознания.

Культурологическое направление изучения политического дискурса представлено работами, исследующими особенности дискурса в разных странах, в различных культурах и субкультурах. Так, исследование когнитивных и лингвостилистических параметров выступлений президентов США позволило выявить индивидуальные особенности политического дискурса в виде структурно-композиционного и лингвокогнитивного членения [21, с. 163].

Культурологический аспект исследования политического дискурса в КНР показывает, что к его вариативным параметрам относятся онтологический, телеологический, культурно-идеологический, культурно-семиотический,

логико-аргументативный, коммуникативный и текстовый. Онтологический параметр связан с характеристиками власти в той или иной культуре, государственности, субъектов политики. Телеологический параметр связан с особенностями отношений доминирования-подчинения. Культурно-идеологический параметр дискурса отличается особенностями соединения современных политических доктрин с традиционными национальными ценностями. Культурно-семиотический параметр отличается семантической неопределенностью, латентностью и неверифицируемостью многих значений. Логико-аргументативный параметр связан с преобладанием форм прямой аргументации. Коммуникативный параметр связан с преобладанием массовости аудитории, гетерогенности коммуникации, активным использованием коммуникационных каналов. Текстовый параметр политического дискурса характеризуется гетерогенностью стилей, жанров и видов текстов [18]. От ценностей культуры зависит употребление метафор из разных предметных областей, вербальное представление феноменов политической жизни, сам процесс акцентирования связи ценностей и политической деятельности.

Исследуется взаимосвязь этнокультурной и политической идентичности личности в *региональном* аспекте. Отмечается, что сохранение этнической идентичности в регионе проявляется в процессах регионализации и архаизации политических процессов. Решение политических проблем во многом связывается общегосударственными органами власти и с активностью местных сообществ. В рамках политического дискурса большое значение имеет доверие субъектов. Как показывает исследование, большее доверие местного населения вызывает федеральная, а не региональная власть. Институциональное доверие возрастает от роста эффективности деятельности политических институтов, а также от повышения возраста и доходов граждан. Выделяются три вида политических ценностей – традиционные, либеральные и эгалитаристские, которые влияют на желательную модель партийной системы. Так, 28% опрошенных выступали за многопартийность, 27% – за однопартийность. Политический статус индивида сопоставлялся со степенью мотивационной заинтересованности в политической деятельности, которая в настоящее время считается низкой в регионе [20, с. 90].

В работах многих авторов рассматривается культурная вариативность содержания политического дискурса, выходящего за рамки узкополитических проблем, что также правомерно связывать с его индивидуализацией. Индивидуализация наблюдается также при решении множественных задач – достижения согласия, полемики и т.п. Индивидуализация содержания политического дискурса возможна и на основе включения в него театральных, спортивных метафор, метафорической репрезентации неполитических тем в политическом дискурсе различных стран и народов.

В культурологических исследованиях дискурса отмечается различие на уровне таких факторов, как возможности актуализации языковой личности

политика, актуализации фразеологических единиц, выражение стратегии единства, выражение текстодериватологических аспектов, параметры проявления феномена политкорректности, различия в концептуальных основаниях, прагматических и лингвистических особенностях политических реплик, указываются различия в медиадискурсах и «вербальном боулинге», интонационные особенности портрета политика и др.

С позиции социоантропологического подхода представляет интерес семантическая реконструкция личностных черт субъектов политики в *гендерном* аспекте. Гендерные стереотипы могут влиять на поведение избирателей, на политическое участие граждан в массовых демонстрациях. Во внешней политике гендерные стереотипы оказывают влияние на легитимизацию некоторых внешнеполитических решений, в частности, о начале вооруженной интервенции в другие страны [11, с. 249].

Было показано, что политический дискурс женского движения основан на таких концептах, как «женщины», «мужчины», «возможности», «гендерное равенство», «обеспечение равных прав и возможностей», «насилие», «дискриминация». Дискурс включал также понятия, связанные по своей семантике с телесностью, репродуктивными правами. При этом сохраняется относительная стабильность жанров. Отмечается общая направленность дискурса на демократизацию.

Особенностями социоантропологического подхода является выход на исследование социально-портретных характеристик множественных субъектов политического дискурса, что позволяет решать важнейшие практические проблемы. Следует отметить многомерность понимания самого имиджа, включающего не только визуально-образные характеристики, но и мыслительно-когнитивные, ментальные, деятельностные, мотивационно-личностные качества, ценностно-духовную сферу. Практическое значение имиджа в системе политического дискурса велико потому, что хотя имидж и обладает некоторой инвариантной частью, он достаточно изменчив под влиянием конкретики политической ситуации в целом и деятельности политика, поэтому в него постоянно вносятся изменения. В социологии политический рейтинг оценивается одномерно и односторонне. С позиции же психосемантики многомерность семантически-оценочных пространств позволяет оценить лидера во множестве его качеств, например, он может оцениваться как компетентный руководитель, но не имеющий необходимой политической воли, как хороший дипломат, но слишком склонный к компромиссам или слишком далекий от нужд простых людей, восприниматься как носитель харизмы, но не обладающий необходимыми знаниями в области экономики. Многогранность оценки дает возможность корректировать качества имиджа в политической рекламе, избирательной кампании.

Многомерность имиджа в подходах психосемантики рассматривается в зависимости от типа страны, исторического периода, конкретной политической ситуации, требований и ценностей самого электората, в зависимости от ранга и функций лидера, масштабности его деятельности. Структурное разнообразие имиджа оценивается в совокупности с его базовыми функциями – быть понятным, достаточно простым для анализа со стороны любых групп населения, содержать ограниченное количество параметров для оценки.

Психосемантика исследует политический дискурс со стороны глубинных представлений, которые мало осознаются и подвергаются рациональному, логическому анализу. В списки для психосемантических оценок включаются лидеры как настоящего, так и прошлого, при этом реализуется историческая линия анализа. В психосемантике для анализа предлагаются также лидеры-антиподы, которые вызывали как положительные оценки у собственного электората, так и резко отрицательные оценки у мировой общественности, что позволяет говорить о диалектическом подходе.

Параметры оценки в психосемантике содержат и политико-нормативный, и личностно-эмпатийный компонент. Так, в структуре имиджа политика оцениваются его вклад в развитие страны, опора на внутренние ресурсы и собственный потенциал, действия руководителя на международной арене, защиту населения, поддержку социальной справедливости в стране. Но одновременно исследуются такие качества, как обаяние, остроумие, хобби, открытость или закрытость, предсказуемость («себе на уме»), популизм, прагматика поведения, смелость в принятии решений, сила и яркость личности, метафоричность образа и его аналог («солдафон», «хороший актер», «хороший дипломат»), способность жертвовать собственными интересами ради общества [23]. Так, в оценках корейских студентов хороший лидер – прежде всего тот, кто проводит миролюбивую политику, делает акцент на права человека, является сильной личностью, способен пожертвовать своими интересами ради общества. В качестве отрицательных черт лидера назывались авторитарность, склонность к непродуманным решениям, авантюрам, национализм. В качестве наиболее целостных образов политиков, по мнению корейских студентов, можно назвать образ Б. Обамы, а также Пак Чон Хи.

Политический дискурс, представленный посредством построения многомерных семантических пространств, дает возможность воссоздать не просто однолинейное отношение к тому или иному политическому событию, но целостную картину мира индивида как представителя социальной группы, что позволяет вносить коррективы в политическую деятельность.

В русле политического дискурса дается сопоставление личности политика и дискурсивных качеств, распространенными являются работы по воссозданию речевого портрета политика [19]. Описывается типология речевых портретов, которая отражает следующее: 1) политика как «фигуру» со стороны его

характерологических, личностных качеств; 2) рефлексивные и оценочные характеристики политика в виде мемуаров, журналистских материалов; 3) портреты политиков в зависимости от их ранга и уровня; 4) портреты политиков в зависимости от их полноты и развернутости. Портреты могут относиться к одному семиотическому ряду вербального характера, но могут включать и несколько семиотических рядов, вербальный, визуальный и др.

Ряд авторов выделяет *возрастные особенности* политического дискурса, которые состоят не только в том, что люди разных возрастов имеют различную картину мира, но и в том, что они выбирают разные средства, воздействующие на нее. Так, старшее поколение использует газеты, телевидение, а молодежь – интернет-сайты и интернет-блоги. Возрастные параметры отражаются и на языково-дискурсивных характеристиках, передающих сообщение, к которым относятся лексика, интонация, нормативные признаки, прецедентные тексты [2].

Семантические исследования политического дискурса, ориентированные на анализ смысловых образований в микрокультурах и возрастных группах, позволяют определить вариативность индивидуальной системы значений, но в то же время поставить и границы индивидуализации и указать на степень сходства понимания политических событий. Так, студенты разных вузов по основным параметрам оценки почти одинаково охарактеризовали деятельность партии «Единая Россия». Было высказано мнение, что партия имеет ярких и волевых лидеров, ее авторитет в значительной степени обусловлен поддержкой президента, эта партия не является оппозиционной и не является «подобием КПСС». Эта партия, в оценках студентов, не выполняет своих обещаний и не помогает людям почувствовать уверенность в завтрашнем дне [7, с. 404]. Разница на микрокультурном уровне была небольшой – 10%, студенты-гуманитарии были более категоричны в своих оценках. Но сходство ответов дает основание отнести их в более общую группу – «студенческая молодежь», что в итоге позволило авторам сделать вывод, что исследование может использоваться при организации молодежной политики в стране.

Ценностные аспекты политического дискурса реализуются посредством интонационной организации концептуально значимой лексики. Ценностные основания политического дискурса исследуются в аспекте традиционализма и модернизма. При этом носителями изменений признаются экономически и социально активные возрастные группы. Однако процесс трансформации ценностей протекает достаточно медленно, что позволяет говорить о ценностной неопределенности, характерной для населения многих стран постсоциалистического пространства. Странники традиционализма характеризуются как субъекты, диспозиции которых связаны с наибольшей степенью доверия и межэтнической толерантностью. В региональном плане ценности исследовались на примере москвичей, которые занимали преимущественно

промежуточную ценностную позицию. Каждый третий москвич склонялся в пользу парламентского пути решения проблем [9, с. 52].

Выводы

Социоантропологический подход выявляет особенности политического дискурса, которые отражают прежде всего индивидуальное бытие человека. Политический дискурс исследуется в восприятии людей, которые выступают представителями различных групп – культурных, гендерных, профессиональных, возрастных, религиозных и др. Исследование когнитивных структур сдвигается на индивидуальную систему значений и смыслов, погруженных в эмоционально-чувственную ткань и отражающих ценности индивидуального бытия. Когнитивно-семантические и семиотические структуры, относящиеся к политическому дискурсу при всей их инвариантности, стереотипии и эталонности имеют разное индивидуально-смысловое звучание для субъектов, участвующих в политической деятельности. Политический нарратив, понимаемый как сверттекст, фрагменты которого отличаются общностью предметного содержания, правомерно рассматривать как аналог психосемантического пространства, исследованный с позиции лингвистики.

Использование социоантропологического подхода для анализа политического дискурса позволяет внести вклад в решение ряда проблем, связанных с дискурсом. Первая проблема – типологии и разграничения различных дискурсов. В литературе дискурс часто определяется как аналитическая концепция, определяемая целями, при этом указывается на важность социальных институтов и организаций в связи с общими требованиями к языку, используемому в различных сферах социальной жизни. На наш взгляд, типология дискурса определяется его соотносительностью с бытийными основаниями участвующих в нем субъектов. Множественная детерминация политического дискурса со стороны различных форм общественного сознания приводит к тому, что размываются четкие границы между политическим сознанием и другими его формами. Пересечение смысловых полей различных видов дискурса следует рассматривать как нормальное явление. Многомерность семантических и семиотических пространств, посредством которых дискурс описывается как сфера бытия личности, исключает догматически жесткую демаркацию видов дискурса.

Вторая проблема – уточнение объема понятия «политический дискурс». Так, анализ лексемы «политика» свидетельствует о вариативных значениях термина в разных ситуациях, культурах, языках и т.п. В одних случаях подчеркивается управление государством, деятельность органов государственной власти, зависимой от общественного строя и экономических отношений. В других случаях лексема связана с раскрытием понятия и функций государства. Термин «политика» характеризует и способ действия, деятельность

22 | институтов управления. Во многих работах этому термину дается философская интерпретация, близкая социологической.

На наш взгляд, можно ставить вопрос о дифференцированном определении лексем в разных науках, в различных аспектах, применительно к разным ситуациям человеческого бытия. При этом роль философской антропологии состоит в выполнении интегративной функции. Философия выделяет контекст деятельности человека в его социальном бытии, при этом рассматриваются такие сферы, как экономика, национальные отношения, демография, безопасность, право. Основанием для анализа лексем должны выступать не отдельные характеристики деятельности человека, а его целостное индивидуальное бытие, в которое эти характеристики включены. Эвристические возможности демонстрирует и социально-институциональный подход, делая акцент на совместной деятельности, общении людей и раскрывая уровни социально-институциональных структур.

Сопоставление лексем с бытийными характеристиками человека позволяет говорить как об универсалиях, так и о вариативности в понимании. Такая особенность политики, как способность интегрироваться с неполитическими общественными явлениями, исследуется в русле системного подхода в философской антропологии, полевого подхода при анализе языка. Различное понимание лексем выводит и на разные виды дискурса, а также на различные виды его жанра.

Социоантропологический подход позволяет оптимизировать описание векторов многомерности социального пространства, в котором функционирует язык политического дискурса, на основе бытийных характеристик человека. Как правило, за основу измерения того или иного семантического пространства берется вид предметной деятельности, ракурс, аспект, фрагмент предметного содержания дискурса. Однако многомерность по своей сути отражает целостное бытие человека, и его субъективным отражением выступает вся картина мира. Потребность анализа политического дискурса в контексте различных форм общественного и индивидуального сознания обусловлена прежде всего их включенностью в картину мира.

Третья проблема – анализ принципов структурирования политического дискурса. В литературе выделяются различные виды политического дискурса, такие как институциональный, аппаратный, дискурс в публичной сфере, политические мемуары, дискурс журналистов в прессе, СМИ, научный дискурс, интернет-дискурс и др. Субъект как участник множественных политических дискурсов рассматривается в аспектах формирования ценностей сознания, политической мотивации и деятельности, политической социализации. При этом проблема структурирования дискурсов связана с вычленением системообразующих факторов, оказывающих наибольшее влияние на состояние умов и деятельности людей. На наш взгляд, социоантропологический подход может

выступать достаточно эффективной методологией исследования структуры дискурса, делая акцент на индивидуальном бытии человека, смыслах и мотивах его деятельности в широком смысле, за пределами рамки политики.

Социоантропологический подход открывает новые перспективы исследования политического дискурса с позиции личности – как политиков, так и воспринимающей аудитории. Личностные и бытийные структуры становятся основой анализа структуры и функций политического дискурса с позиций целей человека, задач его деятельности. В этом аспекте дается оценка полемичности дискурса, претензии на истинность, лозунговости, метафоричности и др. Необходимость изучения индивидуальной системы значений политического дискурса выходит за границы выполнения задачи – учета целевой аудитории для политика. На наш взгляд, анализ индивидуальной системы значений в политическом дискурсе выполняет более широкие функции реконструкции целостных картин мира, лежащих в основе бытия субъектов, включенных в политический процесс. И речь идет не только о когнитивных, но прежде всего аффективно-смысловых структурах, лежащих в основе мотивов участия в политической деятельности. В литературе давно описан феномен восприятия политических категорий через экзистенциально-бытийные структуры, имеющие значение с позиции основных жизненных ценностей и чувств личности. Но индивидуальное бытие и смыслы обладают большой множественностью, вариативностью. Поэтому мы считаем, что для описания основных принципов политического дискурса с позиции социоантропологического подхода актуальны законы семиотики, приложимые к визуальному языку коммуникаций, который также носит глубоко личностный и достаточно вариативный характер. Язык визуальной психосемиотики, психосемиотические тексты обладают такими характеристиками, как simultaneity воздействия знаковых элементов, сочетание различных по функции знаков в едином тексте. Визуальная семиотика может значительно варьировать по степени осознанности, по соотношению основного текста и подтекста. Знаки включают условные и естественные, произвольные и символические, прямые, атематические, аситуативные компоненты. При этом сама знаковая система является открытой, в ней отсутствует жесткая определенность. Требованием к знаковой системе является определенная простота, позволяющая аудитории понять содержание текста. Одновременно семиотическая система обладает большой самобытностью [18, с. 94]. Однако эти же свойства обнаруживаются и у политического дискурса, рассматриваемого в границах социоантропологического подхода. Открытость семантических и семиотических пространств дискурса связана с множественностью политических действий, различием участников политической деятельности, различием задач, решаемых посредством дискурса. Эти факторы могут обеспечивать размытость границ знаковых систем и их текучесть, и в этом смысле неопределенность.

24 | Индивидуализированность восприятия политического дискурса обусловлена тем, что в его понимании активную роль играют личностные смыслы, относящиеся к индивидуальной системе значений. Требование простоты понимания задается посредством эталонных и стереотипизированных знаковых систем, составляющих «ядро» значений и закрепленное в культуре. Понимание и расшифровка политического текста, сопоставимого с бытийными, экзистенциальными структурами, достаточно ситуационно, соответствует актуальным потребностям, актуальной политической обстановке в стране. Дискурс всегда взаимодействует с другими дискурсами, имманентно включенными в них конструктами, что обуславливает наличие множественных точек зрения даже в рамках одного дискурса. Дискурс может быть основой для формирования новых форм политической деятельности, сам же дискурс постоянно меняется под влиянием других видов социального поведения, особенностей политической системы, ее институтов.

Системный социоантопологический подход к человеку как субъекту политического дискурса инициирует возникновение новых направлений в науке о языке, таких, в частности, как сопоставительная когнитивная лингвокультурология.

Список использованной литературы

1. Ансокова Д.В. Адресант и адресат как элементы англоязычного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2012, № 4. С. 80–84.
2. Борисова Е.Г. Лингвополитологические аспекты возрастных (эйджинговых) особенностей языка // Политическая лингвистика. 2020, № 1. С. 10–15.
3. Васильева Е.Г. Парадный портрет короля Франции Генриха IV как семиотический знак политического дискурса // Политическая лингвистика. 2018, № 4. С. 118–124.
4. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018, № 11. С. 117–121.
5. Зотова А.С. Факты эпохи как социально-политические коды современного медиадискурса // Власть. 2019, № 6. С. 126–131.
6. Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и культуры: Материалы III Международного научного конгресса. Симферополь: ИРИАЛ, 2018. С. 146–147.
7. Калита В.В., Маркин Е.Б. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» в представлении студенческой молодежи: семантический анализ (на примере курсантов отраслевого вуза и студентов-гуманитариев классического университета) // Мир науки, культуры, образования. 2018, № 2(69). С. 403–407.

8. Кошкин С.А. Специфика политического сознания военнослужащих // *Власть*, 2009, № 4. С. 99–102.
9. Кузнецов И.М. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // *Социологические исследования*. 2017, № 1. С. 47–55.
10. Кученкова А.В. Российская интеллигенция и институты: доверие или отчуждение // *Социологические исследования*. 2017, № 10. С. 113–121.
11. Ланко Д.А., Ланцова И.С. Жертвенность как гендерный стереотип в образе политического лидера: сравнение образов «жертв» импичментов 2016–2017 гг. Дилмы Русеф и Пак Кын Хе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. Т. 10. Вып. 3. С. 246–254.
12. Митрахович С.П. Отношения России и интеграционных партийных структур ЕС в дискурсе КППФ // *Власть*. 2019, № 5. С. 37–42.
13. Переверзев Е.В. Социокультурная детерминация политического дискурса современной КНР. Дисс. ... канд. философ. наук. Белгород, 2008.
14. Перельгут Н.М., Сухицкая Е.К. О структуре понятия «политический дискурс» // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2013, № 2. С. 35–41.
15. Петренко В.Ф. Политическая психосемантика // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2009, № 1. С. 18–28.
16. Петренко В.Ф., Митина О.В., Гладких Н.Ю. Психосемантика мягкой силы в геополитике // *Социологические исследования*. 2018, № 1. С. 40–51.
17. Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения. М.: Академия имиджологии, 2015. 320 с.
18. Политический дискурс в парадигме научных исследований / Под ред. Д.В. Шапочкина. Тюмень: Вектор-Бук, 2015. 203 с.
19. Руженцева Н.Б. Портреты политиков: типология и речевая организация // *Политическая лингвистика*. 2019, № 5. С. 57–63.
20. Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Асеева Т.А. Особенности и механизмы политической идентификации населения Республики Алтай // *Социологические исследования*. 2017, № 6. С. 85–94.
21. Шпетный К.И. Когнитивные и лингвостилистические параметры инаугурационного дискурса президентов США Дональда Джона Трампа и Джона Фицджеральда Кеннеди // *Вестник МГЛУ*. 2019, № 3 (819). С. 160–170.
22. Щетинина А.В. Характеристики человека в газетном дискурсе: опыт описания социальной лексики // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2018, № 8(62), ч. 2. С. 172–177.
23. Mitina O., Petrenko V., Papovyan M. Identifying key factors in the perception of political leaders // *XVI European congress of psychology 2019*. P. 487.

Novikova E. Yu.

*Grand Doctor of Philosophy, Full Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics
Novikovaelena77@yandex.ru*

SOCIOANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF POLITICAL DISCOURSE

The Socioanthropological approach developed in social philosophy and social anthropology is aimed at studying the mechanisms of interrelation between the system qualities of a person as an individual and the forms of his social existence. The methodology of the socioanthropological approach is based on the idea of reconstructing a person as a unity of biosocial, psychological, social-role, affective-emotional, reference-normative and situationally determined characteristics in the stylistic features of macrosocial behavior. Political discourse, considered on the basis of a socioanthropological approach, appears as a unity of normative and individual-personal, existential, immersed in different levels of mentality and sensory fabric. The study of political discourse from these positions allows us to come to such problems as determining the typology of discourse and its boundaries, the structure and hierarchy of discourse, the world picture of the subject of political activity.

Keywords: social anthropology, politics, discourse, language, person, individual, being, semantics, semiotics.

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
историко-филологического факультета
Челябинского государственного университета
shelestiuk@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Целью данной статьи является выявление и оценка методологического потенциала применения концептуального анализа в исследованиях политического дискурса, например, корпуса текстов, объединенных по какому-либо основанию: посвящённых той или иной тематике, относящихся к определенному моменту времени, принадлежащих определенным авторам и т. п. Контент-анализ и контекстуальный анализ политических текстов позволяют выявить и анализировать ядерные, вспомогательные и периферийные концепты, актуализируемые в этих текстах, а кластерный анализ позволяет группировать их в тематические/концептуальные поля.

Ключевые слова: семантическое пространство, концептосфера, контент-анализ, семантические нуклеусы, концептуальный центр, концептуальная периферия.

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью использования концептуального анализа в исследованиях политических текстов, с тем чтобы выявить их концептуальный состав, иерархию концептов, когнитивные особенности восприятия неких предметных ситуаций авторами. Количественно-качественный метод исследования, выявляющий повторение в ряде текстов определенных лексем и сочетаний лексем, то есть семантический анализ или контент-анализ с последующей интерпретацией (контекстуальным анализом), оптимален для исследования концептуального состава достаточно разнородных, хотя и обладающих референциальным единством текстов. Данный метод позволяет определить психологическое состояние, установки, интересы, ценности индивидов, групп и социальных институтов.

В статье описываются принципы концептуального анализа текста, кратко рассматривается теория концепта, концептосферы и концептуальных полей.

Цели исследования соотносятся с коммуникативными, когнитивными, психологическими и социологическими целями контент-анализа, которые в 1952 г. выделил американский исследователь Б. Берелсон: описание тен-

денций в изменении содержания коммуникативных процессов; описание различий в содержании коммуникативных процессов в различных странах; сравнение семантического (содержательного) наполнения СМИ; выявление используемых пропагандистских приемов; определение намерений и иных характеристик участников коммуникации; определение психологического состояния индивидов и/или групп; выявление установок, интересов и ценностей (и, шире, систем убеждений и «моделей мира») различных групп населения и общественных институтов; выявление фокусов внимания индивидов, групп и социальных институтов и др. (см. [20]). Контент-анализ политических текстов в совокупности с контекстуальным и кластерным/факторным анализами позволяет на основе полученных данных реконструировать эмотивное восприятие авторами тех или иных фактов, событий, персоналий; перспективу, ракурсы и фокусы их видения, детализацию «фона»; специфические концепты, символы и прочие компоненты картины мира.

Результаты и обсуждение

В качестве единицы, кванта содержания текста наиболее подходящим представляется понятие смысла. Понятие смысла многозначно: это и сигнификат (интенционал и импликационал, содержание) знака (Г. Фреге и последователи); и вербализованная мысль, выраженная автором в соответствии с прагматической целью в ходе речевой деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.); и культурно-символическая ассоциация понятия (например, Э. Бенвенист); и неявленный компонент содержания (пресуппозиция, импликация, инференция); и ассоциация, возникающая в контексте в результате взаимодействия форм и значений слов (ср. контекстуальное ассоциативное мультиплицирование сигнификатов, т. н. «сигнифициенция», или «игра означающих» по Р. Барту) [5].

В целом понимание смысла складывается в некую систему в зависимости от ракурса его рассмотрения: исходя из восприятия читателя/слушателя (ракурс адресата), исходя из порождения автором (ракурс адресанта), исходя из текста как такового (ракурс текста). В ракурсе адресата смысл предстает как значимая целостность, возникающая из совокупности значений слов и контекстов их употребления. Разнородные текстовые части сопоставляются и при этом типизируются как номинация, как денотат (референт, экстенционал), наконец, как смысл (сигнификат, интенционал). Если рассматривать процесс с противоположного ракурса, т. е. с ракурса адресанта, то смысл является продуктом установок, мотивов и категориальных конструкторов речепорождающего индивида: эти психические феномены порождают смыслы, затем индивид вербализует их, раскрывает их сущность с помощью языковых знаков, после чего эти смыслы воспринимаются непосредственным реципиентом. Если рассматривать смысл в ракурсе текста, то смыслы здесь проявляются как вербализованные единицы содержания, циркулирующие в интертекстуальной

коммуникации, претерпевшие репликацию и селекцию, зафиксированные в речи и языке в качестве лингвокультурных единств форм и значений [32, 33].

В высказывании/тексте смысл проявляется как совокупность трех содержательных аспектов знакового явления (в нашем случае – высказывания/текста): семантики, синтактики и прагматики. Анализ семантического пространства, семантической организации текста остается наиболее надежным и материально верифицируемым способом изучения текста. Важно, что изучение семантической организации текста одновременно преследует цель облегчить изучение всех аспектов содержания текста как знаковой системы, включая его синтактику (комбинаторику, «игру» языковых знаков в сочетании друг с другом) и прагматику (авторский коммуникативно-прагматический посыл).

В представлении о семантической организации текста имеется понимание важности макрокомпонентов содержания текста. Если на раннем этапе своего развития стилистика акцентировала преимущественно истолкование стилистического применения языковых и малых речевых единиц текста, то смещение интереса к стилистике текста обусловило важность изучения текстовых макрокомпонентов и макросмыслов, концентрацию на импликатурах и концептуальных структурах (например, [17]). При этом главенствующую позицию в упорядоченности макросемантических единиц занимает разработанное В. В. Виноградовым понятие образа автора, т. е. авторская языковая картина мира, субъективная модель объективной реальности, отраженная в тексте. Текст рассматривается как конструкция, созданная в ходе применения авторами своей особой системы кодифицирования, как языковое опредмечивание процесса коммуникации между адресантом и адресатом.

Осознание целостности смысла текста приводит к пониманию его концепции и заключенных в этом тексте концептов. В этой связи важным понятием при исследовании смысла текста является понятие «концепт».

Анализ происхождения термина «концепт» в научном дискурсе демонстрирует, что он был создан в рамках дискуссии об универсалиях. Концептуалисты во главе с Пьером Абеяром рассматривали универсалии как продукт познавательной деятельности человека, существующий помимо и над физическими явлениями. В настоящее время концепт рассматривается как единица когнитивной деятельности, обособляющая предмет или явление окружающего мира как дискретную единицу, имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурным своеобразием. Концепт имеет трехстороннюю сущность, находясь во взаимосвязи с окружающим миром как объектом отражения, с сознанием как с местом своего хранения и с языком как со способом репрезентации.

Объем понятия «концепт» объединяет в себе разные виды ментальных феноменов, которые упорядочивают информацию в сознании человека [26]. Понятия, представления, схемы, модели, образы, фреймы, сценарии, сте-

30 | реотипы, сцены, художественные картинки – все эти ментальные единицы включаются в понятие концепта.

К важным признакам концепта как идеализированной модели восприятия реальности относятся следующие:

- концепт – это потенциальный знак или знаковая структура человеческого опыта, отраженная в знаковых системах, прежде всего, в слове, в речи, в дискурсе;
- концепт есть средство усвоения содержания и трансляции знаний, это главная единица культуры;
- оптимальной моделью концепта является сфера и поля внутри нее, отсюда верно, что концепт обладает сферической и полевой структурой, он имеет ядро, ближнюю и дальнюю периферию; поля концепта пересекаются с полями других концептов [21].

Концептуальный механизм основан на принципе ассоциативности, смысловое/концептуальное структурирование управляется ассоциативными механизмами и логическими сетями. Рождаясь в сознании индивида, смыслы взаимодействуют, кристаллизуются и порождают финальный продукт на стадиях концептуализации и категоризации – концепты и категории. Одновременно с оформлением в ходе ментальной деятельности концепты вербализуются, выходят в языковую сферу, реплицируются и варьируются в разнообразных интертекстах.

В сознании концепт часто возникает как представление или образ. С повышением количества фиксированных признаков представление переходит из чувственной сферы в мыслительную. При этом показателем концептуальной оформленности и стереотипности концепта во многом является единство языковых выражений, т. е. номинации и вербализации, а номинированный и вербализованный концепт свидетельствует о выработке понятия. В основе концептов-представлений лежат (обобщенные) образы и схемы, нечеткие и способные меняться в ходе постижения автором внеязыковой реальности, а в основе концептов-понятий – осведомленность о мире в виде четких знаний.

Однако в культуре, в социуме в процессе научения происходит и наоборот: в том случае, когда представления о чем-либо нет, а образ чего-либо не воспринимается непосредственно, концепт создается в результате синтеза языковых выражений об этом предмете, а его образ воображается, представляется. Роль языка в формировании концептов очень велика, она определяется единством и большей или меньшей системностью знаний, которые выражает язык.

В ходе когнитивной деятельности вербализованный и наделенный именем концепт выполняет функцию обладателя и носителя смысла. Как упоминалось выше, концепт является инструментом прохождения мышления сквозь синкретическую природу представлений о реальности, дробя ее, делая

дискретной и упорядоченной. В рамках культурно-исторического дискурса концепт содействует культурной передаче смыслов. Благодаря интертекстуальному обмену субъективных знаний о реальности вербализованные смыслы транслируют концепты далее в соответствии с принципами когниции и коммуникации, принятыми в той или иной культуре.

Структура концепта выражается в его признаковой сфере, в образной сфере, включая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании, в его ассоциативных и этимологических характеристиках [7, с. 67]. В концепте проявляется соединение различных форм культуры, показывающих комплексное восприятие мира.

В настоящее время в структуре концепта общепринято выделять следующие компоненты: *образную сторону*, которая ограничена характеристиками органов чувств и восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус); в *понятийной, предметно-логической* стороне, тесно связанной с языковым выражением концепта, его обозначением и взаимосвязью с другими концептами; в *ценностной стороне*, которая показывает индивидуальную и коллективную важность, значимость концепта. Оценочная и, в конечном счете, ценностная сторона ментальной единицы является доминирующей в структуре концепта [11].

Выделяют следующие концептуальные сегменты:

- 1) «буквальный смысл»;
- 2) «внутренняя форма» или этимология концепта;
- 3) «пассивный», «исторический» сегмент;
- 4) новейший актуальный активный сегмент концепта;
- 5) эволюционно-семиотический ряд как исторически сложившееся напластование смыслов;
- 6) мета-позиция – «парение» над словами и вещами;
- 7) сфера абстрактных определений – граница познания концепта «сверху»;
- 8) сфера индивидуального опыта – граница познания концепта «снизу» [23].

Концепт обладает содержанием и смыслами. Содержание концепта в центре относительно стабильно и, подобно содержанию понятия, логически структурировано, на периферии же оно более динамично и разнообразно – оно во многом определяется закрепившимися интертекстуальными вербализациями этого концепта [29]. Смысл же концепта включает в себя как содержание языковых реализаций, так и ментальное содержание, не выраженное языковыми единицами [19, с. 39].

Здесь мы считаем необходимым сделать ремарку. Признавая наличие невербализованных, имплицитных смыслов концепта, мы считаем, что при анализе объемного текста или корпуса текстов для изучения концептов

необходимо и достаточно выявление вербализованных, эксплицитных со-держательно-смысловых составляющих концепта. Иначе говоря, если мы имеем дело с объемным текстом или корпусом текстов, то наиболее важным, фундаментальным для интерпретации, понимания и осмысления их концептуального состава является семантический анализ или контент-анализ, то есть статистический содержательный анализ семантического веса (семантической доминантности/зависимости), частотности и семантико-синтаксических связей лексем. Важность автоматизированных статистических методов такого рода обусловлена субъективностью как возможным недостатком вторичной интерпретации при отвлечении от текста: чем дальше интерпретирующий ум отодвигается от непосредственно явленных в тексте лексем, тем более отвлеченной и арбитрарной может быть интерпретация. Особенно это касается тех случаев, когда речь идет не о целостном произведении, а о корпусе текстов, обладающих меньшей целостностью. Поэтому концептуальный анализ обязательно должен сопровождаться валидизацией результатов в виде использования точных статистических методов, таких как семантический анализ, контент-анализ, кластерный анализ, факторный анализ и проч.

Мы согласны с Л. Г. Бабенко, что «содержание концепта формулируется в виде развернутой объемной дефиниции, включающей составляющие его смысловые компоненты: категориальные, инпретационные, ассоциативно-образные, оценочные, прагматические, модальные» [2, с. 40]. Все эти смысловые компоненты и описываются при интерпретации текста, исходя из контекстов вербализаций концепта, то есть их основных и сопутствующих имен, а также при кластеризации семантически связанных концептов.

Ментальные действия с когнитивными комплексами, каковыми являются концепты, происходят во время кодирования, вербального оформления и передачи прагматически обусловленных смыслов, а также во время декодирования, интерпретации, понимания и интериоризации (осмысления) переданных смыслов [30]. Важным этапом речепроизводства является вербализация. Вербализация смыслов позволяет «выводить на поверхность» мысли говорящего, полученные же таким образом тексты представляют собой материал для изучения актуализируемых смыслов и концептов. Изучение вербализации ментального основано на том, что язык в своей речевой ипостаси способен объективировать, обнаруживать механизмы исследования, обработки, категоризации действительности сознанием. Такого рода исследования позволяют изучать когнитивные и интуитивные условия актуализации и создания концепта.

Согласно Л. Г. Бабенко, главной единицей выражения концепта является абстрактное имя [2]. Мы не разделяем такую точку зрения, полагая, что абстрактным, обобщенным и собирательным именем обязательно должна быть обозначена категория, а концепт может выражаться и абстрактным,

и конкретным именем, в том случае если последнее наполнено культурным и символическим смыслом, ассоциативно насыщено, способно сообщать, помимо прямого значения, некие идеи. Итак, концепт, выраженный абстрактным или конкретным именем, – это единица содержания того или иного текста, суть которой раскрывается в ходе концептуального анализа.

Повторим, что изучение вербализованных в текстах смыслов и концептов начинается с семантического анализа (контент-анализа) текстов, выявления основных по весу, частотности и семантическим связям слов и анализа их контекстуальных смыслов. Одновременно анализируются прагматические смыслы слов и самих текстов. Таким образом, исследование концептов, отраженных в тексте, происходит при помощи анализа составляющих этот текст знаков в совокупности их семантической, синтаксической и прагматической сторон.

Отметим, что значение языкового знака и концепт как когнитивный комплекс первоначально – онтологически – не являются эквивалентными. Действительно в современной трактовке значение слова, как и понятие, имеет содержание и объем, предметно-понятийный центр (интенционал) и семантико-ассоциативный комплекс (импликационал) [16, 18]. Однако есть и ряд отличий.

Значение слова, помимо понятийного и концептуального содержания, отражает всю системно-языковую информацию, которая может оказывать ощутимое влияние на содержание, образ и оценку концепта. Так, этимон (внутренняя форма), фоносемантические характеристики, коллокации, часть речи и грамматические категории имени концепта могут влиять на восприятие самого концепта (например, грамматический род может переноситься на соответствующий концепт [31]). Явления языковой континуальности и лакунарности, т. е. сам факт наличия или отсутствия элементов лексико-семантических полей, обозначающих те или иные концепты, частей речи и грамматических категорий может влиять на концептосферу той или иной культуры. Концептуальные метафоры (натуральные, антропоморфные), регулярно актуализируемые тем или иным языком, также неизбежно влияют на восприятие соответствующих концептов говорящими на этом языке. Интертекстуальные и прецедентные высказывания, бытующие в том или ином языке, также влияют на содержание, образ и оценку концепта. Нельзя не учитывать и упомянутый выше фактор сигнифициции — порождения новых смыслов и ассоциаций в результате сочетания знаков, «игры означающих». Итак, влияние языковых факторов на значения языковых знаков, а через них – на концепты языкового сознания, имеет место быть.

Однако следует признать, что влияние предметно-логического содержания понятия и влияние концепта как элемента картины мира (проекции реального мира в сознании человека) на значение слова гораздо больше, чем обратное

влияние. Предметно-логическое содержание обеспечивает понимание информации о мире и, собственно, формирование когнитивных и ментальных способностей индивида. В целом, соотношение знаков и языкового сознания детерминировано онтологически, и языковой знак в единстве своего означающего и означаемого выступает формой существования языкового сознания. Значения — это ментальные комплексы, встроенные в схемы знания и мнения, это общепризнанные концептуализации. Также они «составляют неотъемлемую часть новых знаков, их можно трактовать как содержательную оболочку народного сознания, что является основанием утверждать диалектическое единство языка и знания» [1, с. 53–54]. Концептуальная структура текста или корпуса текстов шире семантической за счет безграничного потенциала динамической гносеологизации окружающего мира и соответствующих понятий.

Концепт — когнитивная суть языка, а слово — единица, появляющаяся на вербально-семантическом уровне как отражение меры владения языком. Слово показывает концепт не полностью, но «является способом подхода к концептуальному знанию: посредством слова можно подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, им непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы)» [25, с. 7–8].

Итак, концептуальная структура полностью не эквивалентна семантической структуре. Несмотря это, мы считаем целесообразным — хотя бы с утилитарной точки зрения, для удобства, объективности и валидности исследования — рассматривать эти структуры как условно эквивалентные. Кроме того, мы предполагаем, что значения слов имеют тенденцию онтологизироваться в соответствии с существенными содержательными признаками соответствующих понятий (концептов) и выравниваться в разных лингвокультурах в ходе непрерывного интертекстуального коммуникативного обмена и объективной гносеологизации.

Таким образом, оптимальным при анализе текстов, объединенных по общему временному, тематическому и проч. основанию, является первоначальный семантический анализ или контент-анализ. Наряду со значениями языковых знаков как системы, в ходе этого анализа изучаются речевые номинации этими языковыми знаками, рассматривается соотношение языкового и речевого (контекстуального) значений слова. В контексте значение языкового знака обновляется и превращается в смысловой знак, нередко существенно меняя основное значение. Наконец, анализируются и прагматико-коммуникативные цели употребления тех или иных имен и высказываний.

Как структурный элемент концептуальной системы концепт выражается комплексом семантических структур различного уровня сложности и абстрактности, образует свои области в семантической системе языка с помощью «семантических матриц», формирующих пространства его «ин-

терпретационного поля» [13]. Взаимосвязь концептуальной и лексической структур многоаспектна, и высказанная часть концепта может выражаться как в художественном тексте, так и в художественном дискурсе в виде объединения художественных концептов [19, с. 46–47]. Это применимо и к политическим текстам и дискурсу.

Выше отмечалась условная эквивалентность семантической и концептуальной структур текста. По своей сути, семантическая структура, или семантический состав, текста/корпуса текстов — это совокупность значимых языковых единиц, выстраивающих некую структуру на основании частотности, семантико-синтаксических связей и семантического веса. Концептуальная структура (состав) текста/корпуса текстов – это вербально выраженные концепты в текстах, так же, как и в предыдущем случае, выстраивающие структуру, иерархию.

Как отмечалось выше, оптимальной для описания семантической и концептуальной структуры текстов является модель *сферы* – т. е. концептосфера, которая структурируется в виде концентрических кругов. Предваряя дальнейшее рассуждение, заметим, что мы рассматриваем это понятие в узком смысле.

В целом концептосферу можно трактовать в широком и узком смысле. В самом широком понимании оно связано с познавательной возможностью, набором умений и мастерства, культурными навыками этноса и его представителей [15, с. 280–289]. Концептосфера образуется образами мира в сознании человека, т. е. образами объектов и ситуаций действительности. Исследование организации концептосферы национального языка в целом и отдельных элементов языковой картины мира направлено на поиск парадигмы концептов базового уровня, категоризирующих и концептуализирующих мир. Та часть концептосферы, которая выражена языком, формирует семантическое пространство языка. Семантическое пространство языка – область концептосферы, отраженная в языковых знаках. «Концепт задает основные параметры семантической программы, которую он реализует. Эта программа может модифицироваться при развитии концепта и «сворачиваться» при его разрушении или отмирании (угасающие концепты), переводя его в план семантической памяти слова» [19, с. 55]. Концептосфера способствует четкой организации концептуального динамичного пространства национального языка как комплекса осведомленности о реальности.

Узкое понимание концептосферы означает, что мы говорим не о языке или дискурсе в целом, а о тексте или корпусе текстов. Концептосфера такого сложного, но единого вербально-семиотического объекта, как текст/корпус текстов будет ограничена рамками материально выраженной словесной ткани. При этом в концептосфере текста отражается образ автора (в корпусе текстов – образы авторов), это главная стилевая характеристика произведения, «которая мыслится в его художественно-речевом выражении, в отборе

36 | и осуществлении в тексте соответствующих лексических и синтаксических единиц, в общем композиционном воплощении» [8].

Структуру концептосферы можно моделировать в виде концентрических сфер. В отношении этой модели у ученых есть единство, хотя существует определенная разница в терминологии: «центр», «ближняя периферия», «дальняя периферия» концепта (З. Д. Попова, И. А. Стернин), приядерная и периферийная зоны концепта (Н. Ф. Алефиренко).

Иерархическая структура концептосферы и семантического пространства текста такова. Центр структуры составляют макронуклеусы – главные концепты, понятия базового уровня и фреймы; они же наиболее частотные лексемы, имеющие в тексте/корпусе текстов максимальный семантический вес и наибольшее число семантико-синтаксических связей. Круг ближней периферии составляют нуклеусы – важные понятия, свойства и отношения, сопутствующие главным концептам; они же лексемы, сопутствующие главным значимым словам. Круг дальней периферии составляют «микронуклеусы», выражающие понятия, свойства и отношения, уточняющие единицы предыдущих кругов, и соответствующие лексемы.

Концептосфера текста/корпуса текстов формируется в виде сочетания когнитивных единиц разных типов: абстрактных (обобщенных, собирательных) понятий, концептов, интеллективных, эмотивных, оценочных (ценностных) понятий, духовных (анагогических) символов; конкретных понятий, когнитивных элементов базового уровня (прототипов), символических деталей, архетипических символов. Эти единицы можно обнаружить в любой из частей концептосферы – в ядре, в ближней и в дальней периферии. Семантическое пространство текста/корпуса текстов строится в виде лексем, обозначающих соответствующие когнитивные единицы.

Важной представляется не только сферическая, но и полевая модель сложного вербально-семиотического объекта. Концептуальная структура, обладающая ядерными и периферийными зонами, одновременно выражена в виде набора концептуальных/тематических полей – совокупности лексем и соответствующих понятий, системообразующим признаком которых является «определенный референциальный признак, получающий языковое воплощение в семантике слова, которое выступает как основное имя концепта» [10]. Иными словами, состав каждого конкретного концептуального поля, актуализируемого в тексте, определяется *референциально* и *тематически*, т. е. ситуационным (симультанно-фреймовым) и тематическим единством соответствующих концептуальных единиц, группирующихся вокруг основного концепта в той или иной тематике.

В тексте концептуальные поля опредмечиваются и полученное языковое опредмечивание порождает различные вербально-тематические и вербально-

семантические поля – комплексы языковых элементов, консолидированных схожестью содержания и показывающих понятийное подобие выражаемых феноменов. Вербально-семантическое поле составляют единицы гипо-гиперонимического типа, являющиеся одной частью речи, вербально-тематическое же поле составляют разные части речи, притом что и то, и другое характеризуется тематическим единством (см. работы Й. Трира, В. Порцига, А. Я. Шайкевича, Ю. Д. Апресяна, Г. С. Щур и др.). Концептуальное поле создается единством задаваемых концептом значений определенных языковых знаков в тексте. Также его можно рассматривать как крупное мыслительное формирование, в состав которого входят более малые виды когнитивных структур, формы ментальных выражений. Концептуальное поле и воплощающие его вербально-семантическое и вербально-тематическое поля сопоставимы с фреймовой структурой с мегафреймом и рядом вложенных субфреймов.

Обратимся к классификациям концептов. Существуют различные подходы к классификации концептов:

- по уровню абстракции – конкретные и абстрактные: конкретные концепты – базовые понятия, представляющие понятия предметной сферы (натуральные рода, артефакты, конкретные действия и процессы, свойства и признаки); абстрактные/обобщенные/собираательные концепты – отвлеченные категоризирующие понятия или обобщенные когнитивно-семиотические модели¹;
- по способу представления знаний, сложности и четкости структуры: мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, калейдоскопические и логически-конструируемые концепты, равные понятиям в их обычном понимании [4, с. 43–67], также представление, схема, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт [3], также фрейм, сценарий, сцена, когнитивная карта, концепт-схема, схема, пропозиция, гештальт, картинка, прототип и проч. [14, 19];
- по языковым способам репрезентации: лексические (включая конкретные лексико-семантические и лексико-тематические поля, концептуальные метафоры и метонимии) и композиционно-стилистические;
- по типу организации: одноуровневые, многоуровневые, сегментные;
- по типу носителей: общенациональные, групповые, индивидуальные;
- по потенциалу транслируемости;
- по образу функционирования в речи: угасающие, появляющиеся [12].

Список типов концептов можно продолжать и далее, поскольку способы организации выражения знаний весьма многолики.

¹ И конкретные, и абстрактные концепты могут иметь символическую составляющую, трансцендировать мировоззренческие смыслы.

Выводы

В своих текстах субъекты дискурса, включая политический дискурс, упорядочивают семантические единицы в соответствии со своей картиной мира – субъективной структурой объективной действительности. Со своей стороны, изучение семантической и концептуальной структуры текста способствует выявлению психологического состояния, интересов, ценностей, средоточия фокусов внимания авторов, а также самого общества. Точнее говоря, семантическое изучение корпуса текстов, отражающих определенные события и посвященных им, позволяет выявить концептуальную структуру и когнитивные особенности восприятия этих событий.

В настоящее время активно развиваются дисциплины концептологии и когнитивной стилистики, рассматривающие концептуальную структуру текста, когнитивные механизмы репрезентации информации в нем, актуализацию текстовых смыслов, кодирование ключей к их интерпретации/пониманию, когнитивное обоснование стилистических приемов и выразительных средств языка. Несмотря на значительные теоретические наработки в области этих дисциплин отечественными и зарубежными учеными, автоматизированные методы анализа текста остаются в них мало востребованными.

Автоматизированные методы (SEO, TextAnalyst, Лекта, Dedoose, ATLAS.ti, контент-анализ В. Шалака и проч. [9, 22, 34–36]) обрабатывают значительные массивы текстов, четко выявляя их семантический центр и периферию, ранжируя лексику по частотности, семантическому весу и семантико-синтаксическим связям, производя кластеризацию и факторизацию данных, что, в свою очередь, позволяет верифицировать и объективно раскрывать соответствующие концепты. Кроме того, эти методы позволяют осуществлять извлечение информации, семантическую выборку в текстах, например, эмотивной, оценочной лексики, маркеров мнений [6], терминологических единиц, производить идентификацию текстов, связанных с некой тематикой (например, исламской) [27, 28] и т. д.

Привлечение технологий, автоматизированных анализов к семантической обработке объемных текстов или корпусов текстов при исследовании актуализируемых в них концептов обеспечит объективность исследования и интерпретации политического дискурса.

Список использованной литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: Монография / Н. Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.

3. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семиология. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.
4. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 104 с.
5. Балашов Н. И. Проблемы референтности в семиотике поэзии / Н. И. Балашов // Контекст – 1983. Литературно-теоретические исследования. М., 1984.
6. Брунова Е. Г. Автоматизированный контент-анализ мнений трех предметных областей / Е. Г. Брунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12. Ч. 2. С. 43–47.
7. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.
8. Воробьева О. П. Стилистика текста / О. П. Воробьева // Стилистика английского языка : учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. Киев: Выща школа, 1991. С. 201–235.
9. Гегер А. Э., Гегер, С. А. Отечественные компьютерные программы для анализа качественных данных: Вега и TextAnalyst / А. Э. Гегер, С. А. Гегер // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: Сб. ст. по матер. XLVI междунар. науч.-практ. конф. № 2(43). Новосибирск: СибАК, 2015.
10. Долгова И. А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Долгова. Волгоград, 2006. 26 с.
11. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
12. Карасик В. И. Транслируемость концептов / В. И. Карасик // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г. В 2 ч. Ч.2. Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 17–19.
13. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
14. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград: «Перемена», 2002. 477с.
15. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 280–289.
16. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Наука, 1990.
17. Молчанова Г. Г. Семантика художественного текста / Г. Г. Молчанова. Ташкент: Фан, 1988. 163 с.

18. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. М., 1988. 168 с.
19. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. 2-е изд. дополн. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
20. Паршин П. Б. Контент-анализ // Энциклопедия «Кругосвет» / www.krugosvet.ru
21. Попова З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2001. 191 с.
22. Солошенко А. Н., Орлова, Ю. А., Розалиев, В. Л. Автоматизированный анализ новостного потока из сети Интернет с учетом семантики текстов / А. Н. Солошенко и др. // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. Вып. № 25 (152). Т. 22. С. 80–85.
23. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с., ил. (Единый гуманитарный мир / Культурология / Summa)
24. Стернин И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / Под ред. проф. Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 257–282.
25. Стернин И. А. Национальное коммуникативное поведение как предмет лингвистического и методического описания / И. А. Стернин // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. С. 5–10.
26. Стернин И. А. Психолингвистика и концептология / И. А. Стернин / URL <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-i-kontseptologiya>
27. Фаткулин Б. Г. Использование современных инструментов прикладной лингвистики для извлечения терминологических единиц (на примере обработки раздела «Афганистан» в китайской онлайн энциклопедии BAIDU) / Б. Г. Фаткулин // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. № 3 (12). 2013. С. 143–147.
28. Фаткулин Б. Г. Использование теории множеств в сравнительно-логических методах выделения текстов на исламскую тематику в процессе мониторинга сетевых ресурсов / Б. Г. Фаткулин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 13. № 3. С. 22–26.
29. Шелестюк Е. В. Представленность символа в структуре понятия / Е. В. Шелестюк // Mentalitat und Mentales / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2003. Ss. 32–45.
30. Шелестюк Е. В. Этапы и закономерности смыслового восприятия текста / Е. В. Шелестюк // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 2. ISSN 1812-3228, 2010. С. 85–90.

31. Boroditsky L. Linguistic relativity, in Nadel, L., Encyclopedia of cognitive science, London: Macmillan, 2003. P. 917–922.
32. Croft W. Explaining Language Change: An Evolutionary Approach. London: Longman, 2000.
33. Keller R. On Language Change: The Invisible Hand in Language. London: Routledge, 1994.
34. Advego – Семантический анализ текста онлайн, seo-анализ текста / © Адвего 2008–2016. URL: <http://advego.ru/text/seo/>
35. Istio – Семантический анализ текста онлайн / © Istio 2007–2015. URL: <http://istio.com/rus/text/analyz/#top>
36. TextAnalyst 2.0 – персональная система автоматического анализа текста / © 2001 Microsystems, Ltd. URL.: «[http://www.analyst.ru/ index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta](http://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta)

Shelestyuk E. V.

*Grand Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of theoretical and applied linguistics,
faculty of History and Philology,
Chelyabinsk state University
shelestiuk@yandex.ru*

CONCEPTUAL ANALYSIS OF POLITICAL TEXTS

The purpose of this article is to identify and evaluate the methodological potential of applying conceptual analysis in research of political discourse, for example, a body of texts United on some basis, for example, dedicated to a particular topic, related to a certain point in time, belonging to certain authors, etc. Content analysis and contextual analysis of political texts allow you to identify and analyze the nuclear, auxiliary and peripheral concepts that are.

Keywords: semantic space, conceptsphere, content analysis, semantic cores, conceptual center, conceptual periphery.

ЛЕГИТИМНЫЕ И НЕЛЕГИТИМНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ: К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ²

Проблема разграничения понятий 'легитимная и нелегитимная политическая практика' в современной отечественной науке рассматривается как вторичная по отношению к вопросу о разграничении легитимного и нелегитимного в политическом процессе. Это приводит к ее упрощению и к терминологической путанице – прежде всего в филологических исследованиях, когда понятия 'легитимного' и 'легального' не различаются и подменяют друг друга. В этой связи в данной статье, во-первых, дается классификация возможных статусов политических акторов с точки зрения их легитимности и нелегитимности, их легальности и нелегальности; во-вторых, предлагается применять характеристики легитимности и нелегитимности только к субъектам и адресатам политических дискурсивных практик, но не к содержанию речевого произведения, которое, однако, можно анализировать с точки зрения дихотомии «легальное – нелегальное». Результаты исследования позволяют совершенствовать понятийно-категориальный аппарат, применяемый сегодня в междисциплинарных исследованиях политических дискурсивных практик.

Ключевые слова: политический дискурс, легитимные политические дискурсивные практики, нелегитимные политические дискурсивные практики, легальное, нелегальное, легитимность власти, субъект политической дискурсивной практики, адресат политической дискурсивной практики, содержание речевого произведения политической дискурсивной практики.

Введение

В современном мире существенно трансформируются традиционные способы установления и обоснования легитимности власти. Это качественно меняет политический дискурс, осуществляемый как в привычных, тысячелетиями отработанных форматах, так и в новых, в том числе цифровых форматах. Усложнение политической организации общества в целом или отдельного государства в частности, появление новых форм институционального взаимодействия внутри этой организации приводит к необходимости совершенствования старых и возникновению новых политических

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00574.

дискурсивных практик. На этом фоне старые проблемы приобретают новое наполнение, требуют новых подходов, например, проблема соотношения легального и легитимного, проблема разграничения легитимных и нелегитимных политических дискурсивных практик и т.д.

В современной российской научной традиции вопросы, связанные с понятиями легального и легитимного, разрабатываются политологами, юристами и философами [2, 4–6]. Однако работ, в которых данные вопросы решались бы вместе с вопросами, касающимися различных аспектов политических дискурсивных практик, почти нет. Поэтому сегодня необходимо восполнить существующий разрыв между социально-политическими, философскими и т.д. исследованиями и филологическим анализом политических дискурсивных практик. Целью данной статьи является анализ проблемы разграничения современных легитимных и нелегитимных политических дискурсивных практик, исходя из их структуры, из различных статусов политических акторов, которые складываются из множества сочетаний легитимного и нелегитимного, легального и нелегального.

Результаты и обсуждение

В западной научной традиции легитимность сегодня понимается чаще всего «как специфическое состояние политической системы, где существующий порядок распределения (наделения) властью обеспечивает возможность направлять действия политических субъектов с минимальным использованием принуждения и насилия. Легитимность выступает в таком случае неким «горизонтальным» уровнем интеграции политических институтов» [4, с. 113].

По мнению современных отечественных исследователей, в российской науке вплоть до 90-х годов XX века термины «легальный» и «легитимный» использовали как синонимы, если речь не шла о зарубежных исследованиях проблемы легитимности. Это приводило к упрощению понятия «легитимность», к игнорированию ряда его существенных признаков и, как следствие, некоторых значимых составляющих этого сложного социального явления. С нашей точки зрения, необходимость разграничения этих понятий очевидна так же, как очевидна и их взаимосвязь. «Субъективная оценка обществом того, насколько законно организованы и функционируют институты власти, порядок принятия и исполнения ими решений, определяет степень легитимности власти. В то время как легальность является характеристикой того, насколько законны действия властных структур относительно норм, содержащихся в позитивном праве, т. е. объективной стороны» [2, с. 19]. При определении легитимности того или иного политического режима или политического актора всегда надо иметь в виду, что «идеальной легитимности (абсолютной поддержки населением) не бывает» [6, с. 7]. Политические субъекты постоянно должны прилагать усилия для поддержания своего авторитета. Это процесс, который нельзя завершить.

В современных идеальных моделях процесса легитимации утверждение права на власть того или иного политического актора часто обусловлено авторитетом и доверием, практически верой в то, что иначе быть и не может. Однако признавая данное положение, нельзя не задавать вопросы о том, что является причиной этого авторитета и каким образом происходит его нормативное закрепление. Преимущество и привлекательность легитимной власти заключается в том, что именно законным образом оформленное и утвержденное право на власть, то есть на применение принуждения и насилия для достижения своих целей, делает как принуждение, так насилие для большинства граждан лишь потенциально возможными, но не необходимыми. То есть чем основательнее закреплена легитимность данного политического порядка на уровне действующих законодательных норм, тем меньше сомнений в его справедливости и законности. Закрепленная в нормах закона легитимность придает власти легальный характер. А это влечет за собой в том числе и рост авторитета и доверия к представителям властной элиты. Таким образом, легальность и легитимность властных структур между собой тесно взаимосвязаны.

Следует отметить, что степень легальности власти определяется и тем, насколько эта власть признает верховенство закона, насколько готова в своих действиях и решениях руководствоваться действующими законодательными нормами, автором которых порой именно она же и является. Если же легитимная власть нарушает действующие нормы, постоянно их меняет, то сначала она рискует потерять свою легальность, а затем рано или поздно лишиться и авторитета, и доверия, то есть станет нелегитимной. И для того, чтобы хоть как-то продлить свое существование любой политической режим, потерявший свою легитимность вынужден будет опять «зарабатывать» авторитет и (если это возможно) доверие. Это применимо не только к политическому режиму в целом, но и к отдельным его субъектам.

И здесь мы возвращаемся к вопросу об источниках легитимности. «В прежние времена было проще: можно было заставить силой подчиняться силе. Сегодня приходится «уговаривать» другого признать внешнюю власть над ним, эмоционально и рационально доказывая ему необходимость и эффективность такого выбора. В идеале в ходе любой политической дискурсивной практики необходимо сделать так, чтобы принуждаемый вообще не замечал принуждения, а был убежден, что взаимодействие происходит исключительно на партнерских взаимовыгодных основаниях. Этим определяется характерный выбор форм политического дискурса, его специфическая риторика, особенности языковых конструкций в современном сетевом обществе» [7, с. 609]. В современных демократических (или позиционирующих себя как демократические) государствах авторитет и доверие редко достаются в силу традиции или посредством демонстрации силы.

Их надо завоевывать, прибегая, прежде всего, к рациональным способам и методам убеждения, но не забывая при этом и о всевозможных приемах риторического искусства.

Таким образом, получается следующая схема: тот или иной политический порядок сначала становится легитимным, затем происходит его закрепление в нормах права. Это делает его легальным. Все действующие по установленным законом правилам политические акторы и легитимны, и легальны. Если кто-то из политических субъектов начинает нарушать существующие законодательные нормы, то он лишается прежде всего, своей легальности и переходит на нелегальное положение. Но означает ли это, что он автоматически лишается и легитимности? С нашей точки зрения, бывает по-разному. Политический субъект, потеряв легальность, в силу определенных обстоятельств, например, таких как харизма лидера, проведение общественно значимых акций и др., может сохранить и даже иногда повысить степень своей легитимности. С другой стороны, часть политических акторов, лишившись своего легального положения и таким образом утративших возможность оказывать влияние на политические процессы, могут частично или полностью потерять свою легитимность.

Необходимо отметить, что нормотворчество всегда отстает от того, что происходит, например, в политической реальности. Когда в политике появляется новый актор, проходит какое-то время прежде, чем его статус будет закреплён на законодательном уровне, и он станет легальным. Иногда политический актор, приобретая легальный статус и покровительство властей, теряет часть авторитета и доверия общества, что приводит к снижению степени легитимности, а, возможно, и ее утрате.

Политических субъектов, взаимодействующих в одном политическом пространстве, можно классифицировать по следующим категориям:

1) легитимный и нелегальный (волонтерское движение в Российской Федерации до подписания соответствующего закона, первое юридическое определение добровольца (волонтера) было дано федеральным законом «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», подписанным президентом РФ Борисом Ельциным 11 августа 1995 года);

2) легитимный и легальный (Государственная Дума седьмого созыва);

3) нелегитимный и нелегальный (запрещенные на территории Российской Федерации организации, например, Межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия» (решение Московского городского суда от 19.04.2007 о запрете деятельности));

4) нелегитимный/частично нелегитимный и легальный (временно исполняющий обязанности Губернатора Хабаровского края М. Дегтярев, пользующийся поддержкой федеральной власти, но не обладающий доверием и авторитетом у народа).

Представители указанных классификационных категорий в процессе политической коммуникации создают различные виды политических дискурсивных практик, в том числе легитимные и нелегитимные. По мнению российских ученых, «представляется корректным относить к легитимным политическим практикам те дискурсивные акты, в которых хотя бы одна из трех его составляющих – субъект, адресат, содержание речевого произведения – принадлежит сфере политики» [3, с. 82]. В данном определении речь, однако, идет о разграничении политических дискурсивных практик от всех остальных. Вопрос об определении легитимности дискурсивной практики более сложный и многоаспектный, чем может показаться на первый взгляд. Зависит ли легитимность или нелегитимность практик от статуса субъектов их осуществляющих или от статуса адресатов? А может определяющим является содержание речевого произведения? И применима ли вообще к содержанию произведения характеристика «легитимное»?

Наиболее исследованным компонентом политических дискурсивных практик является содержание речевого произведения [1, 8 и др.]. Из статей, в которых рассматривается данное явление, можно сделать вывод о том, что авторы, решая вопрос о легитимности или нелегитимности исследуемой политической дискурсивной практики, пользуются следующим алгоритмом. Если в данном произведении нарушаются языковые нормы или действующие законы (например, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»), то вопрос о легитимности или нелегитимности данной дискурсивной практики решается однозначно, она признается нелегитимной. Однако, по нашему мнению, в таком случае терминологически более правильно было бы говорить о легальных и нелегальных дискурсивных практиках, если мы опираемся на определения легитимности и легальности данные выше. То есть по содержанию речевого произведения дискурсивные практики, в том числе и политические, следовало бы подразделять на легальные и нелегальные, соответствующие или нет действующим нормам и правилам. С этой точки зрения, субъекты, имеющие вполне легитимный статус, могут быть авторами нелегальных (в распространенной сегодня в российской науке терминологии – нелегитимных) политических дискурсивных практик, и наоборот, нелегитимные акторы могут выступать как субъекты легальных (в распространенной сегодня в российской науке терминологии – легитимных) политических дискурсивных практик.

Напомним, что «понятие “легитимности” характеризует способность социальных элит обеспечивать свое институциональное господство посредством эффективного использования «верований в моральные символы, священные эмблемы и юридические формулы»» [4, с. 116]. Формирование этого «верования» в современном обществе, после перехода к целерациональной легитимации (по терминологии М. Вебера) осуществляется во всех многообразных формах политического дискурса, в непрерывающемся диалоге

между властью и народом, где (благодаря самым разным причинам – повышение уровня образования, повышения общей политической грамотности населения и т.д.) степень рациональности нарастает, где требуются все более изощренные рациональные аргументационные стратегии и тактики, где становится все сложнее манипулировать мнением «масс», где практически невозможно скрыть какую-то информацию. Поэтому в борьбе за власть, как показывает практика, большинство политических акторов склонны использовать любые средства и методы, особо не различая носят ли они легальный или нелегальный характер, если, конечно, за их использованием не следует уголовное наказание. Наделенный властью в рамках данной политической системы субъект порой более склонен к использованию нелегальных приемов в политической коммуникации, так как считает себя, с одной стороны, защищенным самой принадлежностью к властвующей элите, делающей его безнаказанным. С другой стороны, вполне законное право менять и формировать новые нормы и ценности создает у таких политических субъектов иллюзию абсолютной относительности любых правил и их необязательности для избранных.

Таким образом, и субъект, и адресат, и содержание речевого произведения любой политической дискурсивной практики могут быть охарактеризованы в терминах легального и нелегального. Но только к субъекту и адресату политической дискурсивной практики применима дилемма «легитимный-нелегитимный». При этом получается достаточно большое количество вариантов, в которых иногда довольно сложно определяется легитимность или нелегитимность политической дискурсивной практики.

Используемые сокращения:

1. ПДП – политическая дискурсивна практика.
2. СРП – содержание речевого произведения.
3. Л – легитимный.
4. НЛ – нелегитимный.

Таблица 1

***Возможные сочетания характеристик компонентов
политических дискурсивных практик***

№	ПДП		Субъект ПДП				Адресат ПДП				СРП ПДП	
			легальн.		нелегальн.		легальн.		нелегальн.		легальн.	нелегальн.
	Л	НЛ	Л	НЛ	Л	НЛ	Л	НЛ				
1	+		+				+				+	
2	+			+			+				+	
3	+		+					+			+	
4	?	?		+				+			+	
5	?	?	+				+					+

6	?	?		+			+					+
7	?	?	+					+				+
8		+		+				+				+
9	+				+		+				+	
10	+					+	+				+	
11	+				+			+			+	
12	?	?				+		+			+	
13		+			+		+					+
14		+				+	+					+
15	?	?			+			+				+
16		+				+		+				+
17	+		+						+		+	
18	+			+					+		+	
19	+		+							+	+	
20	?	?		+						+	+	
21	?	?	+						+			+
22		+		+					+			+
23		+	+							+		+
24		+		+						+		+
25	+				+				+		+	
26	+					+			+		+	
27	+				+					+	+	
28	?	?				+				+	+	
29		+			+				+			+
30		+				+			+			+
31		+			+					+		+
32		+				+				+		+

1) легальный/легитимный субъект + легальный/легитимный адресат + легальное содержание речевого произведения (действующий президент обращается с речью к Федеральному собранию);

2) легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) субъект + легальный/легитимный адресат + легальное содержание речевого произведения (утративший доверие народа и президента губернатор обращается за отставкой к последнему);

3) легальный/легитимный субъект + легальный/нелегитимный адресат (или частично нелегитимный) + легальное содержание речевого произведения (президент дает официальный ответ утратившему доверие губернатору);

4) легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) субъект + легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) адресат + легальное содержание речевого произведения (два утративших доверие и у народа, и у вышестоящей власти губернатора ведут между собой беседу о посевной);

5) легальный/легитимный субъект + легальный/легитимный адресат + нелегальное содержание речевого произведения (руководители двух парламентских партий ведут диалог на телевидении с нарушением языковых норм и закона о СМИ);

6) легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) субъект + легальный/легитимный адресат + нелегальное содержание речевого произведения (обращение с нарушением норм коммуникации потерявшего доверие губернатора к главе регионального парламента);

7) легальный/легитимный субъект + легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) адресат + нелегальное содержание речевого произведения (ответ с нарушением норм коммуникации главы регионального парламента потерявшему доверие губернатору);

8) легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) субъект + легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) адресат + нелегальное содержание речевого произведения (диалог утративших доверие народа губернатора и руководителя поддерживающей его политической партии между собой с нарушением норм коммуникации);

9) нелегальный/легитимный субъект + легальный/легитимный адресат + легальное содержание речевого произведения (обращение руководителей волонтерского движения к президенту с просьбой о разработке закона, регламентирующего деятельность волонтерских организаций);

10) нелегальный/нелегитимный субъект + легальный/легитимный адресат + легальное содержание речевого произведения (лидер запрещенной на территории данного государства политической организации обращается к руководству страны с предложением, которое носит конструктивный характер, не нарушает языковые нормы и законы, например, с информацией о самороспуске);

11) нелегальный/легитимный субъект + легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) адресат + легальное содержание речевого произведения (представитель еще незарегистрированной, но уже имеющей большое количество сторонников политической организации обращается в СМИ к утратившему доверие руководителю региона);

12) нелегальный/нелегитимный субъект + легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) адресат + легальное содержание речевого произведения (лидер запрещенной политической партии разговаривает о положении в стране с лидером утратившей доверие и власти, и народа парламентской политической партии, при этом все нормы соблюдены);

13) нелегальный/легитимный субъект + легальный/легитимный адресат + нелегальное содержание речевого произведения (лидер новой, еще незарегистрированной политической организации выясняет отношения с пользующимся уважением лидером парламентской партии в телеэфире с нарушением норм коммуникации и закона о СМИ);

14) нелегальный/нелегитимный субъект + легальный/легитимный адресат + нелегальное содержание речевого произведения (лидер запрещенной в данной стране политической организации выступает с требованием, в котором нарушены и нормы коммуникации, и действующие в стране законы, к руководству страной);

15) нелегальный/легитимный субъект + легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) адресат + нелегальное содержание речевого произведения (лидер новой, пока не зарегистрированной, но пользующейся поддержкой у народа политической партии выясняет отношения с утратившим доверие руководителем региона, нарушая при этом нормы коммуникации и т.д.);

16) нелегальный/нелегитимный субъект + легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) адресат + нелегальное содержание речевого произведения (лидер запрещенной политической партии выясняет отношения с лидером утратившей доверие и власти, и народа парламентской политической партии, нарушая при этом нормы коммуникации и т.д.);

17) легальный/легитимный субъект + нелегальный/легитимный адресат + легальное содержание речевого произведения (ответ президента страны на обращение руководителям волонтерского движения, которое пока не обладает легальным статусом);

18) легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) субъект + нелегальный/легитимный адресат + легальное содержание речевого произведения (лидер утратившей доверие парламентской политической партии обращается с предложением об объединении к лидеру нового, еще незарегистрированного политического движения);

19) легальный/легитимный субъект + нелегальный/нелегитимный адресат + легальное содержание речевого произведения (руководитель государства предупреждает лидера запрещенной политической организации о возможных последствиях деятельности этой организации);

20) легальный/нелегитимный (или частично нелегитимный) субъект + нелегальный/нелегитимный адресат + легальное содержание речевого произведения (лидер потерявшей доверие парламентской фракции выступает с обращением к лидеру запрещенной политической организации);

21) легальный/легитимный субъект + нелегальный/легитимный адресат + нелегальное содержание речевого произведения (лидер парламентской политической партии выясняет отношения, нарушая нормы коммуникации, с лидером новой, но незарегистрированной политической организации);

22) легальный/незаконный (или частично незаконный) субъект + незаконный/законный адресат + незаконное содержание речевого произведения (лидер утративший доверие политической партии выясняет отношения, нарушая нормы коммуникации, с лидером новой, но незарегистрированной политической организации);

23) легальный/законный субъект + незаконный/незаконный адресат + незаконное содержание речевого произведения (лидер парламентской политической партии выясняет отношения, нарушая нормы коммуникации, с лидером запрещенной политической организации);

24) легальный/незаконный (или частично незаконный) субъект + незаконный/незаконный адресат + незаконное содержание речевого произведения (лидер потерявший доверие парламентской фракции выясняет отношения, нарушая нормы коммуникации, с лидером запрещенной политической организации);

25) незаконный/законный субъект + незаконный/законный адресат + законное содержание речевого произведения (два лидера новых, пока незарегистрированных политических организаций ведут переговоры о сотрудничестве);

26) незаконный/незаконный субъект + незаконный/законный адресат + законное содержание речевого произведения (лидер запрещенной политической партии обращается к лидеру нового, пока незарегистрированного политического движения с предложением о сотрудничестве по ряду вопросов);

27) незаконный/законный субъект + незаконный/незаконный адресат + законное содержание речевого произведения (лидер новой, пока незарегистрированной политической организации отвечает лидеру запрещенной политической партии на его предложение о сотрудничестве);

28) незаконный/незаконный субъект + незаконный/незаконный адресат + законное содержание речевого произведения (два лидера запрещенных политических партий обсуждают политический режим в стране);

29) незаконный/законный субъект + незаконный/законный адресат + незаконное содержание речевого произведения (два лидера новых, пока незарегистрированных политических организаций выясняют отношения в телеэфире с нарушением норм коммуникации, закона о СМИ);

30) незаконный/незаконный субъект + незаконный/законный адресат + незаконное содержание речевого произведения (лидер запрещенной политической партии выдвигает ряд претензий лидеру нового, пока незарегистрированного политического движения, нарушая при этом нормы коммуникации);

31) незаконный/законный субъект + незаконный/незаконный адресат + незаконное содержание речевого произведения (лидер новой, пока незарегистрированной политической организации отвечает лидеру запрещенной политической партии на его претензии, также нарушая нормы коммуникации);

32) нелегальный/нелегитимный субъект + нелегальный/нелегитимный адресат + нелегальное содержание речевого произведения (два лидера запрещенных политических партий обсуждают политический режим в стране, нарушая нормы коммуникации).

Выводы

Выводы, которые можно сделать на основании составленной таблицы и при положительном ответе на вопрос относительно возможности политической дискурсивной практики обладать легитимным или нелегитимным характером:

1. В трех случаях, когда субъект и адресат легальны и легитимны, когда хотя бы один из них имеет такой характер и когда только легален или легитимен субъект в сочетании с легальным характером речевого произведения, можно в целом характеризовать политическую дискурсивную практику как легитимную.

2. Нелегальный характер содержания речевого произведения в большинстве случаев в сочетании с субъектом и/или адресатом, имеющими нелегальный и/или нелегитимный характер, обычно делает всю дискурсивную практику нелегитимной. Сложности начинаются, когда при нелегальном характере содержания речевого произведения, во-первых, субъект и адресат имеют легальный характер, во-вторых, субъект нелегальный и легитимный, а адресат легальный и нелегитимный, и, в-третьих, субъект легальный и легитимный, а адресат нелегальный и легитимный.

3. При одновременной легальности, но нелегитимности субъекта и адресата и при легальном характере речевого произведения возникают сложности с определением характера дискурсивной практики, которые, возможно, можно преодолеть, дополнив процедуру определения легитимности или нелегитимности данной политической дискурсивной практики анализом, например, экстралингвистических факторов коммуникации.

Таким образом, определение легитимности или нелегитимности дискурсивной практики, с нашей точки зрения, не зависит от одного фактора или критерия. Здесь существуют гораздо более сложные зависимости и корреляции, для выявления которых необходим комплексный анализ всех компонентов политической дискурсивной практики, но и этого может оказаться недостаточно. Поэтому при изучении любых дискурсивных практик, в том числе и политических, наиболее эффективными могут оказаться именно междисциплинарные исследования, позволяющие описывать существенные особенности политического дискурса с учетом того, что он является лишь одной из составляющих политической системы.

Список использованной литературы

1. Афанасьева Э.М. Русская литературная классика в выступлении их современных политиков // Полный разума русский язык: Материалы

XX Юбилейной научно-практической конференции (28–31 мая 2018 г.) / Под общей редакцией: Mara Sukholutskaya, CARTA President, Professor, Director of Russian Studies and Global Education, East Central University, Ada, USA Adrienne M. Harris, Ph. D. in Slavic Languages and Literatures, Department of Modern Languages and Literatures, Baylor University, Associate Professor, Waco, USA М. А. Осадчий, проректор по науке Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина А.С. Хехтель, директор департамента научной деятельности Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. 2018. С. 11–17.

2. Безкоровайная Ю.Е. К вопросу о понятиях «легальность» и «легитимность» государственной власти в теории права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 2 (23). С. 15–21.

3. Боженкова Н.А., Катышев П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 3, С. 76–92.

4. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта. // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 113–131.

5. Сабиров Х.Ф., Гайнуллина Ф.И. Легитимность и легальность политической государственной власти: теоретический анализ // Труд и социальные отношения. 2012. № 3. С. 120–126.

6. Смокотнина Т.В. Легитимность и легальность государственной власти // Современное право. 2009. № 7. С. 6–7.

7. Чернышева Е.Н. Аксиологические компоненты легитимных и нелегитимных русскоязычных политических дискурсивных практик. // Научно-практические материалы II Всемирного конгресса «Запад–Восток: пересечения культур», 2–6 октября 2019 г. Япония, Киото, 2019. С. 605–611.

8. Щербаков А.В. Стилистические фигуры как средство реализации коммуникативных стратегий в политическом дискурсе // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме «Восток–Запад: пересечения культур»: Научно-практические материалы II Всемирного конгресса. 2019. С. 346–351.

Chernysheva E. N.

Doctor of Philosophy, Associate Professor,

Head of Department of Social and Humanitarian Disciplines,

Pushkin State Russian Language Institute

ENChernysheva@pushkin.institute

LEGITIMATE AND ILLEGITIMATE POLITICAL DISCOURSES: THE PROBLEM OF DISTINGUISHING

The problem of distinguishing the concepts of legitimate and illegitimate political practices in modern Russian science is considered as secondary to the issue of distinguishing the legitimate and illegitimate phenomena in the political

54 | process. This leads to its simplification and terminological confusion, especially in philological studies, when scientists do not distinguish the concepts of legitimate and legal and replace them with each other. Firstly, the author of this article gives a classification of possible statuses of political actors in terms of their legitimacy and illegitimacy, their legality and illegality. Secondly, it is proposed to apply the characteristics of legitimacy and illegitimacy only to the subjects and recipients of political discursive practices, but not to the content of a speech work, which, however, can be analyzed from the point of view of the «legal-illegal» dichotomy. The results of the research allow us to improve the conceptual and categorical apparatus used today in interdisciplinary research of political discursive practices.

Keywords: political discourse, legitimate political discursive practices, illegitimate political discursive practices, legal, illegal, legitimacy of power, subject of political discursive practice, recipient of political discursive practice, content of a speech work of political discursive practice.

Маслова В.А.

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры дошкольного и начального образования
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова,
профессор кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций
Витебского филиала Международного университета «МИТСО»
mvavit@tut.by*

Дединкин А.Л.

*кандидат исторических наук, доцент,
директор Витебского филиала Международного университета «МИТСО»
aleksandrdedinkin@yandex.ru*

Лавицкий А.А.

*кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
иностраннных языков и межкультурных коммуникаций
Витебского филиала Международного университета «МИТСО»
anton_lavitski@mail.ru*

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ КАК ФАКТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

Данный раздел исследования посвящен выявлению особенностей восприятия власти в языковом сознании белорусов. Исследовать специфику власти по материалам можно при условии принятия следующей гипотезы: языковая система суть подсистема государства. В нашей работе как раз и содержится попытка с помощью языка увидеть, как сейчас воспринимается власть в обществе, каковы основные векторы ее оценки молодежью. В статье исследуется характер власти, ее специфика, механизмы управления массами с помощью языка с точки зрения современной теории, принятой в политической лингвистике. Теоретическая часть состоит из 4 разделов: 1) политическая лингвистика на службе у власти; 2) власть политическая; 3) власть права; 4) власть языка в политике. Практическая часть статьи посвящена исследованию гражданской активности белорусской студенческой молодежи в ее отношении к власти (5). Нами был проведен ассоциативный эксперимент, в результате которого установлено, что белорусская молодежь достаточно аполитична: среди полученных ассоциативных реакций, несмотря на наличие слов с семантически негативным значением, незначительное их число тематически связано с политикой. Молодежь терпит власть как

56 неизбежное зло, но это основа государства, и потому она принимается без любви, а как необходимость.

Ключевые слова: политическая лингвистика, власть политическая, власть права, власть языка в политике, ассоциативный эксперимент.

Введение

Мы живем в мире политики, даже если не хотим этого. Борьба за власть – основа всякой политики, а стремление к власти заложено в самой человеческой природе, что, к счастью, проявляется не в каждой личности. Таким образом, *власть* – это культурная социально-значимая константа. Интерес к ней ученые проявляли еще в античности. Так, Платон, создавая образ Совершенного государства, считал, что оно должно быть справедливым, соответственно, власть должна быть принципиальной, справедливой и совестливой. Было доказано, что *власть* – сложное и динамичное ментальное образование.

В открытом обществе вопросы власти активно обсуждаются, причем решение многих проблем зависит от того, насколько и как они репрезентированы языком, как они интерпретированы в языке.

Исследовать характер власти, специфику, механизмы управления масса-ми можно с помощью языка, если принять следующую гипотезу: языковая система суть подсистема государства. В нашей работе как раз и содержится попытка с помощью языка увидеть, как сейчас воспринимается власть в обществе, каковы основные векторы ее оценки.

Ответить на данные вопросы мы и попытаемся в данной части коллективной монографии, которая состоит из нескольких параграфов:

1. Политическая лингвистика на службе у власти.
2. Власть политическая.
3. Власть права.
4. Власть языка в политике.
5. Гражданская активность белорусской студенческой молодежи в ее отношении к власти.

При этом многие интересные вопросы оказываются незатронутыми – *духовная власть, власть умов, власть и народ, власть как риторическое понятие* и др., ибо нельзя охватить все в одном монографическом исследовании. Нужны дальнейшие исследования, способные решить названные проблемы.

Результаты и обсуждение

1. Политическая лингвистика на службе у власти

В настоящее время можно утверждать, что сбылось пророчество Э. Сепира, который писал в середине прошлого века: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец поняли, что мо-

жет означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [25, с. 237–238].

Сейчас можно констатировать, что для всей современной науки, в том числе и гуманитарной, характерно новое мировоззрение – синтезирующий, интегративный, трансдисциплинарный подход, объединяющий методы и достижения ряда наук. И в этом плане появление политической лингвистики, юрислингвистики, лингвокультурологии и других интегративных направлений, затрагивающих проблемы человека и его языкового сознания, языка в человеке, культуре, обществе и им подобные, закономерно и своевременно.

В интересующей нас области современный язык демонстрирует широкое использование политики: *бизнес-политика, экономическая политика, правовая политика* и т.д. Все они вписываются в современные требования науки – синтез, интеграция наук, что позволяет получить новые знания в каждой из объединяющихся наук, но которые не могли быть выявлены в каждой из них в отдельности, так как в каждой конкретной науке сильно давление традиции.

Из истории возникновения. Политическая лингвистика – относительно молодая отрасль языкознания. Как самостоятельное направление она начала оформляться в середине XX в. на основе изучения политического языка советской эпохи (например, языка Ленина) и языка Третьего Рейха.

Затем идеи политического дискурса (и неразрывно связанного с ним дискурса СМИ) развивались западными лингвистами, среди которых можно назвать Т. ван Дейка, П. Хилтона, Р. Водак, Р. Харта, Р.Т. Лакофф, Э. Ле, П. Серио, Р.М. Блакара, Р. Харта, С. Льюкса и др. Значительный вклад в развитие политической лингвистики внесли русские лингвисты А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.Г. Казакевич, В.И. Карасик, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, Е.И. Шендельс и др. В 2003 году было опубликовано первое учебное пособие на русском языке по данной дисциплине – книга А.П. Чудинова «Политическая лингвистика».

В последние десятилетия исследования политического дискурса довольно активно проводятся и в Республике Беларусь. Здесь следует прежде всего отметить серию коллективных монографий «Методология исследований политического дискурса» (в настоящее время опубликовано несколько выпусков) под редакцией И.Ф. Ухвановой-Шмыговой, а также школу Т.В. Поплавской, под руководством которой был защищен ряд диссертаций по политической лингвистике – А.А. Биуменой, Е.Е. Самойлик, Н.Н. Кузнецова и др.

Все названные авторы как раз и определили развитие политической лингвистики на ближайшее десятилетие.

Появление политической лингвистики (лингвополитологии) в условиях новой парадигмы было закономерно: уделяя первостепенное внимание тому,

как язык функционирует в процессе коммуникации и как языковая личность отражается в языке, лингвисты обратили внимание на такую важную сферу применения языка, как политика. Эта современная наука возникла на пересечении лингвистики с политологией, но включает также отдельные аспекты социологии и социальной психологии; она активно взаимодействует с целым рядом лингвистических дисциплин: социолингвистикой, функциональной, классической и современной риторикой, когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста, то есть в полной мере является полидисциплинарной.

В основе ее лежит лингвистика, поэтому для нее характерны такие черты современного языкознания, как мультидисциплинарность (использование методологий различных наук), антропоцентризм (человек как точка отсчета для исследования языковых явлений), лингвистический экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение) [33, с. 6–8].

Основная цель политологии, как считал Р. Барт, «узнать, какова на самом деле власть и какой она хочет казаться», а политической лингвистики – с помощью каких вербальных и невербальных средств власть может казаться лучше, чем она есть. Существуют и более научные ее понимания как исследование многообразных взаимоотношений между субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности [34, с. 269–270].

Особое место в политической лингвистике отводится политическому дискурсу, который определяется как особый вид дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти. Он включает в себя не только чисто языковую, но и лингвокультурологическую и когнитивную составляющие. Политический дискурс – это особая лингвистическая реальность, создаваемая в процессе политической коммуникации отдельными политиками либо политическими силами, то есть политический дискурс понимается нами как текст, обусловленный ситуацией политического общения.

Дискурсивный подход является одним из новых подходов в аналитическом освоении языковой политики. При его исследовании используются приемы и процедуры, которые позволяют установить и понять целый ряд процессов в сфере политико-языковых отношений различных уровней. «Совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом, образует политический дискурс» [3, с. 169]. С одной стороны, можно говорить о дискурсе как объекте языковой политики, с другой – языковая политика

анализируется как дискурсивный феномен, процесс или деятельность. Всю политику можно понимать как дискурсивный процесс [41, с. 32].

Наиболее полную и непротиворечивую характеристику политического дискурса находим у Е.И. Шейгал, которая выделяет следующие признаки дискурса: институциональность (коммуникация осуществляется в общественных институтах и является статусно-ориентированной), преобладание оценки и воздействия над информативностью, смысловая неопределенность (политики часто избегают высказывать свои мнения в максимально обобщенном виде), фантомность (многие знаки политического языка не имеют реального денотата), фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание), эзотеричность (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным), дистанцированность и театральность.

Также можно отметить такие характеристики политического дискурса, как быстрая смена экстралингвистического контекста создания и восприятия текста, идеологическая направленность, одновременное сочетание диалогичности и монологичности, политическая аргументированность, тоталитарность, интертекстуальность, мифологичность, стереотипность, противопоставление категорий «свой», «чужой».

Политический дискурс выполняет следующие основные функции: осуществление политической власти, убеждение и манипуляция. Также он имеет целый ряд дополнительных, вторичных функций – когнитивную, коммуникативную, побудительную, эмотивную, метаязыковую, фатическую, эстетическую и др. Причем в реальной политической коммуникации эти функции часто выступают не по отдельности, а во взаимодействии друг с другом, часто одна функция становится доминирующей, а другие ее поддерживают и оттеняют ее.

В рамках политической лингвистики было установлено, что язык политического дискурса – сложная, живая, саморегулирующаяся система, многое в которой проявляется при ее функционировании: например, *страна* и *государство* в обыденном языке синонимы, поэтому *государство* приобретает то положительные, то отрицательные коннотации: *Мы за правовое государство* (лозунг) – положительная коннотация и отрицательная (в ироническом публицистическом контексте): *Скажу вам истину одну./ Хоть сил она и не придаст вам./ Любую чудную страну /Испортить можно государством* (А. Михневич) [19, с. 46]. В политическом же дискурсе *государство* используется либо как нейтральное, либо как слово с позитивной коннотацией.

Мы можем говорить о соотношении «текст ↔ дискурс ↔ действительность». Дискурс рассматривают как «экстравертивную фигуру» коммуникации [23, с. 33], которая отображает действительность и существует в текстах, поэтому основной единицей изучения при анализе дискурса является текст (высказывание) и определенная концептосфера как совокупность концептов.

Еще одна важная проблема, получившая разработку в современной политической лингвистике. – политическая коммуникация. Одной из важнейших ее задач является информационное и эмоциональное воздействие на адресата с целью изменить его политическое видение мира и подтолкнуть его к политическим действиям (исследуются прежде всего иллюкутивные и перлокутивные функции).

Таким образом, важнейшие задачи современной политической лингвистики:

- исследовать взаимосвязь языка и политики, языка и идеологии в их истории и современности;
- выявить специфику политического дискурса и основные средства его организации;
- исследовать особенности политической коммуникации и ее отличия от других видов речевого взаимодействия и воздействия;
- выяснить соотношение свойств дискурса с такими концептами, как «власть», государство» «правитель» и др.;
- установить и описать политические жанры
- (проблемы генристики), специфику нарративов и текстов для выявления общих признаков политического языка;
- прагмалингвистические особенности речи (стратегии, тактики), лингвостилистические характеристики (тропы, композицию и др.);
- исследовать идеостили наиболее ярких политических лидеров, политических направлений и партий; создать их политические портреты.

Особо следует подчеркнуть, что эти задачи решаются только в связи с языковыми особенностями поведения говорящих через интерпретацию их речи.

Следовательно, хотя это и молодая интегративная наука, она активно и успешно исследует целый ряд аспектов, важнейшие из которых – условия и механизмы политической коммуникации, политический дискурс, особенности политической власти и др.

Политическая лингвистика репрезентирует власть, хотя и в меньшей степени, чем сам юридический дискурс, и обслуживает власть в обществе, ибо позволяет ответить на вопросы, как получить политическую власть и как ее удержать с помощью языка.

Следовательно, одним из объектов исследования в политической лингвистике стали вопросы власти, государства, доминирования, различного рода иерархии в обществе, которые обслуживаются языком, а также установление процессов, происходящих в сфере политико-языковых отношений в национальных государствах и регионах.

2. Власть политическая

Власть – ключевое понятие в политике. Язык, государство и политика – это важнейшие для человека реалии. Наряду с этим *власть* – один из ключевых

феноменов, основа любого государства, древнейшая форма организации общества.

Древнейший архетип общества – с одной стороны, устремленность к власти и рабское подчинение ей, а с другой – протест ей, который выливается в бунт или революцию. И то и другое важно для государства: власть создает тирана, а противостояние ей – героя. Возникновение героя – это путь обретения славы.

Много писали о феномене политической власти философы, политологи, социологи. С формированием политической лингвистики власть стала объектом интереса лингвистов. О ней писали Л.Е. Бессонова, О.Ю. Бойцова, А.Д. Васильев, М.В. Ильин, С. Кара-Мурза, А. Кожев, Е.А. Колтаков, В.Г. Ляднев, В.П. Макаренко, О.И. Марченко, Н.С. Розов, А.А. Шабанова, Е.И. Шейгал и др.

В данном параграфе мы рассмотрим объективацию власти в языке с позиций дискурсивной лингвистики. Есть несколько подходов к пониманию власти: власть как научное понятие, власть в обыденном сознании, сакральный подход к власти, власть как факт языкового сознания и др.

С научной точки зрения *власть* – это «способность и возможность осуществлять свою волю, оказывая влияние на общество, товарищей или членов семьи даже вопреки их воле» [13, с. 108].

В бытовом дискурсе власть в основном оценивается негативно, это орудие принуждения. «В обыденном массовом сознании власть выступает как настоящий Шабаш, разрушающий все живое, как собрание корыстолюбцев, жуликов, развратников, дураков, алкоголиков» [13, с. 110]. В русском и белорусском бытовом (обыденном) сознании власть – это более зло, нежели добро: *Калі сабака і ня злая, а на ўладу усероўна лае* ('Даже если собака не злая, она все равно лае на власть'); *Уладу над светам бог надзяляе ў пэўнай меры з чортам* ('Власть над миром бог делит поровну с чертом'). Как видим, репрезентация власти в научном и обыденном сознании различается прежде всего оценкой: в научном – нейтральная оценка, в бытовом сознании – чаще негативная.

Но власть привлекательна в человеческом мире. Еще Платон писал, что «нет человеческой души, которая выдержит искушение властью». Человек действительно не выдержит, для этого нужно быть сверхчеловеком. Не случайно Христа искушали властью, как показано в Библии: «И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое» (Евангелие от Луки – 4: 6–7).

При этом наблюдается «сакрализация» власти, что является одной из констант славянского национального самосознания, унаследовавшего вместе с православием из Византии идею божественного происхождения царской власти («всякая власть от Бога»). «*Один Бог над нами*», то есть и над властью-

ющими, и над подвластными. «Суд царев, а правда Божия», то есть Бог над всеми и даже над царем. Немецкий генерал-фельдмаршал Христофор Миних вполне серьезно писал: «Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что оно управляется непосредственно самим Богом, иначе невозможно понять, как оно существует». При этом в массовом сознании белорусов Бог не всегда справедлив: *Бог сiротак любiць, але добрай улады не дае*. Подобных примеров не встретилось нам среди русских паремий.

Отношение к власти всегда было противоречивым, даже в таких недемократических государствах, как СССР. С одной стороны, коммунисты своей конечной целью объявляли отмирание государства и власти, с другой – стремились к власти. В этом парадокс.

Для современной Беларуси характерно самое разное отношение к власти: если в научном и публицистическом дискурсах превалирует нейтральное и позитивное отношение к ней, то в обыденном массовом сознании, хорошо представленном местными блогерами, власть обвиняют во всем, приписывая ей некомпетентность и безответственность, деспотизм и безумные поборы в виде штрафов и налогов. Часто в бытовом сознании отмечается, что мало что изменилось в отношении к народу со времен СССР: превалирует директивный стиль руководства, смесь популизма и политической нетерпимости. Часто критика осуществляется без понимания того, что в Республике Беларусь президент по Конституции обеспечивает взаимодействие всех ветвей власти, в силу чего его полномочия законодательно шире полномочий президентов многих европейских государств. При этом в белорусском обществе сильна тяга к патернализму, что подтверждается полушутливым именем президента – Батька.

С одной стороны, политическая власть – это посягательство на свободу другого, то есть субъект насилия, и в этом смысле она аморальна, а скорее индифферентна к морали, потому не может быть оценена с ее позиции: такую мораль еще не выработало общество. С другой стороны, это сила, обеспечивающая правовой порядок в обществе. Если власть не может обеспечить порядок и защитить своих граждан, то она бессильна и даже преступна.

«Власть кнута» – это унижение для конкретного человека, но для общества может стать идеалом. За это упрекают общество как недемократическое, но в этом и сила государства и власти.

Часто белорусская власть действует хитростью, что граничит с интриганством, но это не вызывает осуждения ни в государственных, ни в оппозиционных СМИ. В белорусском обществе осуждается политический карьеризм: *трымацца зубам за ўладу* (‘держаться зубами за власть’) – часто используется с негативной коннотацией. Однако само отношение к власти в целом вполне терпимое, поэтому такие выражения, как *парнарядкоўвацца ўладзе* (‘подчиняться власти’), *быць адданым уладзе* (‘быть преданным

власти), *падтрымліваць уладу* ('поддерживать власть'), используются либо в нейтральном, либо в позитивно оцениваемом контексте.

Власть портит и тех, кто у власти, и тех, кто ей подчиняется: *Разумны вакол улады абыдзе, а дурань возьме* ('Умный обойдет власть, а глупый возьмет'). Здесь имеется в виду, что глупый человек и властвовать будет глупо, тем самым ухудшая власть. Не случайно Л.Н. Толстой считал, что «власть одного человека над другим губит прежде всего властвующего», но, думается, что всех, власть портит подчиненных тоже. Не случайно Н. Бердяев писал: «Всякая власть, открыто или прикрыто, заключает в себе яд».

Как показывает анализ бытового сознания белорусов, репрезентированного пословицами и поговорками, белорусы легко дистанцируются от власти: *Да пана далёка, да ўлады высока* ('до пана далеко, до власти высоко').

В отличие от России, где «топос» власти – это возвышающийся Кремль, своего рода символ отдаленности и высоты власти, в Беларуси ни Дворец Республики, Дворец Независимости возвышению власти не служат, пространство власти у нас более демократично.

Можно говорить также о «четвертой власти» (власти СМИ), которая получила это название из-за политической ангажированности средств массовой информации, их позиции pro и contra властных структур. В СМИ журналисты – посредники между властью и народом. Приведем пример телевизионной подачи образа президента. Александр Лукашенко появляется на телевизионных экранах каждый день в новостных передачах: народ видит президента в разных ситуациях: то встреча с рабочими, то посещение фермерского хозяйства, то выступление на открытии крупных культурных мероприятий, например, «Славянского базара». Создается образ главы государства, осуществляющего контроль над многообразной деятельностью подчиненных и осведомленного в самых разных вопросах жизни белорусского общества. Так с помощью невербальных средств – изображения – создается концепция формирования авторитета власти. При этом параллельно в Интернете полно резких, часто несправедливых и фейковых выпадов и в адрес белорусского президента.

Обращает на себя внимание следующий факт: президент как высшая власть (и высшие чиновники) именуется по фамилии или по имени и фамилии (без отчества), что является прямым подражанием западным образцам, в то время как в славянской традиции «по имени называют, по отчеству величают». Вероятно, отбрасыванием отчества достигается некоторое омолаживание власти: по отчеству ни у русских, ни у белорусов не называют молодых людей. В то же время в белорусском обществе очень молодые люди называют себя и своих ровесников по имени и отчеству даже в неформальной обстановке, особенно если среди них есть старший по должности, что напоминает афоризм А. Райкина: *Ты меня уважаешь, я тебя уважаю, мы оба уважаемые люди.*

Само отношение к власти в государственных белорусских СМИ отличается от российских: у нас ругают не вообще власть, намекая при этом на власть высшую, а всегда указывают должность, фамилию, как правило, мелкого чиновника, то есть власть персонализирована. Сама лексема во «*улада*» (власть) встречается только в словосочетаниях «савецкая ўлада» («советская власть») и «мясцовая ўлада» («местная власть»). Еще одна особенность использования понятия, наиболее часто встречающаяся в негосударственных СМИ, – от власти дистанцируются, она не персонализирована, употребляется лексема чаще всего как нечто живое: *улада адмівіла, звярнулісь да ўлады, маўчалівая ўлада* и под. («власть отказала», «обратились к власти», «молчаливая власть») (газета «Народная воля»). Допускается незначительная доля сарказма по отношению к власти: *усмешкі ўлады, джэнтэльмены ўлады* («улыбки власти», «джентельмены власти»).

Белорусы в целом терпимее к власти, нежели русские: *З добрай уладай нажывешся, з дрэнная гора набярэшся* («С хорошей властью жить хорошо, а с плохой горя не оберешься»). Их отношение к власти скорее саркастично, нежели злобно: *Добры караўнік як ціхая свіння – глыбока капае* («Хороший руководитель как тихая свинья – глубоко копает»). Белорусы чисто интуитивно понимают, что власть остается властью, сколько ее ни меняй: *Новы поп, дык новае і маленне = што ні поп, то свая малітва* («Новый поп требует новой молитвы»). Вероятно, этим объясняется знаменитая белорусская «памярк-унасаць» и толерантность.

Есть также духовная *власть*, *власть умов*. Несколько слов о самой сложной и загадочной *духовной* власти. «Русская духовность, – по словам С.С. Аверинцева, – делит мир не на три, а на два – удел света и удел мрака; и ни в чем это не ощущается так резко, как в вопросе о власти». Поэтому власть – «это нечто находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы и не входящее» [1, с. 235]. Это абсолютно справедливое высказывание для политической власти, но оно «не работает» при характеристике духовной власти, которая есть абсолютная высота. По данным Э. Бенвениста, царь в древних европейских обществах совмещал политическую и религиозную власть [4, с. 278].

В Евангелие от Марка встречаем: «Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите... И говорили Ему: какою властью ты это делаешь? И кто дал Тебе власть делать это» (Мк.: 11: 242 и 28). В Евангелие от Матфея читаем: «...Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи...» (Мф.: 9:6). Более того, эта духовная власть может быть передана: «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф.: 10:1). Таким образом, духовная власть не просто существует, а является важнейшим измерением человеческого бытия. «Каждый язык – это

храм, в котором сберегаются души его носителей» (О. Холмс). А вот вопрос, в какой мере она влияет на умы и жизни человеческие, остается открытым, и помочь на него ответить может язык. Как нам кажется, одним из путей является возвращение к гумбольдтовской традиции интерпретации языка и интеллектуальной активности человека как энергии (Вперед – к Гумбольдту, как писала В.И. Постовалова). Только так возможно подойти к решению проблемы изучения языка как духовной реальности.

Рассмотреть названные проблемы в полном объеме не представляется возможным вследствие ограниченности жанра монографии. Это большие и серьезные темы, при анализе которых мало быть просто лингвистом, нужны глубокие знания в смежных областях, например, в богословии, поскольку духовная власть – это власть Бога.

3. Власть права

Проблема власти права встает как перед политической, так и перед юрлингвистикой. Например, основным закон государства – Конституция, будучи юридически документом, имеет политическую основу. В белорусской Конституции – это первая глава, определяющая политическое устройство страны. Власть – это право силы. Суд, как и вся власть, осуществляет насилие, которое нарушивший закон сам над собой произвел.

В современной научной литературе понятие «власть права» получило широкое распространение в последние десятилетия. Причиной тому, по мнению экспертов, является активная демократизация политических систем во многих странах мира. Вследствие этого власть права сегодня «имеет большую силу, чем власть какого бы то ни было политического учреждения. Государственная власть должна осуществляться в правовых рамках, произвол в осуществлении государственной власти недопустим» [22, с. 27].

Осуществление власти права происходит посредством Конституции, законов, декретов, указов и других официальных документов, регулирующих жизнь страны. Например, статья первая высшего закона Беларуси указывает на принципы унитарности, демократичности государства, его социальную ориентацию и правовую основу. Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ (вторая статья). Кроме того, значимыми для белорусов являются и правовые символы государства: Государственный флаг, Государственный герб и Государственный гимн (девятнадцатая статья).

Правовой дискурс самым тесным образом пересекается с политическим в сфере государственного законодательства [37, с. 36]. Стратегическая цель правового дискурса заключается в выработке юридических норм, регулирующих общественные отношения, то есть отношения между членами социума и государством. Данная цель реализует феномен власти права, тогда как юридическая норма догматически предопределяет модели поведения лич-

ности как гражданина или субъекта социальных отношений в стереотипных ситуациях. Данные модели имплицитно описаны в текстах законодательных актов. Это не конкретные алгоритмы действия, а фактологический правовой материал. Например, в декрете Президента РФ «О предупреждении социального иждивенчества» (от 02 апреля 2015 г. № 3) указано, что «плательщики сбора <...> вправе самостоятельно представить в налоговый орган <...> уведомление о неучастии в финансировании государственных расходов или участии в таком финансировании менее 183 календарных дней в налоговом периоде (далее – уведомление) <...>. В случае представления такого уведомления подлежащая уплате сумма сбора уменьшается на 10 процентов». Таким образом, правовой акт определяет вариативность поведения конкретной категории граждан (не учувствовавших в финансировании государственных расходов – «социальных иждивенцев»): либо лично заявить о себе в налоговый орган и получить скидку, либо ждать уведомления о необходимости оплатить специальный налог.

Власть права реализуется не только как отдельный элемент социальных отношений, определяющий границу дозволенного и модели поведения в ее рамках, но и как инструмент реализации поведенческих стратегий: человек использует власть права для легитимизации своей деятельности.

Первичным звеном власти права является правовая норма – это общеобязательное, формально определенное правило поведения, установленное и обеспечиваемое государством и направленное на урегулирование общественных отношений [6]. Основные характеристики юридической нормы определяют особенности власти права: 1) облигаторность для всех субъектов, 2) наличие формальной определенности, выраженной в юридических текстах, 3) государственное регулирование, 4) структурированность и иерархичность (реализуется в дискурсивных микро- и макросистемах (гражданское право, уголовное право, семейное право и др.; Конституция, указы, декреты, правительственные постановления, решения местных исполнительных органов и др.). Обобщая указанные характеристики, С.С. Алексеев пишет: «В связи с тем, что писаное право как регулирующая система имеет нормативный, формализованный характер, складывается из норм, оно обладает способностью обеспечивать всеобщность и постоянство данного порядка в общественных отношениях, причем надолго вперед на твердой основе» [2, с. 156].

Правовая норма определяется в законе. В философской и юридической литературе обнаруживается два вида законодательных актов: правовой и неправовой. Правовой закон основан «на справедливом учете и согласовании различных социальных интересов и тем самым способствующий равно справедливому для всех свободному развитию общественных отношений», соответственно, неправовой закон – «это социально необоснованный, неоправданный, антисоциальный закон, закон, нацеленный на защиту одних

интересов в ущерб другим)» [15, с. 206]. О.А. Коротких и А.И. Хорошильцев полагают, что только первый вид законодательного документа обладает властью [14, с. 93].

Очевидно, что лингвистическая составляющая власти права наиболее ярко проявляется в ее формальной определенности, то есть юридических текстах. Язык является средством реализации закона. Еще Ш. Монтескье, французский философ и просветитель, писал о том, что «слова законов должны пробуждать у всех людей одни и те же идеи, никогда не следует в законе употреблять неопределенные понятия, стиль законов должен отличаться точностью и краткостью» [20, С. 193.]. Иными словами, язык являет собой инструментарий реализации власти права.

Власть права – это еще и особая сфера коммуникации. Г.Д. Лассвелл полагает, что она протекает по особой схеме: «Участники → Перспективы → Ситуации → Базовые ценности → Стратегии → Результаты → Последствия» [16, с. 260]. Все компоненты данной схемы могут быть унифицированы (субъекты, процедуры, обстоятельства и др.). В языковом плане это выражается в малой вариативности юридических текстов на стилистическом и грамматико-синтаксическом уровнях, ограниченностью терминологического тезауруса. Унифицированность прагмалингвистического компонента власти права заключается в стремлении к равенству иллокутивной и перлокутивной силы правовой коммуникации.

Парадоксально, однако, власть права и ее реализация в коммуникации находятся в оппозиции: первая, очевидно, имеет национально-маркированный компонент, вторая – нет.

4. Власть языка в политике

Одной из первых работ по данной проблеме была работа П. Серию «Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций» [27], вышедшая еще во второй половине прошлого века. П. Серию исследовал в ней вопрос о функциях отглагольных существительных в докладах Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева на XXII и XXIII съездах КПСС, и в результате Серию получил важный теоретический вывод: причиной высокой частотности номинализаций является общая тенденция к обобщенности, неопределенности и переложению ответственности: «введенное номинализацией «внетекстовое» не проявляется на эксплицитном уровне, оно не *показано*, а лишь *указано*, использовано, *введено под именем* некоторого объекта реальности» [27, с. 379]. Позже неопределенными и туманными долгое время оставались понятия «перестройка» и «гласность». Поэтому на Западе данные термины были признаны «непереводимыми» и просто писались русские слова латиницей.

Перейдем теперь к лексеме *власть*. Анализ лексикографических источников показал, что данная славянская лексема происходит от старославянского *владети* (древнерусского *володети*), то есть генетически *власть* связана

в русской и белорусской лингвокультурах с владением. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера связывает *власть* с лексемами *управлять, мощь, сила, господство* и др.

Активно анализировали словари и справочники такие исследователи, как М.В. Кипенко, О.В. Котлярова, Д.В. Илиева и др. Мы будем использовать словари лишь в той мере, которая позволит нам определить основные смыслы ядерной лексемы.

«Толковый словарь русского языка конца XX века» выделил три значения: политический строй, политическое господство, органы государственного управления. Другие русские толковые словари считают, что ВЛАСТЬ – 1) право и возможность действовать по своей воле; 2) политическое господство; 3) должностные лица, администрация [32, с. 73]. Отсюда следует, что власть тесно связана с лексемами *право, господство, администрация*. Иные словари дают другие связи слова: *власть* связана с лексемами *собственность, господство, обладание, владычество*. Это значение было соотносимо с территорией, на которую распространялось право владения. О.Ю. Бойцова даже утверждает, что через слова *территория* и *владение, власть* связана с лексемой *государство* [5, с. 59]. Следовательно, *власть* связана со следующими словами: *собственность, господство, обладание, владычество, территория, владение, государство*. Е.И. Шейгал соотносит *власть* с лексемами *политик, господство, право, способность* [37, с. 63].

Реконструировавшие концепт «власть» исследователи обнаружили связь также с рядом других лексем; так, А.Д. Васильев в ядро концепта помещает *государство, демократия, народ, закон, правительство, президент*, а на его периферии – *авторитет, бюрократия, выборы, карьерист, кремль, начальник, политик, правление, чиновники* [7, с. 207–213]. В работе «Семиотика политического дискурса» Е.И. Шегал выделяет ключевые для политического дискурса концепты – «власть» и «политик», а в ядро концепта *власть* включает *господство, право, контроль, сила, влияние, принуждение, авторитет*; другие авторы связывают *власть* с *авторитетом, насилием, господством, могуществом, силой, принуждением, владычеством* и др.

Как показывает анализ толкований, лексема *власть* принадлежит к тем словам, которые «не допускают не только терминологизации <...> и сколь-нибудь надежной конвенционализации смысл <...>, но, напротив, принципиально ориентирована на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых развертыванием политического дискурса и контекстами <...>» [12, с. 103]. Именно поэтому для достоверности понимания и восприятия власти нужен психолингвистический эксперимент. А приведенные там реакции позволяют выявить ядро смыслов для лексемы *власть* и др.

Здесь следует подчеркнуть, что многие политические термины (а не только *власть*) диффузны, неточны, туманны. Так, в начале 90-х годов Михаил

Горбачев ввел термин «перестройка» и был явно заинтересован в его неопределенности, которая всегда позволяет интерпретировать лексему в большом диапазоне смыслов. Такая диффузная семантика слова способствует скорому и глубокому внедрению в чужое сознание. При этом она может изменить всю ментальную систему и говорящего, и слушающих, как это случилось с термином «перестройка».

Исследованию дискурса перестройки посвящены работы многих ученых – К. Ричардсона, Н. Эрола [40] и многих других.

Особого внимания заслуживает монография Ларисы Рязановой-Кларк и Теренса Уэйда. В ней изменения языка на рубеже веков рассматривается в соотношении с политическими изменениями. Многие западные ученые отмечают не критические заимствования из иностранных языков, особенно из английского. Так, английский исследователь Джон Данн выделяет основное направление развития русского языка в постсоветский период – это его вестернизация, а свою книгу называет «Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного типа» [39]. И, действительно, мы не можем ответить на вопрос: чем *спонтанный* лучше *случайного, непреднамеренного, паритет* лучше *равенства*, а *имидж* лучше *образа, облика*?

Таким образом, язык и политика тесно взаимосвязаны, ибо политические реалии отражаются, опосредуются и моделируются в языке. С другой стороны, с помощью языка политические деятели не только информируют, но и оказывают определенное воздействие на избирателей, изменяя таким образом политическую среду.

В отечественной политической лингвистике проблема языка и власти рассматривается в двух аспектах – *власть языка* и *язык власти*. Е.И. Шейгал называет их несколько по-иному: 1) то, как власть осмысливается, концептуализируется языком (власть как концепт); 2) то, как власть проявляется в языке (власть как дискурсивная категория) [36, с. 57].

Что касается проблемы *власть языка*, то часто исследователи сочувственно цитируют Р. Водак, солидаризуясь с ее высказыванием «язык обретает власть только тогда, когда им пользуются люди, обладающие властью; сам по себе язык не имеет власти» [8, с. 19]. С этим нельзя согласиться, если учитывать, что существует особая магическая функция языка, политическая мифология, а сам язык имеет особое предзнание. «В языке действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать <...>. Язык – нечто большее, нежели инстинкт интеллекта, ибо в нем сосредоточивается не свершение духовной жизни, но сама эта жизнь...» (В. фон Гумбольдт).

Но если говорить приземленно, то власть языка в политике очевидна. Каждый мыслящий человек понимает, что споры, которые ведутся в политике по поводу слов, иногда бывают не менее острыми, чем споры по поводу

70 | самих событий. Например, как назвать восставших против политического строя – *террористы*, *сепаратисты* или *повстанцы*. От слова в данном случае зависит оценка события, которая разворачивается прямо до наоборот.

Считается, что в условиях диктатуры язык – важная составляющая тотального контроля над обществом. Умелое использование языка является важным средством формирования требуемого общественного мнения по поводу тех или иных фактов, событий, персонажей и, как следствие, – важным средством завоевания и удержания власти.

Второй аспект проблемы взаимосвязи языка и политики – *язык власти*. Это привычный для лингвистов объект описания. Именно посредством языка в значительной степени осуществляется политическая власть. Политический язык — это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических решений, воздействия на потенциального избирателя и т.д.

Согласно В.З. Демьянкову, политический язык отличается от обычного тем, что в нем «политическая лексика» терминологична, а обычные, не чисто «политические» языковые знаки употребляются не всегда так, как в обычном языке. «Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (то есть не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [9, с. 118]. Поэтому эффективность политического дискурса следует определять относительно этих целей – убедить и побудить. Следовательно, в коммуникативном плане власть – это управление поведением людей посредством слова.

При традиционном лингвистическом подходе выделяются два уровня интерпретации слушающим высказываний политика. Первый уровень интерпретации состоит в идентификации коммуникативной цели говорящего, а второй – в извлечении семантического значения языковых элементов, составляющих высказывание. Однако успех внушения во многом зависит от качеств личности того, к кому обращена речь, например, от степени его доверчивости и понимания. По В.З. Демьянкову, различаются ситуации с «пассивным восприятием, с активным участием и с сопротивлением внушению со стороны адресата» [9, с. 131].

Согласно Дж. Даймонду, *власть* также есть риторическое понятие: она должна одерживать верх в споре, уметь вести дискуссию и переключать ее в нужное русло [37, с. 78]. Мы понимаем риторику как универсальную науку о принципах и правилах построения хорошей речи, правильного общения, как науку об эффективной речи и риторической личности, ибо «мы слушаем не речь, а человека, который говорит» (Квинтилиан). При этом не

значит, что речь политика должна быть безупречно аргументирована, часто достаточно просто дать понять, что политик выступает в интересах народа, слушателей. Изменить установки слушателей в нужную сторону можно, например, поместив защищаемое положение в нужное место дискурса, то есть играя композицией.

В речи политика, владеющего искусством убеждения (технологиями манипулирования чужим сознанием), обязательно встречаются яркие метафоры (*война законов, атака на демократию, торпедировать экономические законы; общество находится на пути к выздоровлению, парламентский кризис*), символы. Кроме метафоры войны и болезни, активно «работает» метафора *семьи*. Как заметил еще П. Серю [26, с. 169], метафора семейной связи позволяла формировать непротиворечивое представление об обществе без акцентирования национальных различий. Эти метафоры позволяли примирить представление о русском языке как родном для всех народов СССР (для этого было введено понятие *второй родной язык*), а также метафоры *старший брат* (о русских), *братские народы* и под. Еще примеры достаточно однотипных метафор, которые достаточно активно используются как в речи белорусского президента, так и в речи белорусских политиков и журналистов: *Народ нас поддерживает... Мы тут с народом посоветовались... Народ нас не поймет... Народ все видит... Это слишком серьезный вопрос, надо посоветоваться с народом... Народ хочет/должен знать... Народ ждет наших решений... Если народ решит...* и т. д. Здесь собирательное существительное выступает как единичное, конкретное, живое.

И важно, чтобы метафоры и символы были созвучны массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную струну в сознании масс. Примером может служить высказывание белорусского президента «*У нас майдана не будет!*». Здесь *майдан* используется как символ разрушения, беспорядка, в то время как в украинской лингвокультуре – это символ свободы. Только создав у адресата ощущение добровольного приятия чужого мнения, его заинтересованности в предмете речи, говорящий может добиться успеха в любом внушении.

Еще одно яркое отличие языка власти в Беларуси от российской – более яркая речь президента и более серая, косноязычная – журналистов. Напротив, многие российские журналисты, пишущие и говорящие о власти, блестяще владеют языком, широко используют метафоры и строят незабываемые образы, например, «*Власть, несмотря на растущий запрос на перемены, продолжает торговать залежалым политическим и кадровым товаром*» (Вячеслав Костиков, АиФ. 2019, № 48).

Чтобы политики могли влиять на общество посредством языка, они должны осознавать важную роль языка в политическом дискурсе. Более того, понимание сущности политического дискурса предполагает знание

ситуации, ожиданий политика и народа, скрытых мотивов, сюжетных схем, популярных у данного политика в конкретное время. Как писал Р. Лакофф, «<...> Мы часто считаем язык всего лишь колебаниями воздуха, репрезентацией реальности, а не самой реальностью, и, как следствие, – неспособным быть движущей силой социальных преобразований» [42, с. 19].

Итак, важнейшие характеристики дискурса власти в Беларуси: агрессивность; косноязычие; недостаточная грамотность; размытое использование понятий; лозунговость; повышенная эмоциональность, выражающаяся в высмеивании и даже оскорблении противника; претензия на абсолютную истину; почти не используются юмор и ирония, в отличие от российского дискурса власти; мало используются прецедентные тексты.

То есть язык политики – это «конгломерат разнородных документов политических структур и политических организаций, выступлений и высказываний политических деятелей, событийных публикаций и публикаций аналитического характера в прессе, информация о политических событиях на телевидении и радио. В целом взаимодействие всех этих сегментов и представляет собой язык политики, формирующий концептуальную картину мира политики» [31, с. 91].

Мы коснулись лишь нескольких проблем, возникающих при исследовании взаимодействия языка и власти. Чтобы понимать, как влиять на избирателей и на электорат вообще, нужно выявить особенности устройства нашего общественного сознания, нужен лингвистический мониторинг и психолингвистический эксперимент. Само по себе чисто лингвистическое, психологическое, логическое, историческое, политологическое, социологическое и т.д. описание языка власти и его функционирования не объясняет политической активности социума, которая, несомненно, определяется общественным сознанием, а исследовать его можно силами разных наук, в том числе психолингвистическими методами.

Поэтому мы решили провести психолингвистический эксперимент, чтобы диагностировать состояние и настроение части современного социума – студенческой молодежи как наиболее активной части общества.

5. Гражданская активность белорусской студенческой молодежи в ее отношении к власти

Как известно, политическая лингвистика основана на представлении о том, что «мышление человека и человеческого коллектива – социума – это специфические операции над знаниями, приводящие к изменению старого знания и усвоению нового. Когнитивная система человека тем самым оперирует знаниями, которые в каждой проблемной ситуации «упакованы» в разные оболочки – фреймы (знания о типизированных объектах и ситуациях), сценарии (знания о типизированных способах действия; например, сценарий посещения ресторана), планы (конкретные способы реализации сценариев

и фреймов)» [3]. Знания могут быть упакованы также в ассоциативные сети, которые также входят в когнитивную систему человека. Отсюда следует, что ассоциативный эксперимент позволит выявить истинное отношение к власти со стороны народа, понять настроения и поведение социума.

Один из важных моментов в ассоциативном эксперименте – это отбор слов-стимулов. Известно, что почти любое слово объемно и многогранно: в разных ситуациях и контекстах оно может поворачиваться к нам разными гранями, высвечивать связи с разными словами. Как писал А.Ф. Лосев, «слово всегда глубинно и перспективно, а не плоскостно» [17, с. 62]. Именно в ассоциативном эксперименте слова выявляют разные смыслы. Исследователи, например, В.И. Шаховский [35, с. 77], отмечает личностный характер ассоциаций, которые поэтому не находят отражения в словарях. Но они живут в нашем сознании, и ассоциация является сигналом для их оживления.

Поэтому значения и смыслы, представленные ассоциативными реакциями, значительно объемнее и богаче словарной дефиниции [21, с. 178]. Национально-культурная специфика ассоциативной системы родного языка формируется в достаточно раннем возрасте, о чем свидетельствуют исследования ассоциативной сети детей разного, в том числе младшего дошкольного возраста (исследования И.Г. Овчинниковой). По наблюдению А.П. Сдобновой [24, 197], в представленной в ассоциациях школьников лексике отражаются все сферы жизни, социально-функциональные разновидности речи, проецируется социально-речевая неоднородность современного российского общества. В процессе онтогенеза трансформируются представления о лексической семантике, в то время как обусловленные культурой смыслы отражаются в ядерных ассоциациях и константны для языкового коллектива (исследования И.Г. Овчинниковой). Еще в большей степени интересны ассоциации у студентов.

Ассоциативный эксперимент предоставляет богатые возможности для исследования национально-культурной специфики языкового сознания, поскольку, согласно Е.Ф. Тарасову, ассоциативное поле является способом овнешнения сознания, что обещает определенный прогресс в понимании его сущности [29, 34].

Таким образом, солидаризируясь с мнением Ж.А. Джамбаевой, необходимо признать: в результате многочисленных исследований ассоциативных полей, проведенных в самых разных точках планеты на материале самых различных языков, «установлено, что при применении методики свободного ассоциативного эксперимента возможно получение данных, свидетельствующих о национально-культурной маркированности языкового знака и особенностях этноязыкового сознания. Результаты свободного ассоциативного эксперимента можно трактовать как объективацию национально-культурной специфики образов языкового сознания представителей сравниваемых лингвокультур.

74 | Они иллюстрируют основные положения, отражающие соответствующие сегменты языковых картин мира» [10, с. 47–48]. Однако ассоциативный эксперимент должен быть грамотно и правильно проведен.

Анализ лексикографических источников, проведенный нами в предыдущем параграфе, позволил выделить следующие лексемы, через которые дается толкование *власти*: это 27 существительных – *авторитет, администрация, бюрократия, владение, владычество, влияние, выборы, господство, государство, демократия, закон, карьерист, контроль, могущество, мощь, народ, насилие, начальник, обладание, политик, право, правительство, президент, сила, собственность, территория, чиновники*; и 3 глагола – *править, при- нуждать, управлять*.

Поскольку многие слова созвучны, и это звуковое и семантическое сходство будут мешать чистоте эксперимента, мы исключили такие слова, как *управлять, владение, мощь, обладание, собственность, территория*.

Таким образом, в качестве стимулов нами взято 24 лексические единицы, называющие разные аспекты власти, разные ее смыслы. Все они расположены в столбик на 1-й странице и предложены как анкеты 100 испытуемым – студентам Витебского региона – Государственного университета имени П.М. Машерова и филиала Международного университета «МИТСО». При этом давалась инструкция – «Ответьте первым пришедшим в голову словом. На весь эксперимент отводится 10 минут».

Так выглядит образец анкеты:

Власть –

Авторитет –

Администрация –

Бюрократия – и т.д.

Полученные реакции мы объединили в одно ассоциативное поле и свели их в следующую таблицу, где поместили наиболее частотные реакции, полученные на все слова-стимулы (см. табл. 1).

Таблица 1

Частота реакций ассоциативного эксперимента

Слово-реакция	%
Сила	10,3
Деньги	9,5
Правда	7,3
Власть	6,7
Несправедливость	6,1
Честь	3,8
Коррупция	3,8

Взятк(а)и	3,5
Будущее	3,1
Президент	2,9
Народ	2,8
Лукашенко	2,8
Государство	2,3
Подлость	2,1
Железная	2,0
Авторитет	1,9
Честность	1,8
Править	1,7
Господствовать	1,5
Глава	1,4
Карьера	1,2
Могущество	1,1
Полная	1,1
Разрешение	1,1
Разрешать	1,0
Бог	0,96
Протест	0,91
Вранье	0,79
Выборы	0,67
Политика	0,67
Личность	0,63
Собственность	0,63
Управлять	0,58
Обязанность	0,54
Страх	0,54
Клятва	0,54
Борьба	0,5
Бороться	0,42
Победа	0,38
Побеждать	0,38
Выстрел	0,33
Директор	0,25
Грязь	0,21

Оставшиеся реакции (59 лексем) встречались в ответах респондентов менее 5 раз.

По данным проведенного эксперимента с российскими студентами было установлено, что 30% испытуемых со словом *власть* ассоциировали несправедливость, коррупцию, обман, зло. «Русский народ воспринимает *власть* как врага, творца несправедливости и обмана, не доверяет власти» [18, с. 101].

В нашем эксперименте реакции белорусских студентов представляются менее семантически негативно окрашенными. Так, среди лексем, составляющих ядро полевой структуры реакций интервьюируемых, преобладают слова с положительной семантикой: *сила, правда, власть, честь, будущее*. Среди негативных реакций выделяются лексемы *несправедливость* и *взятк(а)и*. Другие слова с негативной семантической коннотацией (*вранье, грязь, страх* и др.) находятся на дальней периферии поля. Наличие негативных реакций, хотя и менее частотных, чем у российских студентов, объясняется не только плохой властью, ибо всякая власть – это насилие, а потому плоха для конкретного человека, но и тем, на что прозорливо обратила внимание В.Н. Телия: «Мораль человеческая склонна скорее клеймить позором, чем возносить на небеса». Хорошее в нашей морали – это норма [30, с. 53].

Схожая ситуация обнаруживается и при сравнительном анализе семантики слов-реакций на ключевые лексемы, включенные нами в анкету ассоциативного эксперимента. Среди таких слов самые негативные вербальные реакции у респондентов вызвало слово *власть*: 10,5% – *несправедливость*, 8,3% – *протест*, 5,1% – *коррупция*. Позитивную семантическую окраску ядерных реакций обеспечивают лексемы *честь* (5,0%), *будущее* (2,7%). Кроме того, частотные синтагматические ассоциативные реакции связаны в анкетах студентов только с лексемой «власть»: *абсолютная* (3,1%), *безграничная* (2,2%), *железная* (1,8%), *полная* (1,6%). Интересным представляется и тот факт, что метафоры единичны среди реакций: *корни власти* (3 случая), *паралич власти* (2 случая), *рука власти* (1 случай), *жажда власти* (1 случай); все они являются метафорами живого существа; *горизонты власти* (1 реакция) – пространственная метафора.

Далее по количеству семантически негативных реакций опрошенных следует слово *государство*: 12,1% ассоциировали ее с *коррупцией*, 6,1% – с *враньем*. Положительная семантика ядерного компонента реакций студентов проявляется в лексемах *сила* (10,3%), *правда* (5,9%), *народ* (4,3%).

Лексема *народ* также включена нами в ключевые лексические единицы, позволяющие описать феномен власти. Данная лексема позитивно характеризуется студентами: *сила* – 18,1%, *победа* – 11,0%, *власть* – 8,2%, *победа* – 3,1%, *будущее* – 3,2%, *президент* – 2,3%. Негативные оценки *народа* среди респондентов были единичными: *страх* – 3 реакции, *грязь* – 1 реакция.

Выводы

Таким образом, очевидно, что белорусская молодежь достаточно аполитична: среди полученных ассоциативных реакций, несмотря на наличие слов с семантически негативным значением, незначительное их число тематически связано с политикой. Молодежь терпит власть как неизбежное зло. Если ориентироваться на высказывание И. Солоневича, то власть может быть или милостью Божией, или Божиим попусшением [28, с. 21]. Вероятно, она принимается молодежью как Божье попускение. Но это основа государства, и потому она принимается без любви, а как необходимость.

Как видим, изменение ядерной составляющей власти в белорусском эксперименте свидетельствует об иных глубинных ментальных процессах.

Проведенный нами эксперимент позволил выявить новые грани смысла. В эксперименте были даны самые разные реакции на лексемы *власть*, *право*, *господство* и др. Каждая реакция высвечивает определенную грань смысла, а все поле реакции на один стимул – это своего рода интерпретация значения стимула.

Как писал известный польский лингвист В. Дорошевский, «интерпретация значений слов – это интерпретация определенных форм поведения людей и их деятельности [11, с. 66]. Отсюда следует, что данный эксперимент позволяет пролить свет не только на оценку названного явления, но и объяснить некоторые поступки студенческой молодежи.

Таким образом, проведенный эксперимент позволил выявить новые грани смысла *власти*, которые дают некоторую информацию о состоянии современной студенческой молодежи.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая. Наследие священной державы // Развитие личности. 2018. № 1. С. 225–245.
2. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1993. 320 с.
3. Баранов А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание / Центр. совет. филос. (методолог.) семинаров при Президиуме АН СССР. М., 1990. С. 166–177.
4. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. / Под общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс–Универс, 1995. 456 с.
5. Бойцова О.Ю. «Власть» как концепт: фиксация смыслов в языке // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2018. № 1. С. 55–62.
6. Большой юридический словарь / [А.В. Малько и др.]; Под. ред. А.В. Малько. М: Проспект, 2009. 702 с.
7. Васильев А.Д. Вербализация концепта «власть» в языковом сознании красноярцев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 2(32). С. 207–213.

8. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика: Пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
9. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. С. 116–133.
10. Джамбаева Ж.А. Лингвокультурная концептология: современное состояние и пути развития // Вопросы русской филологии и методики преподавания русского языка и литературы / Отв. ред. К.Р. Нургали, В.П. Синячкин. М.: АЛМАВЕСТ, 2014. С. 37–48.
11. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики / Авториз. пер. с пол. В.Ф. Конновой. М.: Прогресс, 1973. 287 с.
12. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 432 с.
13. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб: Златоуст, 2014. Т. 2. 592 с.
14. Коротких О.А., Хорошильцев А.И. Общая характеристика собственной власти права и собственной власти конституции // Провинциальные научные записки. 2016. № 2(4). С. 91–94.
15. Лапаева В.В. Социология права: Краткий учеб. курс / Под ред. В.С. Нерсисянца. М.: ИНФРА-М, 2000. 304 с.
16. Лассвелл Г.Д. Применение данных контент-анализа при изучении социальных перемен // Политическая лингвистика. 2011. № 3(37). С. 258–266.
17. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Мысль, 1991. 524 с.
18. Любимова О.В., Крячко В.Б. Концепт «власть» в русской и английской лингвокультурах // Альманах современной науки и образования. 2012. № 6(61). С. 100–102.
19. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 43–47.
20. Монтескье Ш.Л. О духе законов / Пер. А. Матешука. М.: Мысль, 1999. 674 с.
21. Мягкова Е.Ю. «Русский ассоциативный словарь» и проблемы исследования эмоциональной лексики // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сборник статей. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 176–180.
22. Овсеян Ж.И. Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции // Правоведение. 2001. № 5. С. 24–36.
23. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. 222 с.
24. Сдобнова А.П. Единицы ядра языкового сознания современного школьника // Вопросы психолингвистики. 2007. № 1. С. 193–198.

25. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
26. Серιο П. О языке власти: критический анализ // *Философия языка: в границах и без границ*. Харьков, 1993. С. 167–186.
27. Серιο П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинаций // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса* / Пер. с фр. и португ. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 337–383.
28. Солоневич И. Народная монархия. М.: ООО «РИМИС», 2016. 416 с.
29. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // *Вопросы психолингвистики*. 2004. № 2. С. 34–48.
30. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Просвещение, 1996. 288 с.
31. Терин В.П. Массовая коммуникация: исследование опыта Запада. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 224 с.
32. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
33. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособ. М.: Флинта, 2008. 255 с.
34. Чудинов А.П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // *Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: Материалы Международ. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г.)*. – Екатеринбург, 2014. С. 269–270.
35. Шаховский В.И. Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: URSS, 2009. 124 с.
36. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса // *Эссе о социальной власти языка: Коллектив. моногр., подгот. по итогам науч. семинара «Социальная власть языка»*; Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, Воронеж. гос. ун-т, фак. романо-герм. филологии. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 57–64.
37. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01: утв. 15.03.2000. 431 с.
38. Diamond J. Status and Power in Verbal Interaction: a Study of Discourse in a Close-knit Social Network. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1996. 178 p.
39. Dunn J.A. Sm'algayax: a Reference Dictionary and Grammar for the Coast Tsimshian Language. – Washington, D.C.: University of Washington Press and Sealaska Heritage Foundation, 1995. 398 p.
40. Erol N. Ideology as Political Discourse: a Case Study of Print Media Discourses on Glasnost and Perestroika. East Lansing: Michigan State University, 1993. 232 p.

41. Johnson R.A. Mixed Methods Research: A Research Paradigm Whose Time Has Come // Educational Researcher. 2004. Vol. 9. P. 27–34.

42. Lakoff C., Jonson M. Metaphors we live by. Chicago; London: Chicago Press, Ltd., 1980. 256 p.

Maslova V.A.

*Grand Doctor of Philology, Full Professor,
Professor of the Department of Preschool and Primary Education,
Vitebsk State P.M. Masherov University,
Professor of the Department of Foreign Languages and Cross-cultural
communication,
Vitebsk Branch of the International University «MITSO»
mvavii@tut.by*

Dedinkin A.L.

*Doctor of History, Associate Professor,
Director, Vitebsk Branch of the International University «MITSO»
aleksandrdedinkin@yandex.ru*

Lavitski A.A.

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign Languages and Cross-cultural
communication,
Vitebsk Branch International University «MITSO»
anton_lavitski@mail.ru*

THE PHENOMENON OF POWER AS A FACT OF THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF BELARUSIANS: THEORETICAL AND EXPERIMENTAL APPROACHES

This section of research is devoted to identifying the peculiarities of perception of power in the linguistic consciousness of Belarusians. The analysis of specifics of power can be attempted on the basis of received data provided that the following hypothesis is accepted: the language system is the essence of the subsystem of the state. Our study makes precisely this attempt to use language in order to determine how present-day society perceives power and what main trends of its assessment exist among young adults. Our article examines the nature of power, its specificity, the lingual mechanisms it uses to control masses in terms of modern theory adopted in political linguistics. The theoretical part of the article consists of four sections: 1. Political linguistics in the service of the authorities; 2. Political power; 3. Power of law; 4. The power of language in politics. The article contains an important part that studies civic activities of Belarusian student youth in relation to the authorities. We carried out an associative experiment and found that Belarusian young adults can be described as rather non-politicized: among the received associative reactions, despite the presence of words with a semantically negative

meaning, only a small amount of them can be thematically referred to politics. Young people regard power as an inevitable evil but, as it makes the basis of the state, they accepted it, though without affection, as a necessity.

Keywords: political linguistics, political power, rule of law, power of language in politics, associative experiment.

Раздел 2

Политический дискурс в лингвориторической парадигме

Балахонская Л.В.

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета
l.balakhonskaya@spbu.ru*

Сергеева Е.В.

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена
elena.v.sergeeva@gmail.com*

СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ

Работа посвящена исследованию манипулятивных возможностей основных жанров предвыборного дискурса, выявлению в нем тактик, приемов и речевых средств реализации стратегии манипулирования. Предвыборный дискурс рассматривается авторами в рамках политического и определяется как связанное с определенной избирательной кампанией вербально оформленное публичное коммуникативное событие, основными характеристиками которого являются институциональность, конвенциональность, идеологичность, агональность, манипулятивность, мифологичность, персуазивность, оценочность, экспрессивность. Цель исследования – выявление манипулятивного потенциала предвыборного дискурса, определение его жанровой специфики и анализ языкового воплощения характерных для него манипулятивных тактик и приемов. Эмпирической базой исследования послужили предвыборные материалы трех кандидатов на должность Президента Российской Федерации – П.Н. Грудина, В.В. Жириновского и К.А. Собчак, размещенные в Интернете в период избирательной кампании 2018 года. Основными методами исследования стали критический дискурс-анализ, контент-анализ, лингвоидеологический и лингвостилисти-

ческий методы. Выделены наиболее актуальные жанры полиграфической и видеопродукции предвыборного дискурса: политические программы, листовки, газетные статьи, политические плакаты, агитационные ролики, в том числе ролики-презентации, видеозаписи публичных выступлений кандидатов перед избирателями и другие. На конкретных примерах показано, что манипулятивная стратегия в предвыборном дискурсе чаще всего реализуется в тактиках демагогии и эксплуатации психоэмоциональной сферы, а также в тактиках понижения, повышения и театральности. Проанализированы наиболее значимые приемы манипулятивного речевого воздействия, характерные для названных тактик. Рассмотрен манипулятивный потенциал мифотворчества в предвыборном дискурсе, связанный с возможностью мифов внедрять в общественное сознание иллюзорные модели окружающей действительности и легитимировать авторитет политического лидера в восприятии электората. Выявлены основные тактики и приемы, реализующие стратегию манипулирования посредством конструирования политических мифов. Проанализированы речевые средства репрезентации ведущих мифов в предвыборном дискурсе указанных кандидатов на выборную должность.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, жанры предвыборного дискурса, стратегия манипулирования, манипулятивная тактика, политическая мифология, мифотворчество.

Введение

Предвыборный дискурс – разновидность политического. Под политическим дискурсом понимаются все формы коммуникации, субъект, адресат или содержание которых относится к политической сфере [1]. Вероятно, можно определить политический дискурс как совокупность форм вербальной и невербальной коммуникации в ситуации, непосредственно связанной с политической сферой.

В политическом дискурсе используются манипулятивные приемы рекламного дискурса для создания положительного образа политика или партии, следовательно, можно говорить о политической рекламе, которая отчасти является симбиозом политического и рекламного дискурсов [2]. Именно к политической рекламе близка такая разновидность политического дискурса, как предвыборный.

Предвыборный дискурс иногда называют жанром политического дискурса [3; 4]. Однако предвыборный дискурс – скорее частная разновидность политического дискурса; содержание, структура и языковые средства предвыборного дискурса обладают спецификой, обусловленной задачей адресанта повлиять на выбор адресата, которую необходимо выполнить в ограниченный срок – период избирательной кампании. Различия, характерные для предвыборных материалов разных политиков и различных партий, менее значимы,

чем общность задач, основополагающих принципов и основных способов и средств речевого воздействия.

Следовательно, предвыборный дискурс – разновидность политического дискурса, представляющая собой связанное с определенной предвыборной кампанией вербально оформленное публичное коммуникативное событие, основными характеристиками которого являются персуазивность, оценочность, конвенциональность, идеологичность, агональность, экспрессивность и манипулятивность [1; 5–7].

Перечисленные особенности связаны с глобальной целеустановкой (завоевание власти) и частной задачей (голосование избирателей за определенного кандидата) предвыборного дискурса. Ориентированное на это речевое воздействие часто осуществляется скрыто с помощью различных манипулятивных тактик и приемов. Именно манипулятивность становится основной особенностью рассматриваемого дискурса, и в целом предвыборный дискурс может быть определен как манипулятивный феномен.

Главная цель исследования – рассмотрение манипулятивного потенциала предвыборного дискурса, определение его жанровой специфики и анализ языкового воплощения характерных для него манипулятивных тактик и приемов.

Эмпирической базой исследования послужили предвыборные материалы трех (из восьми зарегистрированных) кандидатов на должность Президента Российской Федерации – П.Н. Грудина, В.В. Жириновского и К.А. Собчак, размещенные в период избирательной кампании 2018 года в Интернете: на сайте «Русский эксперт. Выборы Президента России 18 марта 2018 года» (<https://guxpert.ru/>), на сайте КПРФ (<https://kprf.ru/>), на сайте ЛДПР (<https://ldpr.ru/>), на сайте партии «Гражданская инициатива» (<http://www.grazhdanin.ru/>) и некоторых других. Выбор политических субъектов обусловлен тем, что все они, как известно, в той или иной степени были поддержаны своим электоратом. По итогам голосования Грудин занял второе место, набрав 11,77% голоса, Жириновский – третье (5,65% голосов), Собчак – четвертое (1,68% голоса), оставив остальных кандидатов, за исключением В.В. Путина, далеко позади [8]. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть использованные указанными кандидатами тактики и приемы манипулятивного воздействия на сознание потенциальных избирателей.

Результаты и обсуждение

Основным методом исследования стал метод критического дискурс-анализа, предложенный Т. ван Дейком [9] специально для политической коммуникации. Дискурс-анализ предполагает анализ экстралингвистических факторов (места, времени, ситуации, субъектов коммуникации) и непосредственный лингвистический анализ языковых единиц, прежде всего лексических и грамматических. Были использованы также лингвоидеологический метод, выделяемый в рамках когнитивного метода при изучении взаимосвязи

идеологии и языка в политическом дискурсе, лингвостилистический метод, используемый при анализе стилистически маркированных языковых единиц, и метод контент-анализа для выявления преобладающих тактик и приемов в предвыборной коммуникации конкретных политиков.

***Жанровые разновидности политического дискурса
и основные тактики манипулятивного речевого воздействия***

Применение стратегии манипулирования в период избирательной кампании дает возможность политическим субъектам скрыто воздействовать на массовое сознание, незаметно для общества изменять социальные установки, корректировать поведение электората в нужном направлении, «заставив» проголосовать за определенного кандидата.

Поскольку в «век Интернета» стало значительно сложнее использовать манипулятивную тактику работы с информационным потоком, манипулятивная стратегия в предвыборном дискурсе чаще всего реализуется в тактиках эксплуатации психоэмоциональной сферы и демагогии [10].

Перечисленные тактики используются фактически во всех разновидностях и жанрах предвыборного дискурса [1; 4; 6; 7], прежде всего с целью создания положительного образа кандидата и убедительного представления адресату-избирателю обещаний этого кандидата. В главе рассмотрены наиболее актуальные жанры полиграфической и видеопродукции предвыборного дискурса: ролики-презентации, программы, статьи, политические плакаты, размещаемые как на баннерах, так и в Интернете.

Политическая программа – жанр предвыборного дискурса, обладающий высокой степенью манипулятивности, поскольку для адресанта крайне необходимо оказать максимальное воздействие на адресата, для которого этот текст – наиболее полный источник сведений о планируемой государственной деятельности кандидата.

Поскольку программа подразумевает представление только будущих действий потенциального первого лица государства, манипулятивная тактика работы с информационным потоком в ней не имеет смысла и применяется в программе прежде всего тактика демагогии, а также отчасти тактика эксплуатации психоэмоциональной сферы.

На основании рассмотрения предвыборных программ П. Грудинина, В. Жириновского и К. Собчак можно утверждать, что из конкретных приемов тактики демагогии чаще всего используется прием «необоснованные утверждения и обещания». Точно указать количество примеров употребления этого приема сложно, поскольку степень обоснованности обещания или какого-то положения, в зависимости от точки зрения, можно оценить по-разному, однако то, что подобных примеров в каждой предвыборной программе десятки, не подлежит сомнению. Рассмотрим только наиболее показательные примеры.

Так, в программе «20 шагов Павла Грудина» употребляются преимущественно формы будущего времени (более 70), в равной мере обозначающие более или менее реальные планы и невыполнимые, как представленные далее, обещания: *Развернем бесплатное для граждан подведение газа, электричества, воды и канализации к частным домам в малых городах и селах. Мы гарантируем массовое строительство качественного и доступного жилья.* Глагол *гарантировать* (давать гарантию, обеспечивать – МАС), усиливающий категоричность обещания, в программе этого кандидата употребляется 7 раз, что должно увеличить достоверность текста.

Несмотря на то что собственно прямых обещаний в программе К. Собчак было немного (основные положения даны в форме долженствования, о чем речь пойдет ниже), предполагаемое будущее в тексте этой программы представлено. Грамматическое оформление обещаний кандидата демонстрирует возможность представить действия в будущем без формы будущего времени глагола; показательно, что для документа характерны использование прежде всего предложений тождества и отглагольных существительных вместо глаголов: *Одна из главных задач в налоговой сфере – кардинально либерализовать налоговое администрирование; Прекращение необъявленных войн и конфликтов.*

Значительная часть переработанных в предвыборную программу 2018 г. «Ста пунктов Жириновского» представляет собой ничем не обоснованные обещания, которые, однако, представлены в категорической форме – инфинитива в значении будущего долженствования, однако именно долженствования, а не планируемого будущего: *Освободить от налогов производство и науку; Бесплатно подключить инженерные коммуникации; Возродить русскую деревню; Навести порядок в здравоохранении.*

Указание на долженствование как разновидность приема «необоснованные утверждения и обещания» частотно в предвыборных программах кандидатов, а в некоторых случаях может быть названо основным способом «обещать без обещания». Исключением является программа П. Грудина. Показательно, что в рассматриваемом жанре выделяются классические грамматические способы указания на обязательность чего-либо в будущем; в программах К. Собчак и В. Жириновского в большом количестве представлено классическое долженствование, выраженное составным глагольным сказуемым с вспомогательным компонентом *следует, должно, надо* или *необходимо*: *Следует в 10 раз снизить ставки арендной платы по всей стране и освободить от всех налогов на ближайшие 2 года; Ключевые посты в экономике в федеральных, региональных и муниципальных органах власти должны занять только честные профессионалы (Программа Жириновского); Главной мотивацией чиновника должно стать желание служить отечеству; Необходимо отменить законы, ограничивающие деятельность граждан*

и юридических лиц в современных коммуникационных средах (программа Собчак). Следует отметить, что в предвыборной программе Ксении Собчак указание на долженствование является безусловно доминирующим приемом и употребляется около 150 раз. Вероятно, подобная организация текста невольно выдает установку кандидата на заявление своей позиции, но не на победу в выборах.

Однако обобщенные высказывания также являются чрезвычайно значимым для предвыборной программы приемом, поскольку именно на них зиждется необоснованные обещания.

Абстрактная книжная лексика, лексика с преобладанием оценочного коннотативного элемента, широко употребительные в политическом дискурсе лексические единицы и словосочетания с расплывчатым или не всегда адекватно понимаемым читателем значением – основное средство воплощения приема, который вполне обоснованно часто называется «блистательной неопределенностью»: *предложить реальную альтернативу консервативно-изоляционистской стратегии; внедрения подлинных демократических принципов и механизмов; бороться с дискриминацией и предубеждениями* (программа Собчак); *сделать бюджет справедливым; дать дорогу молодежи; ударить по коррупции; Россия двинется к новому могуществу и величию* (программа Жириновского); *Мы поставим богатства России, ее природные, промышленные и финансовые ресурсы на службу народу; Приоритетом станет благополучие широких народных масс* (20 шагов Павла Грудинина).

Для того чтобы избиратели не задумались о степени обоснованности обещаний кандидата, в предвыборной программе в большей или меньшей мере применяется прием пробуждения чувства страха (запугивание) тактики эксплуатации психоэмоциональной сферы. Речь идет как об эпидемиях, так и о социальных проблемах и катаклизмах: *международная изоляция, экономический кризис; В России идет генерализованная эпидемия ВИЧ* (программа Собчак); *Сотни российских поселков и небольших городов медленно умирают; Сотни тысяч детей в детдомах* (программа Жириновского);

В дополнение к рассмотренному приему используется прием напоминания о базовых потребностях, в том числе о материальном благополучии, здоровье, комфорте. Этот прием фактически совмещается с приемом необоснованных обещаний тактики демагогии, что характерно для всех предвыборных программ: *Мы приравняем ежемесячное детское пособие к прожиточному минимуму ребенка; Гарантируем среднюю пенсию по старости – не менее 50% от средней зарплаты* (20 шагов Павла Грудинина); *Минимальная зарплата в России должна составлять 15 тысяч рублей; Литр бензина не должен стоить больше 20 рублей* (программа Жириновского). *Основная цель реформы – довести размер средней пенсии до не менее 40% от средней заработной платы* (программа Собчак).

И, наконец, в предвыборных программах выделяется демагогический прием создания дихотомической картины мира, в которой противопоставляется «мир кандидата» и «мир других политиков», причем государственная политика «других» всегда изображается как отрицательная, требующая изменений: *Государство должно отказаться от своей нынешней монополии на инструменты пропаганды* (программа Собчак); *Для этого нужен крутой поворот от олигархического капитализма к социальному государству* (20 шагов Павла Грудинина); *Искусственное взвинчивание цен на продовольствие, жилье, газ, электричество, бензин – это результат бездействия чиновников* (программа Жириновского).

Разнообразие и высокая значимость манипулятивных приемов в предвыборных программах кандидатов делают их «образцовым» жанром для демонстрации манипулятивного характера предвыборного дискурса.

Листовка представляет собой распространенный и наиболее прагматически ориентированный жанр предвыборного дискурса. Этот документ содержит небольшой объем информации, поэтому манипулятивные приемы здесь должны быть особенно эффективны. Листовка выполняет прежде всего функцию создания положительного образа кандидата.

В президентской предвыборной кампании 2018 года широко использовались **политические плакаты**, высказывания и лозунги, на которых демонстрировались различные манипулятивные приемы. Эти приемы должны быть достаточно просты и легко воспринимаемы прежде всего в связи с тем, что слова на **баннере** не рассчитаны на пристальное внимание и долгое восприятие. Несмотря на ограниченность вербальной составляющей, этот креолизованный жанр – достаточно значимая разновидность предвыборного дискурса, т.к. рассчитан на массового адресата, который обращается к информации на баннере чаще всего не намеренно и запоминает ее помимо своей воли.

На политическом плакате кандидата П.Н. Грудинина используется демагогический прием «тенденциозное наименование» в высказываниях *За Грудинина! За народного кандидата! Павел Грудинин. Народный кандидат! Народный выбор! Павел Николаевич Грудинин. Народный кандидат в президенты*. Лексема **народный** в номинации **народный кандидат**, имеющая в контексте явно положительную коннотацию, воспринимается сразу в нескольких значениях. Значения «относящийся к народу, стране; принадлежащий народу», «тесно связанный с народом, соответствующий духу народа» заставляют воспринимать кандидата как истинного представителя народа, воплощающего его мировоззрение. Оттенок значения «избранный народом» отчасти ориентирован на ценности советского периода, важные для электората пенсионного и предпенсионного возраста (ср. словосочетания «народный депутат», «народный избранник»). Названный прием применяется на другом

лексическом материале также в надписи на плакате *Грудинин. Справедливость. Родина. Народ*, где подразумевается высказывание о том, что Грудинин ассоциируется с обещанием справедливости для Родины и народа.

Другой демагогический прием – «создание дихотомической картины мира» в лозунге *Голосуй за своих! Наш президент Грудинин!* Употребляется притяжательное местоимение «свой», которое обозначает область круга своих. Притяжательное местоимение «наш» объединяет кандидата и избирателей. Сочетание двух названных приемов используется на плакате *Сделаем Россию великой вместе. Павел Грудинин – наш кандидат.*

Обращение к традиционным жанрам предвыборного дискурса – плакату-баннеру и листовке, вероятно, связано с традициями КПРФ. В меньшей мере в своей предвыборной кампании к жанру плаката обращался кандидат ЛДПР – В. Жириновский. Однако манипулятивные приемы применяются на них регулярно. На плакате этого кандидата в Интернете в лозунге *Сделаем мощный рывок вперед!* используются приемы «необоснованные обещания», «подача желаемого как реального», «объективация» и «блистательная неопределенность». Данный призыв-обещание совершенно неконкретен. Глагол в форме 1 лица множественного числа объединяет избирателей и кандидата, лексемы «мощный», «вперед» в контексте получают положительную коннотацию.

Высказывания на предвыборных плакатах К. Собчак также демонстрируют применение манипулятивных приемов тактики демагогии и тактики эксплуатации психоэмоциональной сферы (тенденциозное наименование и эксплуатация потребности принадлежать к элитной группе): *За молодость. За смелость. За Собчак; За Собчак. За правду. За свободу; Моя кампания – это ваша кампания.*

В президентской предвыборной кампании 2018 года распространенным средством агитации стали статьи в партийных или специальных предвыборных газетах, в текстах которых использовались различные манипулятивные приемы. Политическая газета отличается большим объемом текста, чем плакат или листовка, однако предвыборная статья в качестве основы для агитации обычно использует один сюжет или одну проблему. В агитационных статьях начала 2018 года, прежде всего газеты КПРФ «Правда», в которой манипулирование представлено наиболее показательно, можно выделить те же приемы, что в программах и плакатах.

Стратегия манипулирования представлена в статье «Красным озаряется село» (№ 22) с помощью приема «тенденциозное наименование» тактики демагогии: глагол «озариться» с пометой «высокое» (ярко осветиться – МАС) в сочетании с определением «красный» вызывает у адресата положительные ассоциации, связанные с солнцем и светом. Тенденциозное наименование используется также в названиях других статей, например, «Народный кан-

дидат не должен участвовать в политическом балагане» (№ 22). О семантике лексемы *народный* речь шла выше. Еще более показательно словосочетание *политический балаган*, которое обладает яркой негативной окраской (ср. балаган – *пер., разг.* грубое, пошлое шутовство, кривлянье) – МАС) и оказывает воздействие даже на уровне подсознательных реакций языковой личности, тем более что в статье эта лексема повторяется, усиленная другими со столь же отрицательной окраской, – *лицедей и игрища: дешевый балаган, в котором известные лицедеи играют привычные для них роли; в политических игрищах.* Слова *мерзость, грязная ложь, клевета, дебош, скандал*, словосочетание *политический зверинец* – также средства реализации приема «тенденциозное наименование».

Еще в одной статье – «Вместе победим!» – в названии используется прием эксплуатации потребности принадлежать какой-либо положительной общности, а в тексте – приемы «обобщенное высказывание» (блистательной неопределенности) и необоснованных обещаний (в виде указания на долженствования) тактики демагогии: *страна стала великой и в ней господствовали принципы свободы, равенства, братства и справедливости; Одновременно с этим все богатства страны должны быть национализированы...* Слово-сочетания *светоч надежды* и *долговая кабала* служат средством воплощения приема «тенденциозное наименование» (№ 3).

Прием «обобщенное высказывание» применяется почти в каждой рассмотренной предвыборной статье. Он становится основой речевого воздействия в статье «Люди должны жить, а не выживать!» (*развитие, справедливость, достоинство и достаток, занять достойное место в мире, качественную экономическую политику, национальная безопасность*) (№ 4) и в статье «Программа торжества Справедливости» (№ 6) (*программа борьбы с бедностью, чтобы народные богатства работали на людей, на простых граждан; социальная справедливость*). Подобные примеры можно найти также в статьях «Мы не должны терпеть унижение» (*...экономически и политически сильной державой..., возрождения величия России*) и «Главный дефицит в России – социальная справедливость (*отстоять свободу и справедливость, Родину и народ*). В других статьях неоднократно употребляется словосочетание с предельно широким значением «защитить справедливость».

В рассмотренных статьях употребляются также различные приемы тактики эксплуатации психоэмоциональной сферы, в частности – прием эксплуатации стремления к получению материальных благ без каких-либо усилий и затрат: *Богатые должны платить больше, а бедные вообще не должны платить подоходный налог.* Применение приема пробуждения чувства страха (запугивания) той же тактики можно указать в статье «Провести избирательную кампанию достойно – дело чести!» (№ 8): *Россия окружена*

частоколом военных баз. Она испытывает жесткое санкционное давление. Нас пытаются душить...

Прием «тенденциозное наименование» в предвыборном дискурсе может быть использован весьма разнообразно, от использования лозунгов Великой Отечественной войны в статье «Мы не должны терпеть унижение» (*Наше дело правое! Мы победим!, 18 марта будет свой Сталинград*) до употребления экспрессивно окрашенных словосочетаний *бандитский капитализм* в статье «Главный дефицит в России – социальная справедливость» и *беспринципные писаки* в статье «Провести избирательную кампанию достойно – дело чести!».

Прием гиперболизации тактики работы с информационным потоком представлен в статье «Главный дефицит в России – социальная справедливость» (№ 12): *Он сумел построить лучшую в мире школу, лучший детский сад, лучшее хозяйство в Европе.*

Употребление большого количества разнообразных манипулятивных приемов, в том числе в одном тексте, свидетельствует о ярко выраженном манипулятивном характере жанра предвыборной статьи.

Манипулятивный потенциал мифотворчества в предвыборном дискурсе

В периоды избирательных кампаний важную роль играет мифотворчество, искусно применяемое политиками и политтехнологами для конструирования позитивного имиджа одного кандидата и/или создания негативного образа другого с целью регулирования результатов выборов.

Манипулирование с помощью мифов заключается в скрытом внедрении в массовое сознание неких иллюзорных идей, символов, несущих в себе определенные ценности и нормы, которые воспринимаются обществом преимущественно на веру, без рационального осмысления. Как известно, мифологическое и легендарное воспринимается легче, чем логичное и рациональное. Мифы избавляют толпу от необходимости думать, мифологизированные образы принимаются без их критического осмысления Э. Кассирер трактовал мифы как искусственные семиотические конструкторы, создаваемые идеократической элитой для манипулирования политическим поведением масс. Он подчеркивал, что политические мифы «сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния» [11, с. 63].

Мифотворчество является действенным механизмом воздействия на сознание избирателей в периоды информационного противостояния кандидатов, так как мифологизация образов одних политиков и демифологизация образов других позволяют сконструировать релевантную для электората картину мира. Политическая мифология как особая форма ментальности способна воздействовать на сознание избирателей, конструируя «переживаемую реальность» провозглашенной кандидатом программы действий.

Предвыборная мифология формируется вокруг четырех основных тем: враг (заговор), социальный идеал, герой-спаситель и идентификационная общность (единство).

Миф о враге (о заговоре) включает в себя объяснение политических явлений, негативно воспринимаемых народом, как результат попыток врагов (как внешних, так и внутренних) навредить обществу. Концепт «враг», лежащий в основе мифа о враге, реализуется с помощью ключевых слов, обладающих негативными оценочными коннотациями.

Миф о социальном идеале (о золотом веке) теоретически моделирует идеальное состояние социума, которое связывается либо с прошлым, когда все в обществе было хорошо и стабильно, люди были равны, в мире царили доброта, любовь и понимание; либо с будущим, когда появится возможность реализации социального идеала, при условии следования определенной политической модели. Концепт «социальный идеал» эксплицируется с помощью ключевых слов, обладающих положительными эмоционально-оценочными коннотациями.

Миф о герое-спасителе имеет в своей основе абсолютизированные представления об исторической значимости персонифицированного социального субъекта, обладающего социально привлекательными в данном историческом контексте свойствами. Герой наделяется харизматическими чертами, он должен обладать многими талантами (например, быть хорошим воином, охотником, наездником, иметь дар пророка и т.д.), проявлять высокие моральные качества, любить и защищать свой народ. В семантической структуре ключевых слов, вербализующих концепт «герой», содержится позитивная эмоционально-экспрессивная оценочность.

Миф о единстве (идентификационной общности) базируется на противопоставлении в самоидентификации социальных субъектов «мы» («свои») – «они» («чужие»). Концепт «идентификационная общность» чаще всего вербализуется с помощью бинарной оппозиции: с одной стороны – мы, наш народ, свои; с другой – они, враги, чужие [12, с. 192].

Одной из задач исследования стало определение способов репрезентации основных тактик и приемов манипулирования в электоральных коммуникациях с помощью политических мифов.

Стратегия манипулирования посредством мифотворчества в предвыборном дискурсе реализуется с помощью тактики понижения, тактики повышения и тактики театральности, которые О.Л. Михалева называет стратегиями манипулятивного воздействия [5, с. 53–54]. Манипулятивная тактика понижения в предвыборном дискурсе реализуется прежде всего с помощью мифа о враге (о заговоре). При описании мифологизированных образов врагов используются приемы обвинения, обличения, оскорбления, угрозы, негативного прогноза развития событий и другие, с помощью которых в сознании адресата форми-

руется негативное отношение к данным образам. Манипулятивная тактика повышения реализуется с помощью мифа о герое-спасителе. Образ героя конструируется на основе приемов презентации, неявной самопрезентации, самооправдания, отвода критики и других, которые должны внушить адресату мысль об исключительных возможностях героя в плане спасения от врагов. Тактика театральности может быть реализована с помощью мифов о социальном идеале и о единстве (идентификационной общности). Как заметила Е.И. Шейгал, театральность политического дискурса обусловлена тем, что один из субъектов коммуникации – народ – выступает преимущественно в роли не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действие [14, с. 92]. В период выборов политтехнологи выступают, по сути, своего рода сценаристами и режиссерами, которые конструируют новую реальность в нужном направлении, используя наиболее востребованные мифы, а затем максимально приближают ее к действительности. Выборы можно сравнить с хорошо поставленным спектаклем на основе разработанного сценария: режиссер с помощью мифов расставляет нужные акценты в сценарии, подбирает актеров (кандидатов), заблаговременно готовит свою аудиторию (электорат) путем формирования общественного мнения и заранее прогнозирует эффект от спектакля (результаты выборов). Чем профессиональнее работают «сценарист» и «режиссер» (команда политтехнологов), тем лучше поставлен «спектакль» (проведена избирательная кампания) [12, с. 190; 15, с. 23].

Контент-анализ предвыборных материалов трех указанных выше кандидатов показал, что в их коммуникации важное место отводится *мифу о враге (о заговоре)*: у К. Собчак данный миф преобладает в сравнении с другими мифами (73,5%), у В. Жириновского используется очень активно (82,3%), но при этом столь же активно используется и миф о герое-спасителе (82,3%), у П. Грудина миф о враге тоже один из ведущих, но чуть уступает мифу о социальном идеале (76%). К *мифу о герое-спасителе* чаще всего обращается Жириновский (82,3%), заметно реже – Собчак (53%), совсем редко – Грудинин (24%). *Миф о социальном идеале (о золотом веке)* преобладает у Грудина (80%), заметно реже используется Жириновским (51,4%), еще более редко – Собчак (24,5%). *Миф о единстве (об идентификационной общности)* в коммуникации Грудина и Жириновского представлен почти одинаково, соответственно 52% и 52,9%, а в коммуникации Собчак встречается заметно реже – 22,4% [15, с. 93–94].

Выявив преобладающие мифы в предвыборной коммуникации указанных политиков, можно определить манипулятивный потенциал мифотворчества. Поскольку давно доказано, что мифы обладают мощной воздействующей силой на адресата, способны незаметно для него самого формировать новые взгляды, оценки, предпочтения, изменять траекторию его поведения, дейст-

вий, то это дает основания целенаправленно использовать мифотворчество в политической сфере вообще и в предвыборной коммуникации в частности.

Манипулятивная составляющая заложена уже в самом выборе конкретным политиком ведущих мифов, который, как правило, обусловлен идеологическими предпочтениями кандидата и его личностными особенностями. Так, преобладание *мифа о социальном идеале* в предвыборной коммуникации кандидата от КПРФ П.Н. Грудинина вполне объяснимо его приверженностью к коммунистической идеологии, к идеям социализма, базирующимся на представлениях об идеальном обществе и идеальных взаимоотношениях в нем. Манипулятивный потенциал мифа о социальном идеале обусловлен тем, что он помогает избирателям вообразить картину «светлого будущего», представить себя в этом прекрасном будущем. Репрезентация данного мифа базируется на употреблении относящейся преимущественно к высокому стилю абстрактной лексики с позитивными оценочными значениями, которая манипулятивна сама по себе (*свобода, равенство, братство, уважение, право на труд, справедливость, честность* и т.п.): *Пусть в нашей стране восторжествуют свобода, равенство, братство и уважение к человеку труда; Общество справедливости – это бесплатная медицина, бесплатное образование, достойная жизнь... Общество, построенное на социализме.* В данном случае используется манипулятивный прием «политических аффективов», призванный формировать ценностные установки адресата. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что манипулятивный потенциал мифа о социальном идеале («золотом веке») в предвыборной коммуникации П.Н. Грудинина основан на ностальгии по советскому прошлому, когда, по мнению его электората, люди были равны, а власть справедлива.

В.В. Жириновский, как известно, пропагандирует иную идеологию, которая базируется на декларации демократических прав граждан, поэтому миф о социальном идеале хотя и представлен в его коммуникации, но занимает лишь третье место – после мифа о враге и мифа о герое-спасителе. Преобладание двух последних мифов можно объяснить не только идеологическими установками политика, но и психологическими особенностями его личности: он во всех видит врагов, а себя представляет в роли героя-спасителя. Репрезентация *мифа о враге* в предвыборных материалах В. Жириновского осуществляется с помощью лексики, обладающей негативными оценочными компонентами значений (в том числе вульгарно-бранной) и потому заведомо манипулятивной (*авантюристы и проходимцы, подлость, наглость, хамство, негодяй, подлец, агрессия, страх, тюрьма, умирают, сносят памятники, навязали, ударить, обвинить, очернить, хамство, сошла с ума, ворует, воровской* и т.п.): *На Украине у власти авантюристы и проходимцы; А Кремлевская партия ворует, и проблема не решается.* Миф о враге нередко основан на употреблении метафор, предполагающих перенос значения на

основе сходства двух явлений по каким-либо признакам. Манипулятивный эффект метафор связан с повышенной эмоциональной нагрузкой и оценочностью. Например, Жириновский, говоря о К. Собчак и желая принизить ее возможности как кандидата в президенты из-за молодого возраста и отсутствия опыта, употребляет для ее характеристики словосочетание *детский сад* в метафорическом значении, которое в данном контексте употреблено как самостоятельная предикативная единица: *Ну, появилась там девушка, что она может? Она еще двух слов связать не может. Детский сад. Ей прачечную нельзя доверить, а это целое государство.*

Манипулятивный характер *мифа о враге* отчетливо проявляется при употреблении генерализующих высказываний с обобщающим значением, спецификой которых является «отсутствие связи с конкретным референтом и атемпоральность» [13], чем и обеспечивается воздействие на сознание получателя информации. К генерализующим относятся высказывания, «в которых суммируется накопленный общечеловеческий опыт, опыт какого-либо социума или же жизненный опыт какой-то отдельной персоны» [Там же]. Генерализующие (обобщающие) высказывания воспринимаются как авторитетные суждения, не требующие аргументации, например: *Все суды работают на начальников, на мафию, на олигархов.* Генерализующий характер данное высказывание из предвыборной речи В. Жириновского получает в результате употребления местоимения с обобщенной семантикой «все» и вневременной (атемпоральной) формы глагола настоящего времени «работают». В итоге данное высказывание воспринимается как истинное суждение, хотя на самом деле его содержание никак не доказано. В этом и проявляется эффект манипулирования сознанием адресата. Кроме того, в данном генерализующем высказывании наблюдается «двойная актуализация» мифа о враге, происходит «удвоение» врагов: враги первого (низшего) уровня – начальники, мафия, олигархи; враги второго (высшего) уровня – суды, которые в идеале не должны ни на кого «работать», т.к. обязаны осуществлять правосудие объективно, беспристрастно и справедливо.

Миф о герое-спасителе в коммуникации В. Жириновского призван героизировать образ политика, наделить его чертами защитника простых людей, готового решить все проблемы. Репрезентация мифа о герое-спасителе осуществляется с помощью предикатов, выражающих активные действия, запрет, ультимативные требования: *Я не позволю, чтобы у наших границ стояли натовские войска. В качестве ультиматума я требую незамедлительно отвести все натовские войска от русских границ!* Нередко используются предикативные единицы, выражающие семантику угрозы или устрашения: *Я восстановлю смертную казнь и для коррупционеров, и для наркоторговцев.* Позиция героя-спасителя всегда усиливается на фоне борьбы с врагами

(в приведенных примерах враги – это натовские войска, коррупционеры, наркодилеры), поэтому для политика важно в одном контексте представить миф о враге и миф о герое-спасителе. Большинство агитационных материалов В.В. Жириновского построено по принципу контраста, обладающего сильным манипулятивным потенциалом: в них идет противопоставление врагов (их много, что выражается личным местоимением третьего лица множественного числа «они») и героя (обычно он один, что выражается местоимением первого лица единственного числа «я»).

Миф о социальном идеале в предвыборных материалах В. Жириновского встречается не так часто, как мифы о враге и о герое-спасителе, однако занимает в его коммуникации достаточно серьезную позицию. *Миф о социальном идеале* базируется на традиционных ценностях, таких как семья, забота о бедных и обездоленных, справедливость, честность, патриотизм. Однако патриотизм в трактовке Жириновского нередко граничит либо с национализмом, либо с имперскими амбициями по поводу расширения территории, как, например, в серии предвыборных роликов под общим названием «Так мог бы выглядеть обычный день Президента России Владимира Жириновского», созданных по модели телевизионного жанра «Новости». В роликах диктор информирует о событиях, которые якобы уже свершились, используя глаголы в форме изъявительного наклонения для выражения реальной модальности и страдательные причастия прошедшего времени: *В Рижской губернии закрылась последняя военная база НАТО. На ее месте планируется открыть детский лагерь «Артек-Балтика»; В Малороссийском и Новороссийском федеральных округах прошел конкурс школьных сочинений «Россия – моя гордость и судьба»; В Прибалтийском федеральном округе прошла акция по сбору ржавой натовской техники; Жители Аляски попросили восстановить историческую справедливость и немедленно вернуться в состав России.* Манипулятивный эффект подобных высказываний обусловлен тем, что люди, слушающие данные «новости», декодируют их смысл в соответствии с грамматическими значениями глаголов и причастий, с помощью которых выражается категория предикативности предложения, и воспринимают описываемые события как реально существующие, а действия как уже свершившиеся. И лишь заключительная фраза – «Так мог бы выглядеть обычный день Президента России Владимира Жириновского», в которой используется глагол в форме сослагательного наклонения для выражения ирреальной модальности, свидетельствует о том, что все описываемые в роликах события – из области фантастики. Манипулирование заключается в том, что политик как бы прогнозирует некие события, которые его сторонники оценят положительно, но в то же время благодаря использованию глаголов в форме сослагательного наклонения («мог бы выглядеть») подчеркивает, что эти события могут стать реальными лишь при каких-то условиях, например,

если президентом станет В.В. Жириновский, а для этого электорат должен за него проголосовать [15, с. 26–27].

К. Собчак, самый молодой политик из всех кандидатов, хорошо представляет «врагов», но пока не готова предстать в роли героя-спасителя, что и отражено в выборе мифов: миф о враге используется ею заметно чаще, чем миф о герое-спасителе. Главный враг для нее – правительство, действующая власть, с произволом которой она призывает бороться граждан. *Миф о враге* в ее коммуникации воплощается с помощью негативнооценочных слов *коррупция, нажива, беззаконие, врут, воруют, обижают слабых* и т.п. Манипулятивным эффектом обладают также слова, содержащие в своих значениях смыс смерти, страданий, боли: *массовые расстрелы, пытки, издевательства, репрессии*.

Миф о герое-спасителе в предвыборных материалах К. Собчак содержит указание на разных субъектов: это ветераны войны, в том числе ее деды, воевавшие за страну, ее отец, ставший одним из создателей Конституции, и она сама как будущий гарант Конституции. Данный миф воплощается с помощью позитивнооценочной лексики (*справедливый, гарант Конституции, независимый, свободный* и т.п.). Слова, выражающие оценку, программируют мысли адресата, создают предпосылки для «правильной» интерпретации высказывания.

Проблемы идентификационной общности и социального идеала в данный момент, вероятно, не в полной мере интересуют данного кандидата, поэтому к соответствующим мифам К. Собчак обращается нечасто. *Миф об идентификационной общности* в ее коммуникации воплощается преимущественно с помощью слов с семантикой объединения: местоимения «мы», наречий «вместе», «совместно» и т.п., демонстрирующих принадлежность к одной социальной группе, подчеркивающих общность интересов политика и электората, единые цели и пути. Например: *Вместе мы очень сильны!*

Социальный идеал К. Собчак видит в верховенстве закона в России, в независимости судебной системы: *Независимая судебная система – это единственная вещь, которая может нас предостеречь от диктатуры и которая требуется для развития нормального цивилизованного государства*. В предвыборной коммуникации К. Собчак миф о социальном идеале базируется также на одной из ключевых категорий идеального общества – свободе (в одном из предвыборных роликов вербальный текст иллюстрируется изображением летящих в небе птиц, символизирующих свободу). Репрезентация мифа о социальном идеале в коммуникации К. Собчак осуществляется с помощью абстрактной лексики, выражающей социально значимые понятия и обладающей позитивными оценочными коннотациями (*свобода, мир, любовь, независимый, правда* и т.п.) Манипулятивный потенциал подобных слов усиливается при помещении их в определенную

синтаксическую конструкцию (например, в предложение с однородными членами), где оценочная лексика как бы «заряжает» своей оценкой рядом стоящие безоценочные слова. Например, в слогане *За молодость, за правду, за свободу и за Собчак!* манипуляция заключается в том, что в одном ряду оказались слова, обладающие позитивнооценочными коннотациями, и фамилия кандидата. В подобной синтаксической конструкции с однородными членами на восприятие последнего слова оказывает влияние значение предыдущих нескольких слов, т.е. происходит перенос впечатлений от восприятия одних слов на другие, поэтому фамилия и обладатель этой фамилии тоже наделяются позитивной оценкой.

Таким образом, анализ политической мифологии в предвыборном дискурсе и выявление основных способов речевой репрезентации того или иного мифа в коммуникации конкретных политиков наглядно показал манипулятивные возможности мифотворчества – способность незаметно воздействовать на сознание потенциальных избирателей и оказывать влияние на результаты выборов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что предвыборный дискурс, безусловно, можно считать манипулятивным феноменом, поскольку манипулятивное воздействие на сознание и потенциальных избирателей, и оппонентов характерно для всех жанров данного дискурса.

Манипулятивная стратегия в предвыборном дискурсе чаще всего реализуется в двух основных тактиках – тактике демагогии и тактике эксплуатации психоэмоциональной сферы. При этом ведущей является тактика демагогии, которая связана с основной целеустановкой предвыборного дискурса – оказать максимально эффективное скрытое воздействие на адресата, фактически принуждая его проголосовать за определенного кандидата. Тактика эксплуатации психоэмоциональной сферы используется для того, чтобы отключить рациональное мышление адресата и заставить его либо испытывать чувство страха, либо мечтать об оптимальном удовлетворении базовых потребностей, прежде всего материальных.

Наиболее значимы при использовании тактики демагогии в предвыборном дискурсе приемы необоснованные утверждения и обещания, часто в разновидности указание на долженствование, а также обобщенные высказывания, создание дихотомической картины мира и тенденциозные наименования.

При применении тактики эксплуатации психоэмоциональной сферы выделяются прежде всего приемы напоминания о базовых потребностях, пробуждения чувства страха и эксплуатации стремления к получению материальных благ без каких-либо усилий.

Весьма показательным жанром с точки зрения манипулятивности предвыборного дискурса можно считать предвыборные программы, в которых

выявляются разнообразие и высокая значимость манипулятивных приемов. Листовка, предвыборная газетная статья, лозунг или слоган на плакате-баннере также, несомненно, являются манипулятивно ориентированными жанрами.

В период избирательной кампании сильным манипулятивным зарядом обладает мифотворчество, поскольку позволяет более доходчиво выразить идеологическую направленность политической программы кандидата и эмоционально воздействовать на сознание и политических оппонентов, и электората. Манипулятивный потенциал политической мифологии обусловлен возможностью мифов внедрять в общественное сознание иллюзорные модели окружающей действительности, размывая границы между реальным и воображаемым миром. Стратегия манипулирования, реализуемая на базе мифотворчества с помощью тактик понижения, повышения и театральности, помогает легитимировать авторитет политического лидера в восприятии избирателей, сформировать мысль о предпочтении данного кандидата всем остальным, о необходимости следования провозглашенной им идеологии.

Список использованной литературы

1. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 325 с.
2. Кудашова Ю.В. Особенности политического дискурса выборов 2016 года // Вестник ОГУ. 2017. № 2 (202). С.112–121. <http://vestnik.osu.ru/doc/1033/lang/0/num/231> (дата обращения 18.06.2020).
3. Баган Ж., Бочарова Э.А. Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2012. № 1. URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9521> (дата обращения 11.06.2020).
4. Руженцева Н.Б. Политические и коммуникативные стратегии в печатных предвыборных материалах 2018 г. // Политическая лингвистика. 2018. № 2. С. 18–28.
5. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Монография. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2005. 320 с.
6. Ворожцова Н.В. Предвыборный дискурс и его жанры // Вестник ИГЛУ, 2010. № 2. С. 187–194. <http://www.islu.ru/ru/vestnik-iglu> (дата обращения 01.06.2020).
7. Халатян А.Б. Предвыборный дискурс // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 180–187.
8. Результаты выборов Президента Российской Федерации // Сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/ (дата размещения 23 марта 2018).

- 100 | 9. Dijk van T.A. Discourse and manipulation // *Discourse and Society*. 2006. № 17 (2). С. 359–383.
10. Сергеева Е.В. К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 г.) // *Политическая лингвистика*. 2012. № 2. С. 46–52.
11. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // *Вестник МГУ. Серия 7 «Философия»*. 1990. № 2. С. 58–65.
12. Балахонская Ю.В. Отличительные особенности политической мифологии // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2015. № 3 (67). С. 189–194.
13. Суздальцева В.Н. Генерализующие высказывания как средство манипулирования сознанием массового адресата // *Медиалингвистика*. 2018. Т. 5. № 1. С. 60–72. URL: <https://medialing.ru/generalizuyushchie-vyskazyvaniya-kak-sredstvo-manipulirovaniya-soznaniem-massovogo-adresata/> (дата обращения: 24.02.2019).
14. Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса // *Единицы языка в их функционировании*. Саратов, 2000. С. 92–96.
15. Balakhonskaya L.V. Communication Strategy of Political Leader's Image Mythologization in Digital Space during the course of Election Campaign: Comparative Aspect / L.V. Balakhonskaya, N.N. Zhuravleva, I.V. Beresneva // *Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*. IEEE, Saint Petersburg: Electrotechnical University "LETI", 2019. Pp. 22-29. URL: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57195608280> (дата обращения 25.11.2019).
16. Balakhonskaya L.V. Markers of Manipulation in the Electoral Communication in a Digital Environment / L.V. Balakhonskaya, D.P. Gavra, I. V. Beresneva, K.K. Sadirova // *Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS*. IEEE, Saint Petersburg: Electrotechnical University "LETI", 2020. Pp. 91-98. URL: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57195608280> (дата обращения 24.06.2020).

Balakhonskaya L.V.

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Graduate School of Journalism and Mass
Communications, St. Petersburg State University
l.balakhonskaya@spbu.ru*

Sergeeva E.V.

*Grand Doctor of Philology, Full Professor,
Professor of the Department of the Russian Language, Faculty of Philology,
The Herzen State Pedagogical University of Russia
elena.v.sergeeva@gmail.com*

STRATEGY OF MANIPULATION IN THE ELECTION DISCOURSE

The Chapter is devoted to the study of the manipulative potential of the election discourse, highlighting its genre specificity and analyzing the linguistic embodiment of its characteristic manipulative tactics and techniques.

Pre-election discourse is defined as a type of political discourse – a verbally formed public communicative event associated with a particular election campaign, the main characteristics of which are pervasiveness, evaluability, conventionality, mythologicality, manipulativeness, ideology, agonality and expressiveness.

The purpose of the research is to identify the manipulative potential of electoral discourse, determine its genre specificity, and analyze the language implementation of its typical manipulative tactics and techniques.

The empirical base of the study was the election materials of three (out of eight registered) candidates for the post of President of the Russian Federation – P.N. Grudinin, V.V. Zhirinovskiy and K.A. Sobchak, posted on the Internet during the 2018 election campaign.

The main research methods are critical discourse analysis, content analysis, linguoideological and linguostylistic methods.

The most relevant genres of printing and video products of election discourse are considered: video presentations, programs, newspaper articles, political posters.

The article considers the manipulative potential of myth-making in the electoral discourse, which is associated with the possibility of myths to introduce illusory models of the surrounding reality into the public consciousness and legitimize the authority of a political leader in the perception of the electorate. The main tactics and techniques that implement the strategy of manipulation through the construction of political myths are identified. Speech means of representing the leading myths in the election discourse of these candidates for elective office are analyzed.

Keywords: the pre-election discourse, the genres of campaign discourse, the strategy of manipulation, manipulative tactics, mythmaking.

Боженкова Н.А.

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
NABozhenkova@pushkin.institute*

Каличкина Т.И.

*аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
TIKalichkina@pushkin.institute*

Пантелеева А.П.

*аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
panteleeva-alex@mail.ru*

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГОСФЕРА: НОВЫЕ ТЕКСТОВЫЕ РЕАЛИИ³

В статье представлен анализ вербальных конструкторов, манифестирующих лингвопрагматическую устроенность российской политической коммуникации. Выделяется особый класс изобразительных средств политического языка – *тропофигуры* (к числу которых отнесены *ирония* и *парцелляция*) – и констатируется, что иронический модус высказывания нередко реализуется посредством парцеллированных синтагм. В контексте политического дискурса сегментированные единицы с ироническим кодом предоставляют специфическую возможность имманентного манипулирования общественным мнением, что используется политиками для латентной диффамации оппонента. В этой связи выявляются функции и грамматические способы представления данных конвергентных орнаментальных конструкций в актах политического взаимодействия; особое внимание отводится описанию категориальной сущности сегментированных предложений, контекстуальная экземплификация которых формирует асимметрию смыслового поля и вербальной рамки высказывания, что, в свою очередь, порождает акцессорные значения синтагмы и детерминирует ироническую рефлексию текста партиципантами политических интеракций. Делается вывод, что частотная актуализация и особенности идиорепрезентации тропофигур приводят к персонификации политического поля, усилению модуса художественности дискурсивных практик, расширению их прагматико-аксиологического потенциала и формированию новой модели мировосприятия политико- и культурнообусловленных реалий.

Ключевые слова: политический дискурс, тропофигуры, парцелляция, ирония, лингвокультурные спецификаторы

---

³ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 18-012-00574, № 19-312-90069.

Введение

Язык, будучи базисным атрибутом личности, является самым ярким маркером взаимоотношений «объект / среда», в рамках которых претерпевает бесконечное развитие. Процессы многовекового бытования вербальных знаков демонстрируют расширение семантической емкости слова и формирование в дискурсе как глобальном коммуникативном событии новых семасиологических полей, что объясняется взаимовлиянием/ взаимопроникновением конститутивных элементов многообразных институциональных интеракций, обусловленных мыслительными, поведенческими, этнокультурными компонентами социальных отношений.

В этой связи политический дискурс, представляющий собой речевую деятельность субъектов в сферах политического институционального общения, детерминированную определенной социально-ролевой иерархией и объективированную в виде совокупности текстовых единиц политической направленности во всем их жанровом и функциональном многообразии [2], оказывается наиболее «чувствительным» к различного рода трансформациям.

Базисный признак политического дискурса – его использование в качестве инструмента овладения властью, ее сохранения и перераспределения [12, 19, 23] – определяет «аранжировку» организации и реализации в политических практиках текстовых единиц различной формы (описание, сравнение, мнение, выводы) и разнообразной генристической принадлежности (официальное заявление, пресс-конференция, интервью и др.), предполагающую своеобразное сочетание «строгой» эксплицитной информации с имплицитно-коннотативными элементами. Именно последние вербальные конструкты обуславливают особую языковую картину политического дискурса и его дифференциальные характеристики – специфическую институциональность, трафаретность и одновременно семасиологическую «неопределенность», что незатруднительно элиминируется благодаря неразрывной связи политических текстов как с социокультурными, идеологическими, историческими, аксиологическими, психологическими компонентами коммуникативной ситуации, в которой они были созданы, так и с системой когнитивных и прагматических установок акторов [3]. Соответственно, модус и содержательная наполненность политической практики напрямую зависит от 1) интенциональных посылов коммуникативного поведения адресанта и 2) умения использовать различные, реализующие воздействующий потенциал естественного языка на интеллектуальную и эмоционально-волевую сферу адресата вербальные средства⁴, в кластере которых особое место занимают *фигуры речи*.

⁴ Так, В.И. Шаховский утверждает, что «народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным, манипулирование общественным сознанием власть осуществляет при помощи языка» [22, с. 37].

Отметим, что термин *фигура речи* (имеющий 26-вековую историю) в XX веке стал интерпретироваться как «совокупность исторически сложившихся и усовершенствованных в процессе общения “особых” приемов в построении фразы, сущностно являющихся средством усиления высказывания и направленных на повышение эффективности коммуникативного акта, причем одновременно и внесловесной (содержательной), и словесной (формальной) его сторон» [16, с. 65]. При внешней убедительности подобного рода понимание скрывало внутри себя весьма существенный изъян: принято было считать, что говорящий (пишущий) сначала непременно использует в качестве исходного «сырого материала» некое «нефигуральное» выражение, подвергающееся в дальнейшем авторскому же видоизменению путем включения искусственных приемов, которые «якобы можно беспрепятственно вводить в речь и также свободно устранять из нее» [Там же]. Соответственно, концепция истолкования фигуры речи как некоего «усилительного процесса», противоречащего «обычному» способу языкового общения, распространялась не только на филогенетический, но и на онтогенетический аспект проблемы. Лишь постепенно стало осознаваться, что фигурация речи, выступающая результатом определенных преобразований мыслительно-словесного «материала», возможна, но этот случай отнюдь не является правилом⁵: «... пишущие (говорящие) не украшают с помощью фигур то, что пишут, они создают язык... Таким образом, “дополнительные структуры” не являются простыми ограничителями, пусть “чудесными”, но “тисками”: они представляют собой то единственное средство, которое может увести язык от его утилитарной роли...» [13, с. 60].

Второе противоречие связано с тем, что в филологической традиции существовали (и существуют) различные интерпретации природы и границ явлений «украшательности»: в прежнем широком понимании фигуры включали в себя тропы, позднее они были разграничены [11]. Бесспорно, неоднозначность исследовательских подходов объясняется многими факторами – от экзистенциональных взглядов мыслителей и ученых, научных/практических задач сочинения до собственно языковых форм, являющихся материалом изучения/описания. Сегодня, однако, очевидно, что в качестве доминант экспрессивно маркированной речи выступают как *тропы*, так и *стилистические фигуры*, однако в категориальном плане они имеют существенные отличия: первые строятся по принципу референтного смещения, образной иносказательности, на основе ассоциаций по сходству/ смежности/ противоположности, тогда как вторые детерминированы орнаментальным,

---

⁵ Такая радикальная переоценка лучше и полнее других авторов была сделана М.А. Петровским («Фигура», 1925) и нашла свое системное подкрепление в работах Л.К. Граудиной, В.И. Королькова, Ю.М. Скребнева, А.П. Сквородникова, Цв. Тодорова, Т.Г. Хазагерова, Л.С. Шириной и др.

явно отступающим от нейтрального, речевым ходом, который предполагает особые способы соединения слов/словосочетаний/ предложений или более крупных фрагментов текста и суммирует прямые (непереносные) значения компонентов высказывания.

Самым же проблемным местом элокуции как раздела риторики является тот факт, что ряд изобразительных средств и приемов (например, оксюморон, хиазм, зевгма и др.) с точки зрения выдвигаемых критериев оказываются в силу своей природы переходными и таксономически не вполне мотивированными. В этой связи чрезвычайно важной представляется идея Л.А. Новикова, предлагавшего выделить *особый класс экспрессивных средств – тропофигуры*, – включающий те орнаментальные конструкции, разграничение которых возможно только до известной степени: «Если взять, скажем, сравнение, то оно обнаруживает свойства как тропа (“несвернутая” метафора), так и фигуры (конструкции с союзами *как, словно, подобно, будто* и др.)» [17, с. 122]. Думается, что только такое – системное и глубинное – понимание категориальной сущности ряда языковых явлений может объяснить их когнитивную «многослойность» и панстилистическую потенцию и стать основанием для лингвоаксиологического описания изменения конфигурации поля политики.

С нашей точки зрения, признаки совмещения характерологических черт как тропеических единиц, так и собственно фигурных построений наиболее явно обнаруживают *ирония* и *парцелляция*, поскольку их синергетическая устроенность определяет возможность перехода «от индивидуального ко всеобщему». Более того, актуализация *парцеллированной конструкции* в силу неограниченности фигурной модели и внутренней тропеической активности реализует определенные лингвокультурные смыслы, которые нередко формируют *иронический модус* высказывания / дискурсивной практики, что обуславливает их «жизнеспособность» в пространстве политической коммуникации. В этой связи фокус научного интереса направлен на выявление конститутивных параметров иронии как универсальной семиотической матрицы, репрезентирующей отношение культурного опыта человека к вербализованной реальности, с последующей характеристикой синтагматических, семасиологических, прагматических и – шире – ценностно-культурных механизмов адаптации иронического кода в актах современного политического взаимодействия.

Результаты и обсуждение

Не секрет, что современный политический дискурс демонстрирует все большее «отмирание» этического и эстетического компонентов речевой культуры, принимающее разнообразнейшие формы вербального манипулирования. Причинами данного явления можно назвать различные факты современной общественной жизни: от собственно (интра)языковых (доминантность полисемиотичной формы речевого взаимодействия, смещение

106 | нормативных границ языка массовой коммуникации, вербальная демократизация табуированных зон политического дискурса, обусловленная широкой «миграцией» языковых конститuentов и некоей данью речевой моде вне (экстра)языковых (нестабильность мировой экономической сферы, глобализация и одновременно дезинтеграция лингвокультурных составляющих каждого этноса, существенно усилившиеся вследствие пандемии, и т.д.). Но главным фактором, безусловно, является безграничное проникновение поля политики в контент различных СМИ, интернет-каналов и социальных сетей. Можно утверждать, что медиаресурсы становятся не только средой и средством существования политического пространства, но и выступают как субъекты политической деятельности, конвергентно реализующие 1) функции, специфические для политического дискурса – агональную, интерпретационную, функцию социальной идентификации (дифференциация/интеграция групповых акторов политики), функцию контроля (имманентно включающую манипуляцию общественным сознанием), 2) функции, специфичные для медийного пространства – посредническую и (что особенно важно!) развлекательную.

В этой связи «на русской почве» актуализируется важнейший тезис западной информационной технологии, который весьма наглядно был сформулирован еще в 1994 г. сэром Бернардом Ингхемом (пресс-секретарем М. Тэтчер) на семинаре Московской школы политических наук: «Движущая сила британской, да и всей западной прессы – система ценностей новостей. Главная ценность звучит так: плохая новость – хорошая новость, а хорошая новость – это вообще не новость». Соответственно, любая история должна быть *сенсационной* (от лат. *sens* – ‘ощущение’) и (уже эпистемически) с выраженной негативной коннотацией. Главный, «положительный» герой такой истории, естественно, категоризируется в виде представителя любого органа прессы или иного организатора «борьбы за добро» (в логических номинациях – субъекта), тогда как все остальные персонажи (объекты) персонифицируют «зло». Налицо не только классическая аристотелевская формула суждения «S есть/не есть O» (причем предикативная дихотомия строится в обратной последовательности – от «не есть» в начале истории до «есть» в ее конце с целью дополнительной идеализации образа героя), но и мифологическая (даже сказочная) структура текста/дискурса, стержневая линия которого воплощается/обрамляется специфическими языковыми приемами – в первую очередь, *тропофигурой иронии*. В результате языковые единицы «приобретают» нетипичную для них интерпретацию, «наполняются» противоположным смыслом, тем самым констатируется коннотативная амбивалентность трансляции идеологически маркированных единиц, определяемая «не столько принципиальными политическими установками коммуникантов, сколько латентными целями управления аудиторией» [5, с. 78].

Важным является и тот факт, что особая институциональность политического дискурса, обусловленная личностными характеристиками агента дискурсивной практики (градуальность интеракции коррелирует с видом коммуникативного события и варьируется в зависимости от степени включенности персонального компонента), нередко детерминирует невозможность эксплицитного маркирования идеологом, что приводит к расширению тезауруса прецедентных текстов и высказываний, их сопровождению определенной интоникой, актуализации не замечаемых обыденно семиотико-семасиологические компоненты и в совокупности порождает новый, единственно истинный смысл политического высказывания.

Несомненно, что вербальные средства передачи информации специфичны для каждого политика: они зависят от культурно-исторического контекста, политической ситуации, целей и методов ее достижения и др. Вместе с тем сегодня можно с уверенностью говорить о некоем «ироническом отношении» к реальности, которое приобретает всеобъемлющий характер. Частотность включенности *тропофигуры иронии* в политические интеракции, ее акцентуированность и симультанная сочетанность с *тропофигурой парцелляции* влекут за собой и видоизменение сферы коммуникативных рисков⁶, что, в свою очередь, становится стимулом как для характеристики лексическо-морфологических, логико-синтаксических, ценностно-семантических компонентов данных тропофигур, так и для описания тенденций развития этих феноменов.

Феномен тропофигуры иронии, несмотря на многовековое изучение и описание способов ее экспликации [21, 24, 25], до сих пор остается «научно лакунарным», что подтверждается как множеством ее истолкований, так и множеством типологий [8, 10, 15]. С нашей точки зрения, следует констатировать следующее: ирония – это явление полифункциональное, обусловленное асинхронией смысла текста и его формой, категориальная сущность которого базируется на диспропорции/асимметричности словесного знака, что приводит к неконгруэнтности языковых слоев – содержательного и функционального – и тем самым порождает акцессорные значения в предложении. Такая «деконструкция» собственной структуры, опосредованная контекстуальными характеристиками и определенной синтагматической словосочетаемостью, порождает вторичную номинацию, актуализирующую как новую (как правило, противоположную) сему, так и новую ценностно-оценочную характеристику.

Сегодня можно утверждать, что, будучи персонифицированной рецепцией организации универсума, находящей свое отражение в языке, тропофигура иронии придает тексту образность и яркость, тем самым в современном политическом пространстве фиксируется авторизация, усиливается модус

---

⁶ Достаточно вспомнить реплику М.В. Захаровой, которая стала причиной политического инцидента с участием Президента России и Президента Сербии.

108 | художественности, а политический дискурс приобретает панинтертекстуальность. Неудивительно, что ирония в различном знаковом оформлении не только постепенно заполняет информационное медийное пространство, но и во многом заменяет «классические» агитационные выступления: «использование интернет-мемов в избирательных кампаниях представляет собой новый тренд в современной политике» [9, с. 94]. Отметим, что современные интернет-тренды, манифестирующие идеологические воззрения, можно рассматривать с различных позиций: 1) как некое фольклорное явление, которое выражает отклик народа на отдельные политические события или высказывания; 2) как продуманную PR-кампанию политиков и их команды. В первом случае это стихийное, неуправляемое и бесконтрольное явление, во втором же случае создание каждого мема имеет четкое целеполагание (управление общественным сознанием, наделение конкретного политика позитивными или негативными признаками) и определяет стратегию и тактики взаимодействия с социумом.

В этой связи чрезвычайно интересной представляется оценка тропофигуры иронии как способа латентной диффамации оппонента одним из важнейших представителей российского политического пространства⁷ – директором Департамента информации и печати МИД РФ М.В. Захаровой:

«ТК: Допустима ли ирония в политическом дискурсе?»

МЗ: Конечно. Сейчас известно понятие «троллинг». Раньше такого не было, по крайней мере публично. Это просто особый жанр, особое направление работы или особая примета времени, то, что раньше люди не могли себе позволить, сейчас является распространенной формой. Министры иностранных дел, президенты, главы государств позволяют себе какие-то вещи, которые казались бы раньше просто недопустимыми, а сегодня это норма.

ТК: Мы затронули термины иронии и сарказма, а Вы как-то для себя разграничиваете эти два понятия?

МЗ: Сарказм просто жестче, сильнее иронии. Ирония мягче, у меня нет таблицы, на которой я бы соотносила эти вещи. Есть понятие «уместный» и «неуместный» и очень важный момент, что ты никогда не будешь мил и приятен для всех. Насколько бы ни была филигранна та же ирония или юмор, сарказм, насколько бы ни была ювелирна шутка или какой-то оборот, он никогда не сможет попасть в стопроцентную аудиторию.

ТК: Как Вы считаете, отлично ли отношение к иронии в разных культурах?

МЗ: Конечно, безусловно, это вопрос разного менталитета и, наверное, в большей степени, различных традиций, особенностей, жизненных укладов, отношения к жизни, оценки жизненных ситуаций, способов выражения мнений и чувств. Безусловно, особенности есть и очень большие.

ТК: То есть можно сказать о различной степени градации иронии в Ваших речах, в зависимости от того, аудитория какой национальности находится перед Вами: русскоговорящая или иностранная?

⁷ Представлен фрагмент беседы-интервью Т.И. Каличкиной (ТК) и М.В. Захаровой (МЗ) (30.01.2018): <http://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=15045>

МЗ: Я бы сказала так: и наша аудитория различна по возрасту и составу. Что касается подготовки к встрече – ты всегда смотришь: заявленную тему, кто те люди, с которыми ты встречаешься, чем они занимаются и так далее. Также не упускаем из виду чувства аудитории, а это подразумевает большое количество компонентов, которые вносят соответствующие коррективы, в том числе и в подачу информации и в твое общение с этими людьми».

Таким образом, ирония в контексте современного политического дискурса оказывается моделью мировосприятия политических и культурно-обусловленных реалий, возникающих в результате семантико-стилистического взаимодействия «своей» и «чужой» речи, что порождает двойственность, смысловую многоплановость и тем самым многократно усиливает манипулятивный потенциал высказывания. Более того, в современных геополитических условиях тропофигура иронии становится важнейшим *языковым приемом легитимации политических явлений*, нередко имеющих разноречивую оценку электората [4].

Бесспорно, что процесс создания иронического кода и управления его (кода) рефлексией предполагает множество семиотических воплощений, но сама специфика медийных ресурсов диктует непереносимость сочетания перцептивных аудиальных и визуальных сенсорно-перцептивных каналов и определяет лавинообразное возрастание коммуникативных явлений, синергетически сочетающих в себе неоднородные по структурно-семасиологической организации языковые конструкторы, где наибольший интерес представляют *парцеллированные синтагмы* как экспликанты иронического кода.

Традиционно *парцелляцией* именуют стилистическую фигуру речи, состоящую в расчленении исходной целостной структуры высказывания на два (или более) интонационно/графически обособленных отрезка – базовую структуру и парцеллят [7, 14, 20], однако лингвистические наблюдения позволяют утверждать, что сегментированная синтагма есть вербальный маркер когнитивных механизмов текстообразования, которые позволяют партиципantu определенным образом презентовать собственную коммуникативную целеустановку. Соответственно, из приема и средства усиления выразительности парцелляция все более «превращается» в маркер идиоматального процесса, что в случае со «знаковыми» фигурами политической деятельности (лидерами государств, руководителями властных структур, представителями оппозиционных взглядов и др.) нередко экстраполируется на способ мировосприятия членов социума, разделяющих данные идеологические воззрения.

В настоящее время большинство ученых отмечают, что парцелляция как способ организации текста связана с усложнением характера предикации, а значит, и с изменением схемы актуального членения предложения. В парцеллированных конструкциях, с одной стороны, продолжает действовать логическая предикативная связь, объединяющая основные компоненты

110 | актуального членения предложения – тему и ремю – на уровне всего предложения, с другой стороны – «оживляются» синтаксические связи на уровне его частей. Парцеллированные конструкции обладают набором определенных признаков: 1) высказывание членится на две или более части, одна из которых представляет собой базовый компонент и содержит тему высказывания, а вторая – собственно парцеллят, всегда содержащий ремю (нечто новое, нередко парадоксальное); 2) парцеллят – это не добавочная конструкция, а отчлененная часть уже существующей структуры, которая разграничивает высказываемые мысли и находится в постпозиции к базовой структуре; 3) на семантическом уровне парцеллят характеризуется идентичными с базовой частью временными семами; между частями расчлененной структуры сохраняются грамматические связи, которые при необходимости можно легко восстановить; предикативные признаки (модальность, синтаксическое время) заимствуются из базовой части; 4) модель предпарцеллируемой структуры сохранена, даже если при парцеллировании был нарушен порядок слов; 5) парцеллированный компонент имеет самостоятельное интонационное оформление – предупредительная пауза перед парцеллятом, убыстренный темп, повышение тона в конце (что в письменной речи маркируется отделением от базовой части пунктуационным знаком точки; реже возможны тире, многоточие, вопросительный или восклицательный знаки); 6) благодаря сознательному интонационному отвлечению от синтаксически господствующей части информация, содержащаяся в парцелляте, в соответствии с интенциями адресанта актуализируется, при этом высказывание приобретает особую (метафорическую) смысловую и эмоциональную выразительность.

Соответственно, парцеллированные конструкции не только акцентируют внимание на суперпозиции ремы высказывания, но и выполняют существенную роль в манифестировании смысла текста и авторской позиции, тем самым демонстрируют признаки тропофигуры. Более того: будучи синкретичным синтаксическим феноменом, в котором «соединяются черты двух позиций – присловной и неприсловной – вне предложения с распространяемым компонентом» [18, с. 251], парцелляция как лингвистический механизм текстообразования создает условия для преодоления языковых запретов на постановку в синтаксическую постпозицию различных словоформ, так как, оказываясь «компромиссом развернутости и компактности» [6, с. 83], позволяет и актуализировать, и, что важнее, рематизировать коммуникативно релевантный компонент высказывания.

Функциональная многоплановость парцелляции, незамкнутость ее лексического воплощения, достаточная свобода синтаксического представления (в пределах структуры простого/сложного предложения, однородных членов; вследствие эллипса глагола общего значения; контактность/дистантность расположения; степень распространенности и количественность парцел-

лята) обуславливают не только разнообразие моделей парцелированных конструкций в политических дискурсивных практиках, но многоуровневость иронической рефлексии такой конструкции:

«*Россия может подняться с колен. И как следует огреть*» (В.В. Путин, <https://ria.ru/20080507/106744531.html>, 20.11.2020);

«*Интересно, что очень разъехались оценки участников и журналистов. В противоположные стороны*» (Л.М. Волков, <https://www.leonidvolkov.ru/t/47/>, 11.04.2019);

«*С оппозиционными партиями, как и с женщиной, нужно жить в согласии и... в большой квартире. Чтобы им было куда сходить обижаться*» (В.В. Жириновский, <https://ldpr.ru/party>, 10.04.2019);

«*Ругаюсь матом на себя только. В России есть такой грех. Отмолим*» (В.В. Путин, <https://www.rbc.ru/politics/14/04/2016/570f80719a79474adc57f792>, 13.11.2020);

«*Если Европа начнет замерзать – пусть попрыгает. А правильно прыгать научит Украина*» (В.В. Путин, <https://ria.ru/20080507/106744531.html>, 20.11.2020);

«*Мы готовы к диалогу с НАТО. Даже если это будет монолог*» (В.В. Путин, <https://ria.ru/20080507/106744531.html>, 20.11.2020);

«*Наше будущее в наших руках. И клыках*» (М.В. Захарова, Facebook, 08.10.2020);

«*В отношениях представителей прессы могу сказать так, как мы шутили, когда я работал совершенно в другой организации. Их прислали подглядывать, а они подслушивают. Некрасиво*» (В.В. Путин, <https://ria.ru/20080507/106744531.html>, 20.11.2020);

«*Мы никого врагами не считаем. И не рекомендую никому считать нас своими врагами*» (В.В. Путин, <https://rg.ru/2015/04/16/vragi-site.html>, 13.11.2020);

«*Недаром говорят, что восток Украины работает на Россию. А запад – в России*» (Д.А. Медведев, <http://government.ru/news/16118/>, 15.04.2019);

«*Я не скажу, что существует два непримиримых врага, с одной стороны – государство, а с другой – олигархи. Я думаю скорее, что государство держит в руках дубинку, которой бьет всего один раз. Но по голове*» (В.В. Путин, <http://https://www.1tv.ru/?1>, 10.04.2019);

«*Мы никого не заставляем, никого не шантажируем, не угрожаем... Мы – вежливые люди...*» (С.В. Лавров, <https://www.kp.ru/daily/26506.5/3375210/>, 13.11.2020);

«*Тело Ленина будет захоронено на Волковом кладбище. Если такова будет воля Господа. И Президента*» (В.В. Жириновский, <https://ldpr.ru/party>, 10.04.2019);

«*Посмотрела ночью триллер. Потом еще один. Раньше после фильма ужасов было жутко выходить в темный коридор. Сейчас пока не посмо-*

112 | **тришь хоррор, страшно засыпать. Вдруг новости приснятся»** (М.В. Захарова, <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10224660635732995>, 13.11.2020);

«Я не хочу сказать, что нам совершенно безразлично ваше мнение и что мы плевать на все хотели. Нет, мы будем прислушиваться к советам... доброжелательным» (В.В. Путин, <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21775>, 20.04.2020);

«Мы Европу потерять не можем. Европа без России не Европа. Россия не раз спасала Европу от самой Европы» (С.В. Лавров, <https://www.kp.ru/daily/26506.5/3375210/>, 13.11.2020);

«Я не знаю, проиграли мы эту первую битву или нет. И с кем мы вообще воюем? С вирусом или с самими собой?» (М.В. Захарова, Facebook, 04.04.2020);

«Может, быку не позволено. Но медведь разрешения спрашивать не будет. Он у нас считается хозяином тайги. Он не собирается переезжать в другие климатические зоны, ему там неудобно. Но тайги он не отдаст». (В.В. Путин, <https://www.kp.ru/daily/26299/3177638/>, 20.11.2020);

«Политическая трибуна – это, конечно, место, где ты зарабатываешь имя. Но еще чаще – нервный стресс, нервный тик и бесконечную головную боль» (С.В. Лавров, <http://https://www.1tv.ru/?1>, 10.04.2019).

Безусловно, приведенные примеры имеют разную семасиологическую и грамматическую устроенность: способность к отграничению определяется и ослабленной семантической связью с доминирующим элементом, и пропозиционными факторами, и специфическими коммуникативными задачами, поэтому парцеллы разнообразны как по синтаксической организации (моно/поли/полупредикативные), по характеру связи (гипо/паратактические), так и по морфологической представленности (от наречий и предложно-падежных сочетаний наречного типа до именных частей речи), однако сущностный признак парцеллированной конструкции – когнитивная и интонационная акцентуация на зависимом положении парцеллы, усиливающая апеллятивный эффект высказывания, – создает фрагментарность, подвижность, динамизм высказывания, эффект живой речи, тем самым формируется экспрессивно-прагматический центр текстового поля и иронический код политической дискурсивной практики.

При этом отметим, что девять последних примеров представляют собой конвергентные орнаментальные конструкции: первый парцеллят усиливается последующим, в результате чего появляется характер эллиптического построения, одновременно вычленяется градационный ряд, семантически «усиленный» разнохарактерностью референциальной отнесенности вербального знака и (в последних трех примерах) зевгматическим сочленением лексем, замещающих позиции прямого объекта. Такого рода сочетанность катего-

риальных признаков орнаментальных конструкций многократно повышает интерпретационно-воздействующий потенциал высказывания и обеспечивает тем самым специфическую институциональность политической практики.

Не менее интересными являются и конструкции, уравнивающие на уровне текста две «семантические изотопии» [1, с. 42], как правило, свободное и фразеологическое значения: *«Должен сказать, что руки у России становятся все крепче и крепче. Выкрутить их вряд ли представляется возможным. Даже такому сильному партнеру, как Евросоюз»* (В.В. Путин, <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/22150>, 20.04.2020) *«Мы готовы протянуть руку всем своим партнерам. Но предупреждаем: у нас длинные руки»* (В.В. Путин, <https://twitter.com/gosduma2021/status/714353451669565440>, 13.11.2020); *«Прощать террористов – это дело бога. Мое дело – отправить их к нему»* (В.В. Путин, <https://ria.ru/20080507/106744531.html>, 20.11.2020). Здесь симультанная экспликация двух значений тропофигуры не только оказывается разновидностью гиперсемантизации, свойственной речи художественной (что актуализирует агональную, идентификационную и интерпретационную функции политического дискурса), но и детерминирует вектор идеолого-аксиологического «прочтения» политической ситуации в целом.

Таким образом, прагматический потенциал и собственно функции иронии, синтагматически оформленной через парцелляцию, могут варьироваться в зависимости от ситуации, однако выделяются две из них, наиболее часто встречающиеся. Первая – возможность взять паузу и завершить речь неожиданно, даже провокационно, меняя значение предыдущего текста на антонимичное. Второй значимой функцией контаминированной парцелляции и иронии можно считать языковое самовыражение политика – передачу его личностного отношения к ситуации. Реализация этих функций обуславливает решение двух задач: текст с ироническим модусом требует особых когнитивных усилий реципиента, в результате чего оказывается «более запоминаемым» и потенциально прецедентным, тогда как актер имплицитно формирует необходимый ему образ, отношение к себе и объекту высказывания. Формально-семасиологическая неоднозначность и явная идиостилистическая окрашенность расчлененного иронического высказывания превращают автора политической речи в «имманентного менеджера» сознания своей аудитории: так ставятся под сомнения давно устоявшиеся принципы, правила и нормы, а ирония, рожденная из шутки, превращается в парадокс. Далее текстовые композиты (емкость заданных фигур оказывается неограниченной) постепенно переходят в смежные дискурсивные поля, их производные значения развиваются⁸, тем самым формируются новые законы социетального взаимодействия.

⁸ Не случайно многие высказывания Президента РФ В.В. Путина, имеющие данную форму, приобрели статус афоризмов.

Выводы

Политический дискурс, бесспорно, манифестирует как культуру определенной группы с ее идеологическими установками, аксиологическими знаками, ментальными символами и др., так и общеязыковую тенденцию амбивалентности использования речевых средств – соединения «экономичности» с изобразительностью» (и компенсации вторым компонентом первого). Детерминирующим признаком такого явления в политическом взаимодействии следует обозначить фактор осознанности автором – рефлексированности – построения и употребления тропофигуры, так как в данном случае мы имеем дело со строго организованным иллокутивным актом, реализующим определенные интенции. Более того, при идиомаркированной (авторской) экспликации данных языковых знаков акцентируются явления реляционного плана – сам характер и тип сцепления отрезков текста несет значимую семасиологическую и стилистическую нагрузку: мир, понимаемый через сопоставление/расширение неких разнородных понятий, а priori многослоен.

Переходный характер *тропофигуры иронии* и *тропофигуры парцелляции*, имеющих сложнейшую когнитивную природу (специфические взаимоотношения между прямым/метафорическим/узуальным/окациональным значениями, между формой и содержанием синтаксической модели; интертекстуальный характер дейксиса, градуально представленный на больших отрезках текста; несоответствия между традиционно и ситуативно обозначенным; транспозиция синтаксических структур и – шире – факт структурирования воздействующего текста по принципу расчлененности со смещением рематического компонента в самостоятельную синтагму при минимизации языковых средств, наполняющие и видоизменяющие дискурсивное пространство политического взаимодействия, существенно расширяют набор конструирования новых коммуникативных единиц. Будучи в своей основе стилистическими фигурами с вполне определенными синтаксическими структурами, они в то же время являются, как и классические тропы (метафора, метонимия и др.), формами эмотивно-художественного мышления, содержащими многоплановое приращение смысла в акте ценностно-идеологического освоения действительности, а иллокутивная косвенность и нетипичность их моделей детерминируют высочайшую степень экспрессии в свернутой «упаковке», актуализируют процесс эмотивно-интеллектуального воздействия и тем самым обеспечивают успешную реализацию прагматической цели.

Список использованной литературы

1. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: РОХОС, 2004.
2. Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М. Вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений коммуникантов

в современных политических дискурсивных практиках // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». Т. 15. № 3 (2017). М.: РУДН, 2017. С. 255–284.

3. Боженкова Н.А., Боженкова Р.К. Конститутивные особенности русского политического дискурса в эволюционном аспекте // *Journal of Research in Applied Linguistics* Volume 10, Special Issue: Proceedings of the 6th International Conference on Applied Linguistics Issues (ALI 2019) July 19–20, 2019. Saint Petersburg, Russia Summer and Autumn 2019. Pp. 116–136.

4. Боженкова Н.А., Каличкина Т.И., Боженкова Р.К. Tropefigure of irony as a linguocultural marker of the modern political logosphere // *Revista inclusiones*. Vol. 7, octubre/ diciembre – 2020. Pp. 34–48.

5. Боженкова Н.А., Катышев П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 76–92. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>

6. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.: Русский язык, 1979. 281 с.

7. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Либроком, 2009. 242 с.

8. Глазова Н.А. Тропы как средство создания комического эффекта // *Риторика. Лингвистика*. 2016. № 12. С. 24–30.

9. Глухих В.А., Елисеев С.М. Интернет-мемы как инструменты публичной политики // *Дискурс*. 2017. № 4. С. 90–96.

10. Гнездилова Л.Б. Ирония и намек как способы уклонения коммуниканта от прямого ответа // Вестник ИГЛУ. 2014. С. 86–90.

11. Горнфельд А. Фигура в поэтике и риторике Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1. Изд. 2-е. Харьков, 1911.

12. Демьянков В.З. Приемлемость, уместность и адаптация текста // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. № 4. С. 9–19.

13. Дюбуа Ж. Общая риторика группы μ / Ж. Дюбуа и др. М.: Прогресс, 1986. 392 с.

14. Калинин А.Н. Синтагматика и синтаксис парцелированных конструкций в современном английском языке. Самара: СГПУ, 2005. 183 с.

15. Кирюхин Ю.А. Ирония как предмет эстетического осмысления (история разработки понятия) // Вестник МГУКИ. 2011. № 2 (40). С. 87–90.

16. Корольков В.И. К теории фигур // *Сборник трудов Московского госпединститута им. М. Тореза*. Вып. 78. М., 1974. С. 60–93.

17. Новиков Л.А. Поэтическое противоречие // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2002. № 3. С. 121–135.

18. Панков Ф.И. Сегмент и парцеллы как синтаксические позиции словоформ // *Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса*

116 | МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 года) [Электронный ресурс] / Ред. кол.: Н.А. Боженкова, С.В. Вяткина, Н.И. Клушина и др. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 249–254.

19. Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguistica applicata. Проблемы прикладной лингвистики / Ин-т языкознания РАН. – М.: Азбуковник, 2001. С. 181–207.

20. Пинегина Я.Н. Парцелированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиатекстах: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 151 с.

21. Потебня А.А. Теория словесности. Тропы и фигуры. М.: Красанд, 2017. 200 с.

22. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

23. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса [Эл. ресурс]: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2005.

24. Шилихина К.М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2010. № 2. С. 64–69.

25. Muecke D.C., 1969. Muecke D.C. The Compass of Irony. London, 1969, 248 p.

Bozhenkova N.A.

*Grand Doctor of Philology, Full Professor,
Professor of Department of General and Russian Linguistics,
Pushkin State Russian Language Institute
NABozhenkova@pushkin.institute*

Kalichkina T.I.

*Postgraduate Student,
Pushkin State Russian Language Institute
TIKalichkina@pushkin.institute*

Panteleeva A.P.

*Postgraduate Student,
Pushkin State Russian Language Institute
panteleeva-alex@mail.ru*

RUSSIAN POLITICAL LOGOSPHERE: MODERN TEXT PHENOMENA

The article presents an analysis of verbal constructs explicating the linguo-pragmatic structure of Russian political communication. The authors distinguish a special class of expressive means within the language of politics – trope figures, which include irony and parceling, and affirm that the ironic mode of an utterance is often actualized through parceled syntagmas. In the context of political discourse,

segmented units with an embedded ironic code provide a specific opportunity for immanent manipulation of public opinion, used by politicians for latent defamation of their opponents. In this regard, the authors single out the functions and grammatic representations of these convergent constructions in various acts of political interaction. Particular attention is paid to the description of the categorical essence of parceled structures, the contextual exemplification of which forms the asymmetry of the semantic field of the utterance and the formal verbal expression and thus generates additional meanings in the sentence, which together determine an ironic perception of the text by the participants of political interactions. As the authors conclude, frequent actualization and idiomatic representation of trope figures lead to the personification of the political field, amplification of discursive practices' expressiveness, expansion of their pragmatic and axiological potential, and the formation of a new model of the perception of political and culturally determined phenomena.

Keywords: political discourse, trope figures, parceling, irony, linguocultural specifiers.

Ким Л. Г.

*доктор филологических наук, доцент,
директор Института филологии, иностранных языков
и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета
kimli09@mail.ru*

Энс (Беляева) Е. С.

*ведущий специалист АО «НЦ ВостНИИ»
lis.ens@yandex.ru*

ИНАУГУРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В АСПЕКТЕ ДОТЕКСТОВЫХ ОЖИДАНИЙ АДРЕСАТА ⁹

Целью настоящего исследования является экспериментальная верификация положения, согласно которому восприятие смысла политического дискурса обусловлено дотекстовыми ожиданиями адресатов и, следовательно, имеет вариативный характер, определяемый вариативностью типов адресатов. Дотекстовые ожидания регулируются образом автора (политического деятеля). Смысл текста предвосхищается адресатом, поскольку он знаком с текстами (выступлениями) политического деятеля и, располагая сведениями об авторе, реконструируя в сознании образ автора, ожидает реализации в тексте типовых для данного автора коммуникативных интенций.

При восприятии политического текста адресат нейтрализует, редуцирует определенные фрагменты интерпретируемого текста и, напротив, актуализирует некие текстовые фрагменты и ключевые лексемы, которые обуславливаются его ожиданиями, связанными с образом определенного политического деятеля.

Материалом для предлагаемого исследования являются фрагменты инаугурационных текстов российского политика. В процессе исследования использовался метод лингвистического интерпретационного эксперимента, позволивший сформировать эмпирическую базу, которая включает интерпретирующие (вторичные) тексты как результат восприятия инаугурационного (первичного, интерпретируемого) текста. Результаты двух экспериментов показывают, что один и тот же текст, приписываемый разным авторам, получает различные интерпретации адресатами. При проведении второго эксперимента ставилась задача определить, кому из политических деятелей принадлежит данная инаугурационная речь. Множественность и вариативность интерпретаций адресатов, полученных в результате эксперимента, обуслов-

⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00202.

лена ожиданиями реципиента, связанными с конкретными политическими деятелями. Компонент ожидания, рассматриваемый в аспекте интерпретирующей лингвистики, обладает мощным эвристическим потенциалом. Предвосхищение содержания текста, ожидание его смысла, как показал эксперимент, имеет отношение не только к собственно содержанию текста, но и к интенциям автора, напрямую связанным с имиджем политика, его политической программой.

Ключевые слова: интерпретация текста, вариативность интерпретаций, дотекстовые ожидания адресата, образ автора, инаугурационный дискурс.

Введение

Проблематика, обсуждаемая в данном разделе, обусловлена противоречием между единственностью формы текста, которая является воплощением авторского смысла, и множественностью вариантов его интерпретации. Отсюда естественным и закономерным становится поиск ответа на вопрос, почему смысл текста разными адресатами понимается по-разному. Перед исследователями ставится задача установления факторов, которые обуславливают множественность и вариативность интерпретационного результата.

Постановка данной проблемы и ее решение осуществляются в русле интерпретационной лингвистики в ее адресатоцентричном аспекте [1]. Согласно этой теории, интерпретационный процесс направлен на восприятие и осмысление *интерпретируемого текста*; *результат* этого процесса воплощается в форме *интерпретирующего текста* [2; 3]. При этом деятельность адресата характеризуется субъективностью и собственной интенциональностью и представляет собой в определенном смысле независимый от замысла автора процесс [4].

Согласно выдвигаемой нами гипотезе, эта деятельность детерминирована *дотекстовыми ожиданиями адресата*, обусловленными в числе прочих фактором *образа автора*. Модель этого процесса условно можно представить следующим образом: «Я – знаю автора / произведения автора – знаю, что обычно говорит автор, и предвосхищаю его коммуникативные намерения – я ожидаю в этом тексте услышать то, что автор говорил в ранее написанных текстах, т.е. А».

Приведем несколько примеров. В повести Дины Сабитовой «Цирк в шка-тулке» содержится фрагмент: «Вот, – думала Казимира, – господин директор вернется и спросит: “А кто это отважно ходил в министерство и вызволил меня из тюрьмы, неужели это наша нежная и хрупкая мадемуазель Казимира?” – и я скромно улыбнусь, и тогда он скажет мне... скажет мне...». Героиня повести, исходя из общей коммуникативной ситуации, предвосхищает вероятные слова своего партнера, обусловленные ее дотекстовыми ожиданиями.

И другой пример. В день моего рождения я ожидаю получать подарки и бонусы. Вполне закономерными и соответствующими моим дотекстовым

120 | ожиданиям являются sms-сообщения и электронные письма от разных торговых организаций: «С Днем рождения! Целый месяц для Вас скидка 30% на ярмарке текстиля!» или «А еще напоминаем про наш подарок! Получить повышенные бонусные рубли за любую покупку вы сможете в течение еще двух недель! Подарите себе что-нибудь сейчас – а при следующей покупке порадитесь увеличенному кешбэку». И затем раздался звонок из Сбербанка со словами поздравления. Я наострила уши, ожидая, что следующей фразой поступит выгодное для меня предложение бонусов. Однако говорящий поблагодарил меня за сотрудничество со Сбербанком и пожелал хорошего дня.

Эти сюжеты иллюстрируют способность персонажей предвосхитить интенциональность и содержание речи партнера по коммуникации и ее перлокутивный эффект, т.е. механизм дотекстовых ожиданий. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «ожидания бывают продиктованы естественным ходом событий, правилом, привычной диспозицией. Норма ожидания проявляется тогда, когда сравнивается действительное с ожидавшимся или привычным. Нарушение же порядка, единичные и редкие события «дают ощущение чрезвычайности» и воспринимаются как аномалия» [5, с. 75].

Понятие *ожидание* (*антиципация, предвосхищение, проlepsис, дивинация*) связано с когнитивно-языковой деятельностью; оно рассматривается в философии [6], психологии [7], литературоведении [8], лингвистике и др. **Лингвистический подход** к понятию *ожидания* (предвосхищения) представлен в ряде исследований, связанных с рассмотрением языка и языкового сознания в общетеоретическом плане [5; 6; 10], как средства речевой деятельности [5; 11–13], при изучении механизмов понимания текста [14], при рассмотрении специфики переводческой деятельности [15] и в других аспектах. Ключевыми для нас являются положения о заданности предвосхищения [6] и презумпции текстуальности, о которой писал Б.М. Гаспаров [16]; о связи антиципации с мышлением [17], связи предвосхищения и языка, проявляющейся в разных способах овнешнения предвосхищения [6]. Важными для дальнейшего анализа являются разработанные положения о предвосхищении смысла при интерпретации текста [14].

Предвосхищение (дотекстовые ожидания) включает такие компоненты, как *опыт* реципиента; *способность мышления* в ответ на стимулы, действующие в настоящем, предугадывать еще не наступившие события; *заданность* как интенциональность адресата; *языковые модели*, определяющие вектор предвосхищения; *образ текста; образ автора* [18].

Разработанные теоретические положения о сущностном характере предвосхищения как ментально-языкового процесса имеют богатый эвристический потенциал при исследовании рецептивно-интерпретационной деятельности читателя (адресата) политического текста. Политическая коммуникация ориентирована на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздей-

стве на граждан страны и побуждение их к политическим действиям [19]. В соответствии с этими целями политический дискурс в определенной мере должен соответствовать ожиданиям адресата. Пусковым механизмом процесса предвосхищения при интерпретации политического текста является автор, точнее, *образ автора* в сознании адресата.

Категория образа автора разрабатывалась в трудах В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Б.А. Успенского [20–22]. В современных исследованиях по политической лингвистике и политической лингвоперсонологии эта категория активно представлена при моделировании речевого портрета политического деятеля [23–26]. Предвыборные программы и обещания, произносимые разными политическими деятелями, даже при сходстве их содержания, в одном случае вызывают доверие электората, а в другом – скепсис [27].

В настоящем разделе понятие *образ автора* используется как результат рецептивно-интерпретационной деятельности адресата, т.е. каким предстает **автор в языковом сознании адресата** в результате прочтения текстов / восприятия речей политических лидеров.

Результаты и обсуждение

Дальнейшее обсуждение проблемы осуществляется на основе результатов двух лингвистических экспериментов, выполненных на материале инаугурационных речей. Инаугурационная речь позволяет выявить и описать образ политического деятеля, а именно показать, как образ автора влияет на интерпретацию адресатом его выступления.

Цель *первого эксперимента* заключается в подтверждении идеи о том, что смысл политического текста в процессе его восприятия адресатом детерминирован не только содержанием исходного текста, но и дотекстовыми ожиданиями адресата, регулируемые образом автора (политического деятеля). Иными словами, при восприятии политического текста адресат актуализирует такие текстовые фрагменты и ключевые лексемы, «прочитывает» такие смыслы, которые обуславливаются ожиданиями, связанными с образом конкретного политика. Смысл текста предвосхищается адресатом, поскольку он знаком с текстами (выступлениями) политического деятеля и, располагая сведениями об авторе, реконструируя в сознании образ автора, ожидает реализации в тексте типовых для данного автора коммуникативных интенций.

Материалом для эксперимента является следующий фрагмент инаугурационной речи В.В. Путина 7 мая 2004 г.:

«Вместе мы сумели очень многое. И достигли всего этого только сами.

Это мы сами добились высоких темпов развития нашей экономики. Преодолели непростое идеологическое противостояние и сейчас становимся единой нацией.

Это мы вместе сделали нашу Родину открытой страной. Страной, укрепляющей свои позиции на международной арене и умеющей мирными средствами отстаивать свои законные интересы.

122 | *Теперь главная цель ближайшего четырехлетия – превратить уже накопленный нами потенциал в новую энергию развития. Достичь за счет этого принципиально лучшего качества жизни наших людей»* (<https://ria.ru/20040507/584644.html>).

Участникам эксперимента (75 студентов Кемеровского университета) следовало написать краткие ответы на вопросы анкеты: 1) О чем этот текст? 2) Что хотел сказать автор при произнесении этой речи?

При проведении эксперимента мы разделили всех испытуемых на три группы по 25 человек. Первая группа получила анкету с этим текстом с указанием его автора – В.В. Путина. Вторая группа участников эксперимента получила этот же текст, но в качестве автора был указан П.А. Порошенко. А третьей группе был предложен текст с указанием автора – Р.А. Кадырова. Идея эксперимента заключалась в том, что имя и образ автора, указанного в вопросе-задании анкеты («Прочитайте фрагмент инаугурационной речи В.В. Путина/Р.А. Кадырова/П.А. Порошенко»), окажет воздействие при восприятии текста участником эксперимента.

Анализ интерпретирующих текстов первой группы испытуемых, которым был предложен текст с указанием автора – **В.В. Путина**, позволил выявить следующие смысловые версии, отражающие образ политического лидера и его интенциональность:

1) «Единение президента и народа как залог достигнутых и будущих успехов в развитии страны» (11 ответов – 44%): *Автор подчеркивает, что находится в единстве с народом; Автор хотел показать единство, демократические настроения, что с ним страна будет процветать на всех фронтах; Что совместными усилиями народа и сильного аппарата власти страна добилась больших результатов;*

2) «Достижения страны за период правления В.В. Путина на посту президента и программа на следующий срок» (4 ответа – 16%): *Этот текст о том, что русский народ достиг за время, пока В.В. Путин был у власти; О новых достижениях развития страны в период правления ВВП. Страна под его «руководством» развивается, растет, достигает новых вершин. Все у нас хорошо. И в новый свой срок он тоже будет стремиться улучшить страну;*

3) «Россия – сильное, независимое государство, способное добиться высоких результатов» (4 ответа – 16%): *У России большой потенциал и большое будущее. А добиться своей цели мы должны и можем сами; Россия – это сильная, независимая и единая страна, умеющая мирным путем отстаивать свои интересы и которая сможет добиться высоких результатов развития в будущем;*

4) «Задачи, стоящие перед страной и народом (укрепление авторитета России и повышение уровня жизни народа)» (3 ответа – 12%): *Дальнейшие*

планы – повышение уровня качества жизни населения; Поднятие экономики, укрепление авторитета России;

5) «Текст о вранье: результаты труда народа пожинаят чиновники» (1 ответ – 2,5%): *Текст о вранье. «Мы сумели, мы, мы, мы». Сумели вместе, а пожинаят плоды кто? Чиновники и наш «любимый» президент. И что конкретно мы добились?*

6) «В тексте перечислены успехи за период управления страной, но не указываются проблемы» (1 ответ – 2,5%): *Автор перечисляет только хорошее, что было за время его правления страной, но не говорит о плохом. И делает акцент, что дальше будет так же – все хорошо. А плохого не будет?*

7) «Когда-нибудь мы будем жить лучше – общие фразы без конкретной программы» (1 ответ – 2,5%): *В этом тексте нет конкретных фактов, говорит, что жить мы когда-нибудь будем лучше;*

Интерпретирующие тексты второй группы испытуемых, авторство которого было приписано нами **П.А. Порошенко**, содержат следующие смысловые версии:

1) «Достижения страны за период правления Порошенко на посту президента и программа на следующий период» (13 ответов – 52%): *Текст повествует о достижениях Украины за время правления Порошенко; Этот текст о том, что страна добилась высоких темпов развития экономики. Нужно и дальше развиваться в том же направлении;*

2) «Единение президента и народа как залог достигнутых и будущих успехов в развитии страны» (6 ответов – 24%): *Порошенко во время своей инаугурационной речи хотел донести, что благодаря сплоченности народа страна достигла нового витка развития; Автор хотел сказать, что все «мы», народ, должен принимать участие в развитии и что не только государство, но и народ сделал свой вклад в развитие страны;*

3) «Мы – независимая нация, способная без чьей-либо помощи достичь развития экономики» (3 ответа – 12%): *Инаугурационная речь направлена на формирование у слушателей позитивного образа страны и президента. Ее основные концепты – самостоятельность, независимость от России в политических вопросах, а также единство нации; Здесь акцентируется внимание на независимости действий, говорится о том, что без чьей-либо помощи Украина достигла каких-либо высот;*

4) «Пустые обещания с целью агитации граждан голосовать за президента» (3 ответа – 12%): *Наобещать многого он хотел, а потом, как это бывает, ничего не выполнить или минимум из всего осуществить; Хотел сказать: «Выбирайте меня!»; Пытался завлечь внимание общества громкими, многообещающими словами, которые в большинстве своем не несут ничего информативного.*

124 | Интерпретирующие тексты третьей группы испытуемых, авторство которых было нами приписано **Р.А. Кадырову**, содержат следующие смысловые версии:

1) «Единство нации – залог укрепления государства и дальнейших достижений» (15 ответов – 60%): *Текст о том, что нация преодолела разногласия, наша страна смогла вернуться в нормальное русло развития. Рамзан Кадыров хотел сказать, что если мы смогли вместе укрепить имидж своей страны, то теперь нужно так же дружно постараться для улучшения качества жизни;*

2) «Достижения страны за период правления Р.А. Кадырова на посту президента и программа на следующий срок» (4 ответа – 16%): *Текст о результатах политики Р. Кадырова в экономике, политике и внешней политике. Автор хотел рассказать о перспективах развития будущего страны; Текст повествует о том, насколько изменилась Чеченская Республика после прихода к власти Р.А. Кадырова;*

3) «Достижения Родины – заслуга каждого конкретного человека» (4 ответа – 16%): *Этот текст о том, что наша Родина стала открытой, прекрасной страной. Автор хотел пробудить в слушающих чувство патриотизма, убедить слушающих, что все, чего достигла Родина, – это заслуга каждого конкретного человека;*

4) «Необходимо объединение России и Чечни» (1 ответ – 2,5%): *Этот текст об объединении России и Чечни, о том, что эти две территории находятся в дружественных отношениях между собой и стремятся к новым целям, о перспективах развития новых территорий, их взаимодействия и сотрудничестве;*

5) «Мнимые достижения страны, к которым Р.А. Кадыров не имеет отношения» (1 ответ – 2,5%): *Этот текст о том, как надо лгать. Р. Кадыров, видимо, хотел подчеркнуть мнимые достижения страны, и если они и имели место, то не в той степени, как их описывает автор, и уж точно он ко всему этому не причастен.*

Результаты проведенного эксперимента позволяют заключить, что совпадающие смысловые версии интерпретации текста, приписанного нами разным авторам, детерминированы в большей степени содержанием исходного текста. При формулировании ответов, выражающих подобную смысловую версию, реализовали когнитивно-языковую модель: «Я знаю, что при произнесении инаугурационных речей президент рассказывает о достижениях страны за предыдущий период и намечает перспективы дальнейшего развития – в этой речи президент (В.В. Путин, Р.А. Кадыров, П.А. Порошенко) расскажет о достижениях страны за предыдущий период и наметит перспективы дальнейшего развития».

Ответы испытуемых, в которых выражено недоверие к содержанию речи президента («Пустые обещания с целью агитации граждан голосовать

за президента», «Мнимые достижения страны, к которым Р.А. Кадыров не имеет отношения». «Текст о вранье: результаты труда народа пожинаят чиновники»), обусловлены разными причинами. Недоверие к содержанию речи В.В. Путина обусловлено ролью чиновников во внутренней политике государства, к речи П.А. Порошенко – его интенциональностью завоевать доверие электората, а к речи Р. Кадырова – стремлением автора необоснованно приписывать себе заслуги по урегулированию положения в Чечне. При этом наибольший процент недоверия – к речи П.А. Порошенко (12% против 2,5% к содержанию выступления В.В. Путина и Р.А. Кадырова). Участники эксперимента, которые высказали подобные смысловые версии, продемонстрировали применение когнитивно-языковой модели: «Я знаю автора как руководителя государства – я знаю результаты его деятельности – реальная картина не соответствует заявляемым достижениям – я не верю содержанию речи президента».

Специфика смысловых версий, отражающих интерпретацию выступления Р.А. Кадырова, содержит национальный компонент: «Единство нации – залог укрепления государства и дальнейших достижений». В интерпретирующих текстах актуализируются ключевые лексемы *нация, общее взаимодействие, сплоченные действия, совместные усилия (Наша нация преодолела разногласия; Автор хотел подчеркнуть важность единства нации для укрепления государства; Если бы народ не объединился, ничего не получилось бы)*. В содержании интерпретирующих высказываний, актуализирующих национальный компонент, проявляются дотекстовые ожидания адресатов, связанные с образом Р.А. Кадырова как президента национальной автономной республики. События в Чечне, роль чеченских лидеров продолжительное время обсуждались в СМИ, что, несомненно, проецируется на образ Р.А. Кадырова в данном тексте, детерминируя интерпретацию его содержания.

Смысловая версия «Достижения Родины – заслуга каждого конкретного человека», репрезентированная в ряде интерпретирующих текстов (*Автор хотел пробудить в слушающих чувство патриотизма, убедить слушающих, что все, чего достигла Родина, – это заслуга каждого конкретного человека*), актуализируется ключевыми лексемами каждый гражданин, каждый конкретный человек. Подобные интерпретации содержания исходного текста обусловлены образом Р.А. Кадырова как главы республики, где принято почитать каждого человека, показывать уважение к нему.

Интерпретирующие тексты, реализующие смысловую версию «Необходимо объединение России и Чечни» (*Этот текст об объединении России и Чечни, о том, что эти две территории находятся в дружественных отношениях между собой и стремятся к новым целям, о перспективах развития новых территорий, их взаимодействии и сотрудничестве*), детерминированы образом автора как политического деятеля, осознающего

126 | целесообразность укрепления связей маленькой автономной республики, какой является Чечня, с сильным государством – Россией. Примечательно, что в исходном тексте вопрос об объединении каких-либо территорий не обсуждается. Подобные интерпретации, отражающие слабую связь с диктумным содержанием исходного текста, свидетельствуют о сильной детерминированности образом автора.

Итоги эксперимента позволяют утверждать, что данный текст не вызывает противоречия в восприятии, и адресат выстраивает ответ в соответствии со своим ожиданием от речи политика: *народ добился всего, что есть в стране сам, и В.В. Путин подчеркивает это, он говорит только о хорошем, что произошло за время его правления; текст о достижениях В.В. Путина, он хотел рассказать о своих достижениях.* Из этого следует, что образ В.В. Путина в сознании реципиента – это сильный лидер, который сделал многое для развития России.

Образ Р.А. Кадырова у части адресатов связан с ожиданиями, которым данный текст противоречит, поэтому речь воспринимается как ложь, поскольку представленный текст с точки зрения реципиента больше подходит российским лидерам: *данный текст о достижениях нашей страны, а еще о том, как надо лгать. Р.А. Кадыров, видимо, хотел подчеркнуть мнимые достижения страны, и если они и имели место быть, то не в той степени, как их описывает автор, и уж точно он ко всему этому не причастен.*

Другие респонденты связывают образ политика с преобразованием республики, с единением ее народа, и текст оправдывает их ожидания: представляет обращение Кадырова к народу, в котором он говорит о достижениях в экономике и политике: *Кадыров обращает внимание своих граждан на то, что их страна достигла высокого уровня развития в экономике и в международных отношениях; О том, насколько изменилась Чеченская Республика после прихода к власти Р. Кадырова.*

Второй лингвистический эксперимент имеет следующий дизайн его проведения. Испытуемым предлагается текст, автор которого не указан. Им предлагается выбрать одного из вероятных авторов. Возникает вопрос, по каким маркирующим признакам испытуемый будет соотносить текст и автора? Согласно нашей гипотезе, в сознании автора под влиянием СМИ сложился образ политического лидера. И, следовательно, соотношение текста и, вероятно автора, будет осуществляться под влиянием образа автора в соответствии с дотекстовыми ожиданиями адресата. Но поскольку каждый адресат имеет свой образ автора, то, вероятнее всего, каждый адресат предложит свой вариант соотношения текста и автора. Следовательно, авторство текста «раздваивается», обусловленное «раздвоением» образа автора.

Эта идея была верифицирована посредством лингвистического эксперимента.

Материалом эксперимента является фрагмент инаугурационной речи В.В. Путина 7 мая 2000 г.:

«Сегодня хочу поблагодарить моих сторонников, всех тех, кто проголосовал за меня на выборах. Вы поддержали те первые шаги, которые были уже сделаны. Вы поверили, что вместе мы сможем изменить нашу жизнь к лучшему. Я глубоко признателен вам за это. Но я понимаю, что ваша поддержка – это только аванс власти в целом и, разумеется, мне, вступающему сегодня в должность Президента страны.

Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно государственными интересами. Возможно, не удастся избежать ошибок, но что я могу обещать и обещаю, это то, что буду работать открыто и честно» (<http://www.mn.ru/blogs/>).

Этот текст был предложен студентам Кемеровского университета (50 человек). Реципиентам была предложена анкета, содержащая фрагмент инаугурационной речи президента, и предлагалось ответить на следующие вопросы: 1) Как Вы считаете, кому из президентов принадлежит эта речь (Р.А. Кадырову, Д.А. Медведеву, П.А. Порошенко, В.В. Путину)? Объясните свой выбор. 2) Что хотел сказать автор при произнесении своей речи?

Автор текста не указан. Адресат ожидает в данной речи услышать реализацию тех политических интенций, которые представлены в данном тексте и которые соотносятся с образом данного политика. Следовательно, содержание речи соотносится со сложившимся в сознании адресата образом каждого из указанных политических деятелей.

По результатам эксперимента были получены следующие данные: 56% участвующих в эксперименте идентифицировали этот текст с В.В. Путиным, 26% – с Д.А. Медведевым, 14% – с П.А. Порошенко, 2% – с Р.А. Кадыровым.

Реципиенты, которые идентифицировали текст с **В.В. Путиным**, объяснили свой выбор следующими составляющими его образа:

1) «Узнаваемый стиль и типичные языковые единицы в речи» (12 ответов): *Это В.В. Путин. По стилю очень похоже, плюс упоминается слово «аванс», которое В. Путин использует очень часто; Честно и сдержанно – в стиле В.В.; По моему мнению, данная речь принадлежит В.В. Путину. Потому что речь достаточно сдержанная и структурированная, а это присуще В.В. Путину;*

2) «Типичное для В.В. Путина содержание речи» (8 ответов): *Я считаю, что эта речь принадлежит В.В. Путину. Потому что речь составлена от лица «хозяина». Видно, что человек, который произносит эту речь, находится у власти продолжительное время; Для В.В. Путина свойственно благодарить всех, а также делать акцент на том, что только вместе мы сможем добиться лучшего положения в стране; Чувствуется неуверенность в словах из-за противников, значит есть оппозиция; Обещает, но ничего не исправит;*

128 | 3) «Знакомая речь» (6 ответов): *Знакомая речь. За столько лет можно узнать; Помню эту речь;*

Реципиенты, которые указали в качестве автора текста **Д.А. Медведева**, использовали такие аргументы:

1) «Узнаваемый стиль и типичные языковые единицы в речи» (8 ответов): *Скорее всего, это Медведев, т.к. Путин не стал бы использовать в своей речи конструкции «Я могу обещать!». Слабая и очевидная речь. Да, классическая формулировка. Обещания в виде «Будучи честным», «Буду стараться» и т.д. Формализм, вселяющий неискушенному электорату надежду и веру; Манера речи его; Похожа на его стиль;*

2) «Психологические особенности личности – отсутствие уверенности в себе» (5 ответов): *Не уверен в своих силах; Показывает свою неуверенность; Никогда не был на должности президента; Впервые вступает в должность президента.*

Называя автором данного инаугурационного выступления **П.А. Порошенко**, участники эксперимента аргументируют свой выбор такими составляющими его образа:

1) «Содержание речи, обусловленное политической ситуацией в Украине» (5 ответов): *Скорее всего, это принадлежит П.А. Порошенко, т.к. говорится о том, что в приоритете будут государственные интересы (а на Украине сейчас государственная идеология – фашизм, которая делает акцент на государственных интересах). Кроме того, имеет место популистское высказывание «Обещаю, что буду работать открыто и честно» – Порошенко часто использует такие высказывания. Если бы это был Медведев или Путин – они бы сделали акцент на приоритете интересов личности; Благодарит не народ, а сторонников;*

2) «Содержание речи, обусловленное психологическим состоянием украинского лидера» (3 ответа): *Оправдывается. Пытается показаться честным – в его духе. Пытается уверить в своих честных намерениях, хочет показать, что будет действовать честно; Автор сам не ожидал, что победит, и заранее оправдывает свои возможные неудачи; Представляю таким его психологический портрет. Соответствует его личности. Похоже на него. Это он так говорит.*

Свой выбор в качестве автора **Р.А. Кадырова** реципиенты объясняют следующими составляющими его образа:

1) «Содержание речи – государственные интересы» (2 ответа): *Будет руководствоваться государственными интересами; Главное – государственные интересы.*

Как показывают результаты проведенного эксперимента на установление авторства текста, на моделирование образа политического лидера оказывают влияние личностные характеристики политиков. Предшествующие действия

лидера государства, его политическая программа, имидж президента – все это формирует определенный образ в сознании адресата – подразумеваемый образ автора. И далее этот образ «накладывается» на текст в процессе его идентификации. Т.е. характеристики политического лидера оказываются значимыми при формировании ожиданий реципиента и предвосхищении содержания текста и его смысла.

Так, при идентификации текста, соотносимого с **В.В. Путиным**, наиболее существенным является фактор «узнаваемости стиля». Президент России – личность публичная, его выступления регулярно транслируются СМИ, а значит, диктумно-модусные составляющие его выступлений, частотные лексемы и речевые обороты, его стиль позволяют узнавать тексты этого политика.

Испытуемые, которые соотносят данный текст с образом **Д.А. Медведева**, также «узнают» стиль и языковые единицы в речи. Кроме того, они в своем сознании формируют психологический портрет лидера. Однако «узнаваемость» определяется по иным, нежели в речи В.В. Путина, признакам. Если в речи В.В. Путина адресаты «узнавали» по сдержанности и структурированности, по манере произнесения, наличию характерных вводных слов, признакам образованности и грамотности, то этот же текст с указанием в качестве автора Д.А. Медведева «узнается» по признакам «слабости», формализма и наличию характерных конструкций «*Я могу обещать!*», «*Будучи честным*», «*Буду стараться*». Кроме того, для адресатов образ Д.А. Медведева – это образ человека, впервые занимающего должность президента страны, психологически неуверенного политика. Эти особенности образа политического деятеля адресаты актуализируют в своих ответах: *Впервые вступает в должность президента; Никогда не был на должности президента; Показывает свою неуверенность; Не уверен в своих силах.*

При идентификации данного текста с **П.А. Порошенко** испытуемые исходят из содержания речи, в частности, темы: сложная политическая ситуация на Украине требует приоритета государственных интересов: «*говорится о том, что в приоритете будут государственные интересы (а на Украине сейчас государственная идеология – фашизм, которая делает акцент на государственных интересах)*»; «*Если бы это был Медведев или Путин – они бы сделали акцент на приоритете интересов личности*»). Кроме того, для участников эксперимента значение имеет фактор психологического состояния лидера государства, который восходит на пост президента страны в столь сложной политической ситуации («*Автор сам не ожидал, что победит и заранее оправдывает свои возможные неудачи; Представляю таким его психологический портрет; Оправдывается. Пытается показаться честным – в его духе*»).

Называя **Р.А. Кадырова** как вероятного автора данного текста, участники эксперимента аргументируют свой выбор содержанием речи – тема

130 | государственных интересов (*Будет руководствоваться государственными интересами; Главное – государственные интересы*).

Таким образом, процесс идентификации текста и его автора обусловливается образом подразумеваемого автора, который оказывает влияние на формирование дотекстовых ожиданий адресата.

Выводы

Результат рецептивно-интерпретационной деятельности адресата определяется, с одной стороны, содержанием интерпретируемого текста, а с другой – дотекстовыми детерминантами. Вариативность интерпретации текста обусловлена дотекстовыми ожиданиями. Каждый тип личности адресата актуализирует в интерпретируемом тексте релевантные в данной коммуникативной ситуации компоненты, коррелирующие с его дотекстовыми ожиданиями, и оценивает по сложившейся шкале оценок.

Эксперимент показывает различную степень влияния образа автора на интерпретацию содержания текста.

Результаты проведенных экспериментов показали, что один и тот же текст, который мы приписали разным политическим лидерам, интерпретируется адресатами различным образом. Результат идентификации текста также детерминирован дотекстовыми ожиданиями адресата, обусловленными образом подразумеваемого автора, «узнаванием» его стиля речи, употреблением типичных языковых выражений. Компонент ожидания, рассматриваемый в аспекте интерпретирующей лингвистики, обладает мощным эвристическим потенциалом. Предвосхищение содержания текста, ожидание его смысла имеет отношение не только к собственно содержанию текста, но и к интенциям автора, напрямую связанным с имиджем политика.

Список использованной литературы

1. Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: Дис. ... д-ра филол. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2010. 405 с.
2. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». Челябинск. 2009. Вып. 34. № 2. С. 12–20.
3. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 63–71.
4. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

6. Базылев В.Н. Предвосхищение и язык // Предвосхищение и язык: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 9–50.
7. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. М., СПб.: АСТ-Москва; Прайм-Еврознак, 2008. 868 с.
8. Яусс Г.-Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория: Антология. М.: Флинта, Наука, 2004. С. 192–200.
10. Шапошников В.Н. Логика опережающего отображения в системе русского языка // Предвосхищение и язык: Материалы Всероссийской научной конференции: Москва: 2012 год. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 287–306.
11. Кащеева А.В. Антиципация в процессе письменного дискурса // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. Т. 12. № 5. С. 25–31.
12. Фролова А.В. Специфика исследования антиципации в речевой деятельности // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 20. С. 325–331.
13. Серебренникова Е.Ф. Пролепсис как вид предвосхищения // Предвосхищение и язык: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 207–215.
14. Голев Н.Д., Тармаева В.И. Дивинация и когнитивная гармония в понимании текста // Предвосхищение и язык: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 118–135.
15. Третьякова Т.П. Антиципация в модели переводческого маневрирования // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 795–797.
16. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
17. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980. 280 с.
18. Ким Л.Г., Беляева Е.С. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста // Вестник Томского университета. Филология. 2019. № 57. С. 48–62.
19. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Риторический анализ политической коммуникации в современной зарубежной лингвистике (2010–2018 годы) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 187–196.
20. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 233 с.
21. Бахтин М.М. Язык в художественной литературе // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 287–297.
22. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
23. Теория и методика лингвистического анализа политического текста: Моногр. / Отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2016. 303 с.

- 132 | 24. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стер. М.: УРСС, 2003. 284 с.
25. Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.Е. Российская лингво-политическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 14–31.
26. Алексеева А.А. Политические портреты В.В. Путина и Д.А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. 2012. № 3. С. 64–80.
27. Ким Л.Г., Мустайоки А., Пиетилляйнен Ю. Восприятие модернизации русскими студентами как результат влияния образа автора на интерпретацию политического текста // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 47–59.

Kim L.G.

*Grand Doctor of Philology, Associate Professor,
Director at the Institute of Philology,
Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University
kimli09@mail.ru*

Ens (Belyaeva) E.S.

*leading specialist of JSC «NTs VostNII»
lis.ens@yandex.ru*

INAUGURAL DISCOURSE OF A POLITICAL LEADER IN THE ASPECT OF PRE-TEXT RECIPIENT EXPECTATIONS

The objective of this study was to experimentally verify an assumption that the perception of a message in the framework of political discourse is determined by the pre-text expectations of the recipient, and, therefore, has a variable character, defined by the variability of recipients. Pre-text expectations are determined by the image of the author (politician). The recipient anticipates the message of the text, since he or she is familiar with the politician's texts (speeches). Having information about the author and reconstructing the image of the author in his or her mind, the recipient expects the implementation of communicative intentions, typical for the given author, in the text. While perceiving a political text, the recipient neutralizes and reduces certain abstracts of the text and, on the contrary, actualizes certain abstracts and key words, determined by his or her expectations associated with the image of the politician. This study is based on the fragments of the inaugural texts of a Russian politician. The researchers used the method of linguistic interpretive experiment, which enabled them to form an empirical framework that includes interpreted (secondary) texts as a result of the perception of the inaugural (primary) text. The results of two experiments show that the same text, attributed to different authors, receives different interpretations from recipients. During the second experiment, recipients were asked to determine who a certain

inaugural speech belonged to. The multiplicity of recipients' interpretations, obtained as a result of the experiment, was due to the recipients' expectations related to specific politicians. The aspect of expectation, viewed from the perspective of interpretive linguistics, has a powerful heuristic potential. Anticipation of the content of the text and expectation of its message, as the experiment showed, is related not only to the content of the text itself, but also to the author's intentions, directly associated with the politician's image and his political program.

Keywords: text interpretation; interpretation variability; pre-text expectations; author's image; inaugural discourse.

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ ЛЕГИТИМНЫХ/НЕЛЕГИТИМНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹⁰

В данной части монографии риторические фигуры рассматриваются как лингвокультурные доминанты текстов политической коммуникации, сопоставляются функции отдельных риторических приемов в легитимных и нелегитимных дискурсивных практиках. Содержатся результаты, говорящие о том, что употребление таких риторических фигур, как парцелляция, градация, повтор, различные виды контраста и др., имеет ряд закономерностей. Приводится классификация легитимных/нелегитимных дискурсивных практик в зависимости от статуса актора политической сферы коммуникации и от соблюдения литературно-языковых норм. Делается вывод о корреляции между употребляемыми риторическими фигурами и коммуникативными стратегиями и тактиками, а также о том, какие риторические фигуры в русскоязычном политическом дискурсе являются лингвокультурными доминантами.

Ключевые слова: риторические фигуры, политический дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, контраст, парцелляция, повтор, параллелизм, выразительность, оценка, лингвокультурная доминанта.

Введение

Исследования политической коммуникации последнего времени свидетельствуют об особом интересе к средствам воздействия, в том числе речевого. В связи с этим возникает необходимость изучения функционирования так называемых риторических (стилистических) фигур. «Риторическая фигура – понятие, используемое в лингвистике в широком и узком смыслах. В широком смысле Р.ф. – то же, что стилистическая фигура... В узком же смысле Р.ф. называют риторический вопрос, риторическое восклицание и риторическое обращение, т.е. такие стилистические приемы, в названии которых закрепился термин «риторический». И широкое, и узкое понимание

---

¹⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00574.

Р.ф. отражено в словаре А.П. Квятковского» [4, с. 591]. В данном исследовании мы придерживаемся широкого понимания этого термина.

Особый исследовательский интерес использование риторических фигур в текстах политического дискурса представляет по нескольким причинам, связанным как с актуальностью политической коммуникации в жизни современного общества, так и со спецификой указанной коммуникативной сферы, обусловленной ее динамичностью, а также включенностью в нее акторов с различным социальным статусом.

Кроме того, разговор о политической коммуникации неизбежно приводит к размышлениям о легитимности ее субъектов и о связанных с этим обстоятельством возможностями речевого воздействия на аудиторию. В данной работе представлена попытка классификации дискурсивных практик с точки зрения легитимности субъектов политической коммуникации, а также с учетом ортологического аспекта.

В результате проведенного исследования выясняется, что некоторые риторические фигуры в текстах русскоязычного политического дискурса вне зависимости от адресантной характеристики выступают в роли лингвокультурных доминант, становясь необходимыми для реализации коммуникативных задач. Иными словами, риторические фигуры встречаются в политических текстах разных жанров регулярно, позволяя их авторам достигать необходимого коммуникативного эффекта.

В качестве материала для анализа были использованы речи президента России В.В. Путина на Параде Победы 9 Мая, тексты Посланий Федеральному собранию, взятые на официальном сайте Президента РФ <http://www.kremlin.ru/>, высказывания президента в ходе интервью, а также публикации в массмедиа с выражением оппозиционной по отношению к действующей власти точки зрения.

В результате проведенного исследования установлено, что в текстах политического дискурса наиболее частотными являются такие риторические фигуры, как градация, парцелляция, разные виды повторов, антитеза (включая все виды контраста), плеонастические сочетания и некоторые другие.

Результаты и обсуждение

Легитимные и нелегитимные дискурсивные практики

Политический дискурс в литературе вопроса обычно понимается как речевая деятельность политических субъектов в определенной коммуникативной сфере, которой свойственны институциональность, конвенциональность и публичность (официальность) (см., напр., в: [5, с. 7]). К основным функциям политического дискурса исследователи относят прежде всего убеждение, информирование, аргументацию, создание убедительной картины лучшего устройства мира, делимитацию (отличие от иного); языковое обеспечение идентичности и нек. др. [5, с. 7].

«Анализ работ... позволил выделить в рамках инструментальной функции языка политики следующие функции: социального контроля (создание предпосылок для унификации поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа индивидуумов, т.е. манипуляция общественным сознанием); легитимизации власти (объяснение и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов); воспроизводства власти (укрепление приверженности системе, в частности, через ритуальное использование символов); ориентации (через формулирование целей и проблем, формирование картины политической реальности в сознании социума); социальной солидарности (интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп); социальной дифференциации (отчуждение социальных групп); агональную (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей); акциональную (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию населения»: мобилизация состоит в активизации и организации сторонников, тогда как под наркотизацией понимается процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпление бдительности)» [8, с. 35].

Указанные выше функции политической коммуникации могут быть реализованы за счет оптимальной организации текста, включающей выбор жанра, композиционного построения и, конечно же, отбора средств речевой выразительности, способствующих актуализации семантически значимых единиц, выражению оценки, созданию необходимой степени эмоциональности и т.д.

Вместе с тем при анализе текстов русскоязычного политического дискурса возникает вопрос о зависимости выбора тех или иных риторических фигур в зависимости от статуса субъекта политической коммуникации. Это неизбежно возвращает нас к проблеме определения легитимности/нелегитимности. Как отмечают в своей статье Т.И. Каличкина и А.П. Пантелеева, «легитимность – это непрерывный процесс взаимодействия власти и народа, в результате которого граждане принимают и одобряют выгодные для власти решения, законы, инициативы, а синонимами слова «легитимность» следует считать лексемы «одобрение», «поддержка», «принятие» и др. Представляется, что в рамках описания политических дискурсивных практик такая трактовка может стать основанием для новой таксономизации реальных актов политического взаимодействия» [3, с. 132].

При таком подходе к нелегитимным коммуникативным практикам можно отнести все тексты, авторами которых выступают не получившие широкой общественной поддержки субъекты (отдельные индивиды, партии, объединения и т.п.). Этот фокус вполне приемлем, однако он нуждается в уточнении. На наш взгляд, необходимо применить еще и лингвистический критерий – соответствие нормам русского литературного языка, поскольку сфера политики является публичной и строго нормированной.

В Федеральном законе № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» утверждается, что во взаимодействии органов государственной власти и граждан, а также в средствах массовой информации используется русский язык как государственный язык (статья 3 закона «Сферы использования государственного языка Российской Федерации»). В то же время в статье 1 этого же закона утверждается, что «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Данное обстоятельство позволяет предложить следующую классификацию легитимных/нелегитимных коммуникативных практик в русскоязычном политическом дискурсе.

1. Легитимные нормативные коммуникативные практики (тексты, фрагменты текстов, высказывания, авторами которых выступают легитимные политики, не содержащие нарушений норм русского литературного языка).

2. Легитимные ненормативные коммуникативные практики (тексты, фрагменты текстов, высказывания, авторами которых выступают легитимные политики, содержащие отступления от норм русского литературного языка).

3. Нелегитимные нормативные коммуникативные практики (тексты, фрагменты текстов, высказывания, авторами которых выступают нелегитимные политики, не содержащие нарушений норм русского литературного языка).

4. Нелегитимные ненормативные коммуникативные практики (тексты, фрагменты текстов, высказывания, авторами которых выступают нелегитимные политики, содержащие отступления от норм русского литературного языка).

В анализируемом нами материале представлены примеры всех типов коммуникативных практик. В случаях с легитимными и нелегитимными нормативными практиками мы имеем дело с текстами или их фрагментами, в которых могут использоваться средства речевого воздействия в пределах литературно-языковой нормы. Что же касается легитимных ненормативных и нелегитимных ненормативных коммуникативных практик, то ненормативность заключается прежде всего в употреблении стилистически сниженной лексики – просторечной, вульгарной, грубой и даже оскорбительной.

Примерами легитимных ненормативных дискурсивных практик могут быть некоторые высказывания В.В. Путина: «*Сволочь. Свинья антисемитская. По-другому сказать нельзя*» (высказывание о после Польши в Германии Юзефе Липском); «*Мы будем сопли жевать здесь годами? Мы уже сколько говорим на эту тему – с 99-го года?*» (высказывание на совещании с членами российского правительства в марте 2006 года).

Аналогично и в случае с нелегитимными ненормативными дискурсивными практиками. Например: «*Русских режут в Донбассе? Дети сидят в под-*

138 | *валах из-за артобстрелов? Да хер с ним, мы не будем спасать русских...»* (Томаш Мацейчук, «Российский урок» <https://vk.com/id17014536>); «*Новые люди просто **фигеют** от того, что здесь происходит*» (Илья Азар, «Когда вернетесь, мы вас убьем», Meduza, 6 декабря 2016 г.); «*Поскольку руки у россиян, по генетической традиции, **растут из жопы**, а голова, в результате отрицательной селекции, называемой «особый путь развития», **набита по преимуществу ботвой...**»* (Виктор Шендерович, «Россияне производят нравственность», сайт радио «Эхо Москвы», 18 января 2017 г.).

Риторические фигуры в политических текстах

В политических текстах для реализации институциональных функций данной коммуникативной сферы используются различные риторические фигуры. В частности, А.П. Чудинов упоминает метафору, антитезу, повтор, парцелляцию, а также риторический вопрос, риторическое восклицание, инверсию и некоторые другие приемы речевого воздействия [7, с. 106–113].

Наше исследование показало, что в русскоязычных текстах политического дискурса особой частотностью отличаются парцелляция, синтаксический параллелизм, различные виды контраста и повтора, градация. Особое место в этом ряду занимают фразеологизмы в широком смысле, в том числе и трансформированные, а также примыкающие к ним прецедентные феномены. Характерно, что данные риторические фигуры и приемы с приблизительно одинаковой частотностью присутствуют как в легитимных, так и в нелегитимных практиках.

Параллелизм. «Синтаксический параллелизм – конструктивный принцип устройства синтаксических конструкций, в частности, стилистических фигур. Представляет собой частный принцип симметрии и повтора и заключается в тождественном (полностью или частично) строении синтаксических конструкций» [4, с. 623]. Приведем несколько примеров из выступлений В.В. Путина.

«...могущество и процветание *нашей Родины, нашей России!* (выступление на Параде Победы, 09.05.2015 г.); «*Эпохой мужества и отваги, тяжелейших испытаний и трагических потерь, светлых надежд и беспредельной веры в Победу* (выступление на Параде Победы, 09.05.2016 г.);

«*Мы обязаны передать им **стабильность и мир** на планете, передать суровую **героическую правду и память** об Отечественной войне, **дух и смысл** Великой Победы» (выступление на Параде Победы, 09.05.2017 г.).*

«*За новыми угрозами проступают всё те же старые уродливые черты: **эгоизм и нетерпимость, агрессивный национализм и претензии на исключительность**» (выступление на Параде Победы, 09.05.2018 г.);*

«*Для нашего общества, для многонационального народа именно **семья, рождение детей, продолжение рода, уважение к старшим поколениям** были и остаются мощным нравственным каркасом» (Послание Федеральному собранию, 20.02.2019 г.).*

Синтаксический параллелизм характерен и для нелегитимных дискурсивных практик. Например:

«Мне все чаще кажется, что в России живут как минимум две категории русских: одни за *Россию, за свободу, за власть* народа, за *достоинство*, за индивидуальную *ответственность*, а другие за *Совок, за народное единство* ценой репрессий в отношении к инакомыслящим, за *власть* кумира, за *запугивание* ценой человеческого достоинства и за *коллективизм*» (Томаш Мацейчук, «Российский урок» <https://vk.com/id17014536>);

«А если вдруг подумаете, что вы должны *жить лучше, иметь право выступать против* власти, *выходить на митинги* и *требовать спасти жителей* Донбасса» (Томаш Мацейчук, «Российский урок» <https://vk.com/id17014536>);

«Возможно, ваш народ забыл про *ваши подвиги, про вашу борьбу и вашу любовь* к Родине» (Томаш Мацейчук, «Российский урок» <https://vk.com/id17014536>).

Парцелляция. «Парцелляция (от фр. *parcelle* – частица) – стилистический прием, заключающийся в расчленении единой синтаксической структуры – предложения – на несколько интонационно-смысловых единиц – фраз» [4, с. 454–455].

В качестве примеров парцеллированных конструкций можно привести следующие:

«Все несли тяжелейшую ношу войны. *И все вместе совершили бессмертный подвиг спасения Отечества. Определили исход Второй мировой войны. Освободили от нацистов народы Европы*» (выступление В.В. Путина на Параде Победы, 09.05.2015 г.);

«*Наши отцы и деды пережили невыносимые страдания, лишения и утраты. Работали на износ, на пределе человеческих сил. Воевали, не щадя своей жизни. Показали пример благородства и подлинного патриотизма*» (выступление В.В. Путина на Параде Победы, 09.05.2015 г.);

«*Никто не думал о себе, трудились героически: и женщины, и дети. Ради Родины, ради Победы. Ради тех, кто защищал страну, свои семьи в пекле войны*» (выступление В.В. Путина на Параде Победы, 09.05.2018 г.);

«*Борьба Украины с Россией за сохранение себя – это борьба света со тьмой. Добра со злом. Просвещения с невежеством. Разума с варварством*» (пост в социальной сети «ВКонтакте» https://vk.com/tverskoyaa?w=all341803628_756);

«Мы делали и будем делать все для укрепления семейных ценностей. *Это вопрос нашего будущего. Общая задача для государства, для гражданского общества, для религиозных организаций, политических партий и средств массовой информации*» (Послание Федеральному собранию, 20.02.2019 г.).

Отметим, что парцелляция, как правило, в устных текстах сопровождается соответствующей интонацией и паузированием.

Контраст. «Стилистический контраст (от фр. *contrast* – противоположность) – принцип линейно-синтагматической организации речевого произведения, который заключается в резком противопоставлении различных элементов текста» [4, с. 690]. Контраст в текстах политического дискурса призван прежде всего выполнить функцию противопоставления политических оппонентов. По этой причине различные виды контраста представлены в легитимных и нелегитимных практиках. Однако возможны и другие функции контраста – усилительно-выделительная, актуализирующая и другие. Например:

«Принцип должен быть очень простой: *больше детей – меньше налог*. Предлагаю увеличить федеральную льготу по налогу на недвижимое имущество для многодетных семей» (Послание Федеральному собранию, 20.02.2019 г.);

«Поздравляю вас с Днем Победы – с торжеством, в котором слились воедино радость, память и скорбь. 9 Мая – *это и государственный, и очень личный, семейный праздник*» (выступление В.В. Путина на Параде Победы, 09.05.2016 г.);

«...победа над этой страшной тоталитарной силой навеки останется в истории человечества вершиной *торжества жизни и разума над смертью и варварством*» (выступление В.В. Путина на Параде Победы, 09.05.2017 г.);

«Ничем нельзя измерить храбрость наших воинов. *От рядового до маршала* они боролись в стужу и зной, *на больших и малых* плацдармах...» (выступление В.В. Путина на Параде Победы, 09.05.2018 г.).

«...в России живут как минимум две категории русских: *одни* за Россию, за свободу, за власть народа, за достоинство, за индивидуальную ответственность, а *другие* за Совок, за народное единство...» (Томаш Мацейчук, «Российский урок» <https://vk.com/id17014536>).

Повтор. Повторяемость различных языковых единиц чаще всего используется для актуализации важной информации, усиления эмоционального воздействия. В политических текстах можно встретить лексический повтор, повтор союзов (многосоюзие, полисиндетон), анафору (повтор начальных фрагментов синтаксических единиц) и другие виды повторов. Приведем некоторые примеры.

«Отношусь с *уважением* к российским царям, но не могу относиться с *уважением* к большевикам, для которых русский, польский и другие народы были всего лишь *скотом*... *Скотом*, у которого не должно быть *права* голоса, *права* выбора, *права* доступа к информации (цензура и пропаганда), *права* выступать против власти» (Томаш Мацейчук, «Российский урок» <https://vk.com/id17014536>). В данном случае представлен лексический повтор в сочетании с параллелизмом.

Анафору (единоначалие) мы наблюдаем в следующем тексте, имитирующем жанр приговора и относящемся к нелегитимным практикам:

«*За* каждого похороненного украинского солдата.

За каждого лишённого крова украинца.

За каждый разрушенный дом и разбитую церковь.

За каждую пядь украинской земли, на которую вы принесли горе и смерть.

За молодых ребят, которым было ещё жить и жить.

За слезы матерей, которые больше никогда не обнимут своих сыновей.

За годы жизни в мучительном стрессе и постоянном ужасе.

За преследования инакомыслящих на оккупированных территориях, за похищения людей, за пытки и расстрелы в подвалах пленных и непокорившихся.

За гонения на крымских татар.

За грабежи и убийства мирного населения.

За попытку геноцида украинского народа.

За вероломную попытку уничтожения суверенного государства Украина.

Вы – российские оккупанты, террористы, военнослужащие Российской Федерации, приговариваетесь к смерти или суду» (пост в социальной сети «ВКонтакте» https://vk.com/tverskoyaa?w=wall341803628_756).

Примером лексического повтора, характерного для разговорной речи, может быть отрывок из выступления В.В. Путина: «Время спрессовано, я говорил об этом многократно, вы это всё прекрасно знаете. Его *запаса*, *запаса* времени, на раскачку, на дальнейшие утряски и увязки, просто нет. Вообще, мы этот период, считаю, прошли – формирования *задач* и инструментов достижения целей. И абсолютно недопустимо отступать от намеченных рубежей. Да, они сложны, эти *задачи*. Но снижать планку конкретных ориентиров, размывать их – нельзя. Они сложные, как я уже сказал, эти *задачи*, требуют больших усилий с нашей стороны» (Послание Федеральному собранию, 20.02.2019 г.). В аналогичной функции использован лексический повтор в сочетании с парцелляцией и в другом отрывке из этого же текста: «Смотрите. Когда мы обсуждали эту тему, многие коллеги *сказали*, искренне *сказали*, реакция была такая: *страшно*. Действительно, знаете, *страшно*, и есть проблема. Это не так просто. Ведь там по *некоторым* направлениям, по *некоторым* ведомствам *вот такие* фолианты, *вот такой* толщины, они же десятилетиями накапливались, еще с советских времен многие работают...»

Градация. «Градация (от лат. gradatio – постепенное повышение < gradus – ступень, степень) – стилистическая фигура, состоящая из ряда словесных компонентов (не менее трех): слов, словосочетаний, частей предложения, предложений, изобразительно-выразительных средств языка, расположенных в порядке их возрастающей или (реже) убывающей семантической и/или эмоциональной значимости» [4, с. 139].

Приведем примеры градационных построений.

«Гордимся, что именно наши отцы и деды смогли *одолеть*, *сокрушить* и *уничтожить* эту темную силу» (из речи В.В. Путина на Параде Победы 09.05.2015 г.);

«Наши отцы и деды пережили невыносимые *страдания, лишения и утраты*» (из речи В.В. Путина на Параде Победы 09.05.2015 г.);

«Мы преклоняемся перед всеми, кто насмерть стоял за *каждую улицу, каждый дом, каждый рубеж* Отчизны» (из речи В.В. Путина на Параде Победы 09.05.2015 г.);

«Это позволило нацистам присвоить себе право решать судьбу других народов, *развязать самую жестокую, кровавую войну, поработить, поставить на службу своим смертоносным целям* почти все европейские страны» (из речи В.В. Путина на Параде Победы 09.05.2017 г.);

«...*развернул назад кровавое колесо Второй мировой войны, погнал врага туда, откуда он посмел прийти на нашу землю, сокрушил нацизм, положив конец его зверствам*» (из речи В.В. Путина на Параде Победы 09.05.2017 г.);

«...*пытаются перечеркнуть, исказить* события войны, *предать забвению* подлинных героев, *подделать, переписать, перевернуть* саму историю...» (из речи В.В. Путина на Параде Победы 09.05.2018 г.)»

«...предпочли позор *капитуляции, лицемерного соглашения* или *прямого сотрудничества* с нацистами» (из речи В.В. Путина на Параде Победы 09.05.2018 г.)»

«Спецкор «Медузы» Илья Азар отправился в Брест, чтобы узнать, что там происходит, – и записал монологи нескольких беженцев о том, почему они пытаются уехать в Европу и как в Чечне *притесняют, пытают и убивают* людей» (Meduza, 06.12.2016 г.).

В приведенных примерах в градационных рядах присутствует эмоциональная оценка, однако в проанализированных текстах встречаются и градации рационально-логического типа: «*отцы – деды – прадеды*»; «Прошлой осенью брестские пограничники сообщали, что если в январе 2015-го жители российского Кавказа и Средней Азии совершили *700* попыток переезда границы, то в июле – уже *около двух тысяч*, а в августе – *более восьми тысяч*».

Отдельно в перечне средств речевого воздействия стоит отметить **фразеологизмы**, понимаемые нами в данном случае в самом широком смысле: от устойчивых словосочетаний до прецедентных феноменов.

В качестве примеров могут служить следующие:

«... чтобы у нас все было надежно и *работало как часы*»; «Надо *кровь из носу* выполнять эти задачи»; «Добросовестный бизнес не должен постоянно *ходить под статью*»; «...еще с советских времен многие работают, *со времен "очаковских и покоренья Крыма"*» (Послание Федеральному собранию, 20.02.2019 г.) – в последнем отрывке содержится цитата из «Горе от ума» А.С. Грибоедова;

«Дедушки "*с ограниченной социальной ответственностью*"», как назвал недавно людей с подобными навыками сам Вождь» (Айдер Муждабаев, «Володин Judenrat», «Эхо Москвы», 24.01.2017 г.) – отсылка к известному высказыванию В.В. Путина;

«Шумное всенародное обсуждение чужой безнравственности помогает россиянам заглушить болевые ощущения от рабского ярма, натирающего им шею, и отвлечься от зрелища *рук, продолжающих все это время расти из жопы*» (Виктор Шендерович, «Россияне производят нравственность», «Эхо Москвы», 18.01.2017 г.).

***Риторические фигуры
как средство реализации коммуникативных стратегий и тактик***

Риторические (стилистические) фигуры используются, как правило, для повышения воздействующего эффекта и степени выразительности текста в целом. Однако наблюдения показывают, что «характерные для политического дискурса коммуникативные стратегии, под которыми понимается комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, реализуются в том числе при помощи риторических (стилистических) фигур. Реализация функций политической коммуникации диктует употребление таких риторических фигур, которые нацелены на эмоциональное воздействие на аудиторию, воодушевление, сплочение массовой общности людей» [10, с. 351].

Исследователями политической коммуникации выделяются различные функции языка политики. Как уже говорилось ранее, можно выделить функцию социального контроля; функцию легитимизации власти; функцию воспроизводства власти; функцию ориентации; функцию социальной солидарности; функцию социальной дифференциации; агональную функцию; акциональную функцию [8, с. 35].

Указанные функции диктуют особое построение текстов политического дискурса: адресант заботится о том, чтобы максимально эффективно воздействовать на аудиторию. Эти действия требуют осмысленного, а не спонтанного выбора коммуникативных стратегий и тактик, реализация которых, в свою очередь, возможна за счет употребления риторических фигур, которые способствуют актуализации нужных смыслов, делают более выразительным, эмоциональным, позволяют дать необходимую оценку событиям, явлениям, субъектам политического взаимодействия и т.п. Таким образом, можно утверждать, что и в тактико-стратегическом отношении риторические фигуры выступают в роли речевых доминант, позволяющих реализовывать авторскую интенцию в политическом общении.

В данной работе мы придерживаемся определения коммуникативной стратегии, данного О.С. Иссерс: «Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долговременных результатов... речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [2, с. 181–182].

Специалисты по политической коммуникации по-разному подходят к классификации коммуникативных стратегий, свойственных политиче-

144 | скому дискурсу. К примеру, Е.И. Шейгал выделяет стратегию вуалирования, затушевывания нежелательной информации; стратегию мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение); стратегию анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности [8]. О.Н. Паршина пишет о стратегиях самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроения адресата, информационно-интерпретационной, аргументативной, агитационной и манипулятивной стратегиях [5, с. 13].

Между тем И.В. Анненкова, рассуждая о стратегиях современного медиадискурса, ядром которого является дискурс политический, пишет следующее: «Надо заметить, что все четыре основные стратегии медиадискурсивной деятельности очень тесно связаны между собою, и потому не всегда можно идентифицировать, какая же из них будет первична в том или ином тексте» [1, с. 189]. При этом данный исследователь основными медиастратегиями считает стратегию «культурного шока» и катастрофы, стратегию инспирирования или манипуляции, стратегию секуляризма и стратегию гедонизма.

На осознанность коммуникативного поведения указывает и определение, данное А.П. Сковородниковым в статье «О необходимости разграничения понятий “риторический прием”, “стилистическая фигура”, “речевая тактика”, “речевой жанр” в практике терминологической лексикографии»: «Речевая стратегия – это общий план, или “вектор”, речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения» [6, с. 6].

Проведенное исследование позволяет говорить о корреляции между выбираемыми акторами политического дискурса коммуникативными стратегиями и тактиками, с одной стороны, и риторическими фигурами, с другой.

По нашим данным, для текстов политической сферы коммуникации характерны стратегии легитимизации власти (обоснование и оправдание возложения властных полномочий); ориентации (формирование картины политической реальности); консолидации (объединение на основе общих идеологических принципов всего общества или его отдельных страт); дифференциации (размежевание социальных и/или идеологических групп); самопрезентации; дискредитации оппонентов. Последняя стратегия – дискредитации – чаще используется оппонентами действующей власти и реализуется за счет «навешивания ярлыков», оскорблений и т.п. Отметим также манипулятивную стратегию, которая является, на наш взгляд, своего рода макростратегией политической коммуникации.

Так, стратегии ориентации (формирование картины политической реальности) подразумевает характеристику и оценку произошедших или проис-

ходящих событий. Для ее реализации часто выступает градация: «Гордимся, что именно наши отцы и деды смогли *одолеть, сокрушить и уничтожить* эту темную силу»; «Наши отцы и деды пережили невыносимые *страдания, лишения и утраты*»; «Мы преклоняемся перед всеми, кто насмерть стоял за *каждую улицу, каждый дом, каждый рубеж* Отчизны»; «Это позволило нацистам *присвоить себе право решать судьбу других народов, развязать самую жестокую, кровавую войну, поработить, поставить на службу своим смертоносным целям* почти все европейские страны» (из выступлений В.В. Путина на Параде Победы в 2016, 2017 и 2018 годах).

Сравните, к примеру, в публикации Т. Мацейчука (<https://vk.com/id17014536>): «Вторая категория более напоминает мне свору животных, думающих всего лишь на уровне первой степени пирамиды потребностей Маслоу: удовлетворены физиологические потребности – “я поспал и не голоден”. Этой категории людей не нужны *правда, свобода, справедливость*. Их главным мотивом является страх – кого больше бояться, тот прав, кто сильнее – тот хозяин. Для них быть другим, чем остальные члены своры, – это *преступление, предательство, богохульство*». В данном случае градация использована как для реализации стратегии ориентации, так и стратегии дискредитации политического оппонента и сопровождается явной инвективой (свора животных).

Для реализации этой же стратегии в текстах политического дискурса представлен, например, параллелизм: «Эпохой *мужества и отваги, тяжелейших испытаний и трагических потерь, светлых надежд и беспредельной веры* в Победу»; «Мы обязаны передать им *стабильность и мир* на планете, передать суровую *героическую правду и память* об Отечественной войне, *дух и смысл* Великой Победы»; «За новыми угрозами проступают все те же старые уродливые черты: *эгоизм и нетерпимость, агрессивный национализм и претензии на исключительность*» (из выступлений В.В. Путина на Параде Победы в 2015, 2016 и 2017 годах). В нелегитимных практиках можно наблюдать следующую картину: стратегия построения политической реальности реализуется за счет использования парцеллированных и параллельных синтаксических конструкций. Например: «Україна станет примером *мужества и свободы*. Примером фантастической *воли* к независимости и истинной *любви* к своему краю. А Россия бесславно канет в Лету, как государство воплощенного *зла и дикости*, как единственное государство, где эксперимент по уничтожению всего человеческого в людях оказался успешным и необратимым. Борьба Украины с Россией за сохранение себя – это борьба *света со тьмой. Добра со злом. Просвещения с невежеством. Разума с варварством*. Украина воюет не только за свою независимость, но и за безопасность всей западной цивилизации. И она неизбежно победит. Это есть Фатум» (пост в социальной сети «ВКонтакте» https://vk.com/tverskoyaa?w=wall341803628_756).

Стратегия консолидации часто оформляется в легитимных нормативных дискурсивных практиках как перечисление обращений к разным социальным группам с обобщением: *«Уважаемые граждане России! Дорогие ветераны! Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, мичманы и прапорщики! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!»*; *«Мы склоняем головы перед светлой памятью сыновей, дочерей, отцов, матерей, дедов, мужей, жен, братьев, сестер, однополчан и друзей – всех, кто не вернулся с войны, всех, кого уже нет с нами»* (из выступлений В.В. Путина на Параде Победы в 2016, 2017 и 2018 годах). В этих и подобных примерах имеет место почти дословное повторение указанных фрагментов, что демонстрирует такое свойство политического дискурса, как ритуальность.

Апелляция как к единомышленникам, так и к оппонентам в виде риторических обращений характерна и для нелегитимных практик (реализуются стратегии дискредитации и дифференциации):

«Вы – российские оккупанты, террористы, военнослужащие Российской Федерации, приговариваетесь к смерти или суду.

Вы – российская власть, приговариваетесь к международному трибуналу.

Вы – российский народ, приговариваетесь к неизвестному, позорному гниению на отшибе истории до конца своего существования» (пост в социальной сети «ВКонтакте» https://vk.com/tverskoaya?w=wall341803628_756);

«И еще одно, гордые советские люди... Смеетесь – Европа платит дань Америке, европейцы пляшут под дудку Вашингтона. Ребята, вы видели, как европейские СМИ критикуют и издеваются над Трампом? А сейчас попробуйте сделать такое же в отношении к Рамзану Кадырову. Сразу прилетит такая ответка, что будете стоять на коленях в очереди к главе Чеченской Республики и приносить извинения (Т. Мацейчук, <https://vk.com/id17014536>).

Реализация стратегии социальной дифференциации (размежевания социальных и/или идеологических групп) невозможна без характерного для политического дискурса деления мира на «своих» и «чужих». В данном случае мы имеем дело с различного рода видами контраста: *«Сегодня мы видим, как в ряде государств осознанно искажают события войны, как возводят в кумиры тех, кто, забыв про честь и человеческое достоинство, прислуживал нацистам, бесстыдно врут своим детям, предают своих предков. Наш святой долг – защитить подлинных героев»* (из выступления В.В. Путина на Параде Победы 09.05.2018 г.); *«Мне все чаще кажется, что в России живут как минимум две категории русских: одни за Россию, за свободу, за власть народа, за достоинство, за индивидуальную ответственность, а другие за Совок, за народное единство ценой репрессий в отношении к инакомыслящим, за власть кумира, за запугивание ценой человеческого достоинства и за коллективизм»* (Т. Мацейчук, <https://vk.com/id17014536>); *«В то время как*

американцы производят айфоны и айпады, немцы – автомобили, а итальянцы специализируются на одежде и обуви, россияне производят нравственность» (В. Шендерович, «Эхо Москвы», 18.01.2017 г.). В последнем из приведенных примеров имеется противопоставление «цивилизованного мира» и России, достижений материальной культуры (техники, одежды и т.д.) и нематериальной культуры (нравственные принципы).

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Функциональные признаки политического дискурса способствуют употреблению всех возможных средств речевого воздействия, в том числе риторических фигур. К наиболее частотным риторическим фигурам политической сферы коммуникации можно отнести парцелляцию, градацию, повторы, плеоназмы, различные виды контраста и некоторые другие.

2. Употребление риторических фигур имеет ряд закономерностей, однако названные выше фигуры частотны для различных типов коммуникативных практик политического дискурса.

3. В зависимости от статуса актора политической сферы коммуникации и от соблюдения литературно-языковых норм можно говорить о четырех видах практик: легитимной нормативной, легитимной ненормативной, нелегитимной нормативной и нелегитимной ненормативной.

4. Функции риторических фигур имеют свою специфику в политической коммуникации, обусловленную характерологическими и функциональными признаками политического дискурса.

5. Существует корреляция между употребляемыми риторическими фигурами и избираемыми коммуникативными стратегиями и тактиками, как и вообще использование риторических фигур в текстах русскоязычного политического дискурса. Это обстоятельство позволяет утверждать, что отдельные риторические фигуры являются лингвокультурными доминантами.

Список использованной литературы

1. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 392 с.

2. Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

3. Каличкина Т.И., Пантелеева А.П. Легитимность власти как дефиниция политического дискурса: к проблеме трактования // Современная наука: проблемы, идеи, инновации: Материалы международной научно-практической конференции (21 декабря 2019 года) / Под общ. ред. Е.А. Назарова. Казань: ООО ПК «Астор и Я», 2020. С. 126–132.

4. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
5. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 232 с.
6. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика – Лингвистика. Вып. 5: Сб. статей. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–11.
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК Гнозис. 326 с.
9. Щербаков А.В. Риторические фигуры в политическом дискурсе // Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение: Сборник статей XXII Международной научной конференции / Отв. ред. В.И. Аннушкин. М., 2019. С. 257–262.
10. Щербаков А.В. Стилистические фигуры как средство реализации коммуникативных стратегий в политическом дискурсе // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном пространстве «Восток – Запад: пересечения культур» / Статьи, доклады II Всемирного конгресса в Японии 2019 года. Япония, Киото, Университет Киото Сангё, издательство Tanaka Print, Т. II, 2019. С. 347–352.

Shcherbakov A.V.

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Scientific Director at the Center for Media Communications Research,
Pushkin State Russian Language Institute*

FIGURES OF SPEECH AS LINGUOCULTURAL DOMINANTS OF LEGITIMATE/ILLEGITIMATE POLITICAL PRACTICES: A COMPARATIVE ASPECT

In this part of the monograph, rhetorical figures are considered as linguocultural dominants of political communication texts, and the functions of individual rhetorical techniques in legitimate and non-legitimate discursive practices are compared. The results show that the use of such rhetorical figures as parcelling, gradation, repetition, various types of contrast, etc. has a number of regularities. The classification of legitimate/illegitimate discursive practices is given depending on the status of the actor in the political sphere of communication and on compliance with literary and linguistic norms. The conclusion is made about the correlation between the used rhetorical figures and communicative strategies and tactics, as

well as about which rhetorical figures in the Russian-language political discourse are linguocultural dominants. ¹⁴⁹

Keywords: rhetorical figures, political discourse, communication strategy, communication tactics, contrast, parceling, repetition, parallelism, expressiveness, evaluation, linguocultural dominant.

Раздел 3

Политический дискурс в парадигме медиалингвистики

Желтухина М.Р.

*доктор филологических наук, профессор, профессор РАО, академик РАЕН,
профессор кафедры английской филологии, заведующая научно-
исследовательской лабораторией «Дискурсивная лингвистика»
Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
профессор кафедры германистики и лингводидактики
Московского городского университета
zzmr@mail.ru*

МЕДИАИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В XXI ВЕКЕ: ФОБИИ – ФЕЙКИ – ИНТЕРТЕЙМЕНТ

В параграфе раскрывается медиаспецифика современного политического дискурса в агональном, фобийном и развлекательном аспектах. Проблема порождения и восприятия страхов через угрозы, слухи, фейки и защита от них через развлечение очень актуальна в современном политическом медиадискурсе и привлекает внимание многих исследователей в области психо- и социалингвистики, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики и других смежных направлений по вопросам многообразия вариантов воздействия на индивидуального или массового адресата. Целью является установление основных медиаизмерений политического дискурса в XXI веке. Выявляются и описываются основные направления воздействия на политического адресата: политический медиадискурс страха, политический фейк-медиадискурс, политический медиадискурс тотального развлечения. В данном параграфе устанавливается, что современные СМИ, осуществляющие оценочную и критическую функции, эффективно и тотально особенно в политическом пространстве создают и транслируют угрозы и фейки, передают слухи и культивируют страхи, прибегают к многочисленным псевдоаргументам, ложным данным и неточной статистике вместо смягчения угроз, придания аудитории уверенности в сегодняшнем и завтрашнем днях, разоблачения ложной информации, фейков и слухов, которые вбрасываются намеренно в медиапространство заинтересованными лицами для оказания направленного воздействия на эмоции,

чувства, поведение и настроение электората в разных странах, превращают серьезные вещи в развлечение, в игру, в т.ч. и языковую игру. Применяемые методы исследования в рамках когнитивно-дискурсивного подхода (дискурс-анализ, семантический, лексико-грамматический анализ, стилистический анализ, контент-анализ, интерпретационный анализ) наглядно демонстрируют раскрывающийся на личностном и коллективном уровнях через массмедиа (Интернет, пресса, радио, кино и телевидение) пропагандистский потенциал текстов, которые при помощи слухов, фейков, угроз, страхов и развлечений намеренно реализуют определенные таргетированные и контекстные медиаполитические механизмы, оказывающие влияние на рациональную и эмоциональную составляющую адресата с четкой общественно значимой экономической, социально-политической и военной целями. Параграф доказывает тот факт, что политические медиаугрозы, политические фейк-ньюс и политические медиастрахи имеют огромное значение для разрешения бытовых и политических конфликтов на разных уровнях: от внутри- и межгруппового уровней до международного и международного уровней.

Ключевые слова: политический медиадискурс, фейки, слухи, угрозы, страхи, развлечение, воздействие, сознание.

Введение

Проблема порождения и восприятия угроз, фейков, слухов, страхов представляет значительный интерес для многих специалистов разных научных направлений, занимающихся изучением воздействия на массового адресата [1–13 и др.]. Возрастающее медиавливание на коммуникацию в социуме второго тысячелетия в разных сферах жизнедеятельности человека, особенно в политической сфере, и недостаточный охват вопросов, раскрывающих установление уровней достоверности медиатранслируемой политической информации обуславливают актуальность исследования. В современной психолингвистике активно анализируются фейки, слухи, угрозы, страхи, их трансформации в развлечениях, их воздействие на адресата, на общественное мнение. Описание и анализ угроз, страхов и недостоверной информации базируется на когнитивно-дискурсивном подходе в современной лингвистике. Актуальность работы объясняется также значимостью комплексного изучения предложенной темы, посвященной функционированию политического медиадискурса в XXI веке, в русле различных направлений и подходов в языкознании. Проблематика кодирования и декодирования медиаинформации, понимания массовым адресатом содержания транслируемых через СМИ сообщений, содержащих фейки, слухи, угрозы и страхи, свидетельствует о необходимости исследования фейков, слухов, угроз, страхов в функционально-семантическом аспекте.

Современная политическая культура актуализирует в СМИ символическое значение, передающее мифологизацию реальности с доминированием мрач-

152 | ной, негативной, бесперспективной и очень агрессивной картины мира [6]. В массмедиа наблюдается повышение градуса агональности и фобийности в социуме, переход жанра «ужастика» – «ужасов» – «хоррора» – «триллера» в жанр «повседневной жизни» при определенной симуляции месседжей о военных и политических конфликтах, военных действиях в мире, катастрофах, эпидемиях и пандемиях, соединение дискурса любви и дискурса смерти с их преломлением в политическом медиадискурсе [4; 6]. Современные СМИ, осуществляющие оценочную и критическую функции, эффективно и тотально особенно в политическом пространстве создают и транслируют угрозы и фейки, передают слухи и культивируют страхи, прибегают к многочисленным псевдоаргументам, ложным данным и неточной статистике вместо смягчения угроз, придания аудитории уверенности в сегодняшнем и завтрашнем днях, разоблачения ложной информации, фейков и слухов, которые вбрасываются намеренно в медиапространство заинтересованными лицами для оказания направленного воздействия на эмоции, чувства, поведение и настроение электората в разных странах, превращают серьезные вещи в развлечение, в игру, в том числе и языковую игру. Исследование приемов медиавоздействия на адресата путем создания и распространения угроз, фейковых новостей, конструирования слухов, порождения страхов и при этом реализации тотального развлечения через массмедиа является перспективным направлением изучения влияния на сознание и подсознание человека в современном политическом медиапространстве. Теоретическую основу работы составляют труды отечественных и зарубежных психо- и социолингвистов, прагмалингвистов, когнитивистов, дискурсологов, лингвокультурологов, специалистов по стилистике, риторике, политической и медиалингвистике, теориям воздействия, слухов, страхов.

Результаты и обсуждение

Методология исследования базируется на системном подходе, рассматривающем любое явление как целостность в единстве всех его связей и отношений. Дискурсивный, лингво-прагматический, лингвокультурологический подходы используются для осуществления комплексного анализа фейков, угроз, страхов в современном политическом медиадискурсе, вербальных средств их воздействия на адресата в современных англоязычных и российских массмедиа в политической медиасфере. Выбор методов анализа обусловлен целью и задачами работы. В исследовании применяются такие методы, как индуктивный и описательно-сопоставительный методы, когнитивно-дискурсивный, дефиниционный, семантический, контент-анализ, функционально-стилистический анализ, интерпретативный анализ, количественный анализ. В качестве материала выступают электронные и печатные политические медиатексты, отобранные методом сплошной выборки из российских и англоязычных массмедиа начала XXI века.

В основе исследования лежит контент-анализ как метод качественно-количественного анализа содержания политических медиатекстов в целях выявления в них наличия фактов и тенденций продуцирования угроз, распространения фейков, слухов, порождения страхов в политическом медиапространстве в России и за рубежом. Контент-анализ позволяет изучать в работе политические медиатексты в их социально-политическом контексте.

При сплошной выборке учитывались следующие принципы:

1) принцип формализации: содержание угрозы, фейка, слуха, страха для фиксации вербальных характеристик,

2) принцип статистической значимости: частотность употребления выявленных элементов содержания в медиаполитическом контексте.

В работе исследовались сообщения, содержащие угрозы, фейки, слухи, страхи в политической сфере, представленные в печати, на радио и телевидении, в сети Интернет.

Фактический материал определил три этапа исследования:

а) Выявление реальных или намеренно созданных событий для продуцирования угроз, слухов, страхов, которые нашли отражение в исследуемых политических медиатекстах с одним или несколькими векторами «окружающая действительность», «адресант», «адресат». Например, о событиях внутри страны и за рубежом:

– Для Евгения Куйвашева сравнение с сахалинским губернатором даже не предупреждающий звоночек, а грозный набат (<http://urfo.org/ekb/527288.html> 05.03.2015)

– Куйвашев следующий? ОНФ разворачивает борьбу с неэффективными губернаторами. «Черная метка» уже выдана (<http://urfo.org/ekb/527288.html> 05.03.2015).

– Потенциал для ведения войн нового типа – это войска (силы) и средства противодействия угрозам, которые России еще необходимо осознать и осмыслить с учетом мирового и отечественного опыта, опыта «цветных» революций и вооруженных конфликтов по всему миру. Но уже сегодня очевидно: костяк этого потенциала могли бы составить силы специального назначения, органы информационной и психологической войны, кибервойска, внутренние войска, органы разведки и управления, укомплектованные не только военными специалистами, но и гражданскими экспертами – культурологами, историками, экономистами, физиками, антропологами, психологами, среди которых обязательно должны быть женщины (<http://topwar.ru/58711-chelovechestvo-uchitsya-voevat-po-novomu.html>).

б) Определение формальных вербальных и невербальных характеристик угроз, слухов и страхов в политическом медиатексте. По формальным признакам особенно выделяется стратегия дезориентации. Например, тактика создания ложного впечатления через введение в заблуждение может осу-

154 | шествляться путем преувеличения и преуменьшения собственной и чужой силы и возможностей [1, 2].

– *Российские и украинские СМИ наводнили слухи о появлении подразделений российского спецназа в Крыму, якобы направленного туда для защиты стратегических объектов и поддержания стабильности на полуострове. Так, газета «Черноморские новости» со ссылкой на источники в Севастополе утверждает, что эскадра Черноморского флота РФ, вернувшаяся 25 февраля из постолимпийского Сочи, привезла 11 тысяч бойцов десанта с вооружением. Кроме того, по слухам, два заполненных вооруженными бойцами военных автомобиля «Урал» с российскими номерами прибыли в Ялту 25 февраля около 17 часов. В интернете появилась видеозапись, на которой якобы запечатлены российские военные,двигающиеся из Севастополя в Ялту. По сведениям портала 73online.ru, еще в конце прошлой недели из Тольятти в Крым для охраны одного из стратегических объектов была направлена отдельная бригада спецназа ГРУ РФ, которая, как считается, будет оставаться там до полной стабилизации обстановки в Украине. А в самое ближайшее время, утверждает портал, на Украину могут прибыть несколько групп десантников Ульяновской 31-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады, которые уже находятся в полной боеготовности и ждут приказа к отправке на Украину. «Все ребята готовы к боевым действиям и нестандартным ситуациям», – сообщил некий осведомленный источник издания (Черноморские новости, 26.02.2014).*

В примере создаваемое ложное впечатление выступает основной интенцией медиаадресанта путем введения в заблуждение адресата, а именно: констатация полной беспомощности властей Украины и военно-политической роли России как гаранта стабильности в конкретной ситуации. Порождение подобных слухов способствует дестабилизации общества, разжигают вражду, вызывают смуту и агрессию, актуализируют страхи, неуверенность, панику. Эффект создания ложного впечатления реализуется при помощи многократных повторов, особенно цифровых данных и конкретных наименований из военной сферы (например, перечисление готовящихся к вводу вооруженных войск: *подразделения российского спецназа, 11 тысяч бойцов десанта с вооружением, два заполненных вооруженными бойцами военных автомобиля «Урал», отдельная бригада спецназа ГРУ РФ, несколько групп десантников Ульяновской 31-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады, которые уже находятся в полной боеготовности*; целей действий: *защита и охрана стратегических объектов, поддержание стабильности на полуострове, боевые действия, нестандартные ситуации*; срочности их осуществления: *эскадра Черноморского флота РФ, вернувшаяся 25 февраля из постолимпийского Сочи, 25 февраля около 17 часов, в конце прошлой недели, в самое ближайшее время*; периода пребывания: *до полной стабилизации*

обстановки в Украине. Ложное впечатление создается в результате лексико-грамматического и стилистического преувеличения (повторы, контекстуальные синонимы, метафоры, количественные, темпоральные, локальные маркеры и др.) в рамках дезориентирующей и провоцирующей стратегий с целью установления общественно-политического хаоса в регионе.

в) Установление прагматической направленности текстов, содержащих угрозы, слухи, страхи в политическом медиадискурсе (оценка эффектов воздействия). Одной из эффективных прагматических стратегий в развлекательных и политических медиа является стратегия дискредитации через распространение слухов [1, 2], которая негативно характеризует оппонента, воздействия на эмоции и чувства адресата. Например, частотна тактика насмешки над оппонентом, которая через смех обеспечивает эмоциональную зависимость медиаадресата от медиаадресанта, разделение его позиции, оценок, эмоций и чувств, способствует дискредитации политического противника путем изменения восприятия медиаадресата по формуле «нравится – не нравится» из-за притупления критичности декодирования, отсутствия сознательного осмысления поступаемой информации, создания иллюзии оправданности эмоций медиаадресата. К основным приемам тактики насмешки над оппонентом относятся сравнение, гиперболизация, обыгрывание стереотипов мышления, цитирование оппонента для придания правдоподобия сообщению.

Например,

*The Mayor of Chicago, Rahm Emanuel, reportedly announced that the city will be renamed. It will now be – **Obama City!** Mayor Emanuel feels that Chicago is **the adopted home of Barack Obama**. It is the city most identified with the 44th President. “In the coming years, **many cities will be renamed after Barack Obama** and we just feel that Chicago should be the first – and biggest – city to change its name **in honor of the President**,” said a source in the Mayor’s Office. **Rahm Emanuel compared President Obama to Jesus, Ghandi and Martin Luther King, Jr.** during his speech about the naming of Obama City. Chicago is also changing its nicknames. It will no longer be known as **The Second City**, it will be known as **The First City**. And it will not be known as **The Windy City** any more. It will be known as **The Cool City**. The White House told WWN that Barack Obama is thrilled that “Chicago has made the right decision for its citizens. **Obama City will become a shining star in the American landscape and the President believes that it will soon become the greatest city in the history of the world.**” All the parks in Chicago will have the name Obama added to them – **Obama Grant Park, Obama Millenium Park, Obama Lincoln Park**. “**This city will be a living tribute to our greatest president**,” reportedly said Mayor Emanuel. Rahm Emanuel is close friends with President Obama and the President reportedly has something special planned for Rahm as a “thank you” for renaming*

156 | *Chicago. Here's some other things named after Barack Obama recently. Animals: Aptostichus barackobamai – a species of wafer trapdoor spiders, Etheostoma obama – a darter fish, Obamadon – an extinct lizard, Paragordius obamai – a parasitic worm, Caloplaca obamae – a lichen species. Schools Maryland: Barack Obama Elementary School – Upper Marlboro, Maryland, Mount Obama – Barbados (WeeklyWorldNews, 02.2013).*

В данном примере слух, не претендующий на правдоподобность (*The Mayor of Chicago, Rahm Emanuel, reportedly announced that the city will be renamed; said a source in the Mayor's Office; The White House told WWN that Barack Obama is thrilled that; reportedly said Mayor Emanuel; the President reportedly has something special planned for Rahm as a "thank you" for renaming Chicago*), базируется на реальной героизации Президента США в демократических массмедиа, с частотным преувеличением его заслуг. Рассматриваемый слух способствует формированию у адресата критического взгляда на передаваемую информацию в официальных СМИ до карнавальной карикатуризации. В примере высмеиваются как личность президента, так и пропаганда партии демократов. В разных степенях комического (от юмора и иронии до сатиры и сарказма), передаваемого в контекстуальных синонимах, метафорах, сравнениях, литотах, гиперболах, прослеживается явная дискредитация президента как политика с целью понижения его социального статуса и политического рейтинга у электората путем семантических параллелей с маленькой горой на острове Барбадос, начальной школой (*elementary*) и ассоциаций с животными (*parasitic worm, fish, spider; extinct lizard, lichen species*).

Анализ фактического материала показывает, что в начале XXI века деятельность по распространению угроз, фейков, слухов, страхов в политическом медиадискурсе во многих странах возведена в ранг государственной политики с щедрым финансированием научно-исследовательской работы в этой области. Идеологическое воздействие осуществляется в агональном и фобийном политическом медиадискурсе путем применения выразительных средств языка. Политические медиасообщения формируют эмоциональные и рациональные представления, опосредствующих критические отношения субъектов к предметам и явлениям общественно-политической действительности [6].

Например, в ситуации с мерами, предпринимаемыми мэром Москвы С.С. Собяниным, самовыражение адресата политического дискурса в сети Интернет способствует реализации политического медиадискурса развлечения. На плакате изображен мужчина, очень похожий на мэра Москвы, с указующим жестом на фоне зданий Москвы, который обращается к населению. Обыгрывается текст постановления мэра Москвы для жителей и гостей столицы об обеспечении мер безопасности в борьбе с коронавирусом в форме рекламного объявления продажи товаров и услуг:

Рис. 1. https://tsargrad.tv/news/moskvicham-predlozhili-sdat-sosedej-iz-za-rezhima-progulok-politolog_257406

Одним из маркеров политического медиадискурса выступают идеологически релевантные лексемы, отражающие идеологическую концептуализацию в медиасознании представителей разных лингвокультур даже без официальной идеологии. Столкновение разных идеологий (например, тоталитарной и капиталистической) наглядно демонстрирует рис. 1. Вербальное манипулирование политическим медиасознанием в агональном медиадискурсе реализуют такие маркеры, как семантические искажения за счет денотативной и коннотативной вариативности языковых знаков под влиянием социальных, культурных и других факторов, подвижности семантики и прагматики слова, оценочности, идеологичности, модальности.

Согласно теории речевой деятельности медиадискурс представляет собой социально-ориентированное общение, информирующую коммуникацию. Однако как показывает фактический материал, информирование медиаадресантом аудитории создает общий фон для формирования аксиологической картины мира адресата. А ключевыми целями языка СМИ выступает

158 | воздействие в форме заражения, подражания, убеждения, стимулирования, побуждения, внушения. Агональность как интенция борьбы характерна для всех жанров агонального медиадискурса [6], в зависимости от актуальности и длительности медиамесседжа будет различаться ее степень.

Дискурс-анализ печатных и электронных медиатекстов показал, что в политическом медиадискурсе доминируют императивные месседжи (94% всех исследуемых текстов). Благодаря высокой степени эмоциональности они позволяют медиаадресанту суггестивно воздействовать на политического медиаадресата. Суггестивности способствует основополагающая интенция политического медиадискурса – интенция борьбы. Нужно подчеркнуть, что агональность политического медиадискурса может носить суггестивный или несуггестивный характер, однако всегда будет фиксироваться определенная степень ответственности на медиасознание адресата.

Негативизм информации в политических массмедиа объясняется наложением несоединимых культурных пластов эпохи с архаичностью ценностей и эпохи с отсутствием идеологии, а также взаимодействием инстинктов жизни (Эрос, сексуальное влечение, нарциссическое «Я» – потеря побудительности текстов) и смерти (Танатос, конец света, мотивы самоубийства, амбивалентность любви-ненависти и садомазохизм, направленный против «Я», по З. Фрейду) [6].

Например,

Обнаженная партфункционер «Единой России» упала с балкона вместе с мужчиной. В минувшую субботу в городе Петровск Саратовской области произошел несчастный случай. Об этом ИА «Свободные новости» рассказал один из местных жителей (<http://fn-volga.ru>, 22.09.2014).

Размывание границ концептов, когнитивные трансформации, деформация жанровых традиций, прорыв инстинктов характеризуют современное медиасознание. Эгоцентричность медиатекста достигается благодаря акценту на «Я» медиаадресанта, прецедентным трансформациям, радикальной иронии, маркерам субъектного присутствия (*как бы, на самом деле*). Появление новых медиажанров обусловлено символической трансформацией от «эго»-символов к «фобия»-символам: военные события, теракты дня, катастрофы недели, пандемии, что обогащает значительно агональный и фобийный политический медиадискурс.

Например,

заголовки, анонсирующие новые фильмы, свидетельствуют об открытой манипуляции сознанием населения, воздействием на эмоции, насаждением моделей поведения в обществе, что переносится на политическую действительность, порождая агрессию и страхи у адресата:

Домашний прокат: отстрел подростков, зомби-карантин, бесконечный пригород. Новые фильмы онлайн: «Вздрюченные», «#Живой», «Вивариум»

(П. Воронков, 20.09.2020; https://www.gazeta.ru/culture/2020/09/20/a_13258717.shtml).

Пересечение различных типов дискурса в политическом дискурсивном медиапространстве усиливает воздействие на адресата. Игровой дискурс и театральные дискурсы коррелируют с развлекательным дискурсом в политической медиасфере. Дискурсы устрашения и смерти пересекаются с эротическим дискурсом в медиаполитической области. Восприятие подобных корреляций, транслируемых в СМИ, реализует эффект единого целого, что усиливает воздействие на массового адресата.

Например, комплекс пересекающихся типов дискурса в политическом медиапространстве отразили многочисленные медиасообщения о том, что молодая медсестра надела на бикини полупрозрачный антиковидный костюм, поскольку в нем очень жарко, однако больные в палатах, зараженные коронавирусом, не возражали против этого, они даже фотографировали и выставляли в сеть, а чиновники и политики потом комментировали действия медсестры:

Российская медсестра пришла на работу в прозрачном костюме и бикини (19 мая 2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/05/19/medsestra/>);

Российская медсестра в бикини стала мировой звездой. Ей восхищаются иностранцы, хвалят в сети и обсуждают политики (22 мая 2020. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/05/22/nurse/>);

Глава тульского минздрава поддержал медсестру, надевшую бикини под прозрачный костюм (22 мая 2020. URL: https://www.znak.com/2020-05-22/glava_tulskogo_minzdrava_podderzhal_medsestru_nadevshuyu_bikini_pod_prozrachnyu_kostyum).

Особенно хотелось остановиться на оценочной ленточной подаче новостей в Интернете, которые, представляя собой отдельные тексты с гиперссылками, создают цепочку негативных, часто устрашающих и парадоксальных событий, оказывающих на адресата сильный воздействующий эффект депрессии, отстранения, агрессии и т.п.

Например, показателен перечень заголовков на сайте v102.ru за 2 дня, в которых доминируют сообщения об отрицательно окрашенных событиях в регионе, которые способствуют созданию негативного общественно-политического фона благодаря угрожающему, устрашающему тону массмедиа (в скобках указывается положительная «+» или отрицательная «-» оценка).

Новости Волгоградской области, опубликованные 04.02.2016 (v102.ru)
04.02.2016 08:21

В Волгоградской области уволенный за «левый» диплом вуза Сан-Марино директор МФЦ вернулся на должность (-)

04.02.2016 08:38

В Волгоградской области пенсионер пострадал на пожаре из-за неосторожности с огнем (-)

- 160 | 04.02.2016 09:00
В Волгоградской области за сутки в ДТП 2 человека получили травмы (-)
- 04.02.2016 10:00
Волгоградские ученые просят «фронтовиков» спасти книги (-)
- 04.02.2016 10:15
В Волгограде с жильцов квартиры взыщут 64 тысячи рублей долга за газ (-)
- 04.02.2016 11:23
Мошенники выманили у пятерых жителей Волгоградской области четверть миллиона рублей (-)
- 04.02.2016 11:24
За распространение интимных фото жительницы Волгоградской области ответит ее муж (-/+)
- 04.02.2016 11:38 (Обновлено: 05.02.2016 09:11)
В Волгоград поступил дорогостоящий аппарат для лечения осложнений гриппа (-/+)
- 04.02.2016 11:47
В Волгоградской области суд закрыл 3 сайта с объявлениями о продаже алкоголя (-/+)
- 04.02.2016 12:13
В Волгоградской области долг предприятий в пенсионный фонд увеличился на 604 млн рублей (-)
- 04.02.2016 12:44
В Волгограде за убийство и поджог пенсионерки будут судить ее соседа (-)
- 04.02.2016 14:15
Юная героиня программы Первого канала из Волгограда отправляется на лечение в Китай (-/+)
- 04.02.2016 14:29
Внеплановая проверка подтвердила соответствие деятельности ЗАО «НикоМаг» требованиям экологического законодательства (+)
- 04.02.2016 15:15
В Волгограде пьяный водитель при задержании оказал сопротивление сотрудникам полиции (-)
- 04.02.2016 15:40
Заместитель директора муниципального учреждения Волгограда попался на взятке (-)
- 04.02.2016 15:43
За день операции «Безопасный маршрут» дорожная полиция привлекла к ответственности 9 человек (-)
- 04.02.2016 15:59
В Волгоградской области задержаны 29 нелегалов из стран Средней Азии (-)

04.02.2016 16:04

Волгоградская область взяла на себя обязательства по проекту «Юг» «Транснефти» (+)

04.02.2016 17:04

В Волгоградской области бизнесмен заработал на незаконной добыче песка 16 млн рублей (-)

04.02.2016 17:45

Чиновники Волгограда пообещали жителям острова Сарпинский теплоход (-/+)

04.02.2016 19:15

В Волгограде юных пловцов не пустили на тренировку в частный бассейн «Искра» (-)

04.02.2016 20:02

«Высота 102 ТВ»: В Волгограде займутся расследованием ситуации с выделением земли многодетным семьям (-/+)

Новости Волгоградской области, опубликованные 05.02.2016 (v102.ru)

05.02.2016 08:25

В Волгоградской области проверяют обстоятельства смерти задержанного в помещении райсуда (-)

05.02.2016 09:25

В Волгоградской области на трассе водитель «Лады» из Краснодара сбил двух пешеходов (-)

05.02.2016 09:55 (Обновлено: 05.02.2016 10:18)

Чиновники Волгоградской области призвали жителей «не пугаться» платежей за отопление (-)

05.02.2016 10:18

Олимпийская чемпионка Лариса Ильченко: Волгоградские пловцы не собирались ехать в Ростов на чемпионат федеральных округов (-)

05.02.2016 11:04

В Волгоградской области за нанесение побоев двухлетней девочке ответит ее мать (-)

05.02.2016 11:08

В Волгограде задержан подозреваемый в убийстве трижды судимый мужчина (-)

05.02.2016 12:20 (Обновлено: 05.02.2016 12:24)

В Волгоградской области прокуратура обязала власти обеспечить водой селян (-)

05.02.2016 12:31

За организацию работы казино в Волгограде задержан сотрудник службы исполнения наказаний

05.02.2016 12:34

В Волгограде «по звонку» закрыли наркопритон в многоэтажке (-)

- 162 | 05.02.2016 12:38
В Волгоградской области директор фирмы обвиняется в мошенничестве при строительстве детсада (-)
- 05.02.2016 13:22
Волгоградский школьник стал чемпионом мира по решению шахматных композиций (+)
- 05.02.2016 13:24
Жильцы поврежденного взрывом дома в Волгограде смогут забрать забытые вещи перед сносом здания (-/+)
- 05.02.2016 13:48
В Волгограде обвиняемый в гибели роллера водитель попросил прощения у матери погибшего (-/+)
- 05.02.2016 14:00
В Волгограде в ДТП пострадала беременная женщина, ее муж и ребенок (-)
- 05.02.2016 14:33
Жительница Волгограда вышла из трехнедельной голодовки за жилье (-)
- 05.02.2016 14:37
В Волгоградской области растет очередь за путевками в санатории (-)
- 05.02.2016 15:35 (Обновлено: 05.02.2016 15:54)
Автотранспортное предприятие Волгограда задолжало в казну города почти 20 миллионов рублей (-)
- 05.02.2016 15:36
В Волгограде возобновляется регулярное сообщение с островом Сарпинский (-/+)
- 05.02.2016 16:02
В Волгограде задержанный за угрозу самоподрыва сообщил о новом «теракте» (-)
- 05.02.2016 16:25
В Волгоградской области разбойники в масках совершили налет на дом предпринимателя (-)
- 05.02.2016 16:35
В Волгограде граждане «штурмуют» офисы ИВЦ ЖКХ из-за январских счетов за коммуналку (-)
- 05.02.2016 18:01
Школьники Волгограда и Волжского в понедельник вернуться к занятиям после карантина (-/+)
- 05.02.2016 18:49
Депутат Госдумы от Волгоградской области Олег Савченко о съезде «ЕР»: Только разговор «без купюр» о болевых точках регионов дает результаты (-)
- 05.02.2016 20:01
«Высота 102 ТВ»: Бывший мэр Евгений Ищенко поставил Волгограду диагноз, а губернатору пожелал удачи (-).

В инструментарий политического медиадискурса входят «концепция мифа» и «единица мифа», позволяющие анализировать агональные и фобийные медиасообщения. Установлено, что медиамеседжи реализуют мифологические разновидности – информационный миф, публицистический миф, художественный миф, художественно-публицистический миф и др. Передаваемая медиаинформация об угрозах, страхе, опасности, катастрофах, ужасе и многом другом воплощает собой образец сконструированного мифа в медиаполитическом пространстве.

Рис. 2. <https://idaprikol.ru/picture/tramp-ya-isproboval-russkuyu-vakcinu-net-nikakix-pobocny-x-effektov-rHkcLLav7>

Например, на рис. 2 представлен человек, очень похожий на Д. Трампа, но с лицом человека, очень похожего на В. Путина. Идентифицировать картинку помогает вербальный текст от лица Д. Трампа о том, что он испробовал русскую вакцину без побочных эффектов (т.е. без видимых изменений). Несовместимость вербального и невербального пластов на картинке в восприятии адресата происходит из-за того, что побочные эффекты ассоциируются с В. Путиным, чье лицо приобрел Д. Трамп после вакцинации русской вакциной. В условиях предвыборной борьбы за пост Президента США подобное преобразование свидетельствует о значительном русском следе в кампании Д. Трампа, в чем его активно обвиняли и продолжают обвинять демократы.

Политическая медиаинформация, основанная на методах вербального и невербального преподнесения, представляет собой медиапропаганду.

164 | Политическая новость, транслируемая определенным образом в СМИ, осуществляет медиапропаганду в общественно-политическом пространстве. Манипулирование медиасознанием отличается от традиционной пропаганды, представляет собой процесс жесткого и агрессивного воздействия на массового адресата, на целевые группы (социальные, возрастные и т.п.) до и после их выхода из-под контроля вследствие конкретных причин.

Например, активно применяется *военная метафора по сходству качеств и свойств, а также функций по модели «коронавирус – оружие» (глобальный, бить, сильный), придавая устрашающий характер сообщению, которое содержит угрозу жизни и актуализирует в сознании адресата антиномию «жизнь – смерть»:*

Новое глобальное оружие: коронавирус сильнее бьет по Западу, чем по России (<https://www.volgograd.kp.ru/daily/27095/4168449/>).

Медиапропаганда реализует систему мер быстрого и продолженного воздействия с резким изменением мировоззрения людей и их поведения, разложением их сознания, притуплением мыслительных функций.

Медиамаанипуляция возникает послед пробуждения массового адресата после тотального подавления. Подготовленный адресат готов к фобийным медиамаанипуляциям, которые состоят в общественном и государственном создании и поддержании медиатрансляции опасных событий, ситуаций о страхе и состояниях страха, массовых и индивидуальных угрозах для осуществления целенаправленного медиауправления при помощи фейк-ньюс, агрессии, развлечений.

Фейки распространяются с целью создания паники. Так, например, в последнее время в эпоху COVID-19 из-за скорости распространения коронавируса и якобы занижения данных о заразившихся, а также о том, что в это тяжелое время глава государства бросил страну на произвол судьбы и спрятался от коронавируса появились 2 основных фейка.

Фейк 1. 20000 заболевших россиян (02.03.2020). Более 10000 сообщений в соцсетях, Telegram, WhatsApp (<https://www.vedomosti.ru/media/articles/2020/03/02/824255-epidemii-koronavirusa>; <https://www.business-gazeta.ru/article/464732>).

Фейк был ориентирован на широкую, восприимчивую аудиторию, чаты родителей дошкольников и школьников, преимущественно мам и др.

Фейк 2. Путин не просто заболел, а убежал из Москвы, лечится на Валдае, в Сочи, находится в бункере (07.04.2020) (напр., YouTube-канал «И Гряннул Грэм», https://www.znak.com/2020-04-07/putina_ne_videli_na_publike_dve_nedeli_rossiyane_dumayut_chno_on_v_bunkere).

По информации с сайта Кремля, В. Путин находился в это время в Ново-Огарево и проводил совещания по видеосвязи. Схема дезинформации аналогична той, что была использована против И. Сталина в 1941 году, когда

немцы были под Москвой, а он якобы оставил Москву и жителей страны на произвол судьбы.

Фейковая сторона и соединение агонального и фобийного дискурсов в политическом медиапространстве отражены также в публикации:

«Операция COVID-19 – это игра на свержение Путина, Трампа и Си Цзиньпина». Известный политолог о том, почему солдаты НАТО не боятся коронавируса и завершит ли Кремль путинский левоконсервативный поворот (Панарин И., <https://tjournal.ru/news/163011-mahovik-nabiraet-oboroty-rossiyskie-smi-napisali-otkrytoe-pismo-gde-raskritikovali-zakon-o-feykah-o-koronaviruse>).

Особенно необходимо обратить внимание на идеологическое значение продукции индустрии медиасознания, которая передает массовому адресату определенные эмоции, чувства, мысли о мировой политической действительности (страх, ужас и т.п.). Информационная медиаполитика направлена не на развитие мышления адресата, не на свободу его самовыражения, а на принуждение адресата к мышлению в конкретном направлении с использованием готовых простых суждений-клише, например, путем воздействия страхами, слухами, фейками, угрозами, бездумными развлекательными продуктами на массовое бессознательное. Такой подход позволяет констатировать доминирование воздействия над информированием в политическом медиадискурсе.

В связи с этим абсолютно оправданным следствием агонально-фобийного фейкового политического медиапроизвола выступают реальные действия политиков властных структур государства, транслируемые в СМИ:

Путин подписал закон о лишении свободы за фейки на срок до пяти лет (<https://iz.ru/994520/2020-04-01/putin-podpisal-zakon-o-lishenii-svobody-za-feiki-na-srok-do-piati-let>).

Законодательное регулирование ситуации в политическом медиапространстве необходимо из-за провоцируемых панических настроений в обществе. Даже последние дебаты Д. Трампа и Д. Байдена от 30.09.2020 подтверждают максимальный развлекательный градус политического шоу с зашкаливающей агрессией, переходящей все этические границы ведения дебатов кандидатов в Президенты США: *«Щенок Путина»*:

Байден оскорбил Трампа на первых дебатах (<https://www.google.com/amp/s/www.mk.ru/amp/politics/2020/09/30/shhenok-putina-bayden-oskorbil-trampa-na-pervykh-debatakh.html>); Biden calls Trump ‘Putin’s puppy’ during debates (30.09.2020, <https://news.ru/en/usa/biden-calls-trump-putin-s-puppy-during-debates/>).

Необходимо подчеркнуть, что все прогнозы о путях развития современного политического медиадискурса находятся в настоящее время в агонально-фейковой, фобийной и развлекательной плоскостях, при этом их регулирование возможно исключительно в правовой сфере.

Выводы

В результате проведенного исследования выявлены основные медиаизмерения политического дискурса в XXI веке: политический медиадискурс страха, политический фейк-медиадискурс, политический медиадискурс тотального развлечения. Установлено, что часто угрожающая, недостоверная и развлекательная информация передается в СМИ субъективно и анонимно, гарантируя медиаадресанту безнаказанность и обеспечивая возможность выплескивания лжи для манипуляций медиаадресатом. Политические угрозы, политические фейк-нюс и политические страхи в массмедиа, а затем и основанные на них развлечения занимают важное место в разного рода конфликтах бытового и политического характера во внутри- и межгрупповом, межнациональном и международном планах. Фактический материал (материалы печатных и электронных СМИ XXI века) показал, что СМИ также могут вносить значительный вклад в процесс затухания угроз, разоблачения слухов, нивелирования страхов, представляя достоверную информацию поясняющего характера по теме сообщения, а также вскрывая или обыгрывая недостоверные сведения в развлекательных материалах (политические ток-шоу, юмористические передачи, напр., «Однажды в России» на ТНТ, Comedy Club и др.). Доказано, что в политическом медиадискурсе XXI века роль угроз, фейков, страхов, развлечений заключается в наполнении информационного сосуда политического события, недостоверном достраивании нереальной картины политического события, в создании и поддержании политических конфликтов, в дискредитации политического оппонента, в провоцировании медиаадресата на девиантное поведение и в активизации его протестных действий, во введении оппонента в заблуждение, в накаливании агрессии и культивации страхов в обществе, высмеивании и забалтывании многих жизненно важных проблем.

Итак, в данном параграфе охарактеризовано состояние современного политического медиадискурса через активную реализацию в нем угроз, слухов и страхов для оказания максимального воздействия на сознание и подсознание адресата с целью достижения определенных целей в международной деятельности государств. К сожалению, в современном политическом медиадискурсе все чаще демонстрируется непрофессионализм, неповоротливость, нежелание медиаадресанта доносить до адресата достоверную информацию. СМИ множат непроверенную информацию, жарят новости. Ради денег? Ради славы? Для самореализации и самоутверждения? Это, на мой взгляд, дискредитация профессии. В социуме с людьми происходят метаморфозы. Это не переоценка ценностей в новое время, а их недооценка, неосознание. Расслабленное сознание позволяет всем ужасам своего и чужого внутреннего мира выйти из глубины, превращая информационный поток в тотальный негатив и тотальное развлечение, культивируя неприкрытую агрессию масс.

А тиражирование негатива, агрессии и недостоверной информации становится псевдодоблестью современного медиадискурса во всем мире. Именно СМИ сегодня нагнетают негативную политическую обстановку в стране и мире, создают конфликты путем устрашения и дезинформации масс, грубо играя на эмоциях людей.

Как не утонуть в этом потоке информационного террора и троллинга? Сохранить совестливость и рассудительность.

Список использованной литературы

1. Бородина С.Н. Грамматические средства воздействия слухов в русских и английских массмедиа / С.Н. Бородина, М.Р. Желтухина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015а. № 2 (18). С. 65–74.
2. Бородина С.Н. Стратегии и тактики реализации слухов в иноязычных СМИ и прагматический аспект их воздействия / С.Н. Бородина, М.Р. Желтухина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015б. № 1 (96). С. 132–139.
3. Желтухина М.Р. Агональный и фобийный медиадискурс XXI века: пути развития // Эффективность массовых коммуникаций: социальный и языковой аспекты. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М.: РГСУ, 2016. С. 47–50.
4. Желтухина М.Р. Коммуникативные технологии в XXI веке / М.Р. Желтухина, А.В. Омельченко. Волгоград: ШАМ АО, 2008. 100 с.
5. Желтухина М.Р. Политический медиадискурс в XXI веке: угрозы, слухи, страхи // 25 лет внешней политике России. Сб. мат-лов X Конвента РАМИ: В 5 т. Т. 5, ч. 1. М: МГИМО МИД РФ, 2017. С. 151–170.
6. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о специфике речевого воздействия тропов в языке СМИ. Волгоград, М.: ИЯ РАН, ВФ МУПК, 2003. 656 с.
7. Изард К.Э. Воздействие эмоций на человека. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
8. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.
9. Zheltukhina M.R. Institutional, Stereotypical and Mythological Media Markers of Modern Society // Biosciences Biotechnology Research Asia. 2015. 12(1). Pp. 913–920.
10. Zheltukhina M.R., Krasavsky N.A., Ponomarenko E.B., Aleshchanova I.V., Pavlov P.V. Political Facebook Posts Using Ideological Symbols for Media Image Designing of Russia as Enemy. In: International Journal of Environmental and Science Education. 2016a. 11(18). Pp. 12005–12013.
11. Zheltukhina M.R., Magomadova T.D., Chervyakova L.D., Korovina S.G., Krivoshlykova L.V., Nesova N.M. Military metaphor as means of modern media knowledge communication: functional, lexical and grammatical aspects. In: Astra Salvensis. 2020. Supplement 1, Pp. 515–547.

- 168 | 12. Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G., Ponomarenko E.B., Busygina M.V., Omelchenko A.V. Role of Media Rumors in the Modern Society. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016b. 11(17). Pp. 10581–10589.
13. Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Gerasimova S.A., Borbotko L.A. Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016c. 11(17). Pp. 10413–10422.

Zheltukhina M.R.

*Grand Doctor of Philology, Full Professor,
Professor of the Theory of English Chair,
Head of the Research Laboratory «Discourse Linguistics»,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Professor of the Department of German Studies and Linguodidactics,
Moscow City University
zzmr@mail.ru*

**MEDIA DIMENSION OF POLITICAL DISCOURSE IN THE 21st
CENTURY: PHOBIAS – FAKES – ENTERTAINMENT**

The paragraph reveals the media specifics of modern political discourse in the agonal, phobic, and entertaining aspects. The problem of creating and perceiving fears through threats, rumors, fakes and protecting against them through entertainment is very relevant in modern political media discourse and attracts the attention of many researchers in the field of psycho- and sociolinguistics, cognitive linguistics, pragmalinguistics and other related areas on the issue of the variety of options for influencing an individual or mass addressee. The goal is to establish the main media dimensions of political discourse in the 21st century. The main areas of influence on the political addressee are identified and described: political media discourse of fear, political fake media discourse, political media discourse of total entertainment. It is established that modern media with evaluation and critical functions effectively and totally, especially in the political space, create and broadcast threats and fakes, transmit rumors and cultivate fears, resort to numerous pseudo-arguments, false data and inaccurate statistics instead of mitigating threats, giving the audience confidence in today and tomorrow, exposing false information, fakes and rumors that are thrown deliberately into the media space by interested individuals to exert a directed effect on emotions, feelings, behavior and mood of the electorate in different countries, turn serious things into entertainment, into a game, including a language game. Applied research methods within a cognitive-discursive approach (discourse analysis, semantic, lexico-grammatical analysis, stylistic analysis, content analysis, interpretive analysis) clearly demonstrate the revealing at the personal and collective level through mass media (Internet, press, radio, film and television) propaganda potential of texts that, through rumors, fakes, threats, fears and entertainment, deliberately implement certain targeted

and contextual media political mechanisms that influence the mind and feelings of a particular addressee with clear socially significant economic, socio-political and military goals. The paragraph proves the fact that political media threats, political fake news and political media fears are of great importance for resolving domestic and political conflicts at various levels, from the intra and inter-group levels to the interethnic and international levels.

Keywords: political media discourse, fakes, rumors, threats, fears, entertainment, influence, consciousness.

Мельник Н.В.

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры стилистики и риторики
Кемеровского государственного университета
saikova@mail.ru*

Савельева И.В.

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Кемеровского государственного университета
saviren1973@mail.ru*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЙ В ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ¹¹

Данное исследование посвящено проблеме определения детерминант варьирования текстов политических интернет-комментариев в аспекте легитимирующего вербального действия языковой личности рядового носителя языка. Целью исследования является выявление устойчивых признаков, позволяющих описать политический интернет-комментарий в лингвоперсоналогическом аспекте. Постановка в центр исследования макростратегии наивной легитимизации позволяет выявить несколько оснований для классификации: способ восприятия источника для осуществления вербального действия; тип авторского «Я» как аксиологического ориентира; способ репрезентации мишени (политика, института, страны); способ организации легитимирующего пространства; тип ситуации, на фоне которой осуществляется вербальное действие читателя-комментатора. Выявленные закономерности в порождении текстов позволяют говорить о формировании коллективной языковой личности виртуального комментатора, осуществляющей коллективное легитимирующее действие. Это особенно ярко наблюдается при обсуждении вопросов международной политики. В лентах обсуждений новостных изданий *РИА Новости* и *RT на русском* устойчиво сохраняются типы «Зрителя», «Патриота» и «Потерпевшего» при более всеобъемлющей категории пишущего как наблюдателя за политическими событиями. В отношении оценки международной политики можно говорить о тенденциях репрезентировать в комментариях в качестве мишени для легитимизации не только отдельных политических лидеров, но и целые государства. Общий взгляд адресата политического текста на проблемы неправомερных решений политиков пе-

---

¹¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00522.

ресекается с точечными оценками, посредством которых рядовой носитель языка выражает свое легитимизирующее мнение. В качестве ситуативных координат для вербализации политической рефлексии выбираются социокультурная, политико-экономическая, историческая, бытовая и аксиологическая ситуации. Что касается специфики легитимизирующего пространства, то основными приемами его конструирования являются приближение угрозы человечеству (проксимизация) и противоположное действие откладывания общенациональной угрозы (дистализация) на неопределенный срок.

Ключевые слова: политический интернет-комментарий, коллективная языковая личность, непрофессиональный политический дискурс, легитимизация, мишень, источник.

Введение

Политический интернет-комментарий – относительно новое речевое явление, стремительно развивающееся и активно расширяющее границы политического дискурса. Появление и распространение данного типа текстов в Сети обозначило ряд проблем, в первую очередь поставленных перед лингвистикой и дискурсивными исследованиями. Традиционное, более строгое понимание феномена политического дискурса включает речевую деятельность политических субъектов в сфере институциональной коммуникации [14, с. 13]. Его коммуникативными особенностями являются институциональность, конвенциональность и публичность (официальность). «Политический дискурс содержит ряд конститутивных признаков (системность, прагматическую завершенность, коммуникативную определенность, отсутствие строгих структурных ограничений) и наделяется теми же функциями, что и дискурс в целом – информативной, аргументативной, персуазивной, делимитативной и групповыделительной» [2, с. 257]. Вместе с тем междисциплинарность современной науки определяет введение более широкого определения политического дискурса как коммуникативной сферы, включающей также тексты, создаваемые транслятором политического дискурса (СМИ) и его адресатом (обществом).

Применение пространственно-полевого принципа классификации лингвистических единиц разного уровня к дискурсу позволило учесть и те виды коммуникации, которые прилегают к очерченным выше границам политического дискурса. Широко известно мнение Е.И. Шейгал, поддерживаемое многими исследователями политического дискурса, которая определяет дискурсивную сферу как имеющую полевою организацию и считает, что «любой материал в средствах массовой информации, в котором речь идет о политике и автором которого является политик или, наоборот, адресованный политике, следует относить к полю политического дискурса» [25, с. 38].

Представители Уральской школы политической лингвистики также высказывают мнение о том, что к политическому дискурсу можно отнести

172 | различные виды устной и письменной коммуникации, предметно связанной с политической проблематикой. Так, А.П. Чудинов полагает, что «к сфере интересов политической лингвистики относится не только передача политической информации, но и все, что связано с восприятием и оценкой политической реальности в процессе коммуникативной деятельности» [24, с. 8].

По мнению С.Н. Плотниковой, «под политическим дискурсом имеется в виду как дискурс политиков, так и дискурс о политике, принадлежащий непрофессионалам», а с точки зрения Р.Т. Садуова, «подход к политическому дискурсу как к опосредованной массмедиа институциональности расширяет и усложняет понимание текста и дискурса» [15, с. 104; 17, с. 17]. «Политика и СМИ состоят в отношениях «симбиоза». Большая часть политики делается как бы «за кулисами», на виду остается только ее публичная часть. И именно в этой точке происходит соприкосновение политики и средств массовой коммуникации» [17, с. 16].

В целях более всеобъемлющего и эффективного информирующего воздействия политической власти на адресата политический дискурс также приобретает тотально медиатизированный и преимущественно опосредованный характер [5; 12; 27; 28]. «Если в политическом дискурсе адресант обычно активен, а адресат более пассивен, то в политическом интернет-дискурсе оба участника коммуникации являются активными» [21, с. 9].

Взаимопроникновение дискурсов политических институтов и масс, стремление политических акторов посредством СМИ воздействовать на аудиторию, в частности, на реципиента политического новостного текста, получает обратную реакцию – реакцию активных представителей общества, имеющих доступ к технологиям обратной связи. «Возникшая оппозиция – комментарии – авторский текст – могут быть рассмотрены как отношения условно-безусловного или реального и гипотетического» [11, с. 258].

Согласно мнению В.И. Карасика, комментарии пользователей, в которых обсуждаются вопросы как бытового, так и политического характера, находятся в пространстве лично ориентированного дискурса. «Важнейшей смысловой оппозицией, позволяющей противопоставить основные типы дискурса при таком подходе к его изучению, является противопоставление лично ориентированного и статусно ориентированного дискурса. В первом случае участниками общения выступают личности, т.е. люди в их метафункциональном проявлении, во всей возможной полноте их характеристик, во втором случае – представители тех или иных социальных групп, осмысливаемые сугубо функционально [8, с. 73–74].

В исследованиях С.Н. Плотниковой и С.А. Домышевой тексты комментариев образуют дискурс реагирования. «В коммуникативном плане, с точки зрения взаимодействия между политиками и народом, политический дискурс можно разделить на дискурс политиков и дискурс реагирования. Термин

«дискурс реагирования» означает любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика» [15, с. 104].

С точки зрения А.В. Романтовского, «речемыслительный вектор», обнаруживаемый в том или ином типе дискурса, может иметь определенную прерогативу в таксономических изысканиях, касающихся типологии дискурсов, в том числе и дискурса комментариев. Наличие базовой вербально-когнитивной стратегии, реализуемой активным адресатом интернет-изданий, публикующим свое мнение о прочитанном, позволяет отнести интернет-комментарии к статьям СМИ к дискурсу проблематизации [20, с. 154].

В русле лингвоперсонологического подхода, в основе которого лежит корреляция языковой способности личности и качества производимого ей дискурса, в фокус исследования ставится ряд собственно лингвистических проблем, связанных с лингвоперсонологической вариативностью обыденной интернет-коммуникации и ее детерминантами: вариативность различных стратегий и тактик текстовой деятельности; разный суггестивный потенциал существующих стратегий, разная степень эффективности их влияния на формирование общественного сознания и политической картины мира в целом и сознание рядового носителя языка и его индивидуальной политической картины мира в частности; текстовые трансформации, обусловленные взаимодействием разных типов дискурсов: повседневного, обыденного и общественного, политического [10; 30].

Результаты и обсуждение

В настоящем исследовании анализ текстов политических комментариев проводится на стыке лингвоперсонологии и политической лингвистики. Изучение идиостиля участников политической коммуникации, в обобщенном виде личности размытого, коллективного адресата политического дискурса – это периферийное направление развития политической лингвоперсонологии, определяющее ее движение в сторону личности, во-первых, не элитарной, а во-вторых, коллективной, что на данный момент является новым, неразработанным направлением. В научных трудах, выполненных в русле политической лингвоперсонологии, сегодня, по мнению О.Н. Кондратьевой и В.А. Каменевой, наблюдается явно выраженная асимметрия. Очевидное предпочтение отдается изучению культурно-речевых, коммуникативно-прагматических и когнитивно-дискурсивных особенностей политической речи известных политических деятелей современного периода, принадлежащих к домену действующей политической власти [9]. С учетом данного наблюдения можно также указать и на асимметрию второго плана. Речь идет о лингвоперсонологическом измерении дискурса адресата политического целенаправленно порождаемого текста. Наблюдение за персонообусловленными особенностями текстов, создаваемых медианами, а также рядовыми читателями политических новостей, представляется актуальной проблемой для лингвистики.

С одной стороны, выделение лингвистических, идиостилевых характеристик оправдано, когда в качестве эмпирической базы берется значимый массив текстов, авторство которых принадлежит одному человеку. С другой стороны, лексико-стилистические и содержательные особенности так называемых комментов, публикуемых в Интернете, эксплицируют широкий диапазон личностных предпочтений их авторов, это особенно ярко проявляется при соотнесении данных текстов с исходным, откликами к которому они по сути являются. Необходимо обозначить, что в данном случае лингвоперсонологическому осмыслению и систематизации подвергаются не столько особенности текстов, продуцируемых случайной, анонимной личностью, причем факт прочтения новости данной личностью совершенно не очевиден, сколько целенаправленно собранные исследователем материалы вербализованной деятельности языковой личности, которые анализируются на определенных основаниях и выявляют устойчивые отличительные черты виртуальной языковой личности адресата политического медиатекста, которая спонтанно объединяется в сообщество и становится коллективом. При таком подходе сообщество интернет-комментаторов выступает как коллективная личность, объединенная тремя значимыми составляющими коммуникации: целью, средством и средой.

Целью является оценка политических решений, признание их правомочности (легитимизация) или критика, конструирование коллективной языковой личностью мира, в котором данные действия не являются правомерными (делегитимизация).

Средством для коллективной личности является естественный язык, объединяющий комментаторов не только как общий семиотический код, но и как богатый социокультурный фонд – фонд общего для носителей русского языка пресуппозитивного знания. Те или иные его фрагменты, необходимые для обсуждения ситуации здесь и сейчас, активируются в сознании реципиента новости и получают текстовое воплощение в виде комментария. «При описании разных событий способы подачи материала оказываются достаточно типичными для конкретного издания, а читатель стремится найти в публикации не столько новую информацию, сколько родственную ему систему ценностей – концептуальную систему (систему идеологических, социальных, мифологических и прочих стереотипов); и если он ее находит, то обретает чувство комфорта, исходящее из осознания «правильности» мироустройства» [7, с. 206].

И, наконец, третий фактор – коммуникационные технологии. Они формируют особую среду, охватывающую всех и каждого, кто вливается в виртуальное сообщество, диктуют свои условия для коммуницирования. Интернет-среда на платформе Web 2.0 – динамичная, ежесекундно пополняемая новыми смыслами и разнородными лингвистическими единицами – также оказывает

объединяющее действие. С одной стороны, в беседах под новостями выкристаллизовываются идентификационные признаки виртуального комментатора, такие как личный псевдоним, неравнозначная языковая компетенция и индивидуальный взгляд на проблему, помещаемую в центр непрофессиональной рефлексии, а с другой, использование виртуальной платформы для общения требует знания определенных лексико-стилистических норм, вынуждает пользователей занимать по отношению к объекту, избранному для легитимации словом, определенную позицию (или оппозицию), вставать на сторону «своих» или «чужих», то есть принимать условия существования в «виртуальном коллективе».

В данном исследовании в аспектуальное основание лингвоперсоналогического измерения интернет-комментариев поставлен феномен легитимизации, обретающий особую важность в период активного взаимодействия политиков, СМИ и граждан посредством электронных каналов коммуникации.

Таким образом в комментариях реализуется (как ни парадоксально это звучит) глобальная стратегия локальной, субъективно-личностной (де) легитимизации политиков и их действий. Как справедливо отмечают Н.А. Боженкова и др., «текстовые единицы, формирующие коммуникативно-идеологическую среду современного человека, приобретают отчетливую инвективную окрашенность» [3, с. 83].

Учитывая данную характеристику политического языка в целом, а также общую негативно-критическую тональность политических комментариев, мы предлагаем ввести термины, в определенной мере коррелирующие с методологией метафорического концептуального анализа, – это «мишень» легитимизации и «источник» легитимизации. Первый оправдан серией исследований, посвященных образу политика (Э.В. Будаев, С.В. Иванова, О.Н. Кондратьева, Р.Т. Садуов, Л.А. Нефедова, М.Г. Цуциева и др.) как мишени критических и осуждающих высказываний, производимых адресатом – рядовым носителем языка, а также исторически сложившимся стереотипным образом политика и чиновника как личности, наделяемой отрицательными характеристиками. Второй – наличием текста-стимула, активизирующего в сознании читателя как его личный опыт, так и весь социокультурный опыт языкового коллектива, к которому принадлежит последний, в разной степени пользующийся фондом общих знаний (Т.Н. Галинская, В.М. Кузьмина, С.В. Мамаева и др.).

Применение методик лингвоперсоналогического анализа включает два этапа. На первом этапе выделяется масса текстов, анонимно опубликованных на страницах интернет-СМИ, публикующих новости из сферы политики. В нашем исследовании мы использовали комментарии пользователей таких широко известных изданий, как «РИА Новости» и «RT на русском», разделы «Политика» и «Мир» соответственно. Далее на основе индуктивного метода,

176 методик лингвоперсонологического, лингвистического и стилистического анализа определялись детерминанты варьирования, позволяющие классифицировать данные тексты, установить стратегии их производства в аспекте наивной (де)легитимизации. На втором этапе проводился более глубокий лингвистический и лингвоперсонологический анализ отдельных единиц текстов для установления валидности предложенных оснований.

Изучение, анализ и предпринятая попытка классифицировать реактивные тексты адресата политических новостей в интернет-СМИ основаны на учете нескольких текстопорождающих факторов, имеющих персонную природу: это особенности восприятия, обуславливающие выбор адресатом мишени для легитимизации; способ репрезентации в комментариях себя как аксиологического ориентира и мишени, как объекта, правомочность действий которого устанавливается в цепочке связанных реакций. Более того, значение также имеют бытийные координаты, то пространство, в которое ассессор (субъект оценки) помещает мишень, приближая или отдаляя ее от своего субъективного мира и мира политического, создаваемого политическими силами и их дискурсами. Данные факторы были положены в основу предлагаемой классификации языковой личности комментаторов политических новостей.

1. Способ восприятия политического субъекта

Особенности восприятия в данном случае влияют на выбор читателем-комментатором проблемы в качестве некоего стержня, на который нанизываются мыслительные действия, получающие вербальное отражение в виде комментария. В политической беседе исходный текст является источником тем, предоставляющих когнитивный стимул для выбора мишени, подлежащей легитимизации. Комментатор и его субъективный опыт – это определенная точка отсчета, дающая право «судить» и рассуждать. Становясь на позицию аксиологического ориентира, субъект легитимизации оценивает мишень согласно собственным установкам и координирует свою оценку с мнением сообщества. Восприятие пользователей имеет неоднородный и на первый взгляд достаточно спонтанный характер. Однако регулярные тенденции существуют. Например, обобщающий стиль восприятия позволяет пользователям замечать провокационное действие конфликтного типа в Сети. Такой тип оценивается как троллинг и осуждается большинством участников, поэтому он также может стать объектом легитимизации, что будет продемонстрировано ниже. Избирательный (фокусный) стиль восприятия характерен для тех комментаторов, кто предпочитает комментировать конкретную фразу или фрагмент из исходного или интерпретирующего текста.

1.1. Рассеянный / избирательный

Стратегии восприятия текста политической новости отражают такое персонное свойство, как стиль восприятия, связанный непосредственно с когнитивным стилем (М.А. Холодная). Еще М.М. Бахтин писал, что автор

произведения видит своего героя как целое, однако описывает в произведении его отдельные, аспектуальные характеристики, которые «играют» на создание целостного образа. Эта двойственность в представлении внешнего мира отражается и в тексте. Являясь зависимым «произведением», интернет-комментарий отражает лишь отдельный аспект политического «героя», какую-либо сторону его деятельности. Свойство апперцептивности восприятия способствует интеграции предшествующего когнитивно-перцептивного опыта и нового, что в итоге отражается в вариативных структурах: «особенности восприятия определяются всем предшествующим и жизненным опытом человека» [17, с. 53]. В эпоху информационного общества данные процессы также зависимы от дискурсивного опыта личности. Естественно, что при восприятии информации значимыми смыслами становятся те, которые имеют личностную обусловленность. В медиaprостранстве разные типы читателя по-разному воспринимают прочитанную новость: одни синтезируют все детали и формируют целостное мнение, а другие фокусируются на отдельном аспекте и, соответственно, вербализуют только этот единичный аспект. Сравним два комментария к одному материалу, посвященному заявлению Д. Трампа в адрес Всемирной организации здравоохранения.

Пользователь *Alex Limonov* пишет:

Трамп жжжет! [22].

Пользователь *Игорь Соколов* публикует мнение, следующее за первым:

Проделки и выкрутасы США уже реально достали мировое сообщество... И ощущение такое, что поведение Штатов уже никого всерьез не волнует [22].

Первый комментатор выделяет конкретную фигуру в качестве мишени легитимизации – американского президента Д. Трампа. При этом одобрение сформулировано одной меткой фразой с неоднозначной, контекстуально зависимой коннотацией: в ней одновременно выражается и восхищение, и ирония.

Второй комментатор в противоположность первому оценивает политику государства, приравнивая действия одного человека, хотя и первого лица государства, однако реальной личности, к поведению страны в целом. Метонимически представленное обобщение, осуществленное по принципу переноса значения с части на целое, показывает рассеянность восприятия языковой личности второго комментатора. В противоположность первому он склонен к размытому, глобальному восприятию, поэтому пишет о стране, а не о ее президенте.

Этот же материал послужил источником для еще одного объекта (мишени) легитимизации, извлеченного интернет-комментаторами. В продолжение интернет-дискуссии следующий комментатор каламбурит, подразумевая, что его мишень – Всемирная организация здравоохранения (в данном случае она совпадает с мишенью Д. Трампа):

А ВОЗ и ныне там... [22].

Данная реплика призвана в смеховой форме перенести фокус внимания комментаторов на другой объект оценки. Это имплицитное предложение сменить тему игнорируется одними и подхватывается другими участниками дискуссии. При этом текст высвечивает избирательность восприятия читателя.

Выборочное восприятие, сопровождаемое ассоциативным мышлением языковой личности комментатора, может актуализировать сразу несколько объектов легитимизации. Например, в посте пользователя *Коля Моргунов* читаем:

*В слове **трамп** и в слове **тролль** есть буква т, я как бы ни на что не намекаю, но, похоже, это заговор* [22].

Автор представляет политика опосредованно, написанное со строчной буквы его имя становится нарицательным в глазах комментатора и принимает схожие черты с другим знаком – «тролль». И первый, и второй объект, избранные в качестве мишени, не имеют в понимании автора права на легитимность. С точки зрения комментатора, они нарушают законность, провоцируя раскол как в политическом мире, так и в виртуальном. Ирония, выраженная в личностно-окрашенном высказывании *я как бы ни на что не намекаю*, как раз и указывает на то, что намек достаточно прямой.

Следующий пример отражает рассеянное восприятие его автора, которое проявляется в актуализации смыслов, стимулом для формирования которых стали два когнитивных триггера: центральная тема исходного текста и вербальное поведение комментаторов-провокаторов:

Андрей Ершов комментирует пост *Yar S*: *«Как-то очень затянуто... Надо было сразу «Калибрами»...» и не по катеру, а подальше, по тролоферме* [23].

В данном случае легитимизации подвергается целое сообщество комментаторов, имеющее неопределенную, размытую актуализацию.

1.2. Прямой (фактоцентричный)/опосредованный дискурсом (текстоцентричный)

Если комментатор сосредоточен на интерпретации ситуации и поведения «героя» политического мира и реализует макростратегию (де)легитимизации, не принимая во внимание план выражения исходной политической новости, то такой подход мы обозначаем как прямой способ восприятия политического субъекта. В фокусе рефлексии комментатора находится субъект политики, выступающий в роли актора. В политических медиатекстах в таковой роли выступает представитель власти, политической партии, оппозиционер, организация или целое государство, рассматриваемое как реализатор определенных действий по отношению к России. Читатель – автор комментария видит основной задачей привлечь релевантные факты из собственного знаниевого фонда и политического тезауруса с целью аргументировать свою позицию по отношению к субъекту. Причем мы допускаем, что политическая новость

явилась стимулом для вербализации легитимизирующего мнения реципиента информации. Тем не менее при установлении деривационных связей степень зависимости интернет-комментария от исходного текста близка к нулевой. Иллюстрацией может служить следующий отклик:

Милитаризация космоса – это отдельные пункты, которые, к слову, США никогда не подписывали и отказываются последние несколько лет, когда Россия и Китай предложили подписать новые ограничения на оружие в космосе [20].

Автор текста считает, что политика США в отношении мирного космоса является регрессивной. Метаязыковой элемент *к слову* обнаруживает, что комментатор более доверяет своим информационным ресурсам, а не медиатексту и комментариям, развивающим проблему милитаризации космоса. Данный отклик выходит за рамки исходного текста, так как автор рассуждает о внеязыковых понятиях и ситуации, привлекая дополнительные факты.

Прямой способ восприятия мишени легитимизации контрастирует с реакцией личности комментатора на речевое (дискурсивное) обозначение объекта легитимизации средствами массовой информации. Как правило, в репликах с текстоцентричным способом восприятия мы наблюдаем экспликацию предыдущего дискурсивного опыта автора, соотносящегося с обсуждаемой статьей, с пространством интернет-СМИ. Здесь играет роль не столько поведение субъекта политического мира, сколько смыслы медиадискурса, поэтому в качестве мишени легитимизации для участника сообщества скорее выступает план выражения, а не содержания. Эксплицитно наблюдаемые текстовые элементы, заимствованные комментатором в свой отклик, указывают на опосредованный новостным текстом способ восприятия мишени легитимизации. В таком случае комментатор порождает в буквальном смысле производный текст. Он имеет определенную свободу выбора: он может оставить комментарий, касающийся текста новости, создавая вторичный текст, также волен комментировать, например, действия власти, создавая свой текст без использования смыслов исходного, однако тематически действуя в унисон с политической новостью и разворачивая аргументацию относительно центральной проблемы, предложенной к обсуждению. Для того, чтобы ввести в ветвь обсуждений еще одну мишень, применяют классический способ комментирования цитаты, которую включают в комментарий:

Avers Avers: «Украина, ставшая в 1922 году одной из республик СССР, не имела в своем составе Харьков, Херсона, Одессы, Донецка, Луганска, Крыма и Львова и получила все эти земли «полностью бесплатно», находясь в составе Советского Союза». И что? Разве это не так? Так. Так что Украина – геополитический кукузинок еще тот. Пустили в дом, приютили, накормили-напоили, так он еще пол-избы вынес... Но что самое удивительное – еще и хорохорится, как будто так и было» [19].

Шесть случаев употребления лексемы *так* в одном небольшом по объему комментарии позволяют оценить уровень языковой компетенции автора. Цитата из текста и пояснения комментатора представляют некий контраст в стилистическом плане. Мишенью легитимизации становится главный предмет многих сетевых дискуссий – Украина, страна, получающая характеристики одушевленного существа в интерпретации читателя, помещающего ситуацию в мир повседневного быта.

Другим примером опосредованного СМИ способа восприятия мишени легитимизации является использование в комментариях клише и газетных штампов. Комментатор *sir expeditus* выражает свое мнение относительно учений российского флота:

А где привычное выражение озабоченности? Хамим пиратам? [23].

Его комментарий одновременно связан и с актуальной новостью, и с типичными высказываниями, характерными для политических новостей в целом, то есть с прецедентным текстом. Ироничной оценке подвергается циркулирующая в политическом медиадискурсе фраза-эвфемизм *выразить озабоченность*. Таким образом комментатор намекает на нетипичное для российской стороны агрессивное поведение во внешнеполитическом пространстве.

Опосредованный гипертекстом способ восприятия обнаруживается в комментариях языковой личности, оценивающей новости, имеющие отношение к определенной тематике. Комментатор охватывает повестку дня, формируемую информационными каналами. В следующем отклике автор проявляет свое критическое отношение к отбору и интерпретации фактов СМИ:

Надоели статьи: «Почему США, почему США...» Когда же появятся сообщения «Как мир и отдельные государства противостоят политическому, военному и экономическому безумию США? Как их ставят на место [1].

Частым явлением в сообществе является серия комментариев, которые по принципу информационного эха отражают ключевые понятия, введенные кем-либо из комментаторов. Иллюстрацией являются следующие три отклика, в которых США обозначаются лексическими единицами, производными от коннотативно окрашенной лексемы *бандит*:

Алина к: Если США не отвяжутся от России, прогнозы Ванги могут сбыться. Ничего дома не делают, шастают по Миру и продолжают свои бандитские дела в других странах, а в своем доме не могут порядок навести.

Ольга Лебедева: Расширение санкций США против «Северного потока – 2» ...две стороны договорились, что один продает, другой покупает товар, а махровый бандюган из США решил – нее, мне это не надо – введу «санкции» ...это как называется!?

Алина к: Давно доказано, что генетически передается не только внешность, но и характер. США есть генетические бандиты и хотели бы жить как люди, но... зов крови – не украдешь – не уснешь [26].

Статус правонарушителей, обозначаемый комментатором хлестким оценочным выражением *бандитские дела*, подхватывается и усиливается производной лексемой в следующем комментарии. Первый комментатор «закрепляет» получающий распространение элемент *бандиты* и во второй реплике, усиливая его дескриптором *генетические*, будто желая диссеминировать семиотический прием и прочно закрепить за мишенью легитимизации данный ярлык, прикрепленный им (вероятнее всего, ей, судя по никнейму) к целому государству.

Таким образом, некоторые комментарии могут иметь двойную степень опосредованности и стать по существу третичными. Данный термин предложил А.В. Болотнов, рассматривая языковую личность комментатора как личность информационно-медийного типа, относящуюся к типу свидетеля-наблюдателя. Данный тип языковой личности «не всегда является профессионалом в области речевой коммуникации, это может быть случайный коммуникант, вступивший в сетевое общение по личным мотивам; он может быть свидетелем, участником событий, ставших информационным поводом для сетевого общения» [4, с. 113]. В исследуемом пространстве комментариев третичные тексты – это реакции, в которых есть формальные показатели, заимствованные из новостного текста и из постов интерактантов.

2. Способ репрезентации личности комментатора как легитимизирующего ориентира

Интернет-комментарий относится к типу текстов с приоритетом субъективного над объективным. Как правило, в таких вербальных продуктах автор достаточно прямо обозначает самого себя как центральную фигуру. Авторская точка зрения естественным образом коррелирует с его системой ценностей и приоритетов в политическом континууме. Поэтому массового читателя, участвующего в обсуждении текстов СМИ, можно обозначить как некий ориентир, вокруг которого локализуется легитимизирующее пространство текста.

2.1. Наблюдатель

Наиболее распространенный термин, определяющий позицию говорящего по отношению к языковому отражению действительности, – это наблюдатель или свидетель (Ю.Д. Апресян). Такая антропоцентричная позиция позволяет говорящему/пишущему дать интерпретацию ситуации более отстраненно и рационально, не связывая мир дискурса СМИ и свой внутренний мир, частную жизнь. Естественный язык располагает достаточно разнообразным арсеналом средств для обозначения внешнего положения говорящего относительно предмета речи: местоимениями третьего лица, предикатами без субъекта, неопределенно-личными конструкциями, модальными словами, страдательным залогом и т.д. Так как представители комментирующего сообщества смотрят на происходящее на политической сцене со стороны,

182 | данная позиция часто наблюдается в текстах-откликах. Указание на себя как на наблюдателя в спонтанных откликах «наивного интерпретатора политики» может сопровождаться выражением широкого спектра эмоций, возникающих как под влиянием прочитанной новости, так и смежных откликов. Иллюстрацией может служить следующий текст:

Не будь таким наивным. Вопрос не в добыче ресурсов, а в «зонах безопасности». Т.е. просто в захвате территорий. Ну а то, что там будут добывать в год буквально стакан песка, это уже никого волновать не должно [20].

С точки зрения комментатора, наблюдающего за происходящим, его собеседник смотрит на вещи недостаточно трезво, его позиция в коммуникации – выше и, судя по его тону, более рациональна. Использование неопределенно-личной конструкции *будут добывать*, а также модальной фразы с неопределенным, размытым субъектом *это никого волновать не должно* показывает расположение пишущего над ситуацией.

При преобладании агрессивно-критичной тональности текстов встречаются и такие, в которых автор сочувственно относится к стороне, находящейся «по ту сторону окопов»:

*Алина к: Да про меня-то ладно, и спрос таков. Но ваша великая Америка не может приличного Президента выбрать, хозяина в доме нет, устроили шалман в стране, да еще перед выборами. Хоть она и враг нам, **а смотреть жалко** [26].*

Сочувствие автора текста не более чем естественное желание жить в мирной обстановке и не быть свидетелем различных конфликтов. Данная миротворческая миссия, несомая комментатором, по-видимому женщиной, однако имеет локальное проявление и отражает женскую картину мира, конкретнее, фрейм «порядок в доме», который репрезентирован в данном тексте через концептуальную метафору «СТРАНА – ДОМ».

2.2. Зритель

Как вариант наблюдателя в Сети выделяется еще одна роль, которую отводит себе комментатор. Это роль виртуального зрителя. Она еще более нейтральна по отношению к разворачивающимся при посредничестве информационных каналов медиа политическим маневрам. Такую позицию занимает следующий пользователь, присутствующий в качестве зрителя в предвкушении просмотра захватывающего кинофильма:

*Alex Alex: Власти США в цугцванге¹². И полицаев осудить нельзя, потому что прочие полицаи тогда не будут защищать богатеев, и не осудить полицаев после такого нельзя. **Запасайсь попкорном** [18].*

В данном тексте автор соблюдает нейтралитет: он и не поддерживает власть, и не критикует ее. Для него более комфортна позиция зрителя, ко-

¹² Цугцванг – положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции. – И.С., Н.М.

торый «смотрит» на дискурсивное событие как при просмотре киноленты. Лояльное отношение автора к беспорядкам, происходящим в одном из штатов США, эксплицирует последняя фраза *запасаясь попкорном*, указывающая кроме всего прочего на развлекательную функцию медийных материалов.

2.3. Потерпевший

В русскоязычном непрофессиональном политическом дискурсе выражение своих притязаний относительно нелегитимных действий власти – типичное коммуникативное действие, осуществляемое рядовыми носителями языка. Институты власти созданы для самообогащения личностей, их создавших, – такова исторически сформировавшаяся идеология масс, что не может не отразиться на конструировании социальной реальности в дискурсивных практиках. Расходование средств, которые эти организации получают, часто непрозрачно, поэтому плательщики оказываются в роли потерпевших. По этой причине мы наблюдаем в тексте рефлексивные вкрапления, имеющие характер речевых стереотипов: *наши бюджетные деньги, наши кровные* и т.д.:

Правильно сделал (О Д. Трампе)! Что это за химера такая (о ВОЗ), которая также получает наши бюджетные денежки. Она нам нужна? Нет! [22].

Комментатор положительно оценивает решение Д. Трампа, параллельно сводя к нулю легитимность мишени – Всемирной организации здравоохранения. На его субъективной оси «Я (ценностный ориентир) – объект (мишень) легитимации» Всемирная организация здравоохранения изображается растратчиком бюджетных денег, часть из которых принадлежит и автору. Подобным способом комментатор занимает позицию потерпевшего, а выбранную мишень изображает как неопределенное, бестелесное мифологическое существо, наносящее вред лично автору и всем людям.

2.4. Патриот

Политическая сфера воздействует на всех и каждого, заставляя в конечном итоге выбрать определенную общественную позицию. Поляризация непрофессионального сообщества, рассуждающего на политические темы, – типичное явление. Приведем пример комментария, который отражает идеологическую позицию его автора, выступающего в качестве аксиологического ориентира:

Иван Иванович: Я горжусь могуществом России и нашим президентом!! [6].

Данный текст имеет настолько общий смысл, что может стать постом практически к любому новостному тексту. В нем ярко отражается позиция автора, заявленная через Я-утверждения, – это позиция патриота. Интересно отметить, что виртуальное амплу «патриота» становится предметом наблюдения и рефлексии некоторых участников обсуждения новостей на страницах новостного агентства «RT на русском»:

Еще с декабря 2018 года пыталась предупредить «Газпром», так как это было обосновано – с учетом информации по пику нефти. Но у меня никаких

184 | контактов в газовой промышленности нет, я не из «их» бранша, а достучаться до газпромовской элиты через прослойку менеджеров среднего звена невозможно. А на РТ полно патриотов, которые любое предупреждение воспринимают неадекватно. Поэтому... имеем что имеем [26].

Нельзя не обратить внимание на критичный тон высказывания в адрес комментаторов, которые не приемлют альтернативных точек зрения на политические проблемы. Автор обращается к читателям с предупреждением, однако его источник не обозначен, и проблема имеет размытую актуализацию. Реплика *имеем что имеем* указывает на желание комментатора оправдать свои неудачи ошибками других и неудачными обстоятельствами.

3. Способ репрезентации мишени легитимизации относительно авторского Я-ориентира

В большинстве текстов непрофессионального политического дискурса происходит вербализация оппозиции «свой – чужой», так как она является базовой для политической коммуникации, приоритетная цель которой – привлечение на свою сторону как можно большего числа граждан. Однако наивная интерпретация политики получает речевое воплощение в вариативном наборе текстовых стратегий и тактик. Они, как правило, являются универсальными как для текстов институциональной, так и для текстов неинституциональной природы: это стратегии дискредитации, очернения противника, навешивания ярлыков и многие другие (О.Н. Паршина, Е.И. Шейгал, О.С. Иссерс, О.Н. Кондратьева, Н.В. Мельник, П.А. Катышев, Е.В. Малышева, О.С. Михалева).

В ходе реализации данных тактико-стратегических предпочтений комментаторы обозначают статус мишеней для легитимизации относительно своей субъективной позиции. Если на первый взгляд роли политиков в комментариях однозначно тяготеют к полюсам «свой – чужой», то более глубокий анализ текстов-реакций показывает, что политик (государство, представитель и т.д.) получает более разнообразные коммуникативные роли.

3.1. Враг

Вербальное изображение политических действий наравне с действиями военными актуализирует коммуникативную роль врага. В большинстве текстов данное амплуа, присваиваемое объекту легитимизации, может быть обозначено достаточно эксплицитно:

georgy952: На войне как на войне. Война на уничтожение. Ожидая, что наши готовят ответ Вашингтону. Без громких угроз. Как сделали недавно на нефтяном рынке [26].

Крылатая фраза *на войне как на войне* дает представление о том, как оценивает комментатор происходящее на политическом «фронте» между двумя сторонами – Россией и Америкой. Эксплицитирующее милитарный стиль местоимение *наши* подчеркивает, что страна, одним из символов которой является город Вашингтон, в данной ситуации видится в статусе врага.

3.2. Правонарушитель

Достаточно близко к роли врага в смысловом пространстве непрофессионального дискурса располагается присваиваемое комментаторами Соединенным Штатам амплуа правонарушителя. Демонизация политического соперника – прием, характерный для политического дискурса, предметом которого является международное противостояние двух сверхдержав – России и США.

Если США не отвяжутся от России, прогнозы Ванги могут сбыться. Ничего дома не делают, шастают по Миру и продолжают свои бандитские дела в других странах, а в своем доме не могут порядок навести [26].

Обыденная типология виртуальной личности комментатора соотносит две бытийные ценности – мир и дом (причем первая лексема *Мир* маркирована автором как имя собственное) с угрозой, исходящей от ведущего неправую деятельность государства.

3.3. Соперник

Политическая сфера в восприятии рядового носителя языка зачастую ассоциируется с игровой, что позволяет установить наличие еще одной роли объекта наивной легитимизации, в которой языковая личность комментатора репрезентирует свою мишень. Данное амплуа имеет более нейтральный статус, все-таки сфера игрового не вызывает в читателях чрезмерно агрессивного отношения, что подтверждает следующий пример:

Шоу, заставляющее впрягаться в очередную «гонку». Играя по «их» правилам – проиграем. Вывод: – Надо менять правила, и все с ними связанное [26].

Очевидно, что референция, актуализируемая в притяжательном местомимении *их*, соотносится с политическим соперником. Однако данный текст полностью «выдержан в игровом стиле», о чем свидетельствует лексика, тематически относящаяся к лексико-семантической группе «игра»: *играть, проиграть, правила*. Соответственно, и тональность данного текста иная – более нейтральная и одновременно саркастичная.

4. Тип ситуации как координаты для осуществления вербальной наивной легитимизации

Эгоцентричное текстообразование ставит в фокус не только субъекта и объекта коммуникации – автора реактивного текста и его мишени, но и конструирует особую ситуацию, коррелирующую с личностно-значимыми приоритетами комментатора. Это своего рода координаты, относительно которых репрезентируются фрагменты его политической картины мира. Вариативность таких ситуативных оболочек (фона) для реализации стратегии (де)легитимизации позволяет выявить типичные сферы, детерминированные персональными приоритетами языковой личности читателя.

4.1. Социокультурная ситуация

В комментариях, несмотря на политическую проблематику, актуализируется и весь социокультурный опыт, накопленный читателями политических

186 новостей. Поэтому, рассуждая о политике, комментаторы с разным образовательным уровнем и интеллектуальным потенциалом привлекают и научные факты, в частности, фрагменты прочитанных произведений. В следующем тексте упоминаются некоторые научно обоснованные идеи и цитируются работы ученых:

В 1950-х годах XX века американские исследователи Томас Шеллинг и Герман Кан ввели в оборот концепцию «рациональности иррациональности», согласно которой лидеры государств могут эффективно достигать своих целей, если убедят противников, что они настолько иррациональны, что могут начинать войны, которые не имеют никакого смысла с точки зрения разумных национальных интересов. В 1962 году Г. Кан писал, что можно эффективно запугать противника, если притвориться «немного сумасшедшим» [1].

Автор комментария приводит факты, которые помогают ему аргументировать свое мнение относительно иррациональных действий политиков по вопросу продолжения ядерной гонки вооружений. Любопытно, что для комментирования политики американского лидера автор привлекает цитаты из работ соотечественников. Аллюзия, заключенная в ссылке на научные мысли Г. Кана *притвориться «немного сумасшедшим»*, достаточно явно указывает на американского президента.

4.2. Историческая ситуация

Причины настоящих событий имеют свойство крыться в прошлых действиях. Это понимание свойственно для наивной картины мира рядового носителя языка. Фрагментарные знания истории цивилизации и отдельных стран привлекаются для объяснения причин происходящего в настоящее время. Например, пользователь *Александр Иванов* претендует на легитимизацию американского законодательства, о чем он пишет в развернутом комментарии, содержащем ничем не подтвержденные исторические факты.

Вообще закон, по которому полиция в США задерживает, это что-то с чем-то – с точки зрения цивилизации – этот этап был характерен для периода инквизиции или даже ранее – варварство. В цивилизованном мире в XX веке таких законов не было ни у кого – даже у Гитлера с его гестапо. Так что рано или поздно американцы должны были выйти. Посмотрим, к чему это приведет. Обама тоже пытался бороться с силовым лобби, но когда его загноули под лавку – он там и провел весь свой срок – как мышь [18].

Перечисление известных феноменов из истории человечества – *варварство, инквизиция, гестапо*, безусловно, имеет несколько неомогенный характер, однако эти факты помогают автору текста звучать убедительно. Кроме того, с помощью расширения временного периода от начала цивилизации до настоящего момента и сближения геополитических зон Европы и Америки он изображает законы США как кульминацию беззакония, обозначая

их экспрессивной фразой с семантикой аппроксимации *что-то с чем-то*. Таким образом, исторический контекст, в который автор помещает субъект легитимизации, создает солидную доказательную базу.

4.3. Политико-экономическая ситуация

Наиболее типичным контекстом в непрофессиональном политическом дискурсе является политико-экономический фон, однако реплик, в которых аргументация проводится с привлечением серьезных аналитических обобщений, достаточно мало. В следующем примере в лаконичном виде комментатор перечисляет все знакомые ему методы политического воздействия на соперника – привлечение СМИ, социальных сетей, видеоканалов YouTube и т.д.:

Москве ничего не мешает каждый день объявлять в СМИ о ядерных испытаниях, рассказывать, по каким городам врага будет нанесен термоядерный удар, количество жертв, пилить в Ютубе красочные ролики про удары по Вашингтону и Брюсселю. Еще можно создать список переименованных городов Украины после ее освобождения, создать правительство США в изгнании с латиноамериканским президентом и временным «Белым домом» где-нибудь, например, в Челябинске. Для этого, по-моему, нужно информационной политике РФ выйти из глухой обороны, в которой она находится с 2014 года, и стать более агрессивной. Тогда Россию услышат [1].

По мнению автора, информационная политика России на международном уровне должна приобрести более напористый и агрессивный характер. Его идеи отличаются гротескным, находящимся на грани реального и нереального миров, юмором. Однако комическое скрыто между строк, оно выявляется только через восприятие некоторого сумбура в перечислении методов и нагромождении никак не связанных между собой действий. Все пропозиции в комментарии – это отсылка к непоследовательной и вместе с тем агрессивной политике, проводимой США на международном уровне.

4.4. Обыденная (бытовая) ситуация

Вариативные способы текстообразования также сказываются на привлечении к обсуждению разных сфер, в том числе и обыденной жизни читателей. Ситуации повседневного общения особенно ярко распознаются при употреблении разговорных, просторечных выражений, которые в некоторых комментариях целенаправленно включаются не в единичном количестве, как, например, в следующем тексте:

*Prospero: **тьфу-тьфу-тьфу, типун вам на язык! не дай Бог вернуть такую большую территорию с кучей долгов, с разрушенной экономикой, олигархатом и привитой целому поколению ненавистью ко всему русскому. Для РФ это будет самоубийство [19].***

Еще одним интересным примером, демонстрирующим помещение мишени для (де)легитимизации в обыденный контекст, является данный текст:

*власть **уходит сквозь пальцы**, привыкли все хватать, а тут **подагра не дает...** [1].*

Проблема вооружений, обсуждаемая в сообществе, отождествляется автором с проблемой власти. Однако в выводной части высказывания неожиданно возникает тема болезни. Так комментатор намекает на возрастных политиков, пришедших к власти в США. Его намек на власть как на самообогащающуюся субстанцию передается в выражении *пальцы, привыкшие все хватать*. Другой намек на преклонный возраст включен в обыденную ситуацию со здоровьем. Фразеологический фонд (*уходит сквозь пальцы*) также указывает на обыденный уровень осмысления политических вопросов.

4.5. Аксиологическая ситуация

Сообщество комментаторов склонно рассуждать на тему ценностей – как общечеловеческих, так и сугубо политических. В комментариях к новостям о событиях, происходящих в мировой политике, предметом обсуждения становятся ценности демократического общества, а также проблемы расизма в странах с многонациональным населением. Так, комментируя новость о беспорядках в Миннеаполисе в связи со смертью афроамериканца, пользователь *Ardo145* пишет:

Подобные инциденты – это неизлечимая проблема штатовской тоталитарной олигархической «демократии». Неофициальная, но твердая и жестокая расистская система постоянно обрекает небелое население на нищету и прозябание [18].

Конструирующий дискурсивный фон для репрезентации мишени легитимизации манифестируется через рассуждение автора комментария о политических ценностях: в частности, о демократии в США. Обращает на себя внимание то, что лексема *демократия* сопровождается несколькими дескрипторами и берется в кавычки. Автор явно сомневается в существовании демократического режима в США, тем более что семантика определений *тоталитарный* и *олигархический* вместе с определяемым существительным составляет оксюморон. Второй ценностно-значимый концепт – расизм. Обозначенные аксиологические координаты политической сферы в заключительной части подкрепляются понятиями нищеты и прозябания. Метафорический перенос, связывающий две сферы «политика» и «болезнь», репрезентирован в авторском сочетании *неизлечимая проблема*. Обращает на себя внимание склонность автора к употреблению лексем с отрицательным префиксом: *неизлечимая, неофициальная, небелое*. Они помогают убедить в неправомочности действий власти. Преувеличение, передаваемое с помощью семантики интенсификатора *постоянно*, призвано демонизировать избранную автором комментария мишень делегитимизации – американских политиков.

5. Способ конструирования

легитимизирующего пространства комментария

Подобно известному шуточному определению, характеризующему оптимистическое и пессимистическое восприятие внешней действительности, где

у первого типа личности «стакан наполовину полон», а у второго – этот же стакан «наполовину пуст», одни читатели высказывают опасения по поводу политических событий, обладающих потенциальной каузативной силой негативного характера, а другие, напротив, мыслят индифферентно, поэтому отодвигают или исключают возможность неблагоприятного развития событий.

5.1. Проксимизация

В наивной картине мира рядового носителя языка всегда есть место для апокалиптических образов. Очень часто данные образы катализируются при обсуждении политики, особенно при глобальном взгляде на данную сферу. В текстах-реакциях мрачное настоящее изображается с гиперболизированным эффектом. Пространство, конструируемое комментатором, приближается, сжимается вокруг личности или проксимизируется.

Явление проксимизации было замечено польским лингвистом П. Цапом, который доказывает, что проксимизация является базовой категорией дискурса, рассматриваемого в аспекте установления механизмов легитимизации [29]. Посмотрим, как в следующем ниже тексте автор намеренно избирает факты, указывающие на экологическую катастрофу, максимально сгущая краски и приближая разрушение условий, имеющих витальный характер для человеческой цивилизации. Помимо приема дискурсивной проксимизации и изображения экологической картины он также привлекает ценностный уровень осмысления действительности, которая, по его мнению, далека от идеальной и продолжит ухудшаться при условии пролонгации политики, проводимой объектом легитимизации. Вопрос политики приравнивается к вопросу выживания цивилизации, существования человечества как вида:

Уважаемые дамы и господа! Добыча природных ресурсов на Земле уже привела к глобальным изменениям в экологии планеты. Природные катастрофы, развитие болезней и замена естественных продуктов питания химией привели к необратимым влияниям на человека и живой мир планеты. На Луне нет жизни, но эта планета влияет на Землю из космического пространства. Если нарушить созданный баланс и начать разработку Луны, то на Землю может прийти катастрофа, которую люди еще не знали. Это будет уже не локальное наводнение или землетрясение, а процессы будут происходить одновременно по всей территории Земли. Люди не знают всех законов и сил, которые взаимодействуют между Луной и Землей и их лучше не ломать [20].

Эффект неминуемой гибели человечества нагнетается за счет лексических повторов (*Земля, Луна, катастрофа, приводит, уже*), а также за счет использования специфического синтаксиса проксимизации: наречия *уже*, глаголов совершенного вида, предложений с придаточными условия, сложноподчиненных предложений с контрастными пропозициями. Кроме того, более эффективной реализации стратегии делегитимизации способствует

190 тактика политемпоральной организации хронотопа текста, когда в одном текстовом поле захватывается и прошлое (*уже привела*), и настоящее, причем с семантикой «вневременного состояния» (*влияет, не знают*), и будущее, причем как вероятное (*может прийти*), так и фактуальное (*процессы будут происходить*).

5.2. Дистализация

В противоположность предыдущему примеру следующий комментарий, предметом которого также является новость о планируемом захвате территорий Луны Соединенными Штатами, призван ослабить напряженность и снизить градус при помощи отрицания легитимности названных действий и, соответственно, реальности угрозы для человечества:

Давайте пойдём дальше, подготовим договор на добычу ископаемых на Марсе, Сатурне, Венере. Интересно, что они там добывать собрались? Реально звучит бредово [20].

Автор отклика усматривает в обсуждаемой новости признаки фейка, официально прозвучавшего из уст легитимного лидера государства. В качестве контраргумента он применяет логический прием достраивания цепочки действий для обнаружения и вербально-когнитивной эктомии иллогизма. Цитируемый текст – иллюстрация механизма дистализации, или отдаления событий. Как правило, действие данного механизма оказывает эффект сглаживания тревожности и способствует гармонизации дискурса, продуцируемого сообществом комментаторов.

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что политический интернет-комментарий отражает широкий спектр индивидуальных речепорождающих особенностей языковой личности и одновременно содержит типологические черты коллективной личности адресата политического новостного текста. В непрофессиональном сообществе комментаторов действуют свои законы, которые призваны «дать слово массам». В виртуальном пространстве множество отдельных реплик сливается в один голос, в одну речь говорящего сегодня общества, языкового коллектива. Данный языковой коллектив основной задачей видит оценку состояния политической власти – как внутри своего государства, так и за рубежом.

Поэтому явление «наивной» легитимизации становится макростратегией непрофессионального политического дискурса. В результате анализа интернет-комментариев пользователей, обсуждающих политические новости на страницах интернет-СМИ, выявлены устойчивые детерминанты, определяющие специфику текстов, создаваемых коллективной личностью виртуального комментатора. Это прежде всего способ восприятия мишени для легитимизации и выбор источника. Данный выбор напрямую зависит от персональных предпочтений личности читающего/пишущего. Однако в поли-

тическом комментарии устойчиво выделяются рассеянный, избирательный и полифокусный способы восприятия мишени для легитимизации.

Воздействие медиатекста также играет значительную роль в определении комментатором мишени: он свободен выбрать дискурсивную репрезентацию политического субъекта или использовать свои фоновые знания о политической ситуации в стране и в мире. Пространство текста комментария также допускает конструирование виртуального амплуа для субъекта (самого комментатора как аксиологического ориентира) и объекта (мишени легитимизации).

Список использованной литературы

1. Алексеева Н., Медведева А. Удар по мировой стратегической стабильности: почему в США активизировалась дискуссия о возобновлении ядерных испытаний. RT на русском. 6 июня 2020 г. URL: <https://russian.rt.com/world/article/753564-yadernye-ispytaniya-ssha-kongress> (дата обращения: 06.06.2020).
2. Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. № 3. С. 255–284. DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284
3. Боженкова Н.А., Катъшев П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 76–92. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>
4. Болотнов А.В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности: Монография. Томск, 2015. 273 с.
5. Бушев А.Б. Исследования современного русского медийного дискурса // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С. 10–17.
6. В Кремле ответили на заявления о причастности России к беспорядкам в США. РИА Новости. 1 июня 2020 г. URL: <https://ria.ru/20200601/1572284453.html> (дата обращения: 01.06.2020).
7. Голев Н.Д., Чернышева Т.В. Публицистический антропотекст как отражение социальной позиции адресата // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 205–210.
8. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77.
9. Кондратьева О.Н., Каменева В.А. Лингвополитическая персонология (метафорический ракурс исследования) // Научный диалог. 2020. № 1. С. 78–96.

- 192 | 10. Мельник Н.В., Савельева И.В. Интенциональный портрет адресата политического дискурса (на материале интернет-комментариев) // Русский язык за рубежом. 2019. № 4 (275). С. 10–18.
11. Николаева А.В. Печатные СМИ: приказано выжить (лексико-семантический анализ газетных и журнальных текстов на современном этапе) // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: Материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С. 256–262.
12. Озюменко В.И. Конструирование социальной реальности в медиадискурсе: стратегия информационной неоднозначности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 64–75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.5>
13. Организационное поведение: Учебник для вузов, 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. Г.Р. Латфуллина, О.Н. Громовой. СПб.: Питер, 2015. 464 с.
14. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
15. Плотникова С.Н., Домышева С.А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 103–108.
16. Романтовский А.В. Массовый дискурс проблематизации как основа общения на форумах электронных СМИ // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 150–164. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.150-164
17. Садуов Р.Т. Лингвокультурологический и семиотический анализ особенностей структуры и содержания политического дискурса Барака Х. Обамы: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. 223 с.
18. Сергиевская Н. Комендантский час и ввод Нацгвардии: как в США подавляют массовые беспорядки после гибели афроамериканца Джорджа Флойда. RT на русском. 30 мая 2020 г. URL: <https://russian.rt.com/world/article/750845-besporjadki-ssha-minneapolis-floid> (дата обращения: 30.05.2020).
19. Сергиевская Н., Полетаева П. «Все эти земли получила бесплатно»: экс-премьер Украины Азаров напомнил о ее территориях до вступления в СССР. RT на русском. 31 мая 2020 г. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/751060-ukraina-territorii-nikolai-azarov> (дата обращения: 06.06.2020).
20. США готовят договор об освоении ресурсов Луны без участия России. РИА Новости. 6 мая 2020 г. URL: <https://ria.ru/20200506/1571004328.html> (дата обращения 25.05.2020).
21. Тагильцева Ю.Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.
22. Трамп объявил о прекращении отношений с ВОЗ. РИА Новости. 29 мая 2020 г. URL: <https://ria.ru/20200529/1572203094.html> (дата обращения: 29.05.2020).

23. Фрегат «Адмирал Григорович» пресек нападение «пиратов» в Индийском океане. РИА Новости. 29 мая 2020 г. URL: https://ria.ru/20200529/1572157066.html?rcmd_alg=collaboration2&rcmd_id=1571794172 (дата обращения: 29.05.2020).
24. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие / М.: Флинта, Наука, 2006. 254 с.
25. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
26. Шимаев Р. За страхование и портовые услуги: СМИ сообщили о готовящихся новых санкциях США против «Северного потока – 2». RT на русском. 4 июня 2020 г. URL: <https://russian.rt.com/world/article/752075-ssha-severnuyi-potok> (дата обращения 06.06.2020).
27. Шмелева Т.В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования // Вестник НовГУ. 2015. № 7 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-kak-fenomen-sovremennoy-kultury-i-obekt-issledovaniya> (дата обращения: 12.06.2020).
28. Bennett W. L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. *Information, Communication & Society*, 2012, 15. Pp. 739–768.
29. Cap P. Language and Legitimization: Developments on the Proximization Model of Political Discourse Analysis. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2005. Vol. 1 Pp. 7–36.
30. Yergaliyeva S.Z., Melnik N.V., Zhumabekova B.K., Yergaliyev K.S., Omarov N.R. Personal linguistic parametrization of text generation of the Internet comments. *XLinguae*, 2018. Vol. 11, 3. Pp. 2–15.

Melnik N.V.

*Grand Doctor of Philology, Full Professor,
Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric,
Kemerovo State University
saikova@mail.ru*

Saveleva I.V.

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Foreign Languages,
Kemerovo State University
saviren1973@mail.ru*

POLITICAL INTERNET COMMENTARY: LINGUISTIC PERSONALITY PERSPECTIVE

This research is devoted to the problem of seeking the determinants of variation in the texts of political Internet comments in the aspect of legitimizing verbal actions of an ordinary native speaker. The aim of the research is to identify stable features

194 | that allow describing political Internet commentary in a linguopersonological aspect. Placing the macro strategy of naive legitimization as a ground for classification makes it possible to reveal several grounds for classification. Firstly, it is the method of perception of the source for performing a verbal action. Secondly, it is the type of author's «Ego» as an axiological reference point. Thirdly, it is the way to represent the target (policy, institution, country). The fourth ground is the way to organize the legitimizing space. Lastly, it is the type of setting, at which the reader-commenter performs the verbal action. The revealed regularities in the generation of texts allow us to speak about the formation of a collective language personality of a virtual commenter, which performs a collective legitimizing action. This is particularly evident when discussing international policy issues. The discussion feeds of the news outlets RIA News and RT in Russian persistently maintain the types of Spectator, Patriot and Victim with a more comprehensive category of the writer as an observer of political events. With regard to the assessment of international policy, we can talk about the tendency to represent in the comments as a target for legitimizing not only individual political leaders, but also entire states. The general view of the addressee of the political text on the problems of illegal decisions of politicians intersects with point assessments, through which an ordinary native speaker expresses his legitimizing opinion. Socio-cultural, political-economic, historical, everyday and axiological situations are chosen as situational coordinates for the verbalization of political reflection. As for the specifics of the legitimizing space, the main methods of its construction are the approximation of the threat to humanity (proximization) and the opposite effect of postponing the national threat (distalization) for an indefinite period.

Keywords: political Internet commentary, collective language personality, non-professional political discourse, legitimation, target, source.

доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общего и русского языкознания
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
EAKitanina@pushkin.institute

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТОВ СВОЕ/ЧУЖОЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ЦЕННОСТЯХ РОССИЯН

Статья посвящена наиболее частотным языковым средствам политической коммуникации, обозначающих понятия «своего» и «чужого» в цифровых медиа. Рассмотрение категории *свое/чужое* находится в плоскости интересов современной лингвистики, где давно произошла переориентация с формально-грамматического подхода на антропоцентрический. Обозначенная категория является фундаментальным противопоставлением, бытующим как в сознании отдельного члена лингвокультурного сообщества, так и в национальном сознании, и составляет часть языковой картины мира посредством вербализации многочисленными языковыми единицами. Автором осуществлена попытка найти ответ на вопрос, каков характер влияния социального фактора на семантику и прагматику широкого пласта лексики, используемой в политическом дискурсе, а именно в текстах современных цифровых медиа, транслирующих политическую информацию через призму политических представлений и ценностей россиян разных поколений, какова специфика языковой фиксации культурно значимых характеристик концептов *свое/чужое* в текстах оппозиционных блогов, интернет-сообществ, цифровых СМИ. Методологическую основу исследования составляют лингвокультурологические теории, в которых имело место осмысление оппозиции *свое/чужое*. Автор анализирует языковое воплощение концептов *свое/чужое* и политические представления и ценности россиян с позиций оценочности языковых средств, опираясь на традиционные лингвокультурологические исследования и на актуальный материал цифровых медиа, уделяя внимание социализационному контексту, формирующему новое поколение россиян, и делает выводы о вариативности, неоднозначности и актуализации «чужого» слова в современном русском языке.

Ключевые слова: политическая коммуникация; политические представления и ценности; культурный концепт; семантика; прагматика; цифровые медиа; социализационный контекст.

Введение

Политические представления и ценности россиян сегодня дифференцированы и опираются на поколенческую специфику, и данная реальность является неотъемлемой частью социализационного контекста, в котором постепенно, но при этом достаточно быстро видоизменяясь, прослеживается характер релевантности политической ментальности граждан. Многопартийная система диктует свои правила в сфере политической коммуникации, реализуемой в том числе и, как правило, в основном в цифровых медиа. «Трансформация языковой системы происходит на всех уровнях, шире – трансформируется лингвокультура» [27, с. 128]. Все это дает право полагать, что характер влияния социального фактора на семантику и прагматику широкого пласта лексики, используемой в политическом дискурсе, меняется, так как меняется социум и происходящие в нем процессы, и в связи со сменой поколений меняются представления и ценности, которые отражаются в самой языковой системе и ее дискурсной реализации. На этом фоне возникает специфика языковой фиксации культурно значимых характеристик концептов *свое/чужое* в политических представлениях и ценностях россиян, так как концепты *свое/чужое* относятся к числу базовых общеэтнических концептов русской лингвокультуры и естественным образом отражают специфическую логику, свойственную именно носителям данной лингвокультуры. Концепты *свое/чужое* могут по-разному интерпретироваться в различных общественно-политических условиях, различными социальными группами и разными поколениями россиян. Вопрос в том, как концептуальное противопоставление «своего» и «чужого» находит отражение во многих формах, так или иначе присутствующих в политической коммуникации. Выявление и исследование наиболее частотных из них становится актуальным именно как языковое выражение ментальности социальных страт современного общества.

Результаты и обсуждение

Сформировавшись в начале XXI века, русский концептуальный лингвокультурологический вектор определил разноаспектный взгляд на любое слово, рассматривая его в пределах нескольких смежных областей знания, т.е. междисциплинарно, слово при этом рассматривается как целостный объект аксиологически выстроенных современных гуманитарных наук. Язык отражает картину мира человека через сознание, поэтому концептуализация, репрезентация мира находятся в зависимости от субъективных факторов. Язык политики транслирует это в большей степени, так как напрямую связан не только с ценностями современного человека, но и с поколенческой стратификацией ценностей. Концептуально-культурологическая лингвистика позволяет осмыслить специфику языковой фиксации в форме языковых знаков. По выражению Э. Сепира, «для нормального человека всякий опыт, будь он реальным или потенциальным, пропитан вербализмом» [20, с. 225]. Напри-

мер, рассматривая различные языковые сообщества, анализируя ценности разных социальных групп или разных поколений, невозможно обнаружить полного совпадения сознания, взглядов на то или иное политическое явление, и также невозможно найти полного совпадения, тождества индивидуальных концептов. Отличительная черта концепта – субъективность, которая влияет на разный подход к описанию языковой картины мира. В политическом дискурсе это связано с сознанием целого поколения, и у каждого поколения свои ценности, а позиционирование ценностей в том или ином политическом тексте, в зависимости от адресата и адресанта, происходит с использованием разных языковых средств для одного и того же политического события, в чем и выражается субъективность концепта – на лингвокогнитивном уровне транслируются знания о мире, ценностная ориентация субъекта. Реконструкция национального концепта предполагает последовательное соотнесение всего объема слов, в той или иной мере связанных с экспликацией концептуального поля, с ассоциативным полем слова-имени концепта [25, с. 15].

Ю.С. Степанов в исследовании «Константы. Словарь русской культуры» отмечает, что «противопоставление «своих» и «чужих» в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [22, с. 472]. Внутреннее содержание концептов «свое/чужое» рассматривалось в разных аспектах многими российскими исследователями. А.Б. Пеньковский отмечал, что «одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы» – «они», «этот» – «тот», «здесь» – «там», «близкое» – «далекое» и др. 17, с. 13]. И тем не менее «свое» и «чужое» составляют единое целое – это мир, в который погружен человек, с которого начинается познание окружающей действительности, ценностная ориентация. Культурные концепты тождественны тем базовым оппозициям, которые определяют через призму индивидуального сознания картину мира, включающую в себя представления и ценности индивидуума. Социальное представление, например, может быть рассмотрено как специфическое социальное знание через соотнесение индивидуального и коллективного сознания. В настоящее время понятие коллективного сознания не может восприниматься однозначно. «Человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него доминирующей и определяющей реальностью. Ее границы установлены природой, но стоит этому миру возникнуть, и он оказывает на природу обратное влияние. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя» [2,

198 | с. 296]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что сегодня ценности россиян можно соотнести лишь с одним аспектом их исследования – это социальный аспект, включающий в себя, с одной стороны, поколенческие (военное и послевоенное поколение, поколение хрущевской оттепели, поколение застоя, постсоветское поколение) особенности, с другой – статусные, зависящие от социальных групп современного общества. Ценностные приоритеты подчиняются мотивационно-прагматическому уровню языкового менталитета, поскольку они связаны с деятельностью языковой личности в обществе.

В исследованиях по лингвокультурологии отмечается, что культурные концепты – явление неоднородное. Они могут варьироваться в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному слою общества. Если в обществе есть стратифицированные социальные группы, то и концептосферы этих групп будут различаться. Особенно это заметно в политической сфере деятельности. «Асимметрия между концептуальной картиной мира, создаваемой индивидом, и онтологической является, по своей сути, непреодолимой в силу тех же субъективных моментов. В то же время она предполагает определенную градуальность, различную степень субъективности (или же объективности) всего воспринимаемого» [7, с. 57–58]. Например, в политическом тексте наиболее частотным можно назвать явление градуальной ситуации, базирующейся на функционально-семантическом поле градуальности, и явление градуального высказывания.

В настоящее время разрабатываются три подхода к описанию концепта: этнокультурный, социокультурный и индивидуально-культурный. Ментальные образования могут быть актуальны для всей этнокультуры, только для той или иной группы данной, отдельной лингвокультуры или только для отдельного индивидуума. «Свой/чужой» противопоставлен в этнокультуре, но интерпретируется, особенно в политическом тексте, под влиянием, например, актуальных на данный момент социальных условий. В советской ментальности противопоставление своего и чужого понималось как классовый антагонизм, *свои/чужие* превращались в наших (советских) людей и не наших людей. Ср.: «*Да она же из кулацкой семьи, – выговорил Шалико беспомощно. – Да, это верно, – сказал заместитель, – но уж больно активная и, понимаешь, наша, ну наша, и все. Она чужих за версту чует: сама же из них...*» (Б. Окуджава «Упраздненный театр») – пример из работы И.В. Глазковой [5, с. 51].

Но и сегодня, рассматривая феномен политического текста в социальных условиях многопартийной системы, мы находим признаки советского классового антагонизма в современном оппозиционном политическом дискурсе. Разница в том, что в советский период социальное и политическое пространство представлялось и воспринималось как единое, а не чужими, не нашими (с пейоративной коннотацией) называли представителей чужого мира из капиталистических стран, только идеологических противников, то

в постсоветский период оппозиция *свои/ чужие, наши/не наши* постепенно начала соотноситься с различными слоями российского социума. С возникновением системы многопартийности соответственно в определенных социальных группах трансформировался и концепт *свои/чужой*. Таким образом, сегодня *наши/не наши* могут быть в любой коммуникативной ситуации, где будет наличие какого-либо противостояния. Градация коннотаций со временем стала не такой четкой и однозначной. Эти коннотации описывает известный философ А.В. Зиновьев [8]. Не оценивая общественные и политические события последнего времени, можно отметить, что последствия социального и имущественного расслоения нашего общества до конца не ясны. Социальное расслоение в русском обществе и ценностные ориентации высших социальных страт неизбежно вызывают к себе негативное отношение у тех, кто к этим стратам не принадлежит, особенно у людей поколения 65+, но на лингвокогнитивном и прагматическом уровнях наблюдается новое явление – у постсоветского поколения в качестве экспрессии присутствует особое патриотическое (или псевдопатриотическое) отношение к советской символике, достаточно глубоко проникающее в новые структуры сознания, формирующие определенный лингвокультурный код.

Оппозиция «свое/чужое» определяется учеными-лингвистами как доминирующая в различных типах дискурса, она всегда ценностно окрашена: «свое» – хорошее, «чужое» – плохое, но более всего данный феномен отражен в политической коммуникации, а именно в самоидентификации оппозиционных политических сил в современной России [3; 21 и др.], особенно партий, сформировавшихся в конце XX – начале XXI в. Значимые признаки концептов *свои/чужой* достаточно подробно обозначены не только в программных документах партий («Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия», СПС и пр.), но и в текстах цифровых (новых) медиа (особенно в оппозиционных политических блогах), поскольку каждое политическое движение для самоидентификации стремится четко определить своих сторонников и противников, а также те социальные группы, защита интересов которых является для политиков первостепенной задачей. Именно поэтому политический дискурс характеризуется ярко выраженным наличием бинарной оппозиции *свои/чужой*. Это объясняется тем, что вся политическая деятельность сводится к прагматическому противопоставлению семантико-ценностных ориентиров в политических медиатекстах, а «этот процесс активно отражается и во многом инициируется современными СМИ» [27, с. 122]. Адресанты обычно используют разные языковые стратегии, построенные в том числе и на известных риторических приемах – это метафоры и метафорические модели как наиболее частотные и воздействующие. Интересно, что метафоры политических оппонентов противопоставлены по стилю: в блогах А. Навального, например, преобладает просторечная эмоционально-экспрессивная лексика,

200 | особенно много разговорных фразеологизмов; в текстах таких партий, как «Единая Россия», ЛДПР, употребляются традиционные менее экспрессивные метафоры. Ср.: *«Нам удалось избежать наиболее худших **сценариев** развития пандемии. Количество выявляемых случаев заражения начало снижаться», – заявил Собянин (РБК. 21.05.2020); «Мы проанализировали все известные эпидемии гриппа, которые были в мире с начала прошлого века. Все эпидемии не протекали по **сценарию**: рост [числа инфицированных], [выход на] плато, падение [уровня заболеваемости]. У болезней было три волны, которые растягивались. Я считаю, что выход на плато, снижение числа зараженных – это еще не конец истории и не полная победа над коронавирусом», – сказал Проценко (РБК. 22.05.2020).*

Очевидно, что эти примеры имеют одинаковую тему – пандемия коронавируса, и метафора «сценарий» в этих контекстах имеет особую семантику и коннотацию, так как коронавирус оказывается «опасным» для своего народа, он «чужой», можно сказать, что коронавирус является «чужим» для «своих».

В монографии «Очерки по современной политической метафорологии» А.П. Чудинов отметил, что театральность является одним из характерных признаков языка политики [24, с. 20]. В политических медиатекстах нередко встречаются метафорическая модель «театр», например:

*В сообщении также сказано, что своим решением власти Сальвадора пытаются поспособствовать американской стратегии по интервенции в Венесуэлу. Впрочем, такой «мимолетный **фарс** не повлияет на глубокие и исторические узы», которые объединяют народы обеих стран, заключили в Каракасе (РБК. 03.11.2019);*

*«Белорусы сегодня хотят быть вместе с Россией, но жить в своей квартире», – указал белорусский президент. Он также подчеркнул, что руководства России и Белоруссии не вырабатывают никаких «**закулисных схем**» (РБК. 01.03.2019);*

*«Европейская внешнеполитическая служба ведет интенсивную работу по выявлению **сюжетов и актеров**, ведущих кампании по дезинформации против ЕС. Наш последний специальный доклад рисует сложную картину, в которой выявляет усилия по дезинформации со стороны различных иностранных агентов, включая Россию и Китай, но также правительство Ирана и даже сирийский режим», – утверждал верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жосеп Боррель (РБК. 14.05.2020);*

*Комментируя заявление Вестербеке, официальный представитель российского МИДа Мария Захарова написала в Facebook: «Из показаний: «Иду я как-то по лесу. Бук, тополь, яшень...» Противно. **Из трагедии устроили балаган**» (РБК. 24.02.2020);*

СМИ об этом не говорят, потому что это не вписывается в их картину мира: что в США и Европе нет проблем, а если что-то плохо, то в этом, хайли лайкли, виновата Россия.

Пока с нами борется весь свободолюбивый мир, наша аудитория в этом мире выросла на треть. Так что выражаю отдельную благодарность британскому парламенту, который хочет нас убрать из Британии, американскому минонсту, который заставил нас зарегистрироваться иноагентом, да и вообще всему западному истеблишменту. Благодаря их стараниям все больше людей хотят слышать альтернативный голос RT.

*Когда нас вынудили зарегистрироваться иноагентом в США, нас убеждали, что это никак не отразится на нашей работе, что мы регистрируемся и дальше все будет, как раньше, а эта мера нужна якобы для большей прозрачности. Очень скоро выяснилось, что это было **вранье**. (Парламентская газета, 25.05.2018. М. Симоньян о западном мире).*

Посредством анализа вышеизложенных примеров несложно обнаружить, что политические медиатексты часто носят критический характер, и метафоры, и просторечная лексика, и заимствования являются одним из средств выражения оценки. В процессе выбора метафоры или метафорической модели уже делаются оценки и отражаются политические ценностные ориентации. Наиболее важной особенностью концепта *свой/чужой* является способность формировать оценочность в тексте. Театры, сцены, маски, роли, режиссеры, сценарии и т.п. – все знакомые образы. Цифровые медиа используют эти образы для описания политической жизни. Так абстрактная концепция становится конкретной и яркой, а политический медиатекст – запоминающимся. Большинство метафор, которые связаны с театром, имеют пейоративную коннотацию, многие политические события в цифровых медиатекстах часто упоминаются как *шоу, фарс, балаган, водевиль*.

Интересен подход блогеров-политиков к составлению текстов для своего электората. Как правило, это оппозиционные политики. Здесь особенно важна стратегия самопрезентации, при этом особенности языковой личности проявляются в определенных культурных условиях и в рамках базовых ценностей той или иной лингвокультуры, в связи с чем наблюдается разнообразие самопрезентации индивидов [5, с. 31]. Под самопрезентацией при этом понимается особый вид социального поведения, позволяющий привлечь внимание аудитории, сформировать определенное мнение по какой-либо теме и заставить публику относиться к говорящему определенным образом. Для рассмотрения данных особенностей мы проанализировали, как в каждом из 30 блогов разнопартийных политиков реализован концепт *свой/чужой*. Концепт – это та ценностная информация, которая не просто хранится в коллективной или индивидуальной памяти, но обязательно переживается разными поколениями россиян по-разному. Если для поколения застоя ценностями

202 | являются «борьба с ростом цен», «стабильная экономика», то для постсоветского поколения на первый план выходят такие ценности, как «стабильность», «свобода», «спокойствие». В соответствии с предпочтениями и ценностями у разных поколений россиян формируется восприятие «своего» и «чужого».

В своем языковом воплощении концепт опирается на некоторое лексико-семантическое множество, в рамках которого можно противопоставить базовый слой и вторичные слои [23, с. 59–60]. Концепт «чужое» – это прежде всего незнакомое, лежащее за пределами привычного образа жизни, то есть то, на что не может сослаться собственный жизненный опыт [26, с. 94–96]. Чужое таит в себе угрозу, опасность, манипуляцию. В триаде политический автор – власть – аудитория типичным является интерпретация противопоставления «своего» и «чужого» в аксиологическом, ценностном плане – в виде оппозиции «хороший» – «плохой», – с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру [16, с. 465–466]. С другой стороны, «чужое» бывает притягательным, вызывает интерес, любопытство, преклонение, если известно о его превосходстве по каким-то параметрам. Роль «чужого» в культурной истории может расцениваться как роль носителя новых идей, технологий, нового образа жизни.

Свой чаще всего означает «собственный», «особенный», «личный», «человеческий», «отдельный», «близкий», «родной». Учитывая народные ценности, свой соотносится 1) с семьей, родом; 2) домом, имуществом, 3) совместной деятельностью. Мировая история свидетельствует о том, что адаптационные способности человека не так высоки, как у других биологических видов, и приспособляемость к окружающей среде требует от него больших усилий. Защитная оболочка в виде социально-культурной группы себе подобных – необходимое условие сохранения психического здоровья человека [1, с. 33]. Этническая психология рассматривает этнос как психологическую единую общность, члены которой находят в принадлежности к ней удовлетворение психических, физических, культурных, социальных потребностей, ощущают себя частью «мы» или хотят ощущать, если этого не происходит, образуется лакуна – она и заполняется политическими оппозиционерами. Ср.: Журналистка и главный редактор телеканала RT Маргарита Симоньян в эфире одного из политических ток-шоу произнесла короткую фразу, которая четко обозначила, чем отличаются россияне от американцев и европейцев. Правдивые и емкие слова вызвали гордость и восхищение у российских пользователей в Сети («Рамблер»: https://news.rambler.ru/internet/46187753/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink)

Здесь особенно становится заметным, что Маргарита Симоньян «свой» среди «своих» – об этом говорит набор просторечных лексем, не случайно употребляемых в высказываниях широко известного сегодня медиаме-

неджера. Ср.: *«Мы живем по душе, а они — по правилам», — сказала Маргарита.*

«Чужой» имплицитно оттеняет «чуждый», «враждебный», «незнакомый», «странный», «необычный», «иностранный». Все эти оттенки переливаются в том числе при употреблении заимствованных слов. Чуждым образу жизни постсоветского поколения, ратующего за такие ценности, как «справедливость», «законность», «спокойствие», «стабильность» (в отличие от предыдущих поколений, кредо которого «лишь бы не было войны») [19, с. 141–148]. Ср.: *А монополия на информацию — это зло, потому что однобокое освещение событий приводит к страшным последствиям. Мы все прекрасно помним, к чему привела монополия мейнстрима накануне войны в Ираке. Помним, как Колин Пауэлл тряс в ООН пробиркой и доказывал, что это то самое иракское химоружие, которого на самом деле никогда не было. Потом США от демократии Ирак, а вслед за ним и другие страны. И все это поддерживалось хоровым пением мейнстримовских СМИ* (Парламентская газета, 25.05.2018. М. Симоньян о западном мире).

Сложность понятийно-семантической категоризации «чужого» в противоположность «своему» – родному, дающему ощущение теплоты и защищенности, понятному – отмечена в работе [28, с. 30], где выделяются следующие характеристики: «чужой» как внешний, иностранный, заграничный, то есть буквально находящийся по другую сторону территориально определенной линии; «чужое» как своеобразное, необычное, странное, находящееся в контрастирующем состоянии к собственному, привычному, нормальному; «чужое» как пока незнакомое, но доступное для познания и ознакомления; «чужое» как принципиально непознаваемое; «чужое» как тревожное, опасное.

Л.В. Куликова [14, с. 183–184] акцентирует внимание на интерпретационном характере концепта «чужой»: в каждом упоминании чужого подразумевается сознание собственного. Условием опознания чужого является наличие своего. «Чужой» – проблема не только пространственной отдаленности, но и сложившегося положения дел. «Чужое» может быть рядом. «Чужое» не является объективной категорией, поскольку в действительности речь идет об интерпретации, поэтому «чужое» чуждо всегда только конкретному лицу и то, что было чужим, легко может утратить это свойство. Ср.: *Впрочем, говорить о правильности или неправильности человеку, который считает возможным и «нормальным» уничтожать славян, если есть такая цель, смысла нет. Мне кажется, этот человек не понимает базовых вещей и складывается ощущение, что главное для оппозиционного политика – навести шума в интернете и подняться на волне хайпа. Жаль, что такой хайп не просто мешает, а откровенно вредит реальной жизни...* («Коммерсантъ», 10.09.2020).

Есть устойчивое мнение, что «русских характеризует пиетет перед иностранцами. Они считают, что все русское – плохо, иностранное – хорошо»

204 [13, с. 353], но если рассмотреть подробнее диалектическое соотношение *своего/чужого* на материале иноязычных включений в русский язык, то становится понятным, что заимствование из одного языка в другой по сути своей может служить прекрасной иллюстрацией того, как нечто «чужое» может постепенно становиться «своим», как «чужое» обволакивается «своим» и ассимилируется в нем, если начинает связываться с чем-то жизненно важным и существенным.

Сегодня мы наблюдаем стремительную деривацию слова хайп, приобретающего повышенную оценочность, востребованность, то есть иноязычное слово хайп приобретает черты, не свойственные ему в языке-источнике: идиоматичность, многомерность, смысловую и прагматическую емкость.

Поиски языковых коррелятов оппозиции «свое» – «чужое» предпринял А.Б. Пеньковский [17, с. 13–49]. Ученый выдвинул гипотезу о существовании в русском языке семантической категории «чуждости», которая сопрягается с отрицательной оценкой и имеет специальные средства языкового выражения. По заключению А.Б. Пеньковского, несколько десятков факторов влияют на язык: форма национально-государственного устройства; экономика, идеология, политика нации, страны, государства; культурные и языковые традиции этноса; изменение социальной ситуации; социальная дифференциация нескольких сосуществующих языков; распределение предметной сферы общения между ними; престижность государственного языка; выбор канала коммуникации; цель коммуникативного акта; коммуникативная установка; тема общения; обстановка (время и место) речевого акта; другие обстоятельства речевого общения; демографические факторы (пол, возраст, национальность); образование и другие факторы культуры; профессия, вид и характер профессиональной занятости; социально-классовая принадлежность родителей; социальный статус (положение в обществе); место проживания; участие в общественной жизни; миграционные процессы; правила речевого этикета и др.

Таким образом, культурные концепты образуют неоднородное явление, так как различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества. Концепт «свое/чужое», естественно, по-разному интерпретируется в различных общественно-политических условиях и различными социальными группами, но особенно важным, по результатам анкетирования, становится вывод о том, что концепт *свое/чужое* интерпретируется по-разному различными поколениями россиян.

Исторический путь заимствований связан с процессами в социуме, проявившимися после Октябрьской революции 1917 года. С большими изменениями и перестройкой всего социального уклада язык начал испытывать сильную потребность в новых лексических средствах. Эта потребность существует до настоящего времени, удовлетворяется она больше всего путем заимствования иноязычной лексики, а не за счет использования собственных

ресурсов. Сегодня мы наблюдаем максимальное вторжение эквивалентной заимствованной лексики. С каждым новым поколением такое вторжение становится толерантным, престижным. Престиж заимствованной лексики обусловлен целым набором экстралингвистических, культурологических, психологических и собственно лингвистических причин. Экстралингвистические причины неоднократно обсуждались в научной и публицистической литературе: это изменение общественно-политического и экономического устройства страны, формирование мультикультурной среды, образование и развитие многопартийной системы. К культурологическим причинам, несомненно, относится расширение культурных контактов между Россией и миром; к психологическим (или лингвопсихологическим) факторам следует отнести усилившееся стремление к билингвизму и желание построить имидж европейского человека. В связи с действием всех этих факторов в совокупности или по преимуществу какого-то одного из них усиливается функциональная активность многих традиционных заимствований в русском языке.

Интересно, что прагматика заимствования во многом обусловлена не только языком-источником и его ролью в процессе лингвокультурного взаимодействия, но и активными процессами, происходящими сегодня в современном русском языке и связанными с адаптацией в мире, с потребностью в актуальной новой информации, с проявлениями этнокультурного характера современного общества, и особенно – с политическими целями и задачами, с формированием имиджа политика для успешного манипулирования электоратом. Особое внимание при этом уделяется, во-первых, соотношению реальных качеств кандидата с ожидаемыми аудиторией, во-вторых, позиционированию политика, в-третьих, отбору и дифференциации речевых составляющих имиджа политика.

Выводы

Концепты *свое/чужое* по-разному воплощаются и интерпретируются в различных общественно-политических условиях и различными поколениями россиян – адресатами цифровых медиа.

Концептуальное противопоставление «своего» и «чужого» находит отражение во многих языковых формах, в том числе в стилевых особенностях, в противопоставлении своего незаимствованного, или хорошо ассимилированного слова, или просторечного слова и недавно вошедшего в родной язык, в том числе модного, престижного относительно какой-либо социальной страты.

Концепт «чужое» подразумевает вариативность и неоднозначность, поскольку «чужое», как неизвестное, может быть сопряжено с угрозой и в то же время «чужое», как новое, привлекательно своим лингвокультурологическим и аксиологическим потенциалом и способно расширить представления о мире. В настоящее время мы наблюдаем становление такого периода в развитии нашего общества, когда преобладающим становится толерантное отношение

206 | к «чужому» нового поколения россиян, широко использующее не только заимствованную лексику, но и заимствованный образ мышления. Заимствования ассимилировались и стали своими до такой степени, что постсоветское поколение не замечает их «чуждости», при этом актуализация «чужого» слова в современном русском языке часто связана с социализационным контекстом цифровых медиа, формирующих ценности не только нового поколения.

Список использованной литературы

1. Баялсникова О.В. «Свой–чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003. 224 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бушев А.Б. Как и зачем изучать сетевую коммуникацию. Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 19–20 марта 2020 г. / Редкол.: О.Г. Прохоренко (отв. ред.) и др. Минск: БГУ, 2020. С. 444–451.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. 278 с.
5. Гаришина Т.Р. Техника личной презентации. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2010. 56 с.
6. Глазкова И.В. «Наши – не наши» в советское время и сейчас // Русская речь. 2004. № 1. С. 51–53.
7. Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 57–68.
8. Зиновьев А.В. Русская трагедия (гибель утопии). М.: Алгоритм, 2002. 520 с.
9. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 28–34.
10. Кидяшкин И.В., Скочилова В.Г. Исследование влияния культурно-символического контекста на политическую социализацию томской студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2015. № 2. С. 23–34.
11. Китанина Э.А., Труханова Д.С. Семантические трансформации слова бомба и его дериватов как отражение сдвигов в языковой картине мира. Научный диалог/ Nauchnyi dialog. 2020. № 4. С. 74–86.
12. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Учебное пособие / О.А. Корнилов. 5-е изд., испр. М.: КДУ, 2019. 348 с.
13. Кочетков В.В. Лексико-стилистические новации и их функционирование в прессе второй половины 90-х годов XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1999. 18 с.

14. Куликова Л.В. Концепт «чужой» в теории межкультурной коммуникации (русско-немецкий контекст) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 179–187.
15. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: Коллективная монография / Маркова Е.М., Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ручина Л.И. и др.; Пред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 248 с.
16. Лотман Ю.М. О языке типологических описаний культуры // Труды по знаковым системам. Тарту. 1969. Т. IV. С. 460–475.
17. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки русской культуры, 2004. 460 с.
18. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие / Т.Б. Радбиль. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.
19. Селезнева А.В. Политические представления и ценности россиян / А.В. Селезнева. М.: Издательство Московского университета, 2012. 224 с.
20. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 223–247.
21. Синельникова Л.Н. Признаки дискурсивной матрицы гуманитарного пространства нового века // Политическая лингвистика. 2009. № 3. С. 56–68.
22. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
23. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2001. С. 58–65.
24. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.
25. Чурилина Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 39 с.
26. Bollnow O.F. Das kritische Verstehen // Studien zur Hermeneutik. Bd I Philosophie der Geisteswissenschaften. Freiburg; München, 1982. S. 94–96.
27. Kitanina E., Trukhanova D. Borrowings as Conflict Triggers in Russian Media Texts. Media Education (Mediaobrazovanie), 2020, 60(1). P. 113–122.
28. Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation: Zur Interaction zwischen Menschen verschiedener Kulturen. Opladen, 1996. S. 30.

Интернет-источники

1. <http://www.kprf.ru>
2. <http://www.piooss.net/blog/party/868.html>
3. <http://www.yabloko.ru>
4. <http://www.gr-sila.ru>

- 208 | 5. http://www.vk.com/topic-244233_90_24381865
6. http://www.old.civilplatform.ru/page/programma_partii/
7. <https://www.pnp.ru/politics/margarita-simonyan-svoboda-pressy-krasivyymif-zapadnogo-mira.html>

Kitanina E.A.

*Grand Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of Department of General and Russian Linguistics,
Pushkin State Russian Language Institute
EAKitanina@pushkin.institute*

LANGUAGE IMPLEMENTATION OF CONCEPTS OWN/FOREIGN IN THE POLITICAL VIEWS AND VALUES OF RUSSIANS

The article is devoted to the most frequent linguistic means of political communication, denoting the concepts of «ours» and «aliens» in digital media. Consideration of the category of one's own / another's, of course, is in the plane of interests of modern linguistics, where a reorientation from a formal grammatical approach to an anthropocentric one took place long ago. The designated category is a fundamental opposition that exists both in the consciousness of an individual member of the linguocultural community and in the national consciousness, and forms part of the linguistic picture of the world through verbalization by numerous linguistic units. The author made an attempt to find an answer to the question of what is the nature of the influence of the social factor on the semantics and pragmatics of a wide stratum of vocabulary used in political discourse, namely, in the texts of modern digital media, broadcasting political information through the prism of political ideas and values of Russians of different generations; what is the specificity of the linguistic fixation of culturally significant characteristics of the concepts of self / alien in the texts of opposition blogs, Internet communities, digital media. The methodological basis of the research is made up of culturological theories, in which there was an understanding of the opposition of one's own / another's. The author analyzes the linguistic embodiment of the concepts of one's own / another's and the political ideas and values of Russians from the standpoint of the evaluativeness of linguistic means, relying on traditional linguoculturological studies and on the actual material of digital media, paying attention to the socialization context that forms a new generation of Russians, and draws conclusions about the variability, ambiguity and actualization of the «alien» word in modern Russian.

Keywords: political communication; political views and values; cultural concept; semantics; pragmatics; digital media; socialization context.

*доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник Лаборатории филологических исследований
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
EMAfanaseva@pushkin.institute*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 2014–2020 ГОДОВ¹³

Политический дискурс последнего десятилетия активно использует литературный код мировой классики. В том случае, когда внутри политического дискурса проявляется дискурс художественного текста, высказывание включает в себя многоуровневый процесс интеграции разных коммуникативных моделей. В ситуации решения внутривнутриполитических вопросов или вопросов внешней политики государств этот конгломерат смыслов порождает явление литературной дипломатии, ориентированной на достижение результативной коммуникации.

Ключевым термином данной работы является термин «литературная дипломатия». Литературная дипломатия – дискурсивная установка в практике публичных выступлений (заявлений) политиков, основанная на приеме цитирования художественного текста, часто с элементами комментария и (или) упоминания (интерпретации) литературных фактов, фактов биографии писателей – с целью привлечения внимания к конкретной культурной, социальной, политической или др. проблеме (ситуации) и обозначения политической позиции коммуниканта.

В исследовании представлен обзор публичных выступлений политиков за 2014–2020 гг. и интерпретаций этих выступлений в СМИ. Рассматривается стихотворение М.Ю. Лермонтова «Прощай, немая Россия» в контексте российско-украинского вопроса. Дан обзор принципов литературной дипломатии в выступлениях российских и британских политиков в связи с «делом Скрипалей» 2018 г., когда в эпицентре дипломатического дискурса оказываются произведения Ф.М. Достоевского, Льюиса Кэрролла, Конан Дойла. В контексте решения дипломатических установок проведен анализ коммуникативных

¹³ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-12-00574. Ряд положений исследования нашли отражение в работе: Афанасьева Э.М. Литературная дипломатия и межкультурная коммуникация в современном политическом дискурсе // Аннушкин В.И. и др. Филология и межкультурная коммуникация: социокультурные, информационные и образовательные аспекты общественно-речевой практики: Коллективная монография: Электронное издание. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 263–279.

210 | практик, в которых отсылка к литературной классике соотносится с такими дискурсивными моделями, как зона конфликта – нейтрализация конфликта – диалог понимания. Отдельный фрагмент работы посвящен исследованию пушкинского кода в выступлениях российских политиков 2019 г. на волне празднования 220-летия со дня рождения А.С. Пушкина.

В работе делается вывод о том, что частными случаями проявления речевых стратегий, связанных с реализацией механизмов литературной дипломатии, могут быть заострение внимания на конкретном политическом вопросе с помощью литературной цитаты или аллюзии; провокация конфликта на основе соотнесения современной ситуации с цитируемым литературным текстом и/или упоминаемым литературным фактом; дипломатическая нейтрализация и (или) перекодировка конфликта в ситуации ответного цитирования/комментирования литературного текста или упоминания о литературном факте; диалог понимания с использованием в речи политика литературного (общекультурного) кода.

Ключевые слова: политический дискурс, дипломатия, литературная дипломатия, литературная классика, медиалингвистика

Введение

Современный политический дискурс прочно интегрирован в интернет-среду. Новый стиль дипломатической коммуникации, когда позиция первых лиц государств и представителей министерств может транслироваться не только официальными источниками, но и непосредственно через личные аккаунты соцсетей и интернет-страниц, получил характеристику «дипломатии с человеческим лицом».

В мировой практике слово «дипломатия» толкуется и как наука, и как искусство переговоров. «Наука о внешних сношениях или иностранных делах государства, а в более узком смысле – наука или искусство переговоров», – это определение дано немецким юристом и дипломатом рубежа XVIII–XIX вв. Г. Мартенсом [10, с. 8]. Французский политик XIX в. Г. Гарден характеризует дипломатию следующим образом: это «наука о взаимных интересах и отношениях государств или искусство взаимно согласовывать интересы народов, а в более точном смысле – наука или искусство переговоров» [10, с. 8]. Современный российский дипломат В.И. Попов устоявшееся определение выносит в название книги по теории и истории дипломатии: «Современная дипломатия: теория и практика: Курс лекций. Ч. 1: Дипломатия – наука и искусство» [19].

В основе искусства переговоров находится дискурсивная установка на коммуникативное событие, ориентирование на достижение политических целей оратора. В предлагаемом исследовании рассмотрен частный случай дипломатического дискурса, в основе которого цитирование или комментирование литературных текстов коммуникантом осуществляется с целью

привлечения внимания к актуальным вопросам как внутренней, так и внешней политики государства. Для анализа данного явления в работе вводится термин «литературная дипломатия».

Литературная дипломатия – понятие еще не устоявшееся и часто используемое в случае характеристики миссии деятелей культуры, науки, искусства, ориентированной на привлечение внимания к значимым литературным явлениям в мировом культурном пространстве. Слово «дипломатия» в данном случае отсылает к прямому его значению, связанному с деятельностью глав государств, правительств, специальных органов по осуществлению внешней политики государства исключительно мирными средствами.

Термин «литературная дипломатия» в предлагаемом исследовании используется в относительно новом значении. Обращение высоких официальных лиц к литературному коду не только демонстрирует эрудицию оратора, но и обладает иллюквативной силой воздействия, соотносимой с коммуникативным намерением выступающего. Не случайно цитирование литературных текстов политиками часто тиражируется в заголовках новостных СМИ¹⁴. По наблюдениям А.П. Чудинова, «эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [23, с. 8] является важной характеристикой политической коммуникации. Обращение оратора к литературному тексту, к хорошо известным именам писателей или к узнаваемым художественным произведениям часто имеет эффект прогнозирующей силы эмоционального воздействия на слушателей не только внутри страны, но и на внешнеполитической арене [7, 24–26]. Установка на эмоциональное воздействие может преследовать различные цели. В зоне положительной риторики ключевым является диалог понимания. Однако литературная цитата может использоваться и в провокационных целях. Политический оппонент в этом случае может применить дипломатическую тактику зеркального ответа с цитированием в своем выступлении литературного текста или обращаясь к интерпретации литературного факта. «Литературный диалог» противоборствующих сторон часто служит основой нейтрализации или перекодировки смыслов. Что, однако, не мешает каждой из сторон остаться при своей точке зрения.

¹⁴ Ср.: Путин ответил на слова Порошенко о «немытой России» цитатой из Шевченко / ИНТЕРФАКС // URL: <http://www.interfax.ru/russia/566737> ; Сергей Лавров сравнил отношение Запада к России со сказкой Льюиса Кэрролла [05.04.2018] // URL: <https://www.fontanka.ru/2018/04/05/059/?mobile=false> ; «Всегда в душе преступной подозренье»: Небензе стало неловко за Британию [19.04.2018] // URL: <https://regnum.ru/news/polit/2406108.html> ; Представители РФ и Британии в ООН обменялись цитатами из Льюиса Кэрролла [06.04.2018] // URL: https://aif.ru/politics/world/predstaviteli_rf_i_britanii_v_oon_obmenyalis_citatami_iz_lyuisa_kerrola.

Использование кода художественной литературы во многом характеризует современную политическую риторику [1, 3, 4, 6]. Исследование данного явления не может обойтись без анализа дискурса [ср. 8, 9], в том числе с опорой на традицию анализа дискурса литературного произведения. В том случае, когда внутри политического дискурса проявляется дискурс художественного текста, высказывание включает в себя многоуровневый процесс интеграции разных коммуникативных моделей. Этот конгломерат смыслов и порождает явление литературной дипломатии, ориентированной на решение конфликтных вопросов мирными способами.

В предлагаемой работе проведен анализ публичных выступлений российских и зарубежных политиков в период с 2014 по 2020 гг., в которых ключевую роль играет цитирование или комментирование произведений литературной классики. Основная часть исследования представляет описание приемов, использованных в коммуникативных практиках. Отдельный фрагмент посвящен описанию пушкинского кода в политическом дискурсе 2019 г., на волне празднования 220-летия со дня рождения А.С. Пушкина.

Результаты и обсуждение

В начале исследовательского обзора дискурсивных практик современных политических деятелей дадим рабочее определение базового термина. Литературная дипломатия – дискурсивная установка в практике публичных выступлений (заявлений) политиков, основанная на приеме цитирования художественного текста, часто с элементами комментария, и (или) упоминания (интерпретации) литературных фактов или фактов биографии писателя – с целью привлечения внимания к конкретной культурной, социальной, политической и др. проблеме (ситуации) и обозначения политической позиции коммуниканта.

Литературная дипломатия:

зона конфликта – нейтрализация конфликта – диалог понимания

Прием использования произведений литературной классики в публичных выступлениях политиков нередко становится пиком эмоционального воздействия оратора на слушателя. Рассмотрим ситуации, в основе которых находится *нейтрализация конфликта*, реализуемая по модели зеркальности дипломатического ответа, когда в случае политических разногласий стороны обращаются к комментированию литературных текстов.

Активное использование дискурсивного потенциала художественной литературы в выступлениях политиков первого звена в 2017–2018 гг. было связано с вопросами политического взаимодействия России и Украины [5] и с т.н. «делом об отравлении Скрипалей» [6]. Остановимся на каждом случае подробно.

10 июня 2017 г. в Киеве на мероприятии, анонсированном как начало установления безвизового режима Украины с Евросоюзом, президент П.А. Порошенко процитировал фрагмент стихотворения М.Ю. Лермонтова

«Прощай, немая Россия». Лермонтовский текст, включенный в политическую риторику заявления о разрыве с Россией, стал объектом пристального внимания журналистов. Стоит отметить также то, что оратор обращался к цитированию послания А.С. Пушкина «К Чаадаеву». Однако пушкинский текст на фоне обвинительного пафоса лермонтовского стихотворения в новостных СМИ практически не отмечен.

Прежде чем обратиться к анализу политического резонанса выступления П.А. Порошенко, отметим особенность художественно-эстетического дискурса стихотворения Лермонтова. «Прощай, немая Россия» относится к политической лирике, для которой центральной темой является тема Родины. Первая строфа содержит инвективный вызов России, «стране рабов», «стране господ». Во втором четверостишии недовольство политическим устройством государства порождает мотив бегства лирического героя на Кавказ [2; 14, с. 452]:

Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

П.А. Порошенко во время публичного выступления 10 июня 2017 г. цитирует только первое четверостишие лермонтовского стихотворения, тем самым усиливая свою позицию негативного отношения к России с помощью «авторитетной ссылки».

В практике дипломатического ответа нейтрализация инвективы выходит на уровень политического комментария художественного текста второй стороной коммуникативного события – президентом России. После выступления П.А. Порошенко в российских СМИ появились публикации следующего рода: «Путин объяснил Порошенко смысл стихотворения про «немую Россию»; «Путин ответил на слова Порошенко о «немой России» цитатой из Шевченко»; «Путин ответил Порошенко продолжением стихотворения Лермонтова». При этом российские СМИ «поэтический диалог» двух президентов представили в ретроспективном контексте. В 2014 и 2015 гг. В.В. Путин уже обращался к толкованию стихотворения «Прощай, немая Россия» во время публичных выступлений, акцентируя внимание на том, что М. Лермонтов, создавая этот текст, одновременно выступал и как оппозиционер по отношению к действующей власти, и как патриот [5].

В 2016 г. во время встречи с учителями российский президент называет Лермонтова любимым автором и, цитируя стихотворение «Прощай, немая

214 | Россия», комментирует его следующим образом: «Казалось бы, такая вещь, грубоватая по отношению к стране: «Страна рабов, страна господ, И вы, мундиры голубые, И ты, им преданный народ». Но те, кто хочет увидеть этот негатив, на этом останавливаются, а там есть второе четверостишие:

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Это написано когда? По-моему, в 1841 году. А в связи с чем? Он ехал на Кавказ. Он же был офицер и воевал за интересы Отечества. С одной стороны, он не приемлет вот этого официоза, наущничества и всяких слезек и так далее, а с другой стороны, он готов жизнь отдать за интересы страны и Родины. Он был чрезвычайно храбрым человеком. И вторую часть стараются часто не замечать. И человек, который не любил Отечество всем сердцем, никогда бы не написал «Бородино» [12]. В интерпретации В.В. Путина негативный и грубый вызов лермонтовского героя в адрес России, содержащийся в начале стихотворения, во второй строфе сменяется автобиографическими мотивами, обусловленными отъездом офицера Лермонтова на Кавказ в действующую армию. В июне 2017 г. В.В. Путин вновь использует прием толкования стихотворения «Прощай, немытая Россия» теперь в связи с политическими заявлениями П.А. Порошенко [21], усиливая при этом аргументацию географическими и политическими комментариями тексту XIX в. [5].

«Литературный поединок» двух президентов основывается на разных приемах интерпретации дискурса художественного текста в контексте официальной позиции государств по отношению к русско-украинскому вопросу.

В выступлениях Путина обращение к поэтическому наследию Лермонтова является одним из примеров диалога-разъяснения проблемной поэтики текста. Российский президент цитирование стихотворения соотносит с биографией Лермонтова и включает в контекст геополитической ситуации России XIX в.

П.А. Порошенко использует прием цитирования фрагмента стихотворения Лермонтова. При этом инвективный посыл лирического текста совпадает с инвективной риторикой оратора [ср.: 15, 16]. Однако в условии билингвального характера выступления президента Украины, когда основная речь звучит на украинском языке, а стихотворение произносится на русском, мотив прощания Украины с Россией формирует неоднозначный контекст. Прощание с Россией в речи П.А. Порошенко происходит в русскоязычном языковом поле. Данный эпизод скорее воспринимается как поэтическая метафора сложности взаимоотношения поэта и власти (лирического героя стихотворения Лермонтова и политической системы), чем разрыв взаимоотношений двух стран, способных понять один язык.

«Поэтический диалог» двух президентов демонстрирует приемы дипломатической модели переговоров – *провокационная риторика одного оратора нейтрализуется с помощью обширного культурологического и геополитического комментария литературного текста другим оратором*. Это формирует риторическую модель литературной дипломатии, ориентированную на попытку решения острых политических вопросов мирным путем, в данном случае на основе приема зеркального – литературного – ответа.

Второй пример связан с непримиримостью позиций разных сторон политической коммуникации, усиливающейся литературным кодом. Речь идет о выступлениях британских и российских официальных лиц в связи с т.н. «делом Скрипалей». В эпицентре политических обвинений и разъяснений весной 2018 г. оказываются версии о преступлении, совершенном в Солсбери.

Восстановим хронологию публичных выступлений политиков, представивших позицию Великобритании и России.

12 марта 2018 г. Тереза Мэй, выступая в парламенте, сделала заявление о возможной причастности России к отравлению в Солсбери экс-полковника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери Юлии. Использованное в речи премьер-министра Великобритании словосочетание «highly likely» – «весьма вероятно» или «с большой долей вероятности» – мгновенно вошло в российский дипломатический оборот как характеристика бездоказательных обвинений т.н. «мегафонной дипломатии». Забегая вперед, можно отметить тот факт, что выражение «хайли лайкли» стало основой интернет-мема, годовщину которого отметили в Сети через год после заявления Терезы Мэй¹⁵.

Весной 2018 г. британская сторона вместо системы фактов и доказательств в публичных заявлениях отсылает к литературному коду русской классики. 28 марта 2018 г. министр иностранных дел Великобритании Б. Джонсон произносит речь на пасхальном обеде в Мэншн-Хаусе. Во время выступления он проводит параллель между событием отравления Скрипалей, произошедшим в Солсбери, и сюжетом романа Ф.М. Достоевского: *It is rather like the beginning of 'Crime and Punishment' in the sense that we are all confident of the culprit – and the only question is whether he will confess or be caught* («Это несколько похоже на начало романа «Преступление и наказание» в том смысле, что мы все знаем, кто преступник, а вопрос заключается в том, сознается ли он или будет пойман»)¹⁶.

¹⁵ Годовщину мема «хайли лайкли» отметили в Сети [12.03.2019] // <https://news.rambler.ru/other/41857816-godovschinu-mema-hayli-laykli-otmetili-v-seti/?updated>

¹⁶ Foreign Secretary's Mansion House speech at the Lord Mayor's Easter Banquet 2018 // URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-lord-mayors-easter-banquet-speech-at-mansion-house-wednesday-28-march> / <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-lord-mayors-easter-banquet-speech-at-mansion-house-wednesday-28-march.ru>

Весной 2018 г. последует целая серия публичных заявлений и выступлений российских и британских политиков, в которых колебания между полюсом «хайли лайкли» и требованием оглашения конкретных фактов по «делу Скрипалей» высвечиваются с помощью литературных сюжетов на темы детективных расследований, несправедливого или праведного суда, преступления и наказания. В эпицентре политической интерпретации оказалась русская и британская классика: роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», рассказы о Шерлоке Холмсе А. Конан Дойла, «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, трагедия У. Шекспира¹⁷.

Российские политики, выражая категорическое несогласие с обвинениями британской стороны, используют в выступлениях зеркальный дипломатический прием с акцентом на интерпретации сюжетов художественной литературы, высвечивающих тему несправедливого суда или суда без доказательств. Литературный код присутствует в речи официального представителя МИД РФ М.В. Захаровой во время брифинга 29 марта 2018 г., в выступлении министра иностранных дел России С.В. Лаврова на VII Московской конференции по международной безопасности 5 апреля 2018 г., в выступлении постоянного представителя РФ при ООН и Совете Безопасности ООН В.А. Небензи на заседании Совета Безопасности ООН (5 апреля 2018 г.).

М.В. Захарова во время брифинга 29 марта 2018 г. обращается к Б. Джонсону и заостряет внимание на особенностях формирования системы доказательств в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: «Борис, скажите, а вы «Преступление и наказание» до конца все-таки дочитали или так на начале и остановились? Раз уж вы решили вспомнить творчество Ф.М. Достоевского, давайте тогда обратимся к образу и мыслям пристава следственных дел (следователя) Порфирия Петровича, который весьма придиристо и, в отличие от Вас, дотошно вел дело об убийстве процентщицы и ее сестры. В отличие от Вас, мы Ф.М. Достоевского читали, мы его любим и знаем...» Далее в речи Захаровой приводится цитата из второй главы шестой части «Преступления и наказания»¹⁸.

В сюжетном развитии романа Достоевского указанная оратором сцена – пик психологического раскрытия «идеологического преступления» Порфирием Петровичем. Во время разговора с Раскольниковым следователь использует метафору невозможности раскрытия преступления только на основе пред-

¹⁷ Алешина М. Как классики дипломатам помогают // Российская газета. № 245 (7708) // URL: <https://rg.ru/2018/10/31/v-oon-vasilij-nebenzia-procitiroval-pushkina-zapadnym-kollegam.html> ; Сергей Лавров сравнил отношение Запада к России со сказкой Льюиса Кэрролла [05.04.2018] // URL: <https://www.fontanka.ru/2018/04/05/059/?mobile=false>

¹⁸ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 29 марта 2018 года // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3145417

положений: «Изо ста кроликов никогда не составитя лошадь, изо ста подозрений никогда не составятя доказательства, ведь вот как одна английская пословица говорит, да ведь это только благоразумие-с, а со страстями-то, со страстями попробуйте справиться, потому и следователь человек-с» [ср. 1]. Данный фрагмент романа становится политическим сюжетом, ориентированным на «перекодировку» российской стороной обвинительного пафоса британских политиков. Отсылка к английской пословице в приведенной М.В. Захаровой цитате служит политическим уколом в системе зеркального ответа, характерного для практики дипломатического ведения переговоров. При этом цитирование пословицы, основанной на поэтике абсурда, косвенным образом высвечивает и абсурдность риторики «хайли лайкли».

Б. Джонсон, обвиняя Россию, использует прием отсылки к русской классике; М. Захарова внутри литературного текста, ставшего инструментом обвинения российской стороны, находит «британский код» английской пословицы, что служит основой нейтрализации коммуникативных намерений оппонента.

Дальнейшее цитирование Достоевского во время брифинга М.В. Захаровой прерывается дидактическим отступлением оратора: «Специально для Б. Джонсона цитата из Ф.М. Достоевского, переведенная на английский язык: *From a hundred rabbits you can't make a horse, a hundred suspicions don't make a proof*. Борис, читайте Ф.М. Достоевского. Вам это полезно». После этого Захарова завершает цитирование романа разговором следователя с главным героем: «“Вы вот изволите теперича говорить: улики; да ведь оно, положим, улики-с, да ведь улики-то, батюшка, о двух концах, большею-то частью-с, а ведь я следователь, стало быть, слабый человек, каюсь: хотелось бы следствие, так сказать, математически ясно представить, хотелось бы такую уличку достать, чтоб на дважды два – четыре походило! На прямое и бесспорное доказательство походило бы!” Это также из Ф.М. Достоевского – слова Порфирия Петровича»¹⁹. В романе «Преступление и наказание» именно этот разговор героев в системе «психологического» раскрытия преступления оказывает влияние на решение Раскольникова признаться в суде в совершенном преступлении. А в практике дипломатического ответа приведенная цитата метафорически ориентирована на необходимость точного, «математически» выверенного доказательства предъявляемых обвинений британской стороной в адрес России.

Целая система литературных аллюзий будет включена в речь В.А. Небензи 5 апреля 2018 г. на заседании Совета Безопасности ООН по обращению Великобритании от 13 марта 2018 г. Для анализа приемов литературной

¹⁹ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 29 марта 2018 года // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3145417

218 | дипломатии в этом выступлении важно представить позицию России по отношению к публичным заявлениям британской стороны.

Приведем фрагмент речи В.А. Небензи. Он довольно обширный, но без аргументации позиции российской стороны невозможно будет провести анализ литературного кода в выступлении дипломата:

«Британские спецслужбы «через газету «Таймс» вчера сообщили, что им удалось с помощью научного анализа и разведанных установить вероятный источник происхождения отравляющего вещества уже через несколько дней после химатаки в Солсбери. Утверждается, что 7 марта кабинет министров знал, что яд с более чем высокой степенью вероятности произведен в России. Британские спецслужбы считают, что они определили местонахождение секретной российской лаборатории, в которой было произведено нервно-паралитическое вещество. И далее. Внимание: источники в британских службах безопасности не могут абсолютно однозначно говорить о местонахождении лаборатории, однако степень их уверенности высока (!), говорится в статье. Они также считают, что российская сторона проводила тесты, чтобы выяснить, можно ли использовать «Новичок» для убийств по политическим мотивам.

Дальше – больше! «Дэйли Мэйл» тоже как раз вчера поведала нам, что у британской разведки есть «сверхсекретная информация» от неких источников о том, что Россия, оказывается, в преддверии атаки в Солсбери испытывала нервно-паралитическое вещество «Новичок» на повседневных объектах, таких как дверные ручки.

Господа! Даже не знаю, как это комментировать. Это какой-то театр абсурда!»²⁰

Тема «театра абсурда» формирует риторическую модель «хайли лакли» с опорой на домыслы: «с более чем высокой степенью вероятности», «источники в британских службах безопасности не могут абсолютно однозначно говорить о местонахождении лаборатории, однако степень их уверенности высока».

Далее в речи В.А. Небензи следует нейтрализация обвинений британской стороны через ответ на цитирование Б. Джонсоном романа Достоевского: «Борис Джонсон сослался на роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», где вся интрига якобы в том, сознается ли преступник сам или его все же поймают. Роман вообще-то не об этом. Это не детектив, как, очевидно, думает британский министр, а глубокое мировоззренческое произведение. Мы уже, кстати, приводили английскую поговорку из этого романа насчет ста кроликов, которые никогда не станут лошадь. Я бы посоветовал господину Джонсону почитать и другие романы Достоевского или хотя бы ознакомиться

---

²⁰ Выступление и ответное слово постоянного представителя В.А.Небензи на заседании Совета Безопасности ООН по обращению Великобритании от 13 марта 2018 года [5 апреля 2018] // URL: <https://russiaun.ru/ru/news/skr>

с их названиями. Я сам эти названия приводить не буду»²¹. Косвенный ответ на обвинения британского политика уходит в систему названий романов Достоевского. Минус-прием, умолчание названий, соотносит коммуникативные намерения говорящего с дискурсивным полем художественной системы классика романного жанра – хорошо известного в мировой культуре.

Еще раз литературный код на заседании Совета Безопасности ООН от 5 апреля 2018 г. в выступлении В.А. Небензи актуализируется в ответ на выступление постоянного представителя Великобритании при ООН Карен Пирс. В.А. Небензя демонстративно достает книгу Льюиса Кэрролла и зачитывает обширный фрагмент из «Алисы в Стране чудес»:

«Г-н Председатель,

Ничего на самом деле не ново в этом мире. В Великобритании был такой прекрасный детский писатель Льюис Кэрролл. Математик, а заодно, по совместительству, писатель, который написал замечательную книжку под названием «Алиса в Стране чудес». Я хочу зачитать вам небольшой отрывок из нее. Речь идет о суде над Валетом.

«Белый Кролик поспешно вскочил со своего места.

– С позволения Вашего Величества, – сказал он, – тут есть еще улики. Только что был найден один документ.

– А что в нем? – спросила Королева.

– Я его еще не читал, – ответил Белый Кролик, – но, по-моему, это письмо от обвиняемого... кому-то...

– Конечно, кому-то, – сказал Король. – Вряд ли он писал письмо никому. Такое обычно не делается.

– Кому оно адресовано? – спросил кто-то из присяжных.

– Никому, – ответил Белый Кролик. – Во всяком случае, на обороте ничего не написано.

– Почерк обвиняемого? – спросил другой присяжный.

– Нет, – отвечал Белый Кролик. – И это всего подозрительней.

(Присяжные растерялись.)

– Значит, подделал почерк, – заметил Король.

(Присяжные просветлели.)

– С позволения Вашего Величества, – сказал Валет, – я этого письма не писал, и они этого не докажут. Там нет подписи.

– Тем хуже, – сказал Король. – Значит, ты что-то дурное задумал, а не то подписался бы, как все честные люди.

Все заплодировали: впервые за весь день Король сказал что-то действительно умное.

– Это очень важная улика, – проговорил Король, потирая руки. – Все, что мы сегодня слышали, по сравнению с ней бледнеет. А теперь пусть присяжные

²¹ Там же.

220 | решают, виновен он или нет. – Нет! – сказала Королева. – Пусть выносят приговор! А виновен он или нет – потом разберемся!»

В этом контексте В.А. Небензя приводит цитаты из газеты *Independent* с бездоказательными обвинениями в адрес России.

Произведения Льюиса Кэрролла под увеличительным стеклом дипломатических выступлений российской стороны высвечивают британскую риторику «хайли лайкли», у которой могут быть необратимые последствия абсурдного порядка. В парадигме художественной реальности «Алисы в Стране чудес» они соотносимы со сновидением героини, в котором описание суда над карточным Валетом выглядит следующим образом: «Пусть выносят приговор! А виновен он или нет – потом разберемся!», «Сначала казнь, приговор – потом!».

Тема вывернутого наизнанку суда, представленного в творчестве Л. Кэрролла, в этот же день 5 апреля 2018 г. будет использована в речи министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на VII Московской конференции по международной безопасности: «Неприемлемо – как в отношении инцидента в Солсбери, так и в целом ряде других ситуаций (от выборов в США до химических атак в Сирии и референдума в Каталонии) – вместо предъявления конкретных фактов, вместо честного расследования выдвигать голословные обвинения. Это только в известной книге Л. Кэрролла Королева требует: сначала обвинительный приговор, а уже потом послушаем вердикт присяжных – виновен или не виновен. Но Л. Кэрролл все-таки писал сатиру, используя жанр сказки»²².

Позиции британской и российской сторон в период заявлений о «деле Скрипалей» актуализируют тему судебного правосудия в парадигме литературного кода. Цитирование и комментирование художественных текстов в публичных заявлениях высоких официальных лиц в данном случае можно характеризовать как особого рода «эстетический гром-отвод», в большей степени создающий простор для интерпретаций, чем возможность реального ответа на поставленные вопросы в ситуации политического противостояния.

Ключевая задача литературной дипломатии связана с формированием положительной риторики, сознательной установки на диалог (в идеале – диалог понимания) между странами. Подобным примером может послужить выступление президента Франции во время Петербургского Международного экономического форума (ПМЭФ) в мае 2018 г.

---

²² Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на VII Московской конференции по международной безопасности, Москва, 5 апреля 2018 года // URL: https://sydney.mid.ru/event/-/asset_publisher/9E5xVBsqyHDX/content/vystuplenie-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-na-vii-moskovskoj-konferencii-po-mezdunarodnoj-bezopasnosti-moskva-5-aprela-2018-goda?inheritRedirect=false

24 мая 2018 г. на пресс-конференции президентов России и Франции Э. Макрон ссылается на речь Ф.М. Достоевского о Пушкине. 25 мая, выступая на пленарном заседании ПМЭФ, президент Франции продолжает диалог с русской классикой. Он аргументирует политический лозунг необходимости формирования доверия между странами, упоминая Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына. По словам Э. Макрона, Пьер Безухов, «человек, который совершенно не способен в себя поверить», заразился оптимизмом Платона Каратаева, «который показал свой оптимизм, простоту, жизнерадостность, веру в других и самого себя»²³. Практически под финал выступления Э. Макрон резюмирует: «Задача (выстраивания доверия) эта очень непростая. Нам предстоит покончить с тем, что Солженицын называл 30 лет назад закатом смелости. В наш период нам эта отвага, эта смелость необходима».

Отсылка к русской классике в речи Президента Франции ориентирована на риторику конструктивного диалога между двумя странами – Франции и России.

В рассмотренных выше примерах литературный код в выступлениях политиков играет ключевую роль в процессе аргументации позиции ораторов, при этом политическая интерпретация художественного произведения получает серьезный резонанс в СМИ. Цитирование литературного текста может обострять политический конфликт, что порождает ответный ход в риторической практике, нацеленный как на обострение конфликта, так и на его нейтрализацию.

А.С. Пушкин в политической риторике 2019 года

2019 г. прошел под знаком празднования 220-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Ключевое событие культурного календаря оказало влияние и на политический дискурс. В подавляющем большинстве случаев образ Пушкина и его творчество соотносятся с позитивной рецепцией. Точечно на политической арене 2019 г. упоминаются такие произведения, как «Евгений Онегин», «Полтава», «Медный всадник», «Руслан и Людмила», «Дубровский».

Интерес представляет не только то, что Пушкин входит в политическую риторику (что является органичным для такого явления, как культурная дипломатия, которая чутко реагирует на знаковые юбилейные даты), но и то, что в практике выработки дипломатического стиля художественная проза писателя признана образцом, к которому нужно стремиться. По замечанию российского дипломата В.И. Попова, «больше всего к дипломатическому языку приближается пушкинский язык прозы – сжатый, точный, без вычурности» [19, с. 35].

Ставка на пушкинский код в дипломатической модели поведения российских политиков определена уже в 2018 г., когда 28 сентября на подписании

²³ Макрон рассказал о важности доверия, ссылаясь на Толстого и Солженицына / РИА Новости // URL: <https://ria.ru/spief/20180525/1521397343.html>

222 | документов саммита СНГ в Душанбе российский президент В.В. Путин появляется с книгой, привлекающей внимание многочисленных представителей СМИ. В отличие от риторической практики цитирования и комментирования произведений М.Ю. Лермонтова [5], диалог с Пушкиным выстраивается на основе читательской модели поведения. РИА Новости представило подробное описание читательских жестов президента России: «Сначала Путин положил книгу слева от себя, но, поставив несколько подписей, взял роман Пушкина и пролистал несколько страниц. Принесли новую порцию документов, президент поставил свою подпись и вновь открыл книгу. Теперь он уже прочел несколько строк, снова подписал документы, вернулся к чтению. Президенту опять пришлось отложить «Евгения Онегина» в сторону, когда к нему после церемонии подсел глава Молдавии Игорь Додон. Когда российский лидер встал из-за стола, книгу он взял с собой. В этот момент к нему подошел премьер-министр Армении Никол Пашинян, они коротко пообщались. Пушкин остался в руке президента» [20].

В апреле 2019 г. имя Пушкина упоминается на пленарном заседании V Международного арктического форума «Арктика – территория диалога», в котором принимают участие президент Финляндской Республики Саули Ниинистё, президент Республики Исландия Гудни Торлациус Йоханнессон, премьер-министр Королевства Норвегия Эрна Сульберг, премьер-министр Королевства Швеция Стефан Лёвен и президент РФ Владимир Путин. Темой литературных аллюзий участников форума становятся русско-шведские отношения с отсылкой к двум пушкинским поэмам: «Медный всадник» и «Полтава». Форум проходил в Санкт-Петербурге, что порождает литературную ассоциацию с творчеством Пушкина у премьер-министра Королевства Швеция Стефана Лёвена, отметившего: «Это город очень большого исторического значения для шведско-российских отношений. Он напоминает нам о мирных и о не столь мирных временах в нашей длительной общей истории. Я процитирую великого Пушкина: «Отсель грозить мы будем шведу, здесь будет город заложен назло надменному соседу» [17].

В.В. Путин, вступая в диалог, продолжает цитировать Пушкина. Цитату из болдинской поэмы 1833 г. «Медный всадник» сменяет цитата из более раннего произведения – поэмы «Полтава» (1828 г.): «Теперь по поводу «отсель грозить мы будем шведу, назло надменному соседу здесь будет город заложен». Я хочу вспомнить и другое стихотворение – «Полтава». «Ура! Мы ломим, гнутся шведы...» – есть такие строчки по поводу Полтавского сражения. Теперь мы чаще всего вспоминаем об этом, когда смотрим игру сборной России по футболу и «Тре Крунур». И, к сожалению для наших болельщиков, мы не так часто можем воспроизвести эти строчки стихотворения, потому что блестящая шведская сборная по хоккею, она, конечно, радуется своим болельщиков, и наших, и объединяет, кстати говоря: спорт

объединяет наши страны в гуманитарном плане. Было бы очень хорошо, господин премьер-министр, если бы один из ваших клубов принял участие в играх Континентальной хоккейной лиги. Но так, это вне рамок нашего сегодняшнего обсуждения» [17].

Пушкинский код во время пленарного заседания Международного арктического форума в выступлениях политиков соотносится и с историей основания Санкт-Петербурга (поэма «Медный всадник»), и с победой русских войск под командованием Петра I над войском шведского короля Карла XII в сражении под Полтавой в 1709 г. (поэма «Полтава»). Коммуникативная установка на дипломатическое нивелирование военной темы отмечена в диалоге премьер-министра Королевства Швеция и президента России. Пушкинские стихи, процитированные Ст. Лёвеном, завершаются прогнозом военной мощи России:

Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.

В комментарии российского президента военная тема нивелируется и переносится в область спортивного противостояния хоккейных команд России и Швеции. Прием цитирования художественного текста в беседе политиков входит в дипломатическое русло решения вопросов мирным путем. В этом и заключается особенность дискурсивной модели литературной дипломатии применительно к конкретной речевой практике.

Кульминацией празднования 220-летия со дня рождения Пушкина стало 6 июня. С 2011 г. указом президента РФ в день рождения Пушкина на государственном уровне отмечается День русского языка. К этим праздникам в июне 2019 г. было приурочено два форума: V Международный гуманитарный Ливадийский форум (4–5 июня 2019 г.) и XXIII Петербургский Международный экономический форум (6–8 июня 2019 г.).

Ливадийский форум, по оценкам СМИ, стал центральным событием всемирного календаря пушкинских дней. 4 июня на набережной Ялты Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Институт Пушкина) реализовал программу интеллектуального досуга для детей и взрослых – «Прогулки с Пушкиным». В этот день прошли мастер-классы для участников форума, жителей и гостей Ялты: «Школа русского слова» В.И. Аннушкина, «Как понять друг друга без слов» Н.А. Боженковой, караоке-клуб «На фоне Пушкина» А.В. Пашкова, а также мастер-классы, викторины и конкурсы для детей, организованные волонтерами Международной программы «Послы русского языка в мире». Местом проведения пушкинских мероприятий стал многовековой платан, символ ялтинской набережной. Открытие программы интеллектуального досуга «Прогулки с Пушкиным» сопровождалось чтением начала поэмы «Руслан и Людмила» заместителем

224 | руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре М.В. Яковлевой, ректором Института Пушкина М.Н. Русецкой. Вечером гости Ливадийского форума были приглашены на виллу София, где состоялась литературная гостиная «О чем шептала Нереида: таврический миф в творчестве А.С. Пушкина», которую провела автор этой работы. Интеграция пушкинской программы интеллектуального досуга в программу Ливадийского форума на Крымском полуострове – и литературный праздник, и гуманитарная миссия в контексте культурной дипломатии, ядром которой становится пушкинский код.

В Санкт-Петербурге пушкинская тема на XXIII Петербургском Международном экономическом форуме (ПМЭФ) была поддержана художественным оформлением как делового пространства КВЦ «Экспофорум», так и площадки проведения Торжественного приема от имени Организационного комитета форума. Для оформления использовались сюжеты сказок А.С. Пушкина в иллюстрациях художников города Палеха [13].

6 июня в рамках ПМЭФ состоялась встреча В.В. Путина с главами информагентств. На фоне глобальных политических проблем, связанных с выходом США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны, о нарушении американской стороной Договора о запрещении ракет средней и меньшей дальности, обозначенных президентом РФ, в речи В.В. Путина была отмечена значимость даты проведения встречи – дня рождения А.С. Пушкина и Дня русского языка. Приведем фрагменты расшифровки стенограммы мероприятия.

В.С. Михайлов, генеральный директор агентства ТАСС: «Не могу не отметить, что сегодня, шестого июня, мы отмечаем 220 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Это День русского языка, поэтому день для нас и для форума особый» [11].

Пушкинскую тему продолжил председатель и генеральный директор крупнейшего мирового агентства France Presse Ф. Фрис. Обращаясь к В.В. Путину, он формулирует вопрос следующим образом: «Поскольку Вы упомянули историю... задам вопрос, касающийся Пушкина в том числе. Вопрос касается высадки в Нормандии. Вас не пригласили – Вы думаете, с чем это связано? Это сделано специально? Как Вы это можете объяснить? Второй вопрос, который не связан с текущим событием, мероприятием: мне интересно, кто самый важный российский герой для Вас? И почему?» [11].

Ответ В.В. Путина: «Одного Вы уже назвали – Пушкин, об этом нельзя не говорить в дату его рождения. Потом Петр I, он основал город, в котором я родился. Он реформатор известный, великий, он преобразил нашу страну... У нас много деятелей искусства, государственных деятелей. Я, например, очень люблю музыку Чайковского, так же как и музыку Моцарта, и разделить это невозможно» [11].

С одной стороны, на ПМЭФ заостряются вопросы военной угрозы и политического противостояния, а с другой – четко обозначаются литературные и культурные ориентиры. Обращение к Пушкину, так же как и к другим личностям, оказавшим влияние на мировую историю и культуру, является фактом культурного противовеса по отношению к конфликтным политическим и социально-экономическим темам международной политики.

Стоит отметить еще ряд событий, приуроченных к 220-летию со дня рождения Пушкина. В результате всенародного голосования 2018 г. Международному аэропорту Шереметьево было присвоено имя А.С. Пушкина. Официальная церемония присвоения имени московскому аэропорту прошла 5 июня 2019 г., в канун дня рождения писателя и Дня русского языка. На официальном сайте Шереметьева появляется сообщение о том, что в терминале E размещен памятник поэту, выполненный народным художником России, действительным членом Российской академии художеств А.Н. Бургановым: «А.С. Пушкин изображен в полный рост декламирующим стихотворение. Звеном, связывающим пушкинскую эпоху с современностью, является QR-код на корешке переплета книги, которую держит поэт. Пассажиры Шереметьева могут скачивать через QR-код произведения из творческого наследия А.С. Пушкина в аудиоформате» [22].

Открытие памятников Пушкину в юбилейный год становится ключевым событием дипломатических миссий в разных странах. В 2019 г. открывается памятник поэту на территории Пекинского педагогического университета (скульптор – Ли Бинь), в Бресте устанавливается бюст А.С. Пушкина (скульптор – В. Шанов).

Во время открытия памятника в Пекине, как сообщает ТАСС, посол Российской Федерации в КНР Андрей Денисов, отметил, что «Александр Сергеевич Пушкин хорошо известен в Китае, и открытие сегодня в кампусе Пекинского педагогического университета памятника ему – это отражение любви к творчеству этого выдающегося поэта, не только в России, но и здесь – в Китае»²⁴. По сообщению РИА Новости, на торжественной церемонии, посвященной открытию бюста русского поэта в Бресте, посол России в Белоруссии Дмитрий Мезенцев отметил, что этим событием «подтверждается культурная, гуманитарная, православная славянская традиция народов Беларуси и России, уважение к тем гражданам отечества, которые сделали многое для возвеличивания нашей традиции»²⁵.

Приведенные выше примеры являются иллюстрацией позитивного контекста развития культурной дипломатии и актуализации дискурсивных

²⁴ Пекине состоялась торжественная церемония открытия памятника Пушкину // URL: <https://tass.ru/obschestvo/6973864>

²⁵ Россия передала в дар белорусскому Бресту бюст Пушкина // URL: <https://ria.ru/20191011/1559678162.html>

226 | моделей литературной дипломатии в речевых практиках политиков на волне празднования юбилея А.С. Пушкина. Однако стоит отметить несколько точечных эпизодов, когда пушкинский код оказался в эпицентре острых политических вопросов.

Первый случай – открытие памятника Пушкину, сделанного на 3D-принтере в Донецке²⁶, городе, который находится в ситуации т.н. замороженного политического конфликта. Это событие можно охарактеризовать как философию поступка (термин был введен М.М. Бахтиным). На фоне празднования пушкинского юбилея 3D-копия московского памятника работы скульптора А.М. Опекушина не только дань гению писателя, но и дань приобщения жителей Донецка к общемировой культурной традиции – без указания имен скульпторов-профессионалов и без политических речей с участием высокопоставленных лиц. Пушкин оказывается символом свободы выбора и воплощением свободы поступка.

Второй пример – включение пушкинского кода в риторическую модель заострения современных политических вопросов. 6 июня 2019 г. глава Счетной палаты РФ А.Л. Кудрин произносит речь «О кризисе доверия к институтам справедливости и неблагоприятном инвестиционном климате» на дискуссионной площадке ПМЭФ «Российская экономика в поисках стимулов роста», в которой поднимает вопрос о недоверии бизнесменов судебной системе РФ. Преамбулой этой речи становится отсылка оратора к повести Пушкина «Дубровский»: «Я хочу напомнить, что сегодня у нас очень интересная еще дата. Сегодня 220 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Это мой любимый поэт и писатель и у меня есть любимое произведение: «Дубровский». Те, кто в школе читал этот роман, помнят такую романтическую историю Дубровского и Маши. Но если его перечитать сейчас, то вы увидите, что главной нитью является судебная тяжба между двумя помещиками, в которой главный помещик Троекуров подкупает суд и отбирает в результате рейдерского захвата поместье у соседнего помещика. Ну и вот этому посвящено. В результате появляется бунтовщик, который уже не согласен с общими условиями жизни и правилами, которые на тот момент существуют» [18].

Конфликт, проявленный в повести «Дубровский», становится иллюстрацией позиции оратора в оценке судебной системы страны и его отношения к аресту главы фонда Baring Vostok (крупнейшего из зарубежных инвестиционных компаний в России), обвиненного в мошенничестве. А.Л. Кудрин приводит данные опросов Федеральной службы охраны. Согласно этой статистике, больше 55% бизнесменов не доверяют судебной системе, а две трети считают ее не независимой и необъективной [18]. В речи главы Счетной

²⁶ Лина Давыдова. В Донецке появился напечатанный на 3D-принтере памятник Пушкину // URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20198261438-c7LD4.html

палаты РФ дискурсивные установки литературной дипломатии основаны на законах рецептивной эстетики [6]. Комментирование художественного текста – это и авторитетная ссылка, и основа аргументации риторической стратегии выступающего. Соотнесение событий XXI века с событиями пушкинского времени акцентирует внимание на закоренелости проблемы «рейдерского захвата» и лжесвидетельства в судебной практике.

Обобщая обзор использования дискурсивных моделей литературной дипломатии в политической риторике 2019 г., в основе которой находится пушкинский код, можно отметить следующее. Цитирование художественных текстов в большинстве случаев связано с отношением к России как литературоцентричной стране с богатейшей культурной историей. Наиболее острая политическая рецепция, ориентированная на соотнесение художественного дискурса с оценкой современных политических проблем, связана с отсылкой к конфликту повести А.С. Пушкина «Дубровский» и теме «рейдерского захвата» в судебной практике. В большинстве случаев политический дискурс, усиленный дискурсом художественного текста или литературного факта, основан на коммуникативной установке гармонизации полярных политических вопросов.

Выводы

Дипломатия в узком смысле слова – искусство ведения международных переговоров. Литературная дипломатия в речевых практиках политиков основана на одновременном соотнесении двух дискурсивных моделей: политическом дискурсе выступающего и дискурсе художественного текста, интегрированного в риторическую стратегию оратора.

В том случае, когда «искусство переговоров» включает в себя дискурсивную модель, отсылающую к художественному событию литературного текста, возникает своего рода дискурсивная матрешка. Высказывание политика усиливается или конкретизируется за счет источника, хорошо известного адресантам коммуникации.

Для исследования данного явления методология анализа политического дискурса может включать в себя уже разработанную литературоведами методологию анализа текста в аспекте рецептивной эстетики. Объектом рецептивной эстетики является восприятие художественного текста реципиентом (читателем, слушателем), при этом исследование строится с учетом условий, формирующих ту или иную рецепцию. Применительно к литературной дипломатии, проявленной в речевых практиках политических деятелей, рецептивная модель восприятия публичного выступления включает в себя как политический дискурс, так и интегрированный в выступление политика дискурс художественного текста.

Исключительная значимость художественного произведения состоит в его ценности и самодостаточности. Включение его в речевые практики полити-

228 | ческих лидеров государств соотносится с конкретными дипломатическими установками. Частными случаями проявления речевых стратегий, связанных с реализацией механизмов литературной дипломатии, могут быть:

- заострение внимания на конкретном политическом или др. вопросе с помощью литературной цитаты или аллюзии;
- провокация конфликта, прямо или метафорически заложенного в цитируемом литературном тексте или упоминаемом литературном факте;
- «дипломатическая нейтрализация» и (или) перекодировка конфликта в ситуации ответного цитирования/комментирования литературного текста или упоминания литературного факта;
- диалог понимания с использованием в речи политика литературного (общекультурного) кода.

В заключение следует отметить, что политическая рецепция по отношению к литературной классике в большинстве случаев становится рецепцией и по отношению к той стране, литературную классику которой цитируют политики.

Список использованной литературы

1. Абаринов Вл. Белый Кролик против Шерлока Холмса. Дипломатическое литературоведение // URL: <https://www.svoboda.org/a/29159850.html> [12.04.2018].
2. Анненкова Н.А. Сатира и инвектива в поэзии М.Ю. Лермонтова. АКД. Оренбург, 2004.
3. Афанасьева Э.М. Литературная дипломатия и межкультурная коммуникация в современном политическом дискурсе // Аннушкин В.И. и др. Филология и межкультурная коммуникация: социокультурные, информационные и образовательные аспекты общественно-речевой практики: Коллективная монография: Электронное издание. М.: Гос. ИРЯ им.А.С. Пушкина, 2019. С. 263–279.
4. Афанасьева Э.М. Литературная дипломатия: литературная классика в современном политическом дискурсе // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме Восток – Запад: пересечение культур. Научно-практические материалы II Всемирного конгресса 2019 года. Киото: Университет Киото Сангё, 2019. С. 24–29.
5. Афанасьева Э.М. В.В. Путин читает М.Ю. Лермонтова. Уроки литературной дипломатии // Русский язык за рубежом. 2018. № 6. С. 67–71.
6. Афанасьева Э.М. Русская литературная классика в выступлениях современных политиков // Полный разума русский язык: Сборник материалов XX научно-практической конференции Центральной ассоциации преподавателей русского языка Америки. 30–31 мая 2018 года. М: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 13–19.

7. Афанасьева Э.М., Боженкова Н.А., Саакян Л.Н., Ионова С.В., Катышев П.А. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2019. Т. 18. № 3. С. 76–92.

8. Боженкова Н.А. Логико-синтаксические механизмы кодирования возможных культурных смыслов в тексте: Монография. М., 2005.

9. Боженкова Н.А., Боженкова Р.К. Зевматические и парцелированные конструкции как семасиологические идентификаторы политического дискурсивного взаимодействия // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме Восток – Запад: пересечение культур. Научно-практические материалы II Всемирного конгресса 2019 года. Киото: Университет Киото Сангё, 2019. С. 254–260.

10. Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России, изд. 3-е, доп. М.: Международные отношения, 2005.

11. Встреча с главами информагентств // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60675> [06.06.2019]

12. Встреча с победителями всероссийского конкурса «Учитель года России – 2016» / 05.10.2016 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53031>

13. Герои сказок Пушкина украсят площадку ПМЭФ-2019 // URL: <https://roscongress.org/news/pushkins-fairytales-characters-to-decorate-spief-2019-venue-03-06-2019-1/> [03.06.2019]

14. Динесман Т.Г. «Прощай, немытая Россия» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.

15. Катышев П.А. Речевое вовлечение в политической коммуникации когнитивно-дискурсивной модели // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме «Запад–Восток: пересечения культур»: Научно-практические материалы II Всемирного конгресса в Японии 2019 г. Киото: Университет Киото Сангё. С. 665–671.

16. Катышев П.А., Кильдибекова Б.Е. Вовлечение с позиций риторической критики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-4 (64). С. 89–96

17. Пленарное заседание Международного арктического форума // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60250> [09.04.2019]

18. ПМЭФ-2019 День первый: В поисках экономического роста // URL: <https://akudrin.ru/news/pmef-2019-den-pervyy-v-poiskah-ekonomicheskogo-rosta> [06.06.2019]

19. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика: Курс лекций. Ч. 1: Дипломатия – наука и искусство / ДА МИД РФ. М.: Международные отношения, 2004.

20. Путин не расставался с томом Пушкина на подписании документов саммита СНГ // URL: <https://ria.ru/20180928/1529557644.html> [28.09.2018].

- 230 | 21. Путин ответил Порошенко продолжением стихотворения Лермонтова // URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/06/2017/594263a69a79472e9701ab1d> [15.06.2017].
22. Церемония присвоения имени Александра Пушкина прошла в Международном аэропорту Шереметьево [05.06.2019] // URL: <https://www.svo.aero/ru/passengers/news/tseremoniya-prisvoeniya-imeni-aleksandra-pushkina-proshla-v-mezhdunarodnom-aeroportu-sheremetevo>
23. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. М., 2006.
24. Araeva L.A., Katyshev P.A., Osadchy M.A., Olenev S.V. Recontextualization of the religious term ‘ziyarat’: critical discourse study // *European Journal of Science and Theology*. 2018. Т. 14. № 5. Pp. 137-149.
25. Bozhenkova N.A., Katyshev P.A., S.V. Ionova, Afanasyeva E.M. Ecology of russian political discourse: problem statement // *Gênero & Direito* V. 9 N. 04 (2020) / URL: <https://periodicos.ufpb.br/ojs2/index.php/ged/article/view/52822>
26. Bozhenkova, N.A, Katyshev P.A., Afanasyeva E.M., Saakyan L.N. Involvement in the activities of illegal organizations as a linguistic problem // *OPCION. Universidad del Zulia*, ISSN: 10121587, Vol. 34. No. 86, 2018.

Источники

1. Алешина М. Как классики дипломатам помогают // *Российская газета* № 245 (7708) // URL: <https://rg.ru/2018/10/31/v-oon-vasilij-nebenzia-procitiroval-pushkina-zapadnym-kollegam.html>
2. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва [29 марта 2018] // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3145417
3. В Пекине состоялась торжественная церемония открытия памятника Пушкину // URL: <https://tass.ru/obschestvo/6973864> [дата обращения 08.10.2019]
4. «Всегда в душе преступной подозренье»: Небензе стало неловко за Британию [19.04.2018] // URL: <https://regnum.ru/news/polit/2406108.html>
5. Встреча с победителями всероссийского конкурса «Учитель года России – 2016» [05.10.2016] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53031>
6. Выступление и ответное слово постоянного представителя В.А. Небензи на заседании Совета Безопасности ООН по обращению Великобритании от 13 марта 2018 года [5 апреля 2018] // URL: <https://russiaun.ru/ru/news/skr> [дата обращения 02.11.2020]
7. Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на VII Московской конференции по международной безопасности, Москва, 5 апреля 2018 года // URL: https://sydney.mid.ru/event/-/asset_publisher/9E5xVBSqydHX/

content/vystuplenie-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-na-vii-moskovskoj-konferencii-po-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-moskva-5-aprela-2018-goda?inheritRedirect=false

8. Годовщину мема «хайли лайкли» отметили в Сети [12.03.2019] // URL: <https://news.rambler.ru/other/41857816-godovschinu-mema-hayli-laykli-otmetili-v-seti/?updated>

9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. Л.: Наука, 1973. Т. 6.

10. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 2.

11. Лина Давыдова. В Донецке появился напечатанный на 3D-принтере памятник Пушкину // URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20198261438-c7LD4.html [26.08.2019]

12. Макрон рассказал о важности доверия, ссылаясь на Толстого и Солженицына / РИА Новости // URL: <https://ria.ru/spief/20180525/1521397343.html>

13. Порошенко выступил на торжественном мероприятии по случаю введения безвиза с ЕС [10.06.2017] / 112 Украина / видеозапись мероприятия // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2quM85pHZJs>

14. Представители РФ и Британии в ООН обменялись цитатами из Льюиса Кэрролла [06.04.2018] // URL: https://aif.ru/politics/world/predstaviteli_rf_i_britanii_v_oon_obmenyalis_citatami_iz_lyuisa_kerrola

15. Путин объяснил Порошенко смысл стихотворения про «немытую Россию» / НТВ // URL: www.ntv.ru/novosti/1820544/

16. Путин ответил на слова Порошенко о «немытой России» цитатой из Шевченко / ИНТЕРФАКС // URL: <http://www.interfax.ru/russia/566737>

17. Путин ответил Порошенко продолжением стихотворения Лермонтова / РБК // URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/06/2017/594263a69a79472e9701ab1d>.

18. Россия передала в дар белорусскому Бресту бюст Пушкина // URL: <https://ria.ru/20191011/1559678162.html> [дата обращения 11.10.2019]

19. Сергей Лавров сравнил отношение Запада к России со сказкой Льюиса Кэрролла [05.04.2018] // URL: <https://www.fontanka.ru/2018/04/05/059/?mobile=false>

20. Совбез ООН проводит заседание по делу Скрипаля [прямой эфир: 5 апреля 2018 г.] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cuYU5bARlx8> [дата обращения 02.11.2020]

21. Foreign Secretary's Mansion House speech at the Lord Mayor's Easter Banquet 2018 // URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-lord-mayors-easter-banquet-speech-at-mansion-house-wednesday-28-march> / <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-lord-mayors-easter-banquet-speech-at-mansion-house-wednesday-28-march.ru>

Afanasyeva E.M.

*Grand Doctor of Philology, Associate Professor,
Chief Researcher at the Laboratory for Philological Research,
Pushkin State Russian Language Institute
EMAfanaseva@pushkin.institute*

LITERARY DIPLOMACY IN POLITICAL DISCOURSE 2014–2020

The political discourse of the last decade actively uses the literary code of the world classics. In the case when the discourse of a literary text appears within the political discourse, the utterance includes a multi-level process of integration of different communicative models. In a situation, the solution of internal political issues or foreign policy issues of states, this conglomerate of meanings gives rise to the phenomenon of literary diplomacy, focused on achieving effective communication.

The key term in this work is the term “literary diplomacy”. Literary diplomacy is a discursive attitude in the practice of public speeches (statements) of politicians, based on the technique of citing a literary text, often with elements of commentary and (or) mentioning (interpretation) of literary facts, facts of biographies of writers - in order to draw attention to a specific cultural, social, political problem or situation and designation of the political position of the communicant.

The study provides an overview of public speeches by politicians in 2014-2020. and interpretations of these appearances in the media. The poem by M.Yu. Lermontov «Goodbye, unwashed Russia» in the context of the Russian-Ukrainian issue is considered. An overview of the principles of literary diplomacy in the speeches of Russian and British politicians in connection with the Skripals case in 2018, when the works of F.M. Dostoevsky, Lewis Carroll, Conan Doyle were cited. In the context of resolving diplomatic attitudes, an analysis of communicative practices was carried out, in which a reference to literary classics correlates with such discursive models as a conflict zone - conflict neutralization - a dialogue of understanding. A separate fragment of the work is devoted to the study of the Pushkin code in the speeches of Russian politicians in 2019 in the wake of the 220th anniversary of the birth of A.S. Pushkin.

The paper concludes that particular cases of the manifestation of speech strategies associated with the implementation of the mechanisms of literary diplomacy can be the following: focusing on a specific political issue with the help of literary quotation or allusion; provocation of a conflict, metaphorically inherent in the quoted literary text or mention of a literary fact; diplomatic neutralization ”and (or) re-coding of the conflict in a situation of reciprocal citation / commenting on a literary text or mention of a literary fact; dialogue of understanding with the use of a literary (general cultural) code in a speech.

Keywords: political discourse, diplomacy, literary diplomacy, literary classics, media linguistics.

Раздел 4

Политический дискурс в парадигме прикладных исследований

Богуславская В.В.

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
VV Boguslavskaya@pushkin.institute*

Руис Рохас М.

*магистрант
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
carpe_diem_666@mail.ru*

ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКИ В АКТУАЛЬНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И КОЛУМБИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Авторы рассматривают лингвистические стратегии, которые используют современные массмедиа, когда пишут о женщинах в политике. Сопоставление медиадискурсов колумбийских и российских СМИ проведено на основе интерпретативного, контекстуального, дискурс-анализа и контент-анализа. Основная задача – выявить, как массмедиа относятся к роли женщин в политике и как в этом отражаются культура и менталитет общества данной страны. Опираясь на западноевропейские исследования, были взяты три лингвистические стратегии, используемые массмедиа в проблематике «женщины в политике». В результате сопоставления российского и колумбийского установлено активное использование данных стратегий в дискурсе массмедиа.

Стратегия исключения: когда утверждается, что политическая власть, которую имеют женщины, делегируется им (мужчинами). Стратегия невидимости: используется метафора или катахреза (троп или стилистическая ошибка, неправильное или необычное употребление сочетаний слов с несовместимыми буквальными лексическими значениями). Присутствие мужчины в качестве главного со-героя является определяющим фактором или неотъемлемой

234 | ссылкой на политическую деятельность женщин. Карикатурная стратегия: описание политического действия женщин сатирически, как карикатуры, как смехотворного подражания. Насмешка, уничижительное обращение (образуемое от собственного имени или уменьшительно-ласкательная форма имени, отражающая логику недооценки) приводят к снижению статуса.

Актуальный медийный дискурс транслирует идеи о том, что женщины в политике – это отдельные случаи, исключения, обусловленные прежде всего их личными, политическими или профессиональными отношениями с мужчинами. Описание политической деятельности женщин наполнено стереотипами, предрассудками и предвзятыми представлениями.

Колумбийский медиадискурс демонстрирует устойчивую тенденцию к использованию каламбуров в языковой репрезентации женщин-политиков. Российские массмедиа тяготеют к использованию карикатурной стратегии в позиционировании женщин в политике. В обеих странах в медийном дискурсе женщина чаще рассматривается как актер в политике, как субъект, который по своей естественной природе политике не принадлежит.

Ключевые слова: лингвистические стратегии позиционирования, имидж женщины-политика, медиадискурс, российские и колумбийские СМИ.

Введение

Современное социальное и культурное положение женщины в обществе сложилось в результате исторического развития, как результат реформирования общества, государственной системы, семейных отношений и др. Произошедшие изменения позволяют женщинам занимать должности, которые раньше считались мужскими: быть преподавателями, юристами, учеными и даже стремиться к занятию самой высшей должности в своей стране – посту президента.

Однако сегодня по-прежнему неясно, какая теория или определение женщины «работает», несмотря на несколько сотен лет, прошедших в поисках и создании утраченной идентичности женщины. Исследование метафорических наименований мужчины и женщины в субстандарте английского языка показывает, что в западной традиции по-прежнему «мужчина выступает как активный, агрессивный, лидирующий субъект, тогда как женщина малоактивна, она скорее объект какого-либо действия, для нее важными характеристиками являются внешность и социальное положение» [12].

Пруденс Аллен выделяет три способа определения женщин по отношению к мужчинам: 1) теория единства полов (sex unity), которая гласит, что и мужчины, и женщины равны, без какой-либо разницы; 2) полярность полов (sex polarity) гласит, что мужчины и женщины значительно различаются, а мужчина – выше; 3) идея взаимодополняемости между полами (sex complementarity) говорит о том, что и мужчины, и женщины равны и значительно различаются [32].

Современная концепция женщин проходит через социально-историко-культурную призму, в результате чего образуются воображаемые представления, критерии и ограничения, которые и определяют эту концепцию. Женщины на Западе в настоящее время разграничены в рамках того, что называют «аристотелевской революцией», иными словами, европейской догмой, которая защищает теорию полярности полов, согласно которой мужчина превосходит женщин и между двумя полами существуют значительные различия. Доказательство распространенности этой догмы, а также культурных изменений, которые мы переживаем, можно увидеть в известном факте вмешательства консервативного польского парламентария Януша Корвина-Микке в 2017 году в дебаты о разнице в оплате труда в Европе, когда он сказал, что «конечно, женщины должны зарабатывать меньше, потому что они слабее, меньше, менее умны и должны зарабатывать меньше. Это все». На этот комментарий испанский депутат Европарламента Иратше Гарсия-Перес ответила, что в соответствии с теорией польского депутата Европарламента она не должна иметь права занимать эту должность. Также Иратше добавила, что будет защищать европейских женщин от таких людей, даже если Янушу не нравится, что она имеет право представлять интересы граждан так же, как мужчина [25].

Сегодня в области политики благодаря продвижению законов, таких, как закон о квотах, существующий в более чем 130 странах мира (созданный в результате подписания странами – членами ООН Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDOW) в 1979 году), теоретически женщины стали более влиятельными.

Однако, как отмечают Маарья Люхисте и Сьюзан Бандуччи в исследовании *Invisible Women? Comparing Candidates' News Coverage in Europ*, существует гендерный разрыв, из-за которого в большинстве стран женщинам уделяется меньше внимания в средствах массовой информации [17: 19; 21]. Кроме того, существует отрицательная взаимосвязь в соотношении представленности женщин во власти (число женщин-кандидатов) и их количеством в составе общего народонаселения страны. Так, например, в Испания или Австрия, где представленность женщин²⁷ на 2016 год составляет 40% и 50% соответственно, а избираются в органы власти только 5% [28].

²⁷ Подсчеты подтверждают, мировые парламенты даже сегодня состоят преимущественно из мужчин. Доля женщин в парламентах планеты на 2019 год в среднем составляет около 24%. Но это существенно больше, чем 11 лет назад, в 2008 году показатель находился на уровне 18% [...] На сегодняшний день Дума на 16% состоит из депутатов женского пола. Совет Федерации – на 17%. Это небольшой по текущим меркам показатель, с ним консервативная Россия находится лишь во второй сотне стран. [...] Большинство в ведущей двадцатке представлено именно западными парламентами. Так, доля женщин в шведском Риксдаге – 47%, а в среднем по Северной Европе – 43%. Из общего ряда западной солидарности выпало не так много стран, в их числе все еще относительно консервативные США (24% – женщины-конгрессмены) и Великобритания (29%), а также некоторые страны Восточной Европы [...]

Функция присвоения статуса и функция установления социальных норм помогают проиллюстрировать и частично объяснить причину результатов, полученных при исследовании, поскольку именно эти функции позволяют распространять и укреплять ретроградные социальные представления и негативные стереотипы, в данном случае о женщинах в политике.

Средства массовой информации, в свою очередь, несут ответственность как за язык и содержание публикуемой ими информации, так и за умышленное молчание, так как умалчивание роли женщины порождает эффект невидимости, который приводит к их исключению из политической сферы, что отражено в исследовании Люхисте и Бандуччи [28]. Безусловно, сегодня женщины участвуют в политике, но их присутствие по-прежнему чаще считается чем-то дополнительным, а не действительно необходимым.

В исследованиях обращается внимание на контрастное ролевое представление мира политики. Так, Э.В. Будаев в работе «Гендерная спецификация государственных метафориков» [4], посвященной анализу и сравнению политических метафор Востока и Запада, выявил, что политический мир структурирован в соответствии с контрастом между ролями, связанными с биологическим полом. Он также определил, что на Востоке метафорическая тактика феминизации используется более широко, на Западе преобладает тактика маскулинизации. А.П. Чудинов в монографии «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» [23] отмечает, что в России метафорическое представление фигуры президента изображается с помощью агиографической риторики на основе выражений, связанных с такими словами, как царь, император, обладатель королевских регалий и т. д. (исключительно мужские обозначения, несмотря на то, что Екатерина II была императрицей). А.А. Каслова в диссертации «Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США» [13] обнаружила, что в отличие от фигуры освящения, представленной в президентской фигуре в России, метафорическое представление об имидже президента в США – это «менеджер», отвечающий за управление «компанией» Соединенных Штатов Америки [5]. Приведенные исследования говорят о том, что у женской фигуры пока нет места в политической сфере ни на Востоке, ни на Западе. В целом, существующее в обществе социальное представление о роли женщин в политике требует глубокого и основательного рассмотрения.

как ни странно, ни одной страны Северной Европы нет в лидирующей тройке. Она представлена Руандой, Кубой и Боливией. Во всех трех странах женщины не просто приблизились к паритету, а даже преодолели численный порог в 50%. Слабее всего женщины представлены в парламенте Йемена, всего 4 женщины на 412 парламентариев (по данным Инфостат на 2019 год. Как много женщин находится в верховной власти в России и в других странах. Сравнение <https://zen.yandex.ru/media/infostat/kak-mnogo-jenscin-nahoditsia-v-verhovnoi-vlasti-v-rossii-i-v-drugih-stranah-sravnienie-5e5ba910a68d981039d054e2>)

В связи с этим важной проблемой, на наш взгляд, является изучение современного медийного дискурса [9; 11; 20], который не только транслирует взгляды социума, власти и представителей профессионального сообщества СМИ – журналистов, но главное – (в силу своей специфики) создает ценностные ориентиры для дальнейшего развития общества, актуализирует дискурсивные смыслы (в которых содержатся культурные коды изменений, происходящих в языковой картине мира носителей данного языка) – оказывает влияние на общественное мнение.

В связи с медиадискурсом «женщина в политике» задача лингвиста заключается не только в выполнении текстового анализа, но в исследовании исторического и культурного контекста, в котором формируются политические дискурсы, чтобы иметь возможность читать между строк и выявлять «скрытые» культурные стереотипы и способы их отражения в риторике, так как имплицитная модель осмысления мира проявляется в национальной специфике осмысления общественно-политических реалий [5; с. 27–30].

Исследовательской задачей, которую поставили перед собой авторы, было выявить и проанализировать в сопоставительном анализе колумбийских и российских медиатекстов проблематики «женщина в политике» особенности функционирования и реализации лингвистических стратегий позиционирования женщин-политиков в медийном дискурсе.

Результаты и обсуждение

Идея проведения данного исследования возникла в связи результатами научной работы, которую провела доктор философии Анжелика Бернальо [29]. В ее докторской диссертации рассмотрены особенности освещения колумбийской прессой работы женщин в национальной политической сфере. Наш интерес обусловлен был актуальностью данной проблемы и эмпирическим материалом, предоставленным предвыборными кампаниями 2018 года (президентские выборы в Колумбии и в России были объявлены в один год).

Для контент-анализа были отобраны 18 статей (за период с 2010 по 2019 г.), которые наиболее ярко демонстрируют реализацию лингвистических стратегий: 9 российских медиатекстов и 9 колумбийских. Российские медиатексты представлены 6 статьями (RT, Lenta.ru, Коммерсантъ, Комсомольская правда, Meduza, Газета.ru); 1 статья-мнение (RT.ru), 1 подкаст (Meduza), 1 интервью (Комсомольская правда). Колумбийские медиатексты – это 8 статей из газет *Semana*, *El Tiempo*, *El Espectador*, *Dinero* и *La Silla Vacía*, 1 статья-мнение (*El Espectador*).

Отобранный эмпирический материал позволил провести анализ и сопоставление прессы двух стран и выявить тенденции в вербальной репрезентации женщин и их роли в политической деятельности.

В средствах массовой информации используются различные стратегии вербальной репрезентации, однако репрезентация женщин в политике (как

238 | показывает эмпирический материал) направлена на сведение к минимуму их роли в сфере политической действительности. Обобщенно можно обозначить три основных направления – вектора реализации лингвистических стратегий позиционирования женщины-политика: «исключение», «невидимость» и «карикатурность» [21; 28]. Используется несколько подходов в таком позиционировании: представить женщину в политике, например, подчеркнув факт, что ее отец или муж занимали/ют высокий политический пост, то есть значима не она и ее деятельность, а преемственность власти от мужчины; следует за этим замалчивание, нивелирование результатов политической деятельности женщины или позиционирование ее как фигуры, за которой стоит «истинный обладатель власти» или со-герой как определяющий фактор политической деятельности женщины; описание деятельности женщины сатирически, как подражания деятельности мужчин-политиков [16].

Оларте в своей диссертации выделила 19 лингвистических стратегий, в интересующей проблематике текстов прессы наиболее активно используются несколько [29], условно их можно определить так:

- «все женщины одинаковые»;
- образ женщины-политика «сквозь призму личной жизни»; «политическая власть по наследству»;
- «первая»;
- «уничуждение достоинства» женщины.

Лингвистическая реализация стратегии *«Все женщины одинаковые»* самая распространенная в проанализированных нами медиатекстах, работает по принципу номинализации (метамодель). Номинализации, с точки зрения критического анализа дискурса, это те слова, которые превращаются из процессуальных слов (глаголов) в существительные. Процесс превращается в событие, при этом умаляется значимость субъекта, выполняющего действие. Номинализация является своего рода философским подходом, который сводит к минимуму реальность универсалий, сводит их к понятиям, полученным из наименования общей черты ряда индивидов. Таким образом, человек, принадлежащий к этой группе, обладает характеристиками, описанными этим словом.

Стратегия состоит в использовании, как ярлыка, слова «женщина», чтобы называть и описывать всех женщин, занимающихся политикой. При этом каждый член так называемой группы «женщины» с точки зрения их биологической реальности обладает рядом общих черт в поведении, стремлениях и мотивах. Таким образом создается впечатление, что в медийном дискурсе женщина в политике рассматривается как субъект, не принадлежащий к этой сфере деятельности. Исходя из того, что все женщины стремятся к одним и тем же интересам, целям, пресса ссылается на них и их политическую деятельность, не используя собственных имен, а просто используя слово «женщина».

В качестве примера использования стратегии представим следующие три статьи:

Las mujeres de la Procuraduría / Женщины-прокуроры (Semana; 4-29-2017)

Catorce funcionarias componen la cúpula del Ministerio Público. Junto con su jefe, Fernando Carrillo, tienen la dura tarea de darle una nueva cara a la entidad y adelantar procesos disciplinarios en medio de una altísima percepción de corrupción en el país / Четырнадцать чиновников входят в руководящий аппарат Государственной прокуратуры. Вместе со своим руководителем, Фернандо Каррильо они решают трудную задачу – сформировать новый облик организации и стимулировать дисциплинарное производство в условиях высочайшего уровня коррупции в стране.

Mujeres al poder en 2015 / Женщины у власти в 2015 году (La Silla Vacía; 21-03-2015)

Esta semana que pasó se supo que en Sucre, tanto la Gobernación como la Alcaldía de Sincelejo serán disputadas por mujeres que -apoyadas por estructuras poderosas- entran a jugar con alta posibilidad de éxito. Ellas son apenas dos de 15 aspirantes a gobernaciones y alcaldías capitales con fuerza para dar la pelea en las regionales de octubre. Todas menos una para cargos que hoy son ocupados por hombres / На прошлой неделе стало известно, что в Сукре – как в канцелярии губернатора, так и в мэрии Синселехо – женщины будут претендовать на административные должности; они при поддержке властных структур входят в выборную гонку, имея высокие шансы на успех. Из 15 кандидаток на посты в региональные администрации и мэрии лишь 2 имеют шансы на победу в октябрьских региональных выборах. Все, кроме одной, претендуют на должности, которые сейчас занимают мужчины.

Третья женщина заявила о намерении пойти на выборы президента (Коммерсант; 30-10-2017)

О намерении выдвинуть свою кандидатуру на выборах президента заявила глава партии «Женский диалог» Елена Семерикова. [...] Она считает, что журналистки Ксения Собчак и Екатерина Гордон, которые уже заявили о желании выдвинуться на выборах президента, не представляют должным образом российское женское движение.

В первой статье рассказывается о проблемах, с которыми столкнется новая рабочая группа генерального прокурора Колумбии. Статья с самого начала (с заголовка) подчеркивает не факт того, что есть новый кабинет, а тот факт, что он состоит из женщин, для которых обычно такая большая политическая ответственность недоступна, может быть непосильной ношей.

Словосочетание «женщины у власти», которое служит заголовком второй статьи, придает описываемой ситуации воинственную стилистическую окраску, словно объявляя битву между двумя полами за политический контроль над страной. Однако стоит сказать, что в тексте подчеркивается: женщин-

240 политиков поддерживают региональные политические структуры, которые традиционно были созданы мужчинами. Поэтому читатель все равно приходит к выводу о том, что только благодаря этому кандидаты имеют высокую вероятность победы.

В результате неопределенности, порожденной использованием местоимения *они*, находящимся в предложении «Из 15 кандидаток [...] лишь 2 имеют шансы [...]», создается пробел в информации, так как невозможно понять, о ком говорит автор (кто эти две кандидатки?).

В статье «Третья женщина заявила о намерении пойти на выборы президента» говорится о появлении новой «кандидатки» на президентских выборах 2018 года, намерение которой, согласно статье, состоит в том, чтобы «защитить» Путина, собирая за него голоса. Тем не менее автор также решает опустить в заголовке, как это было сделано в предыдущей статье, имя женщины-кандидата, подчеркивая тем самым, что именно женщина собирается проникнуть в сферу политики.

Медиаобраз женщины-политика «сквозь призму личной жизни». Исторически в обществе женщинам предназначалась роль матери, в соответствии с природой и биологией эта роль была ограничена выполнением работы, напрямую связанной с ролью матери (даже в политике). Сегодня в европейской прессе, например, встречается другая крайняя позиция, когда материнство подается только как роль, функция, которую женщина может выполнять или не выполнять исключительно по своему желанию, реализуя таким образом свое право на равенство полов, эпатируя общество – что выглядит неестественно [14].

Несмотря на то что многим женщинам-политикам все же удалось занять должности в министерствах, домашняя сфера по-прежнему даже сейчас воспринимается как напрямую связанная исключительно с женщинами. Историческая ситуация неравенства полов в возможностях социальной реализации позволила исследователям на разных этапах развития научного знания представлять отношения между мужчинами и женщинами как отношения подчиненности или отношения типа «хозяин–раб», демонстрировать угнетение женщин со стороны мужчин [3; 6]. Помимо роли матери, подразумевающей функцию опеки, в медийном дискурсе проявляется оценка внешнего вида женщины, играющей важную роль на политической арене. Это можно увидеть в следующих примерах:

Se buscan mujeres para aspirar al Congreso / Ищем женщин, желающих занять пост в конгрессе (El Espectador; 17-01-2010)

A su vez, el senador del Polo Jaime Dussán destaca que en el Comité Ejecutivo del Partido, de 38 integrantes 12 son mujeres, y afirma que uno de los impedimentos para que este género haga política es la falta de recursos propios para las campañas. “La mujer se arriesga electoralmente menos que

el hombre porque tiene mayores responsabilidades, como la familia”, añade / В свою очередь, сенатор партии Поло Хайме Дуссан подчеркивает, что в Исполнительном комитете партии из 38 членов 12 являются женщинами, и утверждает, что одним из препятствий, мешающих женщинам заниматься политикой, выступает нехватка собственных ресурсов для проведения кампаний. «Проводя избирательные кампании, женщины рискуют меньше, чем мужчины, потому что они несут ответственность еще и за семью», – добавляет он.

В статье говорится о проблеме поиска женщин, желающих занять место в Конгрессе Колумбии. Однако, несмотря на необходимость их присутствия, автором делается попытка оправдать их отсутствие, намекая на историческое обязательство женщин выполнять свою роль матери, которая обязательно подразумевает жертву. Также в статье делается акцент на том, что женщина, желающая посвятить свою жизнь политике, в отличие от мужчины, который, кажется, не несет никакой ответственности за семью, рискует тем, что для нее должно быть самым важным. При этом, согласно тексту статьи, женщина работает ради достижения цели в той области, к которой она не принадлежит и в которой не уверена в успехе.

Дамы с мандатом - как живет женщинам в большой политике (Lenta.ru; 10-05-2016)

После майских выходных депутаты Госдумы разъезжаются на региональную неделю для работы с избирателями. Регулярные командировки – часть кочевого образа жизни почти любого политика. По словам самих народных избранников, тяжелее всего в таком жестком графике приходится женщинам, которые вынуждены сочетать напряженную работу и заботу о семье. Как на самом деле живет дамам в российском парламенте, выяснила «Лента.ру».

Первый абзац: Если женщина решила пойти в депутаты Госдумы, то полноценно выполнять свои семейные обязанности у нее едва ли получится [...]

*Хотя о гендерном равенстве говорить пока сложно, женщин в парламенте приходится воспринимать всерьез – **хотя бы из уважения** к занимаемым должностям [...] Дефицит **прекрасного пола** можно было компенсировать лишь общением с помощницами, журналистками и сотрудницами аппарата. [...] мнение депутата Алексея Митрофанова по гендерному вопросу. Он настаивает, что от присутствия в зале **красивых женщин** «появляется дополнительный кураж». «В Думе мало женщин. Это ее главный недостаток. Их всего десять процентов, надо бы побольше», – цитируют его авторы книги. [...] Тарнавский признается, что старается не задавать острых вопросов женщинам-депутатам во время публичных обсуждений. «Жалею их и отношусь по-человечески. В них я в первую очередь вижу **слабый пол**, а не депутатов», – объясняет парламентарий.*

В этой статье, которая претендует рассказать читателю о политической жизни и работе женщин-депутатов в Госдуме, с самого начала обозначается, что женщины независимо от их профессиональной подготовки должны иметь в качестве основного обязательства семью. Автор утверждает, что депутатам суждено потерпеть неудачу либо в качестве матери, либо в качестве политического деятеля, поскольку работа в таком строгом режиме делает практически невозможным эффективное и одновременное выполнение этих двух работ.

Стоит отметить, что российская пресса использует выражение, которое отсутствует в испанском языке – *«прекрасный пол»*, употребляющееся многократно вместе со словосочетанием *«слабый пол»*. В статье наблюдается определенная тенденция рассматривать женщин-политиков не по их работе. В этой статье употребляются такие выражения, как *«в какой партии ищут прекрасное»*, *«присутствие в зале красивых женщин»*, *«появляется дополнительный кураж»* и *«в Думе мало женщин. Это ее главный недостаток»*.

Необходимо подчеркнуть и контраст между содержанием, которое намеревается передать статья, и тем, что она действительно передает. В заголовке говорится о женщинах, как о *«дамах»*, но далее во всей статье содержатся многочисленные примеры снисходительного отношения к ним. Согласно мнению одного депутата, в статье отмечается, что женщины не очень нужны, так как они не способны вносить полезный и продуктивный вклад. Он добавляет, что *«в парламенте их приходится воспринимать всерьез»* и *«по крайней мере уважать»*. Похожую позицию занял и другой депутат, который говорит, что он *«жалеет»* женщин и *«не видит в них депутатов»*.

В российской прессе были найдены примеры, иллюстрирующие культурно и социально закрепленную семантику, где слова *«женщина»* и *«мать/жена»* читаются как синонимы и употребляются с иронией, демонстрируют пренебрежительное отношение в контексте:

Кухня женщин-депутатов (Газета.ru; 08-12-2016)

Женщины-депутаты имеют больше привилегий, чем мужчины. Жалобы депутатов Госдумы Веры Ганзя и Тамары Плетневой на сложные условия работы и невозможность «накормить мужей» вызвали шквал критики как со стороны их коллег, так и со стороны россиян, не занимающих важные посты. Их призвали быть «выносливыми» или «сдать мандат и идти туда, где легко». «Газета.Ру» выяснила, как живут и работают женщины во власти.

В этой статье обсуждаются аспекты работы в парламенте, в частности вопрос о голосовании по законопроектам и привилегиях, получаемых мужчинами и женщинами депутатами. Во время заседания в Думе женщина-депутат Тамара Плетнева в качестве шутки, как потом заявила ее коллега Вера Ганзя, подняла вопрос о соблюдении рабочего графика, так как, по ее словам, жесткость депутатского рабочего графика не позволяет ей *«кормить своего мужа»*. В этом случае наблюдается эффект номинализации, т.е. на-

сколько стереотипы, сложившиеся в обществе, привычки в восприятии всех женщин с точки зрения видения их основной функции как жены и матери влияют на их собственные суждения. Также на этом примере можно увидеть, как высказывание одной женщины-депутата принимается в качестве универсального мнения женщин, занимающихся политикой. Вопрос, на который хотели обратить внимание своих коллег обе женщины-депутаты, – это недостаток и неэффективность в организации времени для обсуждения законопроектов. Тем не менее автор решается отвлечь внимание читателя на высказывание, которое не имеет отношения к делу, пренебрегая сутью жалобы. Фраза «*Тем более мы женщины, нам надо прийти домой и еще мужей покормить*» быстро распространилась в Интернете. Из приведенного примера видно, что женщинам в политике журналисты отказывают в праве высказывать свои жалобы – медийный дискурс в данном случае демонстрирует, что воспринимает их (женщин) как «гостей» за пределами «естественной среды обитания» (кухни).

Лингвистическая реализация стратегии «*политическая власть по наследству*». Здесь позиционируется взгляд, что быть женщиной и заниматься политикой – два несовместимых занятия. Отметим, что стереотип «неполноценности» женщины в политике восходит к Древней Греции: Аристотель в трактате «Политика» утверждает, что природа создала и женщину, и раба по особому замыслу, но им, этим существам не суждено «править» [2]. Определение женщины, которое дает философ в IV веке до нашей эры, по сути не сильно изменилось, судя по тому медийному образу женщины-политика, который транслируется СМИ. Действительно, чтобы получить избирательное право, женщине пришлось дожидаться XX века. Тем не менее восприятие ее «неспособности» к роли руководителя/ лидера, особенно в политике, актуально и сегодня. Вот почему одним из способов изображения женщины-политика в прессе является ссылка на наследование политической власти от мужчины. Результат, полученный при реализации данной лингвистической стратегии – это утверждение о том, что, как нет никакой заслуги в наследовании чего-либо, так и женщине, занявшей позицию в политической области «по наследству», не требовалось для этого особых усилий и проявления личных качеств – результаты работы и достижения женщин-политиков таким образом минимизируются.

Примеры этой стратегии можно найти в следующих статьях из колумбийской и российской прессы:

Estas son las 5 mujeres que llegan al Congreso como las más votadas / 5 женщин, которые получили наибольшее количество голосов и вошли в Конгресс (Semana; 03-17-2018)

María José Pizarro: En su primera participación en política electoral fue elegida representante a la Cámara por la lista autodenominada de la Decencia,

244 | *apoyada por Gustavo Petro. Obtuvo un total de 77.800 votos. Es hija de Carlos Pizarro, líder del M-19 que fue asesinado tras firmar la paz en 1990. Estudió diseño de joyas en Barcelona y hace poco trabajó en el Museo Nacional. También laboró en la Secretaría de Cultura de Bogotá (2011–2013) y en el Centro Nacional de Memoria Histórica (2013–2017) / Мария Хосе Писарро: Во время своего первого участия в избирательной кампании она была избрана представителем в Палату от коалиции Листа де ла Десенсия и поддержана Густаво Петро. Она получила в общей сложности 77 800 голосов. Она – **дочь Карлоса Писарро**, лидера М-19, который был убит после подписания мира в 1990 году. Она изучала дизайн ювелирных изделий в Барселоне и некоторое время назад работала в Национальном музее. Она также работала в Министерстве культуры Боготы (2011–2013 годы) и в Национальном центре исторической памяти (2013–2017 годы).*

Ксюша и танк (RT; 25-10-2017)

... которая, с одной стороны, является **по рождению** плоть от плоти (извините) этих самых 90-х, **будучи дочерью** Анатолия Собчака, но с другой стороны — является ярчайшей фигурой новейшего времени и предлагает нам кампанию нового типа.

В первой статье дается краткое описание политической траектории новоизбранных сенаторов на выборах 2018 года и обсуждается проблема низкого участия женщин в политической жизни. В приведенном описании Марии Хосе Писарро можно наблюдать минимизацию личных политических достижений. В этом параграфе подчеркивается, что ее первое участие в политике было достигнуто благодаря политическому движению, возглавляемому мужчиной, а также что она имела серьезный аргумент в свою пользу – имя отца, так как он был одним из самых уважаемых политических лидеров страны. Учитывая структуру перевернутой пирамиды, где самое важное указывается на первом месте, а дополнительная информация и менее важные детали находятся на нижнем или последнем уровне, можно установить, что, согласно расположению информации, в этом описании больше всего повлияло на ее победу. В данном случае это не работа в двух очень важных учреждениях страны, а поддержка мужчины, унаследованный статус и электорат ее отца.

Что касается статьи в российской прессе, то автор анализирует профили людей, которые входят в штаб Собчак, и саркастически подчеркивает, что власть, которой обладает кандидат в президенты, была ей передана по наследству.

Лингвистическая реализация стратегии «**первая**»: участие женщин в политике является вечным дебютом, который журналистика вынуждена подчеркивать. Обратимся к примерам:

Las 10 mujeres más poderosas de Colombia / 10 самых влиятельных женщин в Колумбии (Dinero; 17-05-2017)

Elsa Noguera. Ministra de Vivienda, en el perfil de esta barranquillera destaca su anterior cargo como alcaldesa de Barranquilla, convirtiéndose en la primera mujer en ocupar ese cargo durante los años 2012 y 2015 / Эльза Ногера - министр жилищного строительства. В профиле этой барранкилийки указана ее прежняя должность мэра Барранкильи. Она стала первой женщиной, занявшей эту должность в 2012 и 2015 годах.

Дамы с мандатом – Как живет женщина в большой политике (Lenta.ru; 10-05-2016)

Совет Федерации, в котором из 170 сенаторов 28 – представительницы прекрасного пола, возглавляет Валентина Матвиенко – первая в истории России женщина на этом посту.

Лингвистическая реализация стратегии «**уничтожение достоинства женщины**» (дословный перевод с испанского). В процессе поиска и отбора статей было установлено, что одной из наиболее часто используемых стратегий описания роли женщины в политике является установка на пренебрежительный тон, граничащий с попыткой унижения. В следующих семи статьях, подобранных из колумбийской и российской прессы, мы отметили при описании политической деятельности женщин балансирование на грани унижительного и оскорбительного тона.

Так, в медиатексте ошибки женщин в политике, как правило, подаются в отрицательном ключе. Кроме того, в приведенных ниже статьях при назывании женщин-политиков используются собственные (первые) имена или уменьшительно-ласкательные формы имён, что создает эффект подражания тону дружеского или семейного общения с женщинами, а в итоге указывает на ироничное, пренебрежительное отношение к героине статьи.

Lucero perdió el brillo / Лусеро потеряла блеск (Semana 26-05-2012)

El bohío de la exrepresentante Lucero Cortés “se oscureció”, como dice la canción de José A. Morales. Esta semana la Corte Suprema de Justicia la condenó a cinco años de prisión por el delito de tráfico de influencias. El alto tribunal encontró que la excongresista presionó indebidamente a varios magistrados del Consejo Superior de la Judicatura para que sancionaran al abogado Juan Carlos Salazar, demandado por su esposo, Manuel Rincón. Cortés, sin embargo, podrá cumplir la condena en su casa. Mientras tanto, el Comité de Ética del Partido de la U prepara los trámites para expulsarla de la colectividad. La sentencia en su contra pide a la Comisión de Acusaciones investigar a seis magistrados involucrados en el escándalo / Хижина экс-представителя Лусеро Кортеца «потемнела», как говорится в песне Хосе А. Моралеса. На этой неделе Верховный суд приговорил ее к пяти годам тюремного заключения за преступление, связанное с торговлей влиянием. Высокий суд установил, что экс-конгрессмен оказала давление на нескольких мировых судей Высшего судебного совета, для того чтобы наложить санкции на адвоката Хуана Карлоса Салазара, в отношении которого ее муж Мануэль Ринкон подал

246 | *иск в суд. Кортес, однако, может отбывать наказание в своем доме. Тем временем Комитет по этике партии готовит процедуры для ее исключения из своих рядов. Приговор против нее предписывает Комиссию Обвинений провести расследование в отношении шести судей, причастных к скандалу.*

Ксюша и танк (Приложение Б – RT; 25-10-2017)

Тезисы кампании вопиют нам о том, что Ксения в политике не только новичок, но и вообще ничего не понимает. Впрочем, она, как мы видели это уже не один раз, очень быстро учится, так что вопрос с политикой поправим.

Отметим, что номинация лиц в медийном дискурсе является одним из языковых способов реализации лингвистической стратегии, этой проблеме посвящены научные исследования по теории языка, медиалингвистике и журналистике [7; 18; 22; 30]. В первой статье, кроме употребления первого имени женщины-сенатора в негативном ключе, стоит заметить, что заголовок также является частью текста очень популярной песни в Колумбии. Интересно, что в тексте обыгрывается значение испанского имени Лусеро, которое означает «яркая звезда». Метафора «потемнела», «потеряла блеск» по отношению к кандидату Лусеро Кортес повторяется в заголовке статьи и в тексте. С помощью языковой игры создается юмористический эффект, точнее сарказм, что позволяет читателю «насмехаться» над кандидатом, так как она была осуждена за преступление.

Во второй статье «Ксюша и Танк» в дополнение к уменьшительно-ласкательной форме первого имени (Ксюша), которая используется на протяжении всего текста (в колумбийской – только в заголовке), автор саркастически утверждает, что она (кандидат) ничего не понимает в политике, намекая на ее интеллектуальные способности: «*Как мы видели это уже не один раз, очень быстро учится, так что вопрос с политикой поправим*».

Статус женщины в политике тесно связан с ролью матери и жены, а также с такими чертами характера, как воздержанность, то есть умение от чего-нибудь отказаться. Воздержанность связана с наличием власти, следовательно, и с политикой, что было описано Аристотелем в трактате «Политика» следующим образом, «(...) будет ли человек властвовать или подчиняться, подобно тому, как различаются воздержанность и мужество мужчины и женщины: мужчина, если бы он был храбр настолько, насколько храбра мужественная женщина, показался бы трусом, а женщина, если бы она была так же скромна, как скромен добрый мужчина, показалась бы болтливой» [2, с. 452]. Примеры актуальности данного высказывания можно увидеть в следующих статьях:

Claudia Lopez y su tonito camorrero / Клаудия Лопес и ее боевой тончик (El espectador²⁸; 21-02-2017)

²⁸ Автор данной статьи использует термин «боевой тончик» (уменьшительно-ласкательное от «тон»), связанный с именем Клаудии Лопес, что усиливает негативное представление о ней из-за напористой и жесткой манеры (необычной для традиционного женского стиля), в которой она участвует в дебатах и обсуждениях.

No conozco en el espectro político a mujer más lúcida e inteligente, de brioso carácter, pero a la vez con más ínfulas de mandamás que Claudia López. Y esto tiene tanto de bueno como de malo, porque del mismo modo que abre unas puertas, cierra otras / Я не знаю на политической арене более яркой и умной женщины, с боевым и в то же время весьма авторитарным характером, чем Клаудия Лопес. И это одновременно и хорошо, и плохо, поскольку может открыть одни двери, но закрывать другие.

Уральский депутат собрался защитить Путина от «кухарки Собчак» (Lenta.ru; 24-10-2017)

После того как я узнал о выдвижении кандидатом в президенты России Ксении Собчак, мне стало страшно за будущее страны. [...] Казалось бы, прошло уже почти сто лет со времен великой Октябрьской социалистической революции, а у нас в стране ничего не изменилось, и любая гламурная кухарка считает, что может управлять государством.

В статье из колумбийской прессы, несмотря на ее похвальный тон, отмечается, что «мужской характер» Лопес, принимающийся как какое-то нарушение присущих женщине характеристик, может стать вредным для ее карьеры, несмотря на то что без всяких сомнений Лопес способна заниматься политикой. В статье предполагается, что политика является достаточно агрессивной сферой деятельности, но женщина в политической сфере не должна заимствовать мужские черты («с боевым и в то же время весьма авторитарным характером») – видимо, это напористость, активная позиция, готовность к отстаиванию своей позиции), должна оставаться женщиной с традиционно присущими ей качествами. Из текста следует, что даже если женщина хорошо работает, это может быть также не в ее пользу: «И это одновременно и хорошо, и плохо, поскольку может открыть одни двери, но закрывать другие».

В статье российской прессы стратегия реализуется в использовании мужчиной-депутатом упоминания о социально-исторической роли женщин, обозначена позиция «я против женской политики». Оценка основана на логике «женщина – это кухарка», то есть в этом ее основная роль. Очевидно, что медиадискурс транслирует мнение регионального депутата (не опровергая его): не только Ксения Собчак – конкретный кандидат в президенты, но и любая женщина, не способны заниматься политикой. На это указывает лексема «кухарка», что подразумевает «женщину, занимающуюся работой на кухне», дополнительная коннотация читается как «с низким уровнем интеллекта». Такое отношение является следствием факта, что «российская политика на федеральном и региональном уровнях представляет по своей сути закрытый «мужской клуб», куда женщины проникают крайне редко» [8; с. 174]. Несмотря на либерализацию и демократизацию государства, проблема гендерного неравенства так и не была решена. Социологические

248 | исследования о представленности женщин в органах власти и управления РФ [1] демонстрируют гендерную асимметрию по критерию включенности женщин в политическую жизнь общества.

Обозначенная в статье «*Уральский депутат собрался защитить Путина от «кухарки Собчак»*» (Lenta.ru; 24-10-2017) позиция депутата находится в диссонансе с политикой продвижения женщин, декларируемой сегодня партией власти «Единая Россия», которая осуществляет свою политику в «соответствии с требованиями традиционной российской государственности, опирающейся на бюрократию и не допускающей усиления воздействия других социальных групп, в том числе представителей институтов гражданского общества» [1; с. 73].

Исследования политического дискурса прессы в отношении места женщины в нем имеют свою историю и преемственность [15–17]. Было отмечено, что прослеживается неприятие, нежелание присутствия женщины в политической сфере – это одинаково присутствует в российских и колумбийских медиатекстах. В отличие от российской прессы в колумбийской уделяется больше внимание корректности речевой формы, используемым словам. Иначе говоря, интенция такая же, но форма ее передачи разная:

Sofía Gaviria, otra mujer incómoda para el liberalismo / София Гавирия, еще одна неудобная женщина для либерализма (Semana; 10-12-2017)

Como la senadora antioqueña se ha opuesto a la implementación del proceso de paz, el partido le cerró la puerta para presentarse como precandidata presidencial. Se repite el caso de Viviane Morales. [...] El de Sofía Gaviria no es un caso aislado. Hace un mes, otra mujer, la senadora Viviane Morales, renunció a participar en la consulta liberal por circunstancias similares. A ella también le exigieron suscribir el Manifiesto Liberal, que entre otras la obligaba entre otras a dejar a un lado sus principios religiosos / Так как сенатор от Антиокии выступила против осуществления мирного процесса, партия не позволила ей стать кандидатом в президенты. Ситуация Вивиан Моралес повторяется. [...] Софийская Гавирия – не единственный случай. Месяц назад другая женщина, сенатор Вивиан Моралес, отказалась участвовать в заседании либералов из-за схожих обстоятельств. Кроме того, от нее потребовали подписать Либеральный манифест, который, среди прочего, обязывал ее, в частности, поступиться своими религиозными убеждениями.

В статье София Гавирия «подается» как гость в политике. В тексте объясняется, почему Либеральная партия не «*позволила*» ей выдвинуться в качестве кандидата на президентских выборах, поскольку она была не согласна со всеми принципами партии. Читателя подводят к выводу о том, что и Гавирия, которая также отказалась от манифеста партии, должна считаться проблемой. Словосочетание «*еще одна*» подчеркивает систематический характер этого случая (с женщинами всегда так) и опосредованно продвигает идею неуместности женщин в политике.

По словам политолога Марии Инес Тулья, в докладе «Женщины и политика», опубликованном Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в Колумбии в 2015 году речь идет о том, что дискриминация женщин не закончилась с получением ими избирательного права, поскольку «этот прогресс не означал перехода к равноправному участию в процессах принятия политических решений» (https://www.researchgate.net/publication/282446082_Mujeres_y_politica_Un_panorama_sobre_la_adopcion_de_las_cuotas_de_genero_y_sus_efectos_en_America_Latina_y_Colombia).

При позиционировании женщин-политиков актуализируются языковые способы [18], использование которых наиболее эффективно для реализации конкретной стратегии и цели. В российской прессе используются в том числе вербальные средства, которые вуалируют скрытое дискриминационное отношение к женщинам в политике как со стороны мужчин, так и со стороны женщин:

В следующих двух текстах (статья и подкаст) отмечается использование сатиры и конфликтогенный характер:

Почему (не) стыдно поддерживать Собчак? (Медуза; 31-10-2017)

В новом выпуске Екатерина Кронгауз и Андрей Бабицкий обсуждают сразу все этические вопросы, которые вызывает выдвижение Ксении Собчак в президенты России: можно ли соглашаться на сделку с государством во имя благой цели, можно ли идти на выборы без желания на них победить и тем самым отвлекать внимание от другого кандидата, можно ли менять убеждения, если ты политик, можно ли сотрудничать с политиком, если это сказывается на вашей семейной жизни, а также нужно ли быть лояльным политику, если вы чем-то ему лично обязаны.

Лидия Ермошина: Женщинам политика не интересна, женщина по своей натуре аполитична (Комсомольская правда; 29-08-2016)

*Женщин интересует конкретика. (...) Вот выйти замуж – это результат. Пошить платье, испечь торт – тоже результат. (...) (...) Женщина по своей натуре аполитична. Кстати, приличный человек всегда аполитичен. Не выношу в дамах такого качества, особенно если они его демонстративно проявляют (а сейчас это популярно), как **стервозность**. Все мечтают быть стервами. Ненавижу эту категорию баб, я их вообще женщинами не считаю. Бабы»*

Во-первых, в тексте, подкасте, подчеркнем игру слов в заголовке – намек на то, что намерение поддержать определенную кандидатуру (женщину-кандидата в президенты) является негативным действием, связывается с чувством стыда (*поддержать стыдно*). Во-вторых, аннотация радиопрограммы определенно указывает, что ведущие не обсуждают вопросы для того, чтобы прийти к какому-либо логичному выводу, а попытаются фактически доказать, почему выводы, к которым они пришли ранее, верны. По их мнению, Ксения

250 Собчак является помехой для оппозиционного кандидата и поэтому ее не следует поддерживать. Кроме того, ее воспринимают как нежелательного человека, неудобную женщину. На протяжении всей трансляции ведущие, один из слушателей, журналисты демонстрируют в эфире пренебрежительное, ироничное, оскорбительное отношение к ней (нецензурная лексика).

Например, подкаст начинается таким сообщением от слушателя:

«Дорогая Ксения Собчак! Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Я тебя обожаю. Теперь я услышал, что ты собралась быть на выборах, и ты понимаешь прекрасно, что ты делаешь легитимным Путина и избиваешь Алексея Навального. Я буду вынужден послать тебя и всю твою команду в #\$\$%@#²⁹, если ты это сделаешь. Пожалуйста, не делай».

Высказывания ведущей Екатерины Кронгауз отличаются сниженной стилистикой, иронией: *«Она (Собчак) устраивает цирк»*; *«Мне довольно далеко от Собчак»*; *«Ксения – продукт 90-х»*; *«Собчак нарушает повестки, намерения».*

Речь российской журналистки и блогера Божены Рынки крайне грубая, наполненная ругательствами: *«Возможность Ксении выбираться, не записав себя навечно в ряды мразей, это официально заменить фамилию Собчак на Противвсех. Чтобы Ксения Противвсех стояло в бюллетени»*; *«Вот же подлая гадина. Решила баллотироваться, тварь».*

Мнение журналистки Юлии Траратура: *«[...] ей (К. Собчак) даже умудрились предьявить претензию, что она манипулирует женской повесткой»* – содержит обвинение в манипулировании общественным мнением.

В колумбийском медийном дискурсе встречаем заголовок: *¿Por qué no te callas?: Gobierno a senadora López / Рубрика «Политика» День в деталях... Почему бы вам не заткнуться?» – Правительство сенатору Лопес (10/27/2009, Revista Semana).* Стиль заголовка открыто демонстрирует нетерпимый характер – попытка дискредитировать критическую работу сенатора. Вопрос *«Почему бы вам не заткнуться?»* организует представляемую информацию так, что обеспечивает иерархическую позицию правительственных чиновников и служит в качестве эха, которое «заглушает» голос сенатора Лопес, исключая её из активных субъектов политических действий.

Отметим, что последние примеры, если следовать логике западных исследователей, демонстрируют отношение 1) обесценивания женщин, 2) недоверия к женщинам и 3) гендерный уклон в пользу мужчин [32]: *«не выношу в дамах такого качества [быть политиком], особенно если они его демонстративно проявляют (а сейчас это популярно), как стервозность»* (1) или *«но она же истеричкой будет [если не выходит замуж], с ней невозможно будет работать»* (2); *«Почему бы вам не заткнуться?»* (1). По мнению авторов высказываний, женщины не способны заниматься политикой –

²⁹ Матийная лексика была цензурирована.

таким образом подчеркивается, что политика – это поле исключительно мужской деятельности. Обратим внимание, что в российском медийном дискурсе крайне негативное отношение к женщинам в политике высказано авторами-женщинами.

Выявленные сходства и отличия колумбийской и российской прессы в репрезентации женщин-политиков представлены на рис. 1 и 2.

Нейтральный характер носят те тексты, в которых дается новостная информация, журналист акцентирует внимание на фактах, не переходит на личные и оценочные характеристики женщины-политика – отсутствует конфликтогенная направленность медиатекста. Пренебрежительный, конфликтогенный характер имеют те тексты, в которых либо указывается на неуместность присутствия женщин в политической сфере, либо используются обидные слова в описании женщин-политиков.

Рис. 1. Колумбийская пресса – отношение к женщинам-политикам.

Российская пресса демонстрирует категоричное, пренебрежительное отношение к женщинам, занимающимся политикой (рис. 2). Ни один из рассматриваемых текстов российских СМИ не является нейтральным в репрезентации женщины-политика. Допускаем, это в большей мере может характеризовать отношение масс-медиа к конкретному кандидату в президенты (Ксении Собчак), чем восприятие женщины в российском политическом пространстве в целом.

Рис.2. Российская пресса – отношение к женщинам-политикам

Анализ общего тона медиатекстов (рис. 1 и 2) демонстрирует, что 6 из 9 колумбийских медиатекстов имеют нейтральный характер. Следовательно, можно сделать вывод о том, что несмотря на использование лингвистических стратегий, снижающих статус женщины, общий тон медиатекстов не имеет цели дисквалифицировать женщину в политике. Только в 3 медиатекстах присутствуют слова или конструкции, указывающие на пренебрежительное отношение, однако ни одна из рассматриваемых статей не содержит грубости при описании женщины-политика.

Медиатексты российских СМИ (рис. 2) характеризуются демонстрацией пренебрежительного, саркастического отношения к женщинам, занимающимся политикой. 7 из 9 медиатекстов имеют конфликтогенный характер, авторами используются грубые выражения при описании женщин-политиков; два текста балансируют на грани уничижительного и даже оскорбительного тона. Кроме того, факт употребления нецензурной лексики в вербальной репрезентации женщин в политике остается актуальным. Ни один из российских медиатекстов исследуемой проблематики не был квалифицирован как нейтральный.

Выводы

Подводя итоги проведенного авторами исследования, подчеркнем, что не во всех подходах и взглядах на квалификацию того или иного медиаматериала, степени конфликтогенности или радикальности текстов точки зрения авторов совпадали. Мы постарались уйти от высказывания крайних оценочных суждений, сосредоточив внимание на том, чтобы обозначить тенденции, сходство и различия в репрезентации женщин-политиков в прессе двух стран.

Лингвистические стратегии, используемые массмедиа Колумбии и России в освещении проблематики «женщины в политике», чаще всего направлены на понижение статуса женщины-политика, роли и значимости результатов деятельности женщин в политической сфере. Обобщая, назовем тенденции в медийной репрезентации женщин в политике: реализация стратегии исключения или невидимости (суть: политическая власть, которую имеют женщины, делегируется им мужчинами или мужчина присутствует в качестве главного со-героя в политической деятельности женщины); карикатурная стратегия (суть: описание политического действия женщин, как карикатуры, как подражания, сатирически) – насмешка, тон обращения подчиняется логике недооценки и приводит к снижению статуса.

При сопоставительном рассмотрении медиадискурсов двух стран стало вполне очевидно, что даже небольшой объем выборки – 18 текстов (9 из колумбийской прессы и 9 из российской) показал: российские медиатексты данной проблематики являются конфликтогенными, отличаются чаще негативной оценочностью, открытым грубым отношением к тем, о ком пишут; балансируют порой на грани уничижительного и оскорбительного тона.

Колумбийский медиадискурс демонстрирует устойчивую тенденцию к использованию каламбуров в представлении женщин в политике, а рос-

сийская пресса – к сатире. В обеих странах в медиадискурсе женщина чаще рассматривается как актер в политике, как субъект, который как бы по своей естественной природе политике не принадлежит.

Анализ эмпирического материала показал, что описание политической деятельности женщин в современном массмедийном дискурсе наполнено предвзятыми представлениями, стереотипами и даже предрассудками. Женщины в политике рассматриваются журналистами, как исключительные случаи; транслируется неуместность политических действий женщин.

В результате исследования выявлено, что актуальный журналистский дискурс исходит, в первую очередь, из предположения, что существительное «женщина» представляет собой естественно-биологическую реальность. Номинация «женщина» используется не только для того, чтобы назвать кого-то, но и является описательной характеристикой набора признаков, действий и мотивов, которые транслируются как должное. Медiateксты данной проблематики говорят: быть женщиной – это особое условие; женщина в политике – «предмет» вне этой области (*Postпредом Британии при ООН впервые станет женщина* (27/10/2017, RT); зафиксировано употребление слова «женщина» с отрицательной коннотативной оценкой (*Hay que perder el complejo de ser mujeres / Вы должны потерять (отказаться от) комплекс женщины* (05/02/2006, Revista Semana).

Таким образом, анализ актуального колумбийского и российского медийного дискурса позволил установить, что современные масс-медиа по-прежнему демонстрируют предвзятое отношение к женщинам-политикам. Это говорит о том, что обозначенная тема научного исследования не является завершенной или «темой из прошлого», а требует дальнейшего междисциплинарного рассмотрения.

Изученные медiateксты колумбийской и российской прессы представили своего рода информационную проекцию культуры (в большей степени оценочных стереотипов), языковой картины мира носителей конкретного языка, мировоззрения социума в восприятии женщины в современном мире – в мире политике.

Список использованной литературы

1. Айвазова С.Г. Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Московские учебники и картолитография, 2008.
2. Аристотель Политика // Сочинения: В 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с. (Филос. наследие. Т. 90). С. 375–644.
3. де Бовуар С. Второй пол. М.: Азбука-Аттикус, 2017.
4. Будаев Э.В. Гендерная специфика политической метафорики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №. 1. С. 88–92.

- 254 | 5. Будаев Э.В. Современная политическая лингвистика. 2011.
6. Гегель Г. Феноменология духа. – DirectMEDIA, 1992. // [http: https://marxists.architecturez.net/russkij/hegel/phen-duha-pred.pdf](http://marxists.architecturez.net/russkij/hegel/phen-duha-pred.pdf) (дата обращения: 20.05.2019)
7. Грибанов И.С. Номинация лиц в испанском теленовостном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 158–166.
8. Дадаева Т.М., Ушкин С.Г. Женщины в политике и общественной жизни: pro et contra // Регионоведение. 2014. № 4 (89). С. 172–178.
9. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. С. 116–133.
10. Докучаева О.Н. Концепция латиноамериканского популизма в трудах Т. Ди Тельи (Аргентина) // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 1996. № 3. С. 32–42.
11. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС Эдиториал, 2008.
12. Калугина Е.Н. Метафорические наименования мужчины и женщины в субстандарте английского языка / Е.Н. Калугина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-naimenovaniya-muzhchiny-i-zhenschiny-v-substandarte-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 04.05.2019).
13. Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 2003. 24 с.
14. Кувычко А.А., Чафонова А.Г., Богуславская В.В. Концептосфера медиадискурса материнства в российских и датских печатных СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 4. С. 135–143.
15. Максимова О.Б. Политическая карьера женщин в России и странах Запада: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2007. № 1. С. 27–35.
16. Музыка Е.В. Гендерные особенности восприятия власти в современной России // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 4 (48). С. 277–286.
17. Нипорка Е.В. Общественное мнение о женщинах в политике: современная ситуация // Женщина в российском обществе. 2007. № 3. С. 76–79. 2 См.: The Global Gender Gap Report 2013. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2013.pdf (дата обращения: 21.11.2013).
18. Пронина Е.С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе // Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. 2015.

19. Руис Рохас М., Богуславская В.В. Лингвистические стратегии позиционирования женщин в политике: актуальный медиадискурс России и Колумбии // Век информации. 2018. Т. 2. № 2. С. 114–115.
20. Тулупов В.В. Коммуникативные стратегии в российской журналистике нового времени // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 1. С. 197–211.
21. Тхорик В. и др. Позиционирование женщины-политика в медиадискурсе (на примере речей М. Тэтчер и Х. Клинтон) // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. 2016. С. 240–246.
22. Чеснокова О.С. Семиотика имен собственных в испанском и русском новостных дискурсах // Личность в контексте процессов глобализации: Общество, язык, информация: Коллективная монография. М.: Изд-во РУДН, 2008. С. 121–130. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС Эдиториал, 2008.
23. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. 2003.
24. Чудинов А.П. Политическая коммуникация. М.: Флинта: Наука, 2006.
25. Euronews (in English). Polish MEP launches sexist tirade in EU Parliament. Опубликовано: 2 мар. 2017 г. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=40hhc0cjYug> (дата обращения: 21.03.2019).
26. Karasik W. et al. Коммуникативная тональность медиадискурса // Stylistyka. – 2014. № XXIII. С. 121–132.
27. Lazarsfeld Paul Paul y Merton Robert. Comunicación de masas, gusto popular y acción social organizada. Publicado en MURARO, Heriberto (comp.). La comunicación de masas, Centro Editor de América Latina, Buenos Aires, 1977 – URL: http://www.periodismo.uchile.cl/talleres/teoriacomunicacion/archivos/lazarsfeld_merton.pdf (дата обращения: 01.05.2019).
28. Lühiste M y Banducci A. Invisible Women? Comparing Candidates' News Coverage in Europe. Politics and Gender. Newcastle University ePrints. 2016 – URL: https://eprint.ncl.ac.uk/file_store/production/215220/040B98D9-AA3E-4209-BD63-800F6781466B.pdf (дата обращения: 15.03.2019).
29. Olarte Bernal Angélica Fabiola. Las mujeres y el poder político: una investidura incompleta. Universidad Autónoma de Barcelona, 2014.
30. Oliva L., Sitjà X. Las noticias en radio y televisión. Periodismo audiovisual en el siglo XXI, 5ª edición. Barcelona: Ediciones Omega, S.A., 2007.
31. Piggott, M. (2004) Double jeopardy: lesbians and the legacy of multiple stigmatized identities. Unpublished thesis, Swinburne University of Technology, Hawthorn, Victoria, Australia. pp. 48,49 - URL: <https://researchbank.swinburne.edu.au/file/4a7c253c-86df-4891-9420-8ac639834d5a/1/Margaret%20Piggott%20Thesis.pdf> (дата обращения: 31.03.2019).

- 256 | 32. Rivera María-Milagros. Nombrar el mundo en femenino. Icaria editorial SA. Barcelona, 1994. Pp. 18–20/

Источники и документы

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин – CEDOW (The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. ООН, 1979 // <https://undocs.org/ru/A/RES/34/180> (дата обращения: 27.10.2019)
2. <https://www.rt.ru>
3. <https://www.Lenta.ru>
4. Коммерсант // <https://www.kommersant.ru>
5. Комсомольская правда // www.kp.ru
6. Meduza // <https://meduza.io>
7. Газета.ru // <https://www.gazeta.ru>
8. Semana // <https://www.semana.com>
9. El Tiempo // <https://www.eltiempo.com>
10. El Espectador // <https://www.elespectador.com>
11. Dinero // <https://www.dinero.com>
12. La Silla Vacía // <https://lasillavacia.com>

Boguslavskaya V.V.

*Grand Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of Department of Russian Literature and Cross-Cultural
Communication,
Pushkin State Russian Language Institute
VV Boguslavskaya@pushkin.institute*

Ruiz M.

*Master of Philology,
Pushkin State Russian Language Institute
carpe_diem_666@mail.ru*

FEMALE POLITICIANS IN THE CURRENT MEDIA DISCOURSE IN RUSSIA AND COLOMBIA: LINGUISTIC POSITIONING STRATEGIES

The authors analyse the linguistic strategies modern mass media use when writing about female politicians. Comparison of media discourses in Colombian and Russian media is made by means of interpretive, contextual. discourse and content analysis. The main aim of the study is to identify how the mass media view the role of women in politics and to what extent it is affected by the culture and mentality of the society of a given country. Based on Western European research, three linguistic strategies used by the mass media in the field of “women in politics” were dealt with. As a result of comparing Russian and Columbian media discourses the intensive use of these three strategies in the mass media discourse was identified.

Exclusion strategy means that the political power that women have is delegated to them (by men). Invisibility strategy implies the use of a metaphor or catachreza (trope or stylistic error, incorrect or unusual use of word combinations with incompatible literal lexical meanings). The presence of a man as the main co-hero is a determining factor or an integral reference to the political activities of women. Caricature strategy implies description of political actions of women satirically, as caricature, as a ridiculous imitation. Ridicule, derogatory forms of address (derived from one's own name or a diminutive form of a name, reflecting the logic of underestimation) lead to a decline in status.

The current media discourse broadcasts the idea that women in politics are isolated cases, exceptions, explained primarily by their personal, political or professional relations with men. Descriptions of women's political activities is full of with stereotypes, prejudices and preconceived notions.

Colombian media discourse shows a steady trend towards the use of puns in the linguistic representation of women politicians while Russian mass media tend to use caricature strategies in positioning women in politics. The media discourse of both countries predominantly views women as actors in politics, as subjects that, by their very nature, cannot belong to politics.

Keywords: linguistic positioning strategies, image of a female politician, media discourse, Russian and Colombian media.

ИМИДЖ РЕГИОНА В ГУБЕРНАТОРСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

В современных условиях образ/имидж региона приобрел самостоятельное важное значение. Если рассматривать образ с риторической точки зрения, то он представляет собой как средство аргументации, так и дискурсивный конфликтогенный механизм. В отечественной науке термин «образ» традиционно соотносят с «имиджем». Различны классификации имиджа, подходы к его коммуникативной и функциональной сущности. Имидж региона многие исследователи считают результатом речемыслительной деятельности человека. Над его созданием трудятся PR-специалисты, политтехнологи, чиновники региональной администрации. Немаловажна также роль СМИ, населения, политических, экономических, культурных элит. Итогом становится возникновение в массовом сознании некоего общепринятого представления о регионе, включающее набор стереотипных образов территории, что в целом свидетельствует об эффективности управления восприятием.

В данном исследовании феномен имиджа территории рассматривается как когнитивная структура (часть модели мира человека). Процесс формирования имиджа региона как административно-территориального образования изучен с точки зрения персуазивной коммуникативной стратегии политического лидера, который воздействует на когнитивную модель мира адресата – населения региона либо представителей внешней среды. Формирование имиджа региона позволяет губернатору, региональному лидеру и команде профессионалов создать позитивный привлекательный образ, в котором отражены конкурентные преимущества территории, способные привлечь инвестиции, трудовые ресурсы, внимание ключевых субъектов политики и экономики.

Ключевые слова: регион, имидж, образ, губернатор, публичный дискурс.

Введение

Выбранное направление исследования имиджа региона через публичную активность регионального лидера представляется весьма актуальным. Такой подход сопоставим, с одной стороны, с современным движением

маркетинговых исследований³⁰, где авторы изучают пиар-технологии, свойства и практику речевого воздействия. А с другой стороны, соотносится с исследованиями брендинга и маркетинга территорий³¹.

Мы исходим из того, что конструирование имиджа региона протекает с учетом деятельности политиков, отраженной в материалах СМИ. Отсюда исходная научная гипотеза исследования: важнейшая коммуникативная стратегия регионального лидера заключается в создании идеального (желаемого) имиджа региона. Это происходит в результате публичных выступлений политика, а значит является целью его речевого воздействия на адресата. При этом не менее значима деятельность СМИ, в которых по-своему отражается и интерпретируется первичная персуазивная стратегия лидера.

Любые выступления политика могут изменить представления о регионе, точнее, в них создается некий виртуальный облик региона. Изучение закономерностей формирования территориального имиджа под влиянием публичного дискурса регионального лидера и средств массовой информации/коммуникации являются целью нашего исследования.

Достижению поставленной цели подчинены задачи исследования:

- 1) описать процесс создания имиджа территории в публичном дискурсе регионального политического лидера;
- 2) на основе анализа текстов публичных выступлений регионального лидера выявить элементы модели транслируемого имиджа региона;
- 3) выявить наиболее частотные и эффективные коммуникативные стратегии и тактики речевого воздействия губернатора региона.

В поле нашего исследования – рукописи и видеозаписи публичных выступлений экс-губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева.

Объект исследования – публичный дискурс об определенном регионе (Кемеровской области – Кузбассе), специфика его функционирования, строения, характерные черты и свойства.

Предмет исследования – сам процесс создания имиджа региона под влиянием публичного дискурса регионального лидера.

Методология исследования представляет собой общенаучные методы описания, обобщения, классификации, сравнения и частные методы прагматического, стилистического, лексико-семантического и контент-анализа.

---

³⁰ Панкрухин А.П. Территориальный маркетинг // Маркетинг в России и за рубежом. 1999. № 5–6. С. 21–22; Панкрухин А. П. Маркетинг территорий: Учебник. СПб.: Питер, 2006; Лапаев С.П. Использование регионального маркетинга для повышения конкурентоспособности Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 4. С. 93–95; Титков А.С. Образы регионов в российском массовом сознании // Полис (Политические исследования). 1999. № 3. С. 61–75; Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С. 87–136.

³¹ Паршин П.Б. Территория как бренд. Маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. М.: МГИМО-Университет, 2015.

Результаты и обсуждение

Понятие *имидж* рассматривается сегодня в философии, психологии, социологии, литературоведении, антропологии, экономической географии, регионоведении и т.д.

При этом в имиджологии, территориальном маркетинге, локус-брендинге, политической рекламе и PR понятие имиджа является ключевым наряду со смежными явлениями образа и бренда. Справедливо считается, что имидж территории, страны, региона может представлять собой особую ценность, то есть оцениваться именно в категориях экономической прибыльности и привлекательности. Ведь в условиях глобальной конкуренции благоприятный имидж может стать решающим фактором привлечения финансовых и трудовых ресурсов, повышения экономической и предпринимательской активности, и, как следствие, повышения уровня и качества жизни населения.

В научных исследованиях представлены весьма разнообразные подходы к понятию имиджа. Можно объективно сказать, что понятие это еще не достигло терминологической четкости и методологической определенности. Как правильно отметил А.А. Гравер, «вместе с ажиотажем на исследование имиджа страны пришли новые методологические и гносеологические научные вызовы, ответы на которые, несмотря на научную моду, оказались весьма ограниченными, что не могло не сказаться негативно на структуризации исследовательских подходов и, как следствие, эффективности использования достигнутых результатов» [3, с. 29].

Вместе с тем в отечественной науке представлено множество успешных попыток системно описать явление имиджа, достаточно назвать работы А.П. Панкрухина [10; 11], И.Я. Рожкова, В.Г. Кисмерешкина [12; 13] и Т.В. Сачук [15]. А некоторая неопределенность этого понятия, очевидно, связана с его междисциплинарностью и новизной. Так, А.Ю. Панасюк пишет, что «термин “имидж” в российском лексиконе начал активно использоваться примерно с середины 90-х годов прошедшего века» [9]. При этом первоначально он использовался больше для практического применения, а у ж затем последовало теоретическое осмысление.

В этом смысле представляется важным прежде всего рассмотреть дефиницию понятия «имидж». Мы предлагаем рассмотреть термин *имидж* по нескольким группам определений, разделив их по определенным признакам: «что-определения», «откуда-определения», «как-определения», «зачем-определения».

«Что-определения» представляют собой попытки истолковать понятие *имидж* с точки зрения совокупности некоторых представлений об объекте. Например, в «Кратком психологическом словаре» имидж толкуется как «стереотипизированный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании» [8, с. 102]. Отметим подчеркнутую в определении характеристику имиджа как стереотипа и его закреплённость в массовом сознании.

Важнейшие признаки имиджа выявил в работе «Имидж: определение центрального понятия имиджелогии» А.Ю. Панасюк [9]. Исследователь назвал главные системные черты имиджа, среди которых: а) наличие мнения об объекте, б) присутствие оценочного отношения к объекту, в) представленность в психике другого (не в своей психике), г) распространенность в массовом сознании группы людей (не единичного индивида), д) формирование не только прямыми (свое восприятие объекта), но и косвенными (через восприятие чужого мнения об объекте) способами. Исходя из выявленных признаков, А.Ю. Панасюк дает следующее определение: «Имидж объекта – это мнение об объекте, возникшее в психике определенной или неопределенной группы людей на основе образа, сформированного в их психике в результате либо прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного – на основе восприятия уже оцененного кем-то образа (на основе восприятия мнения), сформированного в психике других людей» [9]. Отметим выделенную ученым оценочность имиджа, которая связана в том числе с потребностями, интересами и ценностными ориентирами личности.

«Откуда-определения» ориентируют нас на источники и каналы трансляции имиджа, которые разделяются на прямые и косвенные (опосредованные).

И.С. Важенина рассматривает территориальный имидж как «набор убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и др. особенностей данной территории. Субъективное представление о территории может формироваться вследствие непосредственного личного опыта (например, в результате проживания на данной территории) или опосредованно (например, со слов очевидцев, из материалов СМИ и т.д.)» [2, с. 48].

Отметим в этом определении указание на значимость личного опыта взаимодействия субъекта с явлением имиджа (непосредственное восприятие), а также на опосредованность восприятия имиджа через публикации в СМИ, публичные выступления лидеров общественного мнения, слухи. Полученная информация и сведения оцениваются и впоследствии трансформируются в систему убеждений и ощущений по отношению к имиджу региона.

«Как-определения» указывают на механизмы конструирования имиджа, его принципиальную и целенаправленную моделируемость. В «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Скляревской встречаем следующее определение имиджа: «Впечатление, мнение о лице, коллективе, учреждении, вещи и т.п., создаваемое заинтересованными лицами; индивидуальный стиль, облик, характеризующий лицо, группу лиц, учреждение и т.п. *Имидж журнала. Имидж честных, смелых журналистов. Профессиональный имидж фирмы. Имидж партии*» [17, с. 393].

Еще более четко о моделируемости имиджа говорит Н.А. Андрианова: «Имидж как результат сознательного, целенаправленного создания представления об объекте является эффективным инструментом социально-политического взаимодействия» [1, с. 2].

«Зачем-определения» раскрывают функциональную природу и роль имиджа. Речь в этом случае идет о достижении определенных результатов путем создания имиджа. Как пишет А.В. Сасим: «Имидж – это образ (территории, страны, региона) в представлении групп общественности. Правильно сформированный имидж представляет собой наиболее эффективный и действенный способ работы с массовым сознанием» [14, с. 15]. Называя имидж инструментом влияния на массовое сознание, автор между тем не задается вопросом предназначения этого процесса, его конечной цели.

Более четко на этот вопрос отвечает определение в «Словаре по политологии»: «Имидж (*англ.* image, от лат. *imago* – образ, вид) – целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.п.» [16, с. 171]. Рекламная функция, подчеркнутая в данном определении, дает представление о цели создания имиджа.

Из множества приведенных и проанализированных определений мы можем выделить основообразующие признаки имиджа: целенаправленную моделируемость, оценочность, влияние на массовое сознание, инструментальность. Это позволяет нам дать рабочее определение имиджа, которым мы будем пользоваться в своем исследовании: *имидж региона – намеренно и целенаправленно формируемое командой профессионалов и транслируемое посредством информационных каналов представление о данной территории, которое позволяет осознать ее как положительную ценность и способствует повышению ее социального-экономического, политического, культурного статуса.*

Формирование имиджа региона: коммуникативные стратегии и тактики

Важнейшей задачей достижения эффективности коммуникации можно признать стратегическое планирование речевой деятельности и ее тактическое построение. Особенно актуальной такая цель выглядит применительно к рекламному и политическому дискурсу. В них практически любой речевой акт обладает свойствами целенаправленности и персуазивности.

В этой связи, рассматривая создание имиджа региона как одно из направлений политико-рекламной сферы, считаем целесообразным говорить о тактико-стратегическом выстраивании публичного дискурса субъекта формирования имиджа, его речевой деятельности.

Говоря о понятии речевой стратегии, О.С. Иссерс справедливо отмечает: «Займствованное прагматикой из военного искусства понятие стратегии опи-

рается не на кооперацию, а на победу, которая понимается как результативное воздействие на слушателя, как трансформация его модели мира в желательном для говорящего направлении» [6, с. 293]. Таким образом, одним из ключевых понятий, сближающих военную и речевую стратегию, является понятие достижения цели. При этом результативность очевидно связана с длящимся во времени сложным процессом, наличием определенного плана, замысла и способов его реализации. В политическом дискурсе равно как и в военном деле важна победа, то есть гарантированный результат.

Термин *коммуникативная (речевая) стратегия* получил в отечественной и зарубежной лингвистике достаточное описание. Исследователи выработали практически единые, или крайне близкие, подходы к интерпретации этого явления. Так, важнейшими и общепризнанными характеристиками коммуникативной стратегии считаются: а) соотнесенность коммуникативной стратегии субъекта речевой деятельности с глобальной многокомпонентной целью, б) связь ее с определенным речевым поведением, которое можно поименовать в терминах, например, «быть агрессивным или мягким», «быть дружественным или воинственным», «быть принципиальным или демократичным» и т.д., в) многосоставность реализации стратегии в речи, т.е. выраженность в сочетании речевых действий.

Необходимо отметить тот факт, что стратегическое планирование речи соотносит ее с речевым воздействием, под которым понимают «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [5, с. 21]. Как отмечает О.С. Иссерс, «феномен речевого воздействия связан, в первую очередь, с целевой установкой говорящего – субъекта речевого воздействия. Быть субъектом речевого воздействия – значит, регулировать деятельность своего собеседника» [Там же].

Процесс достижения намеченной цели в коммуникативной стратегии можно разделить на три ступени: постановка глобальной цели, разработка промежуточных тактических задач, определение способов и механизмов достижения результата.

Один из основателей коммуникативной лингвистики Т.А. ван Дейк представил в своих работах развернутое и глубокое понимание коммуникативной стратегии, которую он определяет как: «характеристику когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные (последующие) действия» [4, с. 274]. Значимым признаком стратегии ученый считает ее целеполагание: «Оптимальное достижение цели является одним из типичных проявлений “хорошей” стратегии» [Там же, с. 272].

Отмечая когнитивный характер и гибкость коммуникативной стратегии, Т.А. ван Дейк вместе с тем подчеркивает, что даже при невозможности точного

264 | прогнозирования хода коммуникации, вызванного недостатком информации, возможно использование стратегии в речевом акте. «Этапы диалога, – пишет ученый, – не могут быть запланированы во всех деталях просто потому, что неизвестно, что скажет партнер на каждой стадии развития беседы. И все же участник речевого взаимодействия может иметь общую стратегию, определяющую какого типа ход он или она захочет сделать в критических пунктах. Например, участник речевого взаимодействия может иметь общую стратегию быть добрым или вежливым, и она будет влиять на каждый ход в некоторой последовательности действий» [там же, с. 273].

В рамках нашего исследования мы будем понимать коммуникативную стратегию как коммуникативно-когнитивный механизм достижения глобальной цели речевой деятельности адресанта с учетом его коммуникативного намерения в соответствии с гибким планом речевого воздействия, осложненного непрогнозируемым ходом речевого взаимодействия, и формирующий определенные линии речевого поведения говорящего и ответных реакций собеседника.

Речевая стратегия реализуется через ряд более мелких и более «речевых» единиц – тактик. О.С. Иссерс считает, что «... именно тактики производят впечатление действительно доступных изучению единиц – по-видимому, они и являются практическим инструментом говорящего» [5, с. 20]. Речевая тактика представляет собой совокупность приемов и способов реализации речевой стратегии, имеющих определенную композицию в речевом высказывании. Стратегия, таким образом, строится как набор тактик – ступенек к достижению глобальной цели речевого воздействия. Об этом, в частности, пишет Е. В. Ключев, когда называет коммуникативную тактику «совокупностью практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [7, с. 19]. Вместе с тем в речевом акте воздействия можно выделить еще более мелкие единицы или составные элементы речевых тактик – коммуникативные ходы. Они представлены в речи на уровне различных языковых приемов, стилистических и риторических фигур, и соотнесены с разными языковыми ресурсами (фонетическими, лексическими, грамматическими). Коммуникативные ходы необходимы в качестве «инструмента реализации той или иной речевой тактики» [5, с. 117].

Коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика и коммуникативный ход, таким образом, являются взаимосвязанными и взаимовлияющими элементами речевой деятельности.

Имидж Кузбасса в публичном дискурсе губернатора

Публичный дискурс губернатора представлен в его публичных выступлениях на совещаниях, собраниях, торжественных приемах и других мероприятиях. Сюда же относятся интервью в СМИ, прямая речь на ТВ и радио. В этих текстах формируется положительный имидж региона, связанный

с достижениями кузбассовцев, успешным развитием экономики и социальной сферы, итогами эффективной деятельности политических и общественных институтов региона.

Мы провели анализ 38 текстов выступлений губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, в 32 из них выявили образы, направленные на создание имиджа региона.

Важнейшей составляющей развития Кузбасса является успехи его основных отраслей промышленности. Ключевая из них – угольная промышленность. Как утверждает сам губернатор А.Г. Тулеев в выступлении перед победителями Международной горной Олимпиады: *«Горняки Кузбасса – авангард, золотой фонд нашей промышленности, первоклассные специалисты».*

В традиционном ежегодном докладе на праздновании Дня шахтера губернатор подчеркивает значимость угольной отрасли не только для Кузбасса, но и для всей России: *«За последние 10 лет мы, по сути, осуществили в российской угольной промышленности настоящее «экономическое чудо». <...> Кузбасс поставляет угольную продукцию в 47 стран. <...> Впервые за всю историю угледобычи в Кузбассе, планируем выдать на-гора 195 млн тонн топлива».*

Таким образом, в публичном дискурсе губернатора Кемеровской области отражается **экономический субимидж** региона, связанный в первую очередь с успехами промышленного развития базовых отраслей: угольная, металлургическая, химическая промышленность, сельское хозяйство и строительство.

Социальный субимидж Кузбасса не менее частотен в выступлениях А.Г. Тулеева. Он связан прежде всего с развитой системой социальной поддержки населения. В регионе создана, как говорит А.Г. Тулеев, *«надежная система социальной защиты, одна из лучших в России».*

В речах регионального лидера находят отражение результаты реализации многочисленных социальных программ. Особый акцент на стимулирование активности молодежи: *«реализуется специальная программа «Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность»; в области уже шестой год действует система льгот для начинающих предпринимателей повысили Губернаторскую стипендию отличникам учебы – студентам училищ и техникумов; молодым семьям всех профессий выдаем льготную ссуду на жилье».*

В публичном дискурсе губернатора рисуется образ социально ориентированного региона, где социальное благополучие жителей, качество жизни – залог дальнейшего экономического процветания.

К социальному субимиджу близок и **культурный субимидж** Кузбасса. Вместе с тем ему губернатор отводит особое значение, поскольку он влияет на формирование образа региона на уровне страны. Не случайно, успехи в этой сфере А.Г. Тулеев измеряет национальным масштабом. Так, например, в выступлении ко Дню работников культуры в марте 2011 года

266 | перечислены основные достижения именно на федеральном уровне: «ведущие музыкальные учреждения Кузбасса удостоены почетного статуса «Национальное достояние России – 2010»; Впервые в истории Кузбасса коллектив ансамбля танцев <...> был удостоен звания «Заслуженный коллектив народного творчества РФ»); Впервые в истории развития кузбасского театрального искусства <...> стали участниками самого престижного театрального фестиваля «Золотая маска»; Кузбасскую вокальную и хореографическую школу очень высоко ценят в нашей стране. В области действует программа по поддержке культурного фонда Кузбасса, чтобы и в нашей стране и за рубежом о Кузбассе говорили <...> как о Крае большой культуры...».

Во многих выступлениях (коллегия Администрации Кемеровской области по вопросам профессионального образования, 05.04.2011; торжественный прием выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования «Рабочая смена Кузбасса», 29.06.2012; встреча с выпускниками губернаторских учебных заведений, 20.06.2012; торжественный прием выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования «Рабочая смена Кузбасса», 28.06.2010) формируется **научно-образовательный субимидж** Кузбасса. Как и другие субимиджи, он раскрывается через эффективность работы учреждений образования и науки региона, достижения учащихся, студентов, ученых, через систему финансовой и социальной поддержки научно-педагогических работников и сущащейся молодежи.

Спортивный субимидж представлен в публичном дискурсе губернатора Кемеровской области как реализация двух задач: модернизация материально-технической спортивной базы региона; развитие массового и профессионального спорта. В речи на открытии областного форума «Кузбасс спортивный» (09.03.2011) губернатор еще раз формулирует главную задачу спортивной отрасли: *развитие массового спорта, <...> формирование крепкой и сильной нации, создание будущей России. Уже сейчас регион готовит высококлассных спортсменов, которые за 2010 год на международных и всероссийских соревнованиях завоевали 337 различных медалей <...> На территории Кемеровской области строятся спортивные базы, оснащенные по требованиям международных стандартов, создан единственный в стране сноуборд-парк <...> Кузбасс первым возродил нормы ГТО и дал старт возрожденной в жизни общества традиции».*

Мы выделили в публичном дискурсе губернатора систему субимиджей региона (экономический, социальный, культурный, научно-образовательный, спортивный), из которых вырастает собственно имидж Кузбасса как промышленно развитой и социально ориентированной территории с высоким уровнем социальной поддержки населения и стремлением к модернизации экономики в соответствии с современными требованиями.

Более 84 % текстов публичных выступлений губернатора указывают на один или несколько эксплицитных субимиджей Кузбасса. Чаще всего они совпадают с тематикой выступления и целевой аудиторией. В остальных 16 % выступлений субимиджи не выражены вербально, то есть представлены имплицитно: аудитория может воспринять их только из общего контекста или тематики выступления. К примеру, на премьере спектакля МХТ имени А.П. Чехова губернатор в своем выступлении делится личными впечатлениями от постановки и игры актеров, однако при этом в контексте выступления аудитория воспринимает и высокий культурный субимидж региона, где эта премьера стала возможна. А, скажем, в выступлении по случаю Международного женского дня, поздравляя молодоженов, региональный лидер в целом формирует и положительный социальный субимидж области, где много делается для поддержки молодых семей.

Имиджевые тактики в публичном дискурсе А.Г. Тулеева

Политическая коммуникация всегда потенциально суггестивна и воздействует на картину мира адресата, его представления и ценности, модели поведения. Формирование положительного имиджа территории неразрывно связано с созданием представлений о роли регионального лидера, который, собственно, является одним из акторов, творцов регионального имиджа.

Установка политиков на самопрезентацию (см. типологию ролей, предложенную О.С. Иссерс в [5]) приводит к выбору определенной модели речевого поведения. Применяв указанную классификацию, мы можем увидеть в публичном дискурсе А.Г. Тулеева явную установку на роль *державника*. Не случайно в его текстах частотны лексемы *государственник*, *державник*. Приведем пример из выступления на встрече с работниками ООО «СНПО «Горноспасатель», 26.11.2010: *«В связи с этим еще раз хочу поблагодарить всех заводчан «Горноспасатель» малое предприятие. Численность-то небольшая – 60 человек, но насколько нашими людьми гордиться можно <...> Второе, я хотел поблагодарить, конечно, за государственность, за державность, за понимание»*. В данном речевом отрезке мы можем четко выделить тактику благодарности, которая связана с положительной коннотацией понятий державности, государственности.

В целом А.Г. Тулеев довольно часто использует тактику благодарности людям независимо от рода их занятий, но всегда имеющим достижения и успехи, влияющие на положительный имидж региона.

Близка по функции к тактике благодарности и тактика похвалы, которую губернатор применяет к частным, персональным качествам личности. Так, например, в Бюджетном послании Законодательному собранию Кемеровской области 2012 года, губернатор, говоря о развитии строительной сферы неожиданно подкрепляет успехи отрасли похвалой конкретному человеку: *«Добрый пример – Федяев Павел Михайлович, вице-президент «Сибирского делового*

268 | союза». Он постоянно держит нос по ветру, чувствует настроение людей. Поэтому стал строить малогабаритные однокомнатные квартиры для молодых семей. И цены установил приемлемые! В результате еще не успел дом построить, а все квартиры уже раскуплены, как горячие пирожки». Обратим внимание на языковые средства выражения тактики похвалы: положительная оценка содержится в качественных прилагательных (*добрый <пример>*), глаголах действия (*чувствует, стал строить*), фразеологизированных оборотах (*держит нос по ветру; раскуплены как горячие пирожки*).

Фразеологические обороты, устойчивые выражения и их трансформации – один из любимых приемов А.Г. Тулеева-оратора. Они придают его речам дополнительную разговорность, экспрессивность, помогают в более яркой и выпуклой реализации речевых тактик. Например, при выражении тактики апелляции к чувствам губернатор практически всегда прибегает к помощи подходящей фразеологии: «*Не спорю, лично мне смотреть спектакль было тяжело, до сих пор просто сердце щемит, давно не испытывал в театре такого чувства*» (речь о спектакле «Пролетный гусь» МХТ им. А.П. Чехова, 02.12.2011). Использование оборота *сердце щемит* добавляет речи губернатора эмотивности, направленной на со-чувственное восприятие театральной аудиторией.

В других случаях фразеология помогает А.Г. Тулееву придать экспрессивности и суггестивности при реализации тактики дискредитации, как разоблачения ответственных лиц, их публичной критики и порицания, что в работе губернатора неизбежно. Например, на селекторном совещании, посвященном ситуации с пожарами, 13.08.2010, губернатор распекает недобросовестных руководителей с помощью устойчивых и даже разговорных выражений: «*А многие просто не выполняли предписаний <...> Сколько телеграмм мы посылали. Что только не посылали? Вот если телеграмма, я ее стараюсь сделать настолько балалаечным языком, чтобы с тремя извилинами было понятно, что от тебя нужно; Их надо учить, обучить, что ЖИ-ШИ пиши через И; Вы знаете, что Ваших коллег в Забайкальском крае – 8 человек – привлекли к уголовной ответственности, за то, что занимались не делом, а приписками <...> Все твои коллеги сидят рядом с Ходорковским и шьют варежки. <...> От сумы и от тюрьмы никто не уберется*».

Публичный дискурс политика неизбежно связан с тактикой агитации, наиболее ярко отражающей манипулятивно-суггестирующий посыл. В выступлениях А.Г. Тулеева тактика агитации используется также довольно часто, она реализуется через модальные глаголы или конструкции с модальным значением: «*Нужно искать пути максимального использования потенциала угольной отрасли на месте. Развивать глубокую переработку угля и продавать продукт с высокой добавленной стоимостью*» (выступление по поводу Дня шахтера, 28.08.2015), либо с помощью побудительных пассажей: «*Ну*

посмотрите, посмотрите, как тяжело идут вот эти идиотские споры по ящику нашему, что русский язык вот изучать не надо, это не основное там, грамотным быть не надо, родную литературу знать не надо. Ну маразм! Смотришь: маразм полнейший» (выступление на Дне работников культуры, 28.03.2011).

Манипулятивное воздействие в речах Тулеева также усиливается через использование эмоционально-окрашенной лексики, разговорных и просторечных конструкций, коллоквиализмов: *«И если приедет пожарная машина, то воды набрать практически невозможно. (Ну проехал, дальше-то что? Чем тушить-то? Слюной, что ли?)»* (выступление на селекторном совещании, посвященном ситуации с пожарами, 13.08.2010).

Очевидно, что тактика агитации выражена именно посредством многочисленных риторических приемов, направленных на усиление экспрессивности, диалогичности, суггестивности. Все это способствует изменению ценностных представлений аудитории о действиях самого губернатора, возглавляемой им исполнительной власти, а значит влияет на формирование имиджа Кузбасса.

Экспрессивность через эмоционально-окрашенную лексику наиболее ярко проявляется в устной речи губернатора, тогда как в письменной речи практически отсутствует. Сопоставление подготовленных текстов политика и произнесенных показывает, что устная речь в большей степени требует выражения эмоций и экспрессии для достижения коммуникативных целей: *«Считаю, что нельзя все списывать только на жару, хотя она действительно аномальная. <...> Убежден, одной из главных причин пожаров является человеческий фактор... (Ну, с нашей стороны было бы идиотизмом просто говорить: аномалия и все. Ну и что, что жара? Главное ведь не в ней. Главное все равно в людях)»*. В данном фрагменте выступления на селекторном совещании, посвященном ситуации с пожарами, представлены многочисленные атрибуты устной речи: разговорное несвойственное деловому формату выражение *идиотизм*; частицы *ну, ну и*; краткие разговорные синтаксические конструкции; риторический вопрос (*Ну и что, что жара?*).

Губернатор А.Г. Тулеев нередко прибегает к *тактике цитирования*. Чаще всего используются цитаты известных личностей: философов, писателей, ученых, политиков, исторических деятелей: *«Многие из вас знают, что известный русский писатель Иван Сергеевич Шмелев однажды сказал: «Культура – это НЕЗЫБЛЕМЫЙ МОСТ, который СОЕДИНЯЕТ времена и поколения, это РАДУГА на небосклоне нашего Мироздания, которая объединяет ДУШИ ЛЮДЕЙ, это великий ДАР ВСЕВЫШНЕГО, который нравственно и духовно преображает Личность. Именно КУЛЬТУРА – формирует НАЦИЮ, делает из человека ГРАЖДАНИНА, а из людей – НАРОД». Вот лучше этого в любое время, в любой век, конечно, не скажешь»* (День работников культуры, 28.03.2011). Прецедентные высказывания, подобранные

270 | с особой тщательностью, призваны придать речи Тулеева дополнительную убедительность, показать его просвещенность и широкую эрудицию, «раскрасить» даже протокольные официальные встречи и беседы.

Излюбленная тактика губернатора Тулеева – **обращение к историческим фактам** или исторический экскурс. История в данном случае важна не сама по себе как факт действительности. Ссылка на исторический пример, факт, документ становится дополнительным фактором убедительности, правдивости и достоверности. Нередко воспоминания Тулеева связаны с его личным участием и восприятием исторических событий: *«Вы помните, 12 лет назад мы сидели на рельсах, угольная отрасль была дотационная, убыточная и разорительная. И вот вышли на этот уровень: рентабельный, созидательный. И уже вкладываем по 10 долларов в тонну инвестиций»*. (Бюджетное послание Законодательному собранию Кемеровской области 2012 года). В данном примере политик вспоминает забастовки шахтеров конца 1990-х годов, при этом Тулеев был лично участником тех событий. Этот исторический отсыл необходим главе региона для реализации **тактики градации**, то есть сравнения, чем был и стал Кузбасс. Из этого отрезка речи аудитория неизбежно должна сделать вывод о нынешней экономической и социальной стабильности региона по сравнению с совсем недавним прошлым. Так, с помощью истории и приведения статистических данных политик корректирует стереотипное представление о «бастующем» Кузбассе на восприятие его как созидającego и стабильного региона.

Для любого политика важно осознание своей связи с избирателями, жителями города, региона, страны. В публичном дискурсе это выражается в использовании **тактики обращения к «своему кругу»**. Она предполагает использование речевых приемов единства субъекта и объекта высказывания. Практически во всех выступлениях А.Г. Тулеева мы отмечаем превалирование личных и притяжательных местоимений и других частей речи со значением единства: *мы, нас, наши, нашими, вместе, все вместе* и т.д. Подчеркивание коллективных заслуг в достижении благополучия региона, единства власти и народа – мощнейший суггестивный фактор в достижении глобальной коммуникативной цели создания позитивного имиджа региона.

В публичном дискурсе губернатора Кемеровской области мы выявили следующие имиджеформирующие тактики: градация (или информирование о развитии региона) (22%), агитация (15%), обращение к историческим фактам (12%). Это наиболее частотные тактики, представляющие региона как благополучную, стабильную, но динамично развивающуюся, перспективную территорию. Дальнейшее развитие региона связано с совместными едиными усилиями всех его жителей.

К менее частотным тактикам можно отнести тактики: обращения к «своему кругу» (8%), приведения примера (8%), приведения статистических

данных (7%), апелляции к испытываемым чувствам (6%), пожелания (5%), благодарности (5%), поощрения (4%), похвалы (4%), дискредитации (3%), цитирования (1%). Использование этих тактик определяется контекстом и тематикой выступления, узостью целевой аудитории.

Вместе с тем анализ публичных выступлений А.Г. Тулеева позволяет выделить две частные стратегические линии: презентация успехов региона и самопрезентация политика. Эти коммуникативные цели тесно взаимосвязаны в силу специфики политического публичного дискурса регионального лидера: имидж главы региона может значительно влиять и на имидж региона.

Выводы

Публичный дискурс регионального лидера направлен на формирование положительного имиджа территории. В выступлениях губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева происходит создание и отражение модели идеального имиджа Кузбасса, транслируемого через СМИ и другие каналы коммуникации. Стратегией политика является изменение ценностных представлений внешней и внутренней аудитории о регионе, его характеристиках, недостатках и преимуществах.

В публичных выступлениях Тулеева имидж Кузбасса представлен через реализации нескольких субимиджей: экономический, социальный, культурный, научно-образовательный, спортивный. В большинстве текстов губернатора (84%) содержание субимиджей выражено эксплицитно, вербально.

Таким образом, в анализируемых текстах Кузбасс предстает как регион с эффективно развивающейся экономикой и промышленностью, высоким уровнем социальной ориентированности и поддержки всех групп населения, развитыми системами образования, науки, культуры и спорта.

Тактические приемы, которые используются в выступлениях губернатора Кемеровской области, подчинены главной стратегической задаче создания положительного имиджа региона. Основные речевые тактики (градации, агитации, обращения к истории) связаны с главными речевыми установками: информативность и суггестивность. Остальные тактики имеют прикладное ситуативное значение.

С точки зрения глобальной цели создания имиджа региона публичный дискурс губернатора весьма показателен и содержит возможности дальнейшего изучения с точки зрения брендинга территории и механизмов его конструирования и трансформации.

Список использованной литературы

1. Андрианова А.А. Имидж и стратегии инновационного развития региона: политико-технологический аспект: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2009.
2. Важенина И.С. Имидж как конкурентный ресурс территории // Маркетинг в России и за рубежом, 2006. № 6. С. 47–64.

- 272 | 3. Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направление исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3. С. 29–45.
4. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
6. Иссерс О.С. Коммуникативный успех как прогнозируемая категория // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 287–298.
7. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ классик, 2002.
8. Краткий психологический словарь / Ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский; ред.-сост. Л.А. Карпенко. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
9. Панасюк А.Ю. Имидж: определение центрального понятия имиджологии. Доклад на открытом заседании президиума академии имиджологии 26.03.2004. URL: <http://imageology.ru/content/view/19/39/> (дата обращения: 20.09.2017).
10. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий: Учебник. СПб.: Питер, 2006.
11. Панкрухин А.П. Территориальный маркетинг // Маркетинг в России и за рубежом. 1999. № 5–6. С. 21–22.
12. Рожков И.Я., Кисмерешкин В.Г. Бренды и имиджи. М.: РИП-холдинг, 2006.
13. Рожков И.Я., Кисмерешкин В.Г. Имидж России. Ресурсы, опыт, приоритеты. М., 2008.
14. Сасим А.В. Маркетинг в туристской индустрии: Конспект лекций (для студентов направления подготовки 100400.62 Туризм). Омск, 2013.
15. Сачук Т.В. Территориальный маркетинг. СПб., 2009.
16. Словарь по политологии / Отв. ред. В.Н. Коновалов. Ростов н/Д: РГУ, 2001.
17. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2006.

Chepkasov A.V.

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department*

*of Journalism and Russian Literature of the XX century,
Kemerovo State University
chepkasoff@yandex.ru*

IMAGE OF THE REGION IN THE GOVERNOR'S PUBLIC DISCOURSE

In modern conditions, the image / image of the region has acquired an independent importance. If we consider the image from a rhetorical point of view, then it is both a means of argumentation and a discursive conflict-generating mechanism. In domestic science, the term «obraz» is traditionally correlated with

«image». Different classifications of the image, approaches to its communicative and functional essence. Many researchers consider the image of the region to be the result of human speech-thinking activity. PR specialists, political strategists, and officials of the regional administration are working on its creation. The role of the media, the population, political, economic and cultural elites is also important. The result is the emergence in the mass consciousness of a generally accepted view of the region, including a set of stereotypical images of the territory, which in general testifies to the effectiveness of perception management.

In this study, the phenomenon of the image of the territory is considered as a cognitive structure (part of the model of the human world). The process of forming the image of the region as an administrative-territorial entity is studied from the point of view of the persuasive communicative strategy of a political leader who influences the cognitive model of the addressee's world – the region's population or representatives of the external environment. The formation of the image of the region allows the governor, regional leader and a team of professionals to create a positive attractive image, which reflects the competitive advantages of the territory that can attract investments, labor resources, the attention of key political and economic actors.

Keywords: region, image, obraz, governor, public discourse.

Горбачева А.В.

младший научный сотрудник

*Лаборатории когнитивных и лингвистических исследований
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
AVGorbacheva@pushkin.institute*

Берлин Хенис А.А.

лаборант-исследователь

*Лаборатории когнитивных и лингвистических исследований
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
AABerlinkhenis@pushkin.institute*

Пучкова А.Н.

кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник

*Лаборатории когнитивных и лингвистических исследований
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина,
старший научный сотрудник лаборатории нейробиологии сна
и бодрствования Института высшей нервной деятельности
и нейрофизиологии РАН (ИВНД и НФ РАН)
ANPuchkova@pushkin.institute*

Осадчий М.А.

доктор филологических наук,

профессор кафедры общего и русского языкознания,

проректор по науке

*Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
MAOsadchiy@pushkin.institute*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТОК В ОБЛАСТИ МЕТОДИКИ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ³²: «ДРУЗЬЯ, МЕНЯЙТЕ МЕТОДИЧКУ»

В настоящей статье представлен обзор современных методических разработок в области судебно-лингвистического анализа поликодовых текстов. В первой части (А.В. Горбачева, М.А. Осадчий) описываются применимые на практике достижения в области социальной семиотики, визуальной грамматики, мультимодального анализа. Приводятся примеры существующих методик анализа поликодовых текстов в судебной экспертизе и за ее пределами.

³² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-29-09170.

Излагаются сложившиеся классификации отношений вербальной и изобразительной составляющих поликодовых текстов. По результатам их обобщения обосновывается практический потенциал структурно-семантического анализа для описания отношений между значениями, выраженными в тексте и изображении, и верификации экспертной интерпретации. Во второй части (А.А. Берлин Хенис, А.Н. Пучкова) авторы ставят вопрос о необходимости дополнения лингвистических и семиотических инструментов результатами исследований когнитивных процессов у судебных экспертов-лингвистов. Демонстрируются новые данные айтрекингового исследования особенностей восприятия и декодирования отдельных изобразительных знаков в контексте поликодовых стимулов (выборка – 40 человек). Анализ данных показывает влияние фактора распознавания конкретного знака на параметры глазодвигательной активности. Наблюдаются статистически значимые различия у распознавших и не распознавших целевые знаки респондентов: для 3 из 5 стимулов в течение всего времени ответа группа распознавших имела увеличенные (1) время рассматривания всего стимула, (2) время рассматривания зоны интереса, содержащей целевой знак, (3) количество фиксаций в зоне интереса. Запланировано расширение выборки и проведение отдельного анализа данных экспертов и неэкспертов с целью верификации результатов и поиска возможных внутригрупповых различий глазодвигательной активности в ситуациях распознавания/нераспознавания целевых изобразительных знаков.

Ключевые слова: судебная лингвистика, эксперты, методика анализа, поликодовые тексты, вербальный текст и изображение, айтрекинг, распознавание объекта, визуальный поиск.

Введение

С момента появления судебной лингвистики как отрасли прикладного языкознания в центре внимания практиков и исследователей находится проблема проверяемости и воспроизводимости лингвистического анализа, выполняемого судебным экспертом. В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. Иными словами, ход исследования должен строиться по алгоритму, позволяющему воспроизвести и проверить экспертный анализ. В практике производства судебных лингвистических экспертиз это требование выполняется не всегда, поскольку лингвистике, как гуманитарной отрасли знания, свойственна высокая степень субъективности: лингвистический анализ текста является интерпретацией, которая во многом зависит от индивидуальных характеристик интерпретатора (эксперта) – профессиональной подготовки, общей эрудиции, особенностей мышления.

Такая субъективность приводит к относительно большому числу экспертных ошибок в этой области по сравнению с другими экспертными специальностями. Принципиально эта проблема решается в рамках конкретных методик анализа, которые позволяют фиксировать не только применяемые подходы и методы, но также состав и порядок действий экспертов при проведении исследования. Два основных требования, выдвигаемых к методикам, – это соответствие научного базиса методики современному состоянию науки и необходимая и достаточная параметризация коммуникативных действий, признаваемых правонарушениями. Уже разработанные методические основы и внедренные методики лингвистического анализа текстов различной направленности (по делам о противодействии экстремизму, терроризму [4; 17; 19], о защите чести, достоинства и деловой репутации [4; 22], об оскорблении [4; 16; 22]) значительно объективизировали деятельность экспертов-лингвистов. Закономерным продолжением этой работы является разработка и уточнение методик исследования материалов, усложненных по отношению к вербальному тексту, – поликодовых текстов, сочетающих в себе знаки, принадлежащие к различным семиотическим системам (вербальные высказывания, изображение, звук), которые на сегодня в силу распространенности опосредованной коммуникации являются наиболее частотным видом материалов, предоставляемых на экспертизу.

Результаты и обсуждение

Основу методики анализа поликодовых текстов (ПТ) могут составить уже имеющиеся научно обоснованные и практически применимые сведения об этом роде текстов, апробированные и показавшие свою эффективность методы и приемы анализа ПТ и новые данные об особенностях их анализирования, полученные в ходе экспериментальных исследований. Действительно, современные научные подходы к исследованию поликодовых текстов сделали возможным приобретение важных сведений об их характеристиках. Так, достижения зарубежных ученых в области визуальной грамматики и мультимодального анализа во многом расширяют возможности толкования таких параметров изображения, как композиция, в частности физическое расположение изображенных людей и предметов по отношению друг к другу и к зрителю, фокус, перспектива, цвет, свет, абсолютная и относительная величина компонентов изображения, детализация и др. (см., например, Kress & van Leeuwen, 1996, 2001 [29; 30], Machin, 2016 [31], Bateman et al., 2017 [27]). К этой совокупности знаний постепенно присоединяются результаты отечественных исследований в области визуальной семиотики (см., например, Баранов, Паршин, 2018 [5]), зачастую не являющиеся новыми, а актуализируемые в связи с обновлением научной точки зрения. В рамках еще одного плодотворного – социосемиотического – подхода (об этом см., например, van Leeuwen, 2006 [37]) каталогизируются визуальные семиотические ресурсы,

в том числе по тематике экстремистской и террористической деятельности (см., например, O'Halloran et al., 2016 [33]), детской порнографии и педофилии (см., например, Taylor et al., 2001 [35], Krone, 2004 [31]), что потенциально увеличивает базу авторитетных источников сведений о фактах этих дискурсов. В силу этого российские авторы все чаще обращают внимание на методы социальной семиотики и критического дискурс-анализа при исследовании поликодовых текстов (см., например, Гаврилова, 2016 [13], Кожемякин, 2018 [18], Омеляненко, Ремчукова, 2018 [21]).

В практике судебной лингвистической экспертизы анализ поликодовых текстов обыкновенно производится по утвержденным ведомственным методикам, предполагающим универсальные диагностические процедуры для оценки вербальных и поликодовых текстов (например, Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014 [19]) либо в соответствии с индивидуальными методическими разработками экспертов, объединяющими общепринятые лингвистические методы и приемы оценки объектов исследования (об этом см., например, Ворошилова, 2017 [11]). Среди индивидуальных методик экспертного анализа собственно поликодовых текстов стоит выделить трехэтапный алгоритм, описанный М.Б. Ворошиловой: «На первом этапе необходимо определить объект исследования, на следующем – выделить все значимые знаки независимо от их функционала, объема и места в тексте, на третьем – данные знаки должны быть объединены общей системой, которая наделяет их значением или акцентирует важные элементы смысла. Каждый этап характеризуется выбором адекватного ему инструмента: жанровый анализ, дискурсивный, семантический и др.» [12, с. 242]. Этот алгоритм анализа целесообразно рассматривать не только по причине его конкретики, но и по тому, что в нем зафиксированы важные ограничения, которые присутствуют в профессиональной деятельности экспертов и могут ими не осознаваться: эксперты не всегда способны успешно распознавать и декодировать значимые компоненты поликодового текста и/или устанавливать отношения между ними, интерпретируя смысл анализируемого объекта.

Необходимо сказать, что в настоящий момент имеются два по-настоящему существенных затруднения на пути разработки качественно новой методики анализа поликодовых текстов – это несовершенство алгоритмов интерпретации смысла текста, приводящее к вариативности экспертных суждений, и менее очевидное несовершенство управления когнитивными процессами при экспертной деятельности.

В связи с проблемой интерпретации смысла ПТ в зарубежных и отечественных работах изучались отношения их вербальной и изобразительной составляющих, а сложившиеся классификации широко используются в российской экспертной и научной практике (см. табл. 1).

**Классификации отношений
вербальной и изобразительной составляющих поликодового текста**

Автор	Классификация
Р. Барт, 1964 [3, с. 304–307]	<ul style="list-style-type: none"> • <i>отношения закрепления</i>: высказывание уточняет содержание изображения, объясняя его; • <i>отношения связывания</i>: изображение и высказывание находятся в комплементарных отношениях, являются компонентами сообщения с различным, не дублирующим содержанием;
Л. Барден, 1975 (цит. по Анисимова, 2003 [1, с. 12])	<p>автор определяет отношения между изображением и высказыванием в зависимости от типа передаваемой информации (D – денотативной и K – коннотативной):</p> <ul style="list-style-type: none"> • высказывание доминирует над изображением: <i>Изображение_D + Слово_D; Изображение_D + Слово_K</i>; • изображение доминирует над высказыванием: <i>Изображение_K + Слово_D</i>; • изображение и высказывание равноправны: <i>Изображение_K + Слово_K</i>;
С.Д. Заурбир, 1978 (цит. по Чудакова, 2005 [26, с. 182])	<ul style="list-style-type: none"> • <i>параллельная корреляция</i>: содержание изображения и высказывания полностью совпадает; • <i>комплементарная корреляция</i>: содержание изображения и высказывания частично перекрывает друг друга; • <i>субститутивная корреляция</i>: «иконическая информация замещает вербальную информацию»; • <i>интерпретативная корреляция</i>: между содержанием изображения и высказывания «нет прямых точек соприкосновения, и эта связь устанавливается на ассоциативной основе»;
Л.М. Большаянова, 1986 [7, с. 8–10]	<p><i>отношения взаимодополнения</i>: «взаимодополняя свое содержание, они [изображение и высказывание] устраняют многозначность друг друга и создают особый вид контекста – лингвовизуальный»;</p> <ul style="list-style-type: none"> • <i>модель БКИ (блок кадровой информации)</i>: высказывание выражает содержание изображения; • <i>модель БЗИ (блок закадровой информации)</i>: высказывание вводит дополнительную информацию, не выражающую содержание изображения; • <i>модель БКИ + БЗИ</i>: высказывание не только выражает содержание изображения, но также вводит дополнительную информацию, «направленную на восстановление ситуации в пространственно-временном континууме действительности и устанавливающую ее связи с другими событиями и явлениями»; <p>предполагается наличие зависимости между изображенной ситуацией и «структурно-синтаксической организацией ее вербального сопровождения», которая определяется как <i>отношения изоморфизма</i>;</p>

<p>Е.В. Пойманова, 1997 [23, с. 72–73]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • <i>репетиционные отношения</i>: «изображение в основном повторяет вербальный текст»; • <i>аддитивные отношения</i>: «изображение привносит значительную дополнительную информацию»; • <i>выделительные отношения</i>: изображение выделяет отдельный смысловой компонент, выраженный вербально, при этом объем вербальной информации значительно превосходит объем информации в изображении; • <i>оппозитивные отношения</i>: «содержание, переданное картинкой, вступает в противоречие с вербальной информацией, на основе этого часто возникает комический эффект»; • <i>интегративные отношения</i>: «изображение встроено в вербальный текст или вербальный текст в изображение для совместной передачи информации»; • <i>изобразительно-центрические отношения</i>: «с ведущей ролью изображения вербальная часть лишь поясняет и конкретизирует его»;
<p>Е.Е. Анисимова, 2003 [1, с. 15]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • <i>автосемантические отношения</i>: высказывание и изображение не зависят друг от друга; изображение не является обязательным для организации текста; • <i>синсемантические отношения</i>: высказывание и изображение взаимозависимы; оба компонента обязательны для организации текста;
<p>В.Е. Чернявская, 2010 [24, с. 121–122]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • <i>дополнительные отношения</i>: высказывание и изображение односторонне или взаимно уточняют значения друг друга; • <i>интегративные взаимообуславливающие отношения</i>: изображение поясняет значение высказывания; • <i>отношения двойного кодирования</i>: высказывание и изображение выражают одно и то же денотативное значение, роль изображения заключается в передаче эмоциональной коннотации;
<p>Д.П. Чигаев, 2010 [25, с. 6]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • <i>вербальный текст + изображение</i>: к высказываниям добавляются изображения; • <i>изображение + вербальный текст</i>: к изображениям добавляются сопровождающие высказывания; • <i>вербальный текст = изображение</i>: текст изначально создается как поликодовый, изображения и высказывания подбираются специально для взаимодействия друг с другом;
<p>Ариас А.-М., 2012 [2, с. 23–28]</p>	<ul style="list-style-type: none"> • <i>интегративные отношения</i>: изображение и высказывание поясняют друг друга, невозможно разделить их без потери смысла; • <i>оппозитивные отношения</i>: изображение и высказывание взаимозависимы и взаимообусловлены, при этом содержание высказывания вступает в противоречие с содержанием изображения; • <i>отношения двойного кодирования</i>: содержание высказывания дублирует содержание изображения; • <i>дополнительные отношения</i>: содержание одного из компонентов «сопровождает», уточняет содержание другого;

Ворошилова, 2013 [10, с. 35–37]	<ul style="list-style-type: none"> • <i>параллельная корреляция</i>: содержание высказывания и изображения «совпадают практически полностью»; • <i>перекрестная корреляция</i>: содержание высказывания и изображения «частично перекрывают друг друга»; • <i>оппозитивная корреляция</i>: содержание изображения вступает в противоречие с содержанием высказывания; • <i>интерпретативная корреляция</i>: между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе; • <i>поддерживающая корреляция</i>: или изображение, или высказывание «дополняет, как бы поддерживает семантику второго в интересах совместной передачи информации, ставя некий важный акцент».
------------------------------------	---

Обобщая приведенные описания смысловой интеграции гетерогенных частей текста, мы приходим к выводу о том, что в данных классификациях резюмированы наблюдения над пропозициональной структурой поликодовых сообщений, где предикаты, актанты и сирконстанты могут быть выражены знаками различных семиотических систем, но, как компоненты пропозиции или макропропозиции, обязательно вступают в семантические отношения. Логическим продолжением исследования этих отношений является структурно-семантический анализ поликодовых текстов. Так, Л.М. Большаянова исследует распределение функций между компонентами пропозиции поликодовых сообщений в газетных текстах [7, с. 11]; А.-М. Ариас рассматривает пропозициональную структуру и содержание поликодовых сообщений в жанре карикатуры и описывает механизм выстраивания смысловых отношений между изображением и высказыванием через семантически мотивированные «вербально-визуальные связки» [2, с. 6, 14, 16, 18], то есть компоненты пропозиции со значениями, включающими одну или несколько одинаковых сем [14].

Близок к структурно-семантическому когнитивно-дискурсивный анализ по методике Э.В. Булатовой [8; 9], разработанной на основе методик анализа смысловой структуры текста Л.М. Майдановой [20, с. 7] и информативно-целевого анализа Т.М. Дридзе [15, с. 88–92]. Анализ включает выделение основных концептов ПТ в когнитивном понимании этого термина и установление характера отношений между ними, а также построение фреймово-словотой модели доминантного текстового концепта.

Структурно-семантический анализ представляется адекватным аналогом указанного метода при решении экспертных задач, предшествующих определению лингвистических признаков правонарушений, а именно при определении содержания поликодового текста и устранении многозначности для толкуемых знаков путем определения их семантических связей с эксплицитно выраженными значениями или с другими опущенными значениями, через которые восстанавливаются семантические связи. На использование метода

структурно-семантического анализа ПТ с реконструкцией семантических связей указывает и М.Б. Ворошилова, описывая один из принципиальных этапов экспертно-лингвистического анализа поликодового текста: «...не менее важно провести и корректный анализ структуры креолизованного текста, который необходим для установления вектора интерпретации, дешифровки общего смысла. (...) эксперт должен не только установить, какое место в общей структуре текста занимает каждая единица, но и определить, какую функцию она выполняет» [12, с. 245].

В экспериментальном исследовании понимания поликодовых текстов экстремистской направленности (см. Горбачева, Нестерова, Осадчий, 2020 [14]) результаты поиска смысловых соответствий между компонентами изображения и высказывания, аналогичные процедуре когнитивно-дискурсивного анализа, прямо коррелировали с эталонным или неэталонными вариантами интерпретации смысла ПТ, предъявляемых в качестве стимулов, делали явной субъективно понимаемую респондентами пропозициональную структуру сообщения и обнаруживали дефекты толкования значений отдельных компонентов. Наконец, применение данного метода в судебной лингвистической экспертизе могло бы обеспечить законодательно требуемые проверяемость и воспроизводимость результатов экспертных исследований в силу разработанности и высокой степени формализации процедур структурно-семантического анализа и его совместимости с уже разработанными моделями параметризации коммуникативных действий, квалифицируемых как правонарушения (см. Осадчий, 2019 [22]). Иными словами, современная лингвистика располагает методом, позволяющим успешно регулировать такую процедуру, как экспертная интерпретация.

Иная картина наблюдается в отношении когнитивных процессов, физиологически упреждающих интерпретацию, – восприятия и декодирования информации, содержащейся в поликодовом тексте и подлежащей экспертному анализу.

Эксперты и исследователи соглашаются, что обязательным этапом анализа ПТ является декодирование изобразительных знаков с последующей вербализацией их значений. Эта задача решается как с помощью специалистов из соответствующих областей знания, так и самими лингвистами в порядке семиотического анализа с привлечением авторитетных источников информации: «В этом случае лингвист выступает как специалист по семиотике. Такое расширение вполне правомерно, хотя и предполагает некоторую экспансию сферы лингвистического знания: действительно, не все семиотические системы являются естественными языками» [6, с. 67]. Тем не менее психофизиология восприятия и декодирования специфических стимулов, подлежащих судебно-лингвистической оценке, ранее не исследовалась.

В настоящей работе мы приводим некоторые промежуточные результаты междисциплинарного экспериментального исследования указанных процессов с применением методов айтрекинга (бесконтактный высокоскоростной метод регистрации направления взгляда, позволяющий получить точные данные о временном и пространственном распределении зрительного внимания), интервьюирования и анкетирования.

Целью исследования является изучение психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия, декодирования и интерпретации поликодовых текстов экстремистской направленности. В эксперименте принимали участие три группы респондентов, различаемые по степени осведомленности о содержании экстремистского дискурса: 1) судебные эксперты-лингвисты с опытом проведения исследований по материалам дел о противодействии экстремизму и 2) неэксперты, хорошо и мало информированные о фактах экстремистского дискурса. В качестве стимульного материала использовались поликодовые тексты формата «статическое изображение + письменное высказывание», которые содержали или не содержали экстремистское сообщение (всего 42 стимула, из которых 21 – экстремистского содержания). Стимульный материал до эксперимента был верифицирован опытными экспертами-лингвистами при помощи метода сходимости оценок. Эксперимент включал две части. В первой части респонденты просматривали в случайном порядке демонстрируемые стимулы, после чего оценивали, содержит ли стимул экстремистское сообщение посредством нажатия клавиш со значением «да», «нет» или «затрудняюсь» на клавиатуре компьютера и давали устный комментарий, что именно они видят и каково смысловое содержание просматриваемого стимула. Продолжительность просмотра не ограничивалась; желательная длина комментария не должна была превышать пяти развернутых высказываний, однако ограничение длины комментария не являлось строгим. Во время выполнения задания движения глаз респондентов регистрировались при помощи айтрекера EyeLink 1000+. Моменты начала и окончания просмотра стимула, а также принятия решения об оценке его содержания автоматизированно фиксировались. Во второй части эксперимента респонденты исследовали повторно просматриваемые стимулы на наличие смысловых взаимосвязей между изображением и письменным высказыванием; взаимосвязи предлагалось обозначить при помощи маркера и устно объяснить. Если респонденты не обнаруживали очевидных для них взаимосвязей, они имели право отказаться от нанесения разметки и комментирования. В ходе эксперимента комментарии респондентов фиксировались при помощи аудиозаписывающего устройства и в дальнейшем дословно расшифровывались. Впоследствии их содержание сопоставлялось и анализировалось с опорой на разметку взаимосвязей в стимулах методом компонентного анализа лексики комментариев.

Одна из задач, решаемых в рамках данного исследования, – изучение особенностей восприятия и декодирования знаков, характеризующихся высокой смысловой нагрузкой. Было принято решение проанализировать обработанную часть первичных данных на наличие особенностей зрительного восприятия у респондентов, которые в своих комментариях указали или не указали на знаки со значением, важным для полноты интерпретации смысла стимула. Данный анализ производился в связи со следующими обстоятельствами: 1) во второй части эксперимента некоторые респонденты переживали инсайт и предлагали новую интерпретацию того или иного стимула, мотивируя это распознаванием знака, который они не распознали ранее, в первой части эксперимента; данное явление наблюдалось как у экспертов, так и у неэкспертов; 2) в других областях деятельности, где специалисты занимаются визуальным поиском маркеров того или иного явления (водители, врачи-рентгенологи, авиадиспетчеры и др.), обнаруживаются проблемы так называемой слепоты невнимания (*inattentional blindness*, об этом см., например: Potchen, 2006 [34], Drew et al., 2013 [28]; Waite et al., 2017 [38]) и ошибки распознавания (*recognition error*, об этом см., например: Tourassi et al., 2013 [36]), которые могут характеризовать и деятельность судебных экспертов-лингвистов.

Анализировались данные регистрации движения глаз и комментариев респондентов по пяти стимулам. В отобранных стимулах имеются знаки, на которые часть респондентов указала, сообщив об их значении (истинном или предполагаемом) или о том, что значение им не известно. Описываемая выборка включает 40 респондентов (10 экспертов, 15 хорошо информированных и 15 мало информированных неэкспертов). В ходе обработки данных для каждого стимула были определены группы респондентов, распознавших и не распознавших целевые знаки. При анализе данных принадлежность к экспертам или неэкспертам игнорировалась. Эксперты распределялись в группах распознавших: для *contr_in_01_01* – 5 из 13; для *opr_v_ic_01* – 5 из 10; для *vozb_ic_01* – 4 из 13; для *uniz_sy_01* – 6 из 15; для *prde_ic_01* – 5 из 11. Выделение экспертных и неэкспертных подгрупп внутри групп распознавания на имеющейся выборке не представлялось возможным в силу ограничения по числу респондентов.

Для анализа глазодвигательной активности на всех этапах работы со стимулом были выделены следующие параметры: 1) время рассматривания всего стимула, без выделения конкретных зон интереса; 2) время рассматривания зоны интереса, содержащей целевой знак, для определения длительности внимания по отношению к нему; 3) относительное время рассматривания зоны интереса, показывающее, какую часть времени просмотра стимула респонденты затрачивали на рассматривание целевого знака; 4) количество фиксаций, сделанных в зоне интереса; 5) количест-

284 | во заходов в зону интереса, сделанное в процессе рассматривания или комментария, которое позволяет понять, насколько часто респонденты из двух групп возвращали взор к целевому знаку. Полученные данные приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Глазодвигательная активность
в зависимости от фактора «распознавание знака»**

Стимулы с незначимыми различиями		
<i>contr_in_01_01</i>		
Параметр оценки	Не распознавшие	Распознавшие
размер группы, чел.	27	13
Время до принятия решения		
время рассматривания стимула, с	18,43±14,25	13,84±9,79
время рассматривания зоны, с	0,57±0,68	0,54±0,9
относительное время рассматривания зоны, %	3,3±3,4	3,6±5,2
количество фиксации	2±2,3	1,6±2,8
количество заходов в зону	1,52±1,63	1,23±2,45
Все время ответа		
время рассматривания стимула, с	53,28±27,39	56,25±15,06
время рассматривания зоны, с	1,65±1,44	1,97±1,91
относительное время рассматривания зоны, %	3,2±2,3	3,5±3,5
количество фиксации	5,9±4,6	6,2±5,4
количество заходов в зону	4,59±3,31	4,54±3,97
<i>opr_v_ic_01</i>		
размер группы, чел.	30	10
Время до принятия решения		
время рассматривания стимула, с	22,7±10,6	17,91±5,84
время рассматривания зоны, с	0,13±0,28	0,16±0,23
относительное время рассматривания зоны, %	0,6±1,4	0,9±1,3
количество фиксации	0,4±0,7	0,4±0,5
количество заходов в зону	0,37±0,67	0,4±0,52
Все время ответа		
время рассматривания стимула, с	60,47±17,93	65,55±19,51
время рассматривания зоны, с	0,45±0,76	1,41±2,43
относительное время рассматривания зоны, %	0,8±1,2	1,9±2,7
количество фиксации	1,4±2,5	3,5±6,3
количество заходов в зону	1,27±2,03	2±2,26

Стимулы со значимыми различиями		
<i>voz_b_ic_01</i>		
Параметр оценки	Не распознавшие	Распознавшие
размер группы, чел.	27	13
Время до принятия решения		
время рассматривания стимула, с	9,09±5,42	12,05±9,97
время рассматривания зоны, с	0,07±0,18	0,2±0,38
относительное время рассматривания зоны, %	0,6±1,7	1,3±3,1
количество фиксаций	0,3±0,7	0,5±1,1
количество заходов в зону	0,19±0,48	0,31±0,63
Все время ответа		
время рассматривания стимула, с	38,53±14,03*	49,14±15,76*
время рассматривания зоны, с	0,51±0,97**	2,26±1,87**
относительное время рассматривания зоны, %	1,3±2,4**	4,6±3,8**
количество фиксаций	1,6±2,9**	6±5,9**
количество заходов в зону	1,3±2,09**	3,46±3,69**
<i>uniz_sy_01</i>		
размер группы, чел.	25	15
Время до принятия решения		
время рассматривания стимула, с	7,55±7,76	12,66±11,33
время рассматривания зоны, с	0,23±0,36	1,12±1,99
относительное время рассматривания зоны, %	2,6±4,7	5,9±6,7
количество фиксаций	0,9±1,4	3,3±5,5
количество заходов в зону	0,84±1,28	2,13±2,5
Все время ответа		
время рассматривания стимула, с	36,45±12,8	42,85±16,91
время рассматривания зоны, с	1,3±1,18**	3,49±2,73**
относительное время рассматривания зоны, %	3,4±2,7**	8±6,3**
количество фиксаций	3,7±3,1**	10,3±8,2**
количество заходов в зону	3,2±2,68**	6,27±4,18**
<i>prde_ic_01</i>		
размер группы, чел.	29	11
Время до принятия решения		
время рассматривания стимула, с	8,7±9,51	6,83±4,76
время рассматривания зоны, с	1,07±1,39	1,46±1,75
относительное время рассматривания зоны, %	11,1±8,3	17,8±16,1

количество фиксаций	3,4±4,1	4,5±4,5
количество заходов в зону	2,41±2,46	2,18±1,83
Все время ответа		
время рассматривания стимула, с	36,04±16,06*	58,59±32,82*
время рассматривания зоны, с	4,05±3,09*	10,31±8,86*
относительное время рассматривания зоны, %	11,6±7,8	16±8
количество фиксаций	13,2±9,9*	29±23,4*
количество заходов в зону	8,41±5,58	15,18±10,95

* – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$

Данные о зрительных параметрах подробного рассматривания до принятия решения об оценке стимула, полученные в ходе начального ознакомления со стимулом, не сопровождаемого комментарием, указывают на отсутствие различий между выбранными группами ($p > 0,05$) при просмотре всех стимулов. Одно из возможных объяснений может состоять в том, что низкоуровневые процессы, такие как глазодвигательная активность, не отображают деятельность высокоуровневых процессов распознавания или понимания смыслового содержания знаков. Другое возможное объяснение – отсутствие влияния фактора распознавания в отдельности от фактора экспертности. В таком случае при расширении выборки имеет смысл провести подобный анализ в отношении данных экспертной и неэкспертной групп респондентов.

При анализе глазодвигательной активности в течение всего времени ответа (время до принятия решения + время голосового комментария) были обнаружены значимые различия в нескольких параметрах для 3 стимулов из 5 (см. Таблица 2). Для стимула *vozb_ic_01* абсолютное и относительное время рассматривания зоны с целевым знаком было выше у группы распознавших ($p < 0,01$, не распознавшие – $0,51 \pm 0,97$ с / $1,3 \pm 2,4$ %, распознавшие – $2,26 \pm 1,87$ с / $4,6 \pm 3,8$). Также для этого стимула значимо различались количество фиксаций на зоне со знаком ($p < 0,01$, не распознавшие – $1,6 \pm 2,9$, распознавшие – $6 \pm 5,9$) и количество вхождений в зону с целевым знаком ($p < 0,01$, не распознавшие – $1,3 \pm 2,09$, распознавшие – $3,46 \pm 3,69$). Полученные данные для этого стимула указывают на различия в зрительных стратегиях под влиянием фактора распознавания знака: группа, распознавшая знак, возвращала к нему взор в процессе комментария, что отразилось в большем количестве фиксаций и дольшем внимании к нему, нежели у группы не распознавших. Это может свидетельствовать о следующем: 1) распознавание формы целевого знака каузировало у респондентов анализ и в соответствии с заданием описание полученной информации, что приводило к большим затратам времени на комментарий, нежели у не распознавших знак; 2) респонденты, обдумывая, что сказать, или говоря о целевом символе, сосредоточивали свое внимание на нем; 3) возвраты внимания, вероятно, коррелируют с попыткой поиска

значения знака, который на уровне формы распознан. Для стимула *uniz_sy_01* наблюдались схожие данные, где по всем параметрам, кроме времени рассматривания стимула, группа распознавших имела статистически значимые отличия (абсолютное и относительное время рассматривания зоны: $p < 0,01$, не распознавшие – $1,3 \pm 1,18$ с / $3,4 \pm 2,7$ %, распознавшие – $3,49 \pm 2,73$ с / $8 \pm 6,3$ %; количество фиксаций: $p < 0,01$, не распознавшие – $3,7 \pm 3,1$, распознавшие – $10,3 \pm 8,2$; количество заходов в зону: $p < 0,01$, не распознавшие – $3,2 \pm 2,68$, распознавшие – $6,27 \pm 4,18$). Данные, полученные для этого стимула, могут быть проинтерпретированы аналогично данным для предыдущего стимула.

Для стимула *prde_ic_01* наблюдалось снижение количества параметров, в которых повторялось статистически значимое различие между группами по сравнению с описанными выше стимулами. Группа распознавших имела преимущество только в следующих параметрах: время рассматривания всего стимула ($p < 0,05$, не распознавшие – $36,04 \pm 16,06$ с, распознавшие – $58,59 \pm 32,82$ с), время рассматривания целевой зоны ($p < 0,05$, не распознавшие – $4,05 \pm 3,09$ с, распознавшие – $10,31 \pm 8,86$ с), количество фиксаций в целевой зоне ($p < 0,05$, не распознавшие – $13,2 \pm 9,9$, распознавшие – $29 \pm 23,4$). Следует отметить сниженную статистическую достоверность таких отличий по сравнению со статистической разницей в предыдущих стимулах и большой разброс данных внутри каждой группы, что может свидетельствовать о недостаточном количестве респондентов в группе, объясняться неоднородностью групп (соотношение экспертов и неэкспертов) и указывать на неустойчивость таких отличий. В целом отсутствие единого эффекта в течение всего времени ответа для всех изображений может указывать на влияние отдельных стимульных особенностей на глазодвигательную активность. Такие данные не дают возможности сделать окончательные выводы о влиянии фактора распознавания на окулomotorные процессы во время голосового описания и анализа контекста стимульного материала. Тем не менее при увеличенной продолжительности просмотра и необходимости объяснять увиденное и его смысл вероятность распознавания знака возрастает, что может использоваться в качестве методического приема в экспертной деятельности.

Выводы

Современное состояние разработок в области методики судебного-лингвистического анализа поликодовых текстов отражает относительную развитость методологии интерпретации как вербальной, так и визуальной информации. Структурно-семантический анализ содержания поликодового текста позволяет описывать отношения между значениями, выраженными в тексте и изображении, и верифицировать экспертную интерпретацию. Анализ семантических связей отдельных элементов изображения и высказывания открывает возможность для обоснования необходимого и достаточного объема вербализации. Однако все еще остаются малоисследованными и нерегулируемыми такие

288 | этапы экспертного анализа, как восприятие и декодирование информации, содержащейся в изображении.

Приведенные экспериментальные данные показывают, что существует научный потенциал для разработки процедуры осмотра исследуемых материалов, направленного на предотвращение возникновения слепых зон у экспертов. Оптимизации использования ресурса внимания у экспертов может способствовать исследование закономерностей восприятия в зависимости от типов графического шаблона в различных поликодовых жанрах (демотиватор, мем, картинка с подписью, комикс и др.).

Важной частью методики должны стать рекомендации по самопроверке на наиболее распространенные у экспертов когнитивные искажения (в первую очередь на ошибки распознавания и подтверждения), что позволит снизить риск добросовестных заблуждений при постоянной работе с однотипными материалами.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за помощь в обработке данных П.К. Иванову, магистранту 1-го курса программы «Общая и типологическая лингвистика и приложения в области языкознания» Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, а также искреннюю признательность Е.В. Жукову за сделанные им критические замечания и ценные идеи, поданные во время подготовки этой работы.

Список использованной литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003.
2. Ариас А.-М. Взаимодействие вербального и невербального компонентов в карикатуре и коллаже (на материале немецкоязычных СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2012.
3. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 297–318.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.
5. Баранов А.Н., Паршин П.Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1>.
6. Баранов А.Н. Слово и жест в лингвистических экспертизах по делам о взятках: к семантике и прагматике «закрытых» дискурсов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 64–76. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.6>.

7. Большаянова Л.М. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: содержание и структура: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Л., 1986.
8. Булатова Э.В. Когнитивно-дискурсивные практики автора и адресата креолизованного медиатекста // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22, № 4 (154). С. 25–35.
9. Булатова Э.В., Ефимова Т.Ю. Смысловая структура креолизованных текстов малоформатных жанров СМИ // Известия Урал. фед. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119, № 4. С. 28–36.
10. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: Монография. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013.
11. Ворошилова М. Б. Методология, методы и методики анализа креолизованного текста // Эволюция лингвистической экспертизы. Методы и приемы: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед ун-т, 2017. С. 125–199.
12. Ворошилова М.Б. «Действуй»: интерпретация креолизованных текстов в практике судебной экспертизы // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 242–250. DOI: 10.21638/spbu22.2019.208.
13. Гаврилова М.В. Социальная семиотика: теоретические основания и принципы анализа мультимодальных текстов // Политическая наука. 2016. № 3. С. 101–117.
14. Горбачева А.В., Нестерова Т.В., Осадчий М.А. Об экспертной и не-экспертной интерпретации поликодовых текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 102–114. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.9>.
15. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука; Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984.
16. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. 2016. Т. 41, № 1. С. 92–98.
17. Катышев П.А., Осадчий М.А. Судебная лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс]. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020.
18. Кожемякин Е.А. Визуальное и социальное: перспективы критического дискурс-анализа и социальной семиотики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. Т. 27, № 1. С. 86–92.
19. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы

290 | при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

20. Майданова Л.М. Практикум по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 2007.

21. Омеляненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. Т. 17, № 3. С. 66–78.

22. Осадчий М.А. Русский язык в судебном процессе: Книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. М.: ЛЕНАНД, 2019.

23. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1997.

24. Чернявская В.Е. Поликодовость коммуникации как объект речеведения // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2010. С. 113–124.

25. Чигаев Д.П. Способы креолизации современного рекламного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2010.

26. Чудакова Н.М. Концептуальная область «неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.) Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2005.

27. Bateman J., Wildfeuer J., Hiippala T. *Multimodality. Foundations, Research and Analysis A Problem-Oriented Introduction*. Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston, 2017. 416 p.

28. Drew T., Vo M., Wolfe J.M. The invisible gorilla strikes again: Sustained inattentive blindness in expert observers // *Psychological science*. 2013. Vol. 24, No. 9. Pp. 1848–1853. DOI: 10.2214/AJR.16.16963#_i57.

29. Kress G., Leeuwen T. van. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. N. Y. : Routledge, 1996. 312 p.

30. Kress G., Leeuwen T. van. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. L. : Edward Arnold, 2001. 152 p.

31. Krone T. A Typology of Online Child Pornography Offending // *Trends and Issues in Crime and Criminal Justice*. 2004. Vol. 279, No. 279. P. 1–6.

32. Machin D. *Introduction to Multimodal Analysis*. Bloomsbury Academic, 2016. 224 p.

33. O'Halloran K.L., Tan S., Wignell P., Bateman J.A., Pham D.-S., Grossman M., Moere A.V. Interpreting text and image relations in violent extremist discourse: A mixed methods approach for big data analytics // *Terrorism and Political Violence*. 2016. Vol. 31, No. 3. Pp. 454–474. DOI: 10.1080/09546553.2016.1233871.

34. Potchen E.J. Measuring Observer Performance in Chest Radiology: Some Experiences // *Journal of the American College of Radiology*. 2006. Vol. 3, No. 6. Pp. 423–432. DOI: 10.1016/j.jacr.2006.02.020.

35. Taylor M., Holland G., Quayle E. Typology of Paedophile Picture Collections // The Police Journal. 2001. Vol. 74, No. 2. Pages 97–107. DOI: 10.1177/0032258X0107400202.

36. Tourassi G., Voisin S., Paquit V., Krupinski E. Investigating the link between radiologists' gaze, diagnostic decision, and image content // Journal of the American Medical Informatics Association. 2013. Vol. 20, No. 6. Pp. 1067–1075. DOI: 10.1136/amiajnl-2012-001503.

37. Van Leeuwen T. Introducing social semiotics. New York, NY: Psychology Press, 2006. 314 p.

38. Waite S., Scott J., Gale B., Fuchs T., Kolla S., Reede D. Interpretive Error in Radiology // American Journal of Roentgenology. 2017. Vol. 208, No. 4. Pp. 739–749. DOI: 10.2214/AJR.16.16963.

39. Wolfe J., Horowitz T. What attributes guide the deployment of visual attention and how do they do it? // Nature Reviews Neuroscience . 2004. Vol. 5. Pp. 495–501. DOI: 10.1038/nrn1411.

Gorbacheva A.V.

*Junior researcher at the Language and Cognition Laboratory,
Pushkin State Russian Language Institute
AVGorbacheva@pushkin.institute*

Khenis Berlin A.A.

*Research assistant at the Language and Cognition Laboratory,
Pushkin State Russian Language Institute
AABerlinkhenis@pushkin.institute*

Puchkova A.N.

*Doctor of Biology, Leading researcher at the Language and Cognition
Laboratory,
Pushkin State Russian Language Institute,
Senior researcher at the Laboratory of Neurobiology of Sleep and Wake,
Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian
Academy of Sciences (IHNA and NPH RAS)
ANPuchkova@pushkin.institute*

Osadchiy M.A.

*Grand Doctor of Philology, Professor of the Department of General and
Russian linguistics,
Vice-Rector for Science, Pushkin State Russian Language Institute
MAOsadchiy@pushkin.institute*

CURRENT STATE OF METHODOLOGICAL MATERIALS ON FORENSIC LINGUISTIC ANALYSIS OF MULTIMODAL TEXTS:**«FRIENDS, CHANGE THE MANUAL»**

This article provides a review of modern methodological materials on forensic linguistic analysis of multimodal texts. In the first part (Aleksandra V. Gorbacheva, Mikhail A. Osadchiy), the authors describe practically applicable achievements in social semiotics, visual grammar, and multimodal analysis. Examples of existing methods for analyzing multimodal texts in forensic expertise and in the other fields are given. The authors describe the existing classifications of relations between verbal and visual components of multimodal texts. Based on the results of generalization of these classifications, the authors substantiate practical potential of propositional analysis for describing the relationship between the meanings of the words and the images and for verifying expert interpretation. In the second part (Alexandra A. Berlin Khenis, Alexandra N. Puchkova), the authors raise the question of the need to supplement linguistic and semiotic tools with the results of research on cognitive processes in forensic linguists. New data from an eye-tracking study of perception and decoding of target visual signs in the context of multimodal stimuli on 40 subjects is presented. Data analysis shows the influence of the factor of target sign recognition on the parameters of oculomotor activity. Statistically significant differences are observed in respondents who have recognized and not recognized the target sign: for three of the five stimuli during the entire response time, the recognition group had increased values of (1) the time to view the entire stimulus, (2) the time to view the region of interest containing the target sign, (3) the number of fixations on the region of interest. In order to verify the results and to search for possible intra-group differences in oculomotor activity in situations of recognition / non-recognition of target visual signs, it is planned to expand the sample and to conduct analysis of data from experts and non-experts separately.

Keywords: forensic linguistics, experts, method of analysis, multimodality, text and image, eye-tracking, object recognition, visual search.

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
РАKatyshev@pushkin.institute*

ДЕЛИКТОГЕННОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ОПОСРЕДОВАННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА И СУДЕБНО- ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ

В данной работе поставлена проблема, связанная с разработкой лингвистических аспектов анализа опосредованного речевого вовлечения; при этом само речевое вовлечение трактуется как дискурсивная практика, применяющаяся нелегальными субъектами политической коммуникации для изменения групповых характеристик (социальной конверсии) представителей аут-группы. Решение указанной проблемы видится в поиске процедур, направленных на реконструкцию образа автора вовлекающего текста. Цель работы – создание методики исследования текстов инклюзивной направленности – достигается за счет объединения процедур риторического анализа, учитывающего методологию критических исследований дискурса и социолингвистическую теорию категоризации членства. Материалом исследования послужили данные, взятые из корпуса письменных текстов, созданных с целью продвижения идеологии террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (организация запрещена в РФ). Наблюдения и выводы относительно параметров образа автора вовлекающего текста делаются на основании критического разбора определенного текста – экземпляра нелегитимной дискурсивной практики.

Анализ материала позволяет установить системообразующую значимость такого текстового антропокомпонента, как позиция вовлечения (именно она характеризует инициативу на приобщение аудитории к области интересов адресанта). Комплексный характер данного параметра состоит в использовании дискурсивных процедур, задающих обращение говорящего к адресату как носителю сменяемого социального статуса. Это обеспечивается фокусировкой адресанта на инклюзивной интенции; включением в текст представлений о желаемом событии членства или статусном состоянии адресата; распределением статусов и ролей коммуникантов в пользу адресанта; использованием коммуникативно-семиотических способов синхронизации речевого поведения коммуникантов и некоторыми другими дискурсивными

294 | техниками. Выявление составляющих позиции вовлечения актуализирует вопрос о судебно-лингвистической параметризации правовых рисков, связанных с подстрекательством в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности.

Ключевые слова: политическая коммуникация, речевое вовлечение, критический дискурс-анализ, теория категоризации членства, позиция вовлечения, террористическая организация, подстрекательство.

Введение

Вовлечение как феномен, описывающий степень участия интерактантов в коммуникации, зачастую связывается с исследованиями межличностного диалогического общения [6], восходящими к работам И. Гофмана, выполненным в духе социального интеракционализма. Однако установка на включение индивида в разговор, коммуникацию, дискурс (через них – и в другие виды социально-предметной деятельности), а также в различные социально-коммуникативные контексты актуальна не только для форматов непосредственного общения, но и опосредованного [24; 29; 30; 36]. Более того, с учетом состояния вовлеченности строится коммуникация как между одностатусными, так и разностатусными интерактантами [3; 4; 8; 20], что приводит к необходимости изучать рассматриваемый феномен в разнообразных прагматических контекстах.

Политический дискурс как сфера приложения субъектов, наделенных властными полномочиями или обладающих претензиями на власть, предполагает использование таких сценариев вовлечения, которые учитывают неравноправный статус участников политического процесса. Поэтому к реализации инклюзивной установки обычно привлекаются разнообразные *метадискурсивные техники (сценарии)*, как, например, техника поддержки действий наиболее влиятельных, могущественных стран (так называемая «риторическая стратегия преодоления разногласий»), позволяющая лидеру какой-либо страны добиться признания со стороны государств, входящих в международное сообщество, продемонстрировать приверженность идеалам, отвечающим нормам международной политики и права, а в конечном счете – заявить о представляемой им стране как «нормальной» [21, с. 127]. Как видно из формулировки указанной техники, ее продуцентом выступает политический субъект, находящийся в подчиненной роли исполнителя требований мирового сообщества, тогда как правом определять стандарты международной политики наделены немногие государства (как правило, они называют себя сверхдержавами).

В дальнейшем будут рассмотрены такие инклюзивные сценарии, которые реализуются политическими субъектами, берущими на себя ответственность за формирование сообществ. К их числу мы относим сценарии *фонового вовлечения и расположения первичной аудитории*.

В первом случае адресант исходит из определенного состояния консенсуса с адресатом, осуществляя речевые действия, входящие в фокус его интенциональной установки. Во втором случае субъект вовлечения отказывает вовлекаемому в равенстве по статусу, осведомленности, мировоззренческой зрелости и т.д., поэтому вовлечение находится в области действия коммуникативной цели адресанта и приобретает черты расположения (в крайних случаях – подстрекательства), направленного на формирование у адресата готовности разделить с вовлекающим какие-либо взгляды на что-либо, совместно действовать с ним и т.д.

Указанные обстоятельства, несомненно, свидетельствуют об актуальности исследований политического дискурса с учетом практик вовлечения аут-групп и сплочения представителей ин-группы и в конечном счете позволят представить политические феномены сквозь призму институциональных культур вовлечения. Описание политического дискурса как области, для которой вовлечение имеет исключительную ценность, определяющую отбор ресурсов для (само)продвижения и (само)позиционирования политического субъекта, актуализует необходимость исследования форм, посредством которых воплощается эффект включенности в общность.

Следует особо отметить, что степень изученности инклюзивных феноменов зависит от легальности вовлекателя. Несомненно, что, например, коммуникативно-семиотические инструменты электоральной риторики, стимулирующей участие избирателей в предвыборных кампаниях [17], а также ресурсы «мягкой силы», обеспечивающие субъектам международной политики разнообразные альянсы [13], изучены лучше, нежели инструментарий вовлечения, использующийся запрещенными в государстве сообществами. Вместе с тем степень исследованности рассматриваемого коммуникативного явления, реализующегося в практике экстремистских (террористических) организаций, весьма тесно связана с экспертной деятельностью, оказавшей влияние, в частности, на описание инклюзивных механизмов, функционирующих в формате устной интеракции представителей нелегальных политических сообществ [19]. Однако известные нам модели описания нелегальных практик вовлечения требуют уточнения в связи с особенностями опосредованной коммуникации, поскольку остается открытым вопрос о том, как исследовать феномены сближения с позицией адресанта и представляемой им референтной группой, если прямой контакт между лицами (вовлекающим и вовлекаемым) не является определяющим. Решению данной задачи и посвящено настоящее исследование. Тем самым цель данной работы состоит в том, чтобы представить коммуникативные задачи, решаемые вовлекателем, в ракурсе использования коммуникативно-семиотических механизмов, ориентированных на формирование консенсуальных состояний, сближающих аудиторию с адресантом. В качестве

296 | вспомогательной ставится цель, направленная на определение тех параметров, исходя из которых возможна судебно-лингвистическая диагностика деликтогенного вовлечения, рассматриваемого в связи с уголовными делами экстремистской (террористической) направленности.

Концептуальные предпосылки исследования

Асимметрия социальных позиций особенно остро ощущается при рассмотрении таких дискурсивных практик, которые применяются агентами нелегальных организаций в отношении управляемой аудитории. В этом случае движущей силой вовлечения становится доминирование вовлекающей стороны, ее стремление сформировать последователей и лояльно настроенных лиц; само же вовлечение может стать предметом правового преследования, в том числе на основании норм антиэкстремистского законодательства.

В российском уголовном законодательстве понятийным ядром категории вовлечения выступает идея о целенаправленной деятельности, ориентированной на формирование у объекта воздействия решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния [16], причем в доктринальных толкованиях права [10] подчеркивается необходимость связывать феномен вовлечения с такой формой соучастия в преступлении, как *подстрекательство*, или, согласно [18, п. 4 ст. 33], склонение лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. В контексте статей антиэкстремистского законодательства, в которых рассматриваемый феномен номинируется комплексной конструкцией «склонение, вербовка или иное вовлечение лица» (см.: [18, ч. 1.1., ч. 3 ст. 282.1, ч. 1.1., ч. 3 ст. 282.2 УК РФ, ч. 1, ч. 1.1., ч. 2 ст. 205.1]), именно термин «вовлечение» фигурирует как наиболее осмысленный концепт, доведенный законодателем до уровня логически обработанного понятия. Это следует из формулы официального толкования компетентного органа [14, п. 14]: делая термин «вовлечение» родовым (ср. микроконтексты, объективирующие его гиперонимическую сущность: «...*иное* вовлечение...», «...*действия, направленные на* вовлечение...»), законодатель конкретизирует его через определенную совокупность признаков, а именно: 1) 'наличие у субъекта умысла', 2) 'его ориентированность на определенное лицо/ группу лиц', 3) 'привлечение к участию (инклюзия) как сущность подстрекательства', 4) 'сфера-ориентир для инклюзии (преступления, в которые кого-либо вовлекает экстремист/ террорист)', 5) 'способы осуществления инклюзии (уговоры, подкуп и т.д.)', 6) 'средства трансляции инклюзии (в частности, информационно-коммуникационная сеть)', 7) 'род инклюзии (физическое/ психическое воздействие)', 8) 'способы ее организации (например, поиск лиц)', 9) 'усеченная результативность, указывающая на то, что для признания казуса состоявшимся не обязательно достижение актором результата, связанного с изменением поведения объекта вовлечения'.

Отдельные признаки из тех, которые приведены выше, эксплицитно указывают на то, что воздействие, оказываемое вовлекающим, может быть реализовано и дискурсивным путем и представлять собой частный случай злоупотребления властью.

С учетом многоуровневого характера вовлечения можно выделить несколько ярусов, отражающих типизированные представления о:

I) специфике социокоммуникативного контекста, ориентирующего общество в достижении поставленных целей, а также в отборе способов их реализации;

II) инклюзивном воздействии, обеспечивающем установку на организацию, пополнение и сплочение сообщества;

III) метадискурсивной (интерперсональной) организации коммуникации, сводимой к:

- некоей институциональной культуре – системе моделей поведения, принятых в нелегальном сообществе для обращения представителей аут-группы в его последователей;
- дискурсивной практике вовлечения, определяющей закономерности использования коммуникативно-семиотических средств с учетом дискурсивных процедур, направленных на конструирование взаимодействия между адресантом и адресатом;
- дискурсивному строю – совокупности всех фактур, разновидностей и экземпляров дискурса, которые используются в каком-либо нелегальном сообществе для получения инклюзивного эффекта (при этом дискурс рассматривается в аспекте многообразия способов речевого воздействия, источников доктрины, инструментов управления властью и ее воспроизводства, включая личные беседы, обучающие мероприятия, дидактические материалы, дискуссии, конференции, периодические издания, журнальные публикации, прокламации, тексты религиозно-идеологического характера, размещение информации в социальных сетях и т.д.).

Именно понимание интерперсональной коммуникации в качестве некоей семиотической практики обуславливает введение такого регуляционного параметра (имеющего важное значение в том числе и для описания опосредованных форматов взаимодействия), как позиция, занимаемая адресантом в отношении вовлечения, или *позиция вовлечения*. В ее ракурсе определяется то, как адресант (автор текста) представляет себя и другого в качестве участников процесса социальной интеракции. Данный параметр имеет комплексный характер; его репрезентация в тексте может быть связана, в частности, со следующими дискурсивными техниками:

- фокусировки адресанта на инклюзивной интенции;
- включения в текст представлений о желаемом событии членства или статусном состоянии адресата;

- выбора адресантом целевой аудитории и способов ее репрезентации;
- распределения статусов и ролей коммуникантов в пользу адресанта;
- установления определенного отношения к реципиенту и управления динамикой контакта с ним;
- указания на степень и характер близости сообщаемого и корпоративных (организационных) ценностей адресанту и реципиенту (наличие / отсутствие эвиденциальности в отношении источника сообщения);
- соотнесения с референтной группой³³ реципиента и возможного указания на ее ценности, способы вхождения, требуемые личностные качества, условия членства, обязательства пребывания;
- использования коммуникативно-семиотических способов синхронизации вовлекаемого и вовлекающего и установления общности между ними.

Идея выделения в текстах данного параметра и процедур, обеспечивающих его реализацию, восходит к разнообразным теоретическим конструктам, описывающим феномены коллективной деятельности. Иными словами, те знания, которые положены в основу выделения и обоснования текстовой категории «позиции вовлечения», имеют отношение к:

- *металингвистической концепции* М.М. Бахтина о «двуголосом слове» – интертекстовых феноменах, содержащих в себе установку автора на их использование и, как следствие, обладающих двойной референцией к чужому слову (в том числе другой смысловой позиции) и авторскому отношению к нему [2, с. 212–215];
- *теории социальной категоризации*, или категоризации членства (membership categorization) Х. Сакса, раскрывающей (а) принципы «естественной» систематизации индивидов (адресанта и окружающих) в зависимости от их коллективной отнесенности, статуса и роли в группе, а также (б) значение категорий групповой принадлежности для идентификации индивидов как «своих», «чужих» или «дефектных» и для оперирования их коллективным статусом [35];
- *интерперсональной концепции метадискурса* К. Хайленда, позволяющей рассмотреть текст как практику использования языка, обусловленную фактором реципиента и зависимым от него сценарием поведения продуцента [30, с. 17]; при этом риторическая форма текста описывается в аспекте систематических категорий позиции (stance) и вовлечения (engagement), представляющих текстовую деятельность продуцента (образ автора) как а) предъявление авторского взгляда на сообщаемое и одновременно б) его инициативу по присвоению реципиентом тех значений, которые создаются в ходе написания текста [28];

³³ Под референтной группой в данном случае подразумевается общность, принадлежность к которой наделяет индивида особым статусом полноправного члена группы и дает ему право на пользование коллективными благами.

- ряду дискурсивных категорий, в числе которых:

а) *дизайн реципиента* – понятие, указывающее на особенности оформления текста с учетом фактора адресата или адаптацию коммуникативного сигнала к адресату (выделение данной категории для описания коммуникативного взаимодействия часто связывается с исследованиями Х. Сакса и его последователей [27, с. 117; 23];

б) *интерперсональность и близость* как понятия, позволяющие рассматривать формирование и формулирование текстового содержания в связи с его ориентацией на сознание определенного реципиента; при этом под *близостью* понимается такое свойство текстовой категории образа автора, которое определяет причастность субъекта к содержанию сообщения и принадлежность к представляемому им сообществу, а под *интерперсональностью* – предраположенность автора текста к моделированию взаимодействия с читателем с целью эффективной передачи сообщаемого [27];

- социологических понятий, объясняющих поведение индивидов в контексте практик вовлечения:

а) *сообщество* как термин, обозначающий самоорганизованную группу, «соединенную убеждениями, интересами и обязательствами» [21, с. 127] и «сформированную посредством набора правил и процедур, которые допускают лиц к членству в группе и тем самым к получению в ней должностей» [31, с. 26];

б) *инклюзивное сообщество* – понятие, определяющее такую группу, которая преследует цели, соответствующие благу, достигаемому и осваиваемому сообщая, а потому расширяет свой состав за счет включения (в том числе агитации, вербовки, склонения) новых членов [11, с. 94];

в) *референтная группа* – понятие, характеризующее реальную или воображаемую социальную общность, выступающую для индивида эталоном, образцом для подражания, источником формирования социальных норм и ценностных ориентаций [9].

Таким образом, дискурсивная практика вовлечения в большинстве текстов письменной коммуникации предполагает моделирование интеракции, инициируемой одним из коммуникантов (адресантом), и диктуется процедурами, входящими в комплексный параметр позиции вовлечения.

Материал и методология исследования

Данные для научного исследования взяты из корпуса письменных текстов, созданных с целью продвижения идеологии террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», признанной запрещенной на территории Российской Федерации решением Верховного суда от 14 февраля 2003 г. [15]. Доступ к текстам получен в ходе проведения экспертных мероприятий (назначенных экспертиз). Наблюдения и выводы относительно релевантности комплекса признаков, представляющих позицию вовлечения, делались на

300 | основании критического дискурс-анализа публикации «Диалог в аль-Хараме», размещенной в журнале «Аль-Ваъй» (2009, № 274)³⁴ [далее – Объект] (этот журнал является печатным органом террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»; некоторые из его номеров внесены в Федеральный список экстремистских материалов; он издается в том числе на русском языке). Публикация по форме представляет собой жанр *сократического диалога*; вербальная информация организована в виде нарратива, передается от лица рассказчика, излагающего содержание беседы, которая состоялась у него во время паломничества в Мекку; по коммуникативной цели анализируемый текст является императивным (агитационно-инструктирующим). Его характерной стилиевой чертой выступает интердискурсивность, связанная с заимствованием жанра сократического диалога и его адаптацией к задачам дискурсивной практики вовлечения.

Переориентация жанра³⁵, его использование для решения политических задач указывают на многомерную организацию речевого вовлечения, осуществляемого в условиях опосредованной письменной коммуникации. Воздействующее высказывание, созданное корпоративным субъектом для распространения влияния его организации на жизнь общества и государств, предполагает использование разнообразных коммуникативно-семиотических механизмов для реализации установки на гомогенизацию социального универсума, что в пределах группы может рассматриваться в качестве стандарта исполняемых коллективных действий. Поэтому анализ такого воздействия нуждается в подходящей методологии, которая складывается не только из общей методики коммуникативно-риторического анализа с его акцентом на факторе адресата, но и из специализированных процедур критического дискурс-анализа, а также анализа социальной категоризации.

1. Критический дискурс-аналитический подход позволяет рассмотреть текст как средство доступа к социально-политическим явлениям и отношениям, связанным с деятельностью политического субъекта внутри и вне созданных им институциональных структур. Данная методология обоснована в трудах В.К. и А. Бхатия, Р. Водак, Т.А. ван Дейка, Н. Фэрклафа [7; 21; 22; 25; 26]. Применение критического дискурс-анализа дает возможность: а) рассмотреть высказывание(я) в определенном социальном, когнитивном контексте, б) охарактеризовать позицию, занимаемую адресантом в отношении (со) участия реципиента в деятельности организации, в) представить жанровые

³⁴ По данным на 20.11.2020 г. номер не внесен в Федеральный список экстремистских материалов.

³⁵ Изначально «[жанр сократического диалога] не риторический жанр. Он вырастает на народно-карнавальной основе и глубоко проникнут карнавальным мироощущением... свободно творческое отношение к материалу... сохраняет в нем... сократический метод диалогического раскрытия истины и внешнюю форму записанного и обрамленного рассказом диалога» [2, с. 125].

признаки высказывания как показатели интерперсональности асимметричного типа. Иными словами, высказывание, наделенное кооптивной³⁶ функцией, может рассматриваться как интерперсональный дискурс (или экземпляр дискурсивного строя), погруженный в определенную дискурсивную практику (и шире – дискурсивную культуру), а также когнитивный и социальный контексты, порождающие идеологические, заряженные доминированием тексты. Таким образом, критический дискурс-анализ выступает релевантным средством для комплексного разбора и описания феноменов речевого вовлечения, поскольку предлагает учитывать разнообразные показатели и параметры, важные для процедур распределения субъективной составляющей высказывания, в том числе идеологизированных представлений отправителя сообщения о том, как организовано его взаимодействие с адресатом; см. также трактовку дискурс-аналитического метода, предложенную одним из его основоположников: «[Критический дискурс-анализ включает] описание текста, интерпретацию взаимосвязи между текстом и взаимодействием и объяснение взаимосвязи между взаимодействием и социальным контекстом» [25, с. 5].

2. Агональный характер института политики «порождает множество разграничительных категорий, посредством которых устанавливается приоритет одной из версий реальности над другими» [21, с. 121]. Такая категоризация может приводить к тому, что одна группа способна заявить о своем абсолютном праве на власть. Поэтому для выявления намерений и идеологии группы, создающей и распространяющей свои представления о реальности и обстоятельствах членства в сообществе, используются отдельные принципы и процедуры анализа социальной категоризации [31; 33–35]. Согласно положениям теории социальной категоризации, отнесение к той или иной группе (категоризация членства) является преднамеренным социальным актом, подпитываемым здравым смыслом и уходящим своими корнями в идеологию. Исследование вопросов социальной категоризации позволяет обнаружить влияние предпосылочных знаний на восприятие и принятие человеком социального мира; при этом, как правило, индивид представляет мироустройство не на основе объективных знаний, а исходя из того, что считает истинным, оправданным. Рассмотрение социальной категоризации в дискурсе состоит из «описания процедур, которые используются людьми для осмысления других людей и их деятельности... [Оно] акцентирует внимание на прагматическом компоненте, поскольку ориентируется на практические действия... позволяющие людям отделять свои моральные, социальные и религиозные характеристики от чужих» [32, с. 244]. Таким образом, анализ социальной категоризации можно трактовать как текстовый разбор категорий, которые используются с целью утверждения власти и идеологии в рамках заданных

³⁶ От англ. *to coopt* 'включать в состав, пополнять состав, ассимилировать'.

302 | общественно-политических отношений, в частности призыва к вступлению в референтную («правильную») группу для получения привилегий и благ вопреки возможным издержкам.

Результаты исследования

1. Позиция вовлечения. В соответствии со спецификой реализованного воздействующего потенциала публикация является актуальной как для склонения объекта первичного вовлечения, так и для стимулирования деятельности членов организации, обучения их работе с первичной аудиторией. Такая целеустановка высказывания коррелирует с его обращенностью к неограниченному адресату, имеющему ту же конфессиональную принадлежность, что и адресант: *Пусть каждый из нас приготовится отвечать перед Аллахом... Пусть каждый из нас вспомнит о Рае и огне... Давайте... откроем страницы величия мусульман...* Это означает, что индивиды, отличающиеся друг от друга степенью участия в деятельности группы, способны извлечь из текста смыслы, соответствующие степени включенности каждого в организационный контекст. Учет возможных ожиданий, соотносимых с когнитивно-волевыми состояниями групп читающей аудитории, обуславливает разнообразные амплуа автора текста, способность субъекта высказывания совмещать в себе черты адресанта-агитатора (что выражено в тексте эксплицитно) и адресанта-инструктора (что выводимо из общего прагматического контекста).

Тем самым анализируемый Объект обладает следующими признаками, дающими представление о моделируемом характере участия интерактантов в коммуникации:

1) инклюзивная интенция адресанта совпадает с целью высказывания, представляющей собой нормативное утверждение (наставление) о необходимости сотрудничества с организацией: *... работа вместе с «Хизб-ут-Тахрир», с партией, которая работает для осуществления правления по законам Аллаха на земле, является фардом* (т.е. обязанностью мусульманина); на этом основании можно констатировать инициативу адресанта, направленную на то, чтобы побудить адресата принять участие в деятельности референтной группы;

2) содержанием побуждения выступает желаемое положение дел, в соответствии с которым реципиент либо присоединяется к группе, либо агитирует участвовать в ее деятельности;

3) высказывание ориентировано на тех, кто, как и автор, входит в одну конфессиональную группу, в связи с чем в фокус аргументативной ситуации выносится утверждение, что соблюдение законов ислама предполагает работу в организации; с одной стороны, усиление этого тезиса решает задачу расположения первичной мусульманской аудитории на основе ее побуждения соблюдать законы веры, а с другой – демонстрация того, как надо убеждать, служить образцом для начинающих агитаторов;

4) адресант эксплуатирует некоторую общность апперцепции (конфессиональную, экзистенциальную, организационную) для создания условий, обеспечивающих социальную конверсию (согласие, присоединение) реципиента либо его агитационную деятельность;

5) адресант выступает в качестве члена организации, от лица которой он ведет агитацию и инструктаж; таким образом, категоричность, регуляционная направленность высказывания определяются референтным статусом той группы, принадлежность к которой наделяет адресата правом выступать источником передаваемой информации (делегированная прямая эвиденциальность);

6) между адресантом и реципиентом существует прекоммуникативная дистанция, связанная с тем, что адресат либо не включен в группу адресанта, либо не обладает опытом для ведения агитации;

7) адресант и реципиент находятся в отношениях статусного неравенства; адресат либо не принадлежит к референтной группе адресанта, либо не имеет сформированных ораторских и переговорных компетенций; неравноправное положение реципиента адресант пытается использовать в собственных целях, предлагая собеседнику сменить свой социальный статус либо попробовать себя в другом амплуа;

8) адресант искренне заинтересован в реализации своей интенции и убежден в важности ее осуществления; о его искренности свидетельствуют выраженные ментативом переживания относительно несправедливого миропорядка и отсутствия значительных шагов на пути возрождения былого величия ислама; см. фрагмент размышлений субъекта речи как участника хаджа: *Когда человек пересекает эти тяжелые и изнурительные границы, эти искусственные границы, которых не было 88 лет назад... то ему в голову приходит много вопросов, особенно во время этой поездки: Кто установил эти границы? Кто сохраняет их? Каков их вред для исламской Уммы? Пересекая пустыню, он также спрашивает себя: Как Посланник Аллаха (с.а.с.) и его благородные сподвижники (да будет доволен ими Аллах) пересекали все это на верблюде без автобусов с кондиционерами? Что заставляло их так жертвовать и преодолевать эти расстояния? Почему прекратилось движение сподвижников и их детей и почему нет завоеваний и открытий?.. Почему жители Аравийского полуострова правили югом и востоком Азии, а их внуки молчат, находясь в государстве, которое называется Саудовской Аравией? Почему внуки сподвижников сейчас не стремятся править Лондоном, Парижем и другими городами, как это делали их предки?;*

9) реципиент разделяет взгляды адресанта на наличие границ между государствами, население которых исповедует ислам, интересуется тем, как исправить сложившуюся ситуацию, характеризуется открытостью позиции

304 | в отношении сообщаемого адресантом, исходит из серьезности намерений собеседника, считает его авторитетом; вместе с тем реципиент либо не знает о путях изменения сложившейся ситуации, либо не владеет способами агитации;

10) ценность группы определяется по ее особому значению для представителя конфессии: *она соблюдает законы Ислама, добивается их претворения в жизнь* (т.е. ведет работу по установлению Халифата путем уничтожения марионеточных государств), вхождение в ее ряды *спасет от наказания Аллаха*, поэтому членство в организации не только приближает индивида к коллективному благу, которое станет доступным с возрождением халифата, но и требует от последователя приложения усилий, соблюдения определенных обязательств ради достижения совместной цели;

11) адресант для воплощения агитационно-инструктирующей интенции прибегает к средствам интерперсональности, позволяющим симметризовать реакции реципиента.

2. Жанр как средство интерперсональности. Важным моментом в реализации позиции вовлечения является выбор диалогического жанра, подходящего для трансляции на аудиторию идеологических установок вовлекающей группы. Стилизация под жанр диалога наглядно демонстрирует манипулятивный тип поведения вовлекателя – то, как он себя ведет, постепенно подводя собеседника к позиции, разделяемой членами организации.

По замыслу адресанта анализируемого Объекта, корпоративную позицию относительно необходимого участия мусульман в деятельности организации можно донести, используя жанровую структуру сократического диалога, ситуативно преобразуемую для передачи «готовых» идей. Иными словами, функция интердискурсивности, применяемая автором в отношении жанра сократического диалога, состоит в том, чтобы трансформировать жанрообразующие признаки заимствованного ресурса, «подогнать» их под условия асимметричного вовлечения, принятые в организации, сохраняя при этом диалогическую «оболочку» высказывания как форму и образец непосредственного контакта с представителями аут-группы. О превращении «живой» формы сократического диалога в структуру с включенным адресантом, монополизирующим свое право на истину, писал М.М. Бахтин [2, с. 126–129]. С учетом его наблюдений охарактеризуем основные коммуникативно-семиотические механизмы, обеспечивающие соответствие рассматриваемого жанра задачам вовлечения, решаемым в рамках анализируемого Объекта. Искомые механизмы задействованы в преобразовании исходных жанрообразующих признаков, содержащих типичные представления о природе познания, способах стимулирования чужого слова (в том числе исключительной ситуации диалога), образе автора и предмете речи, и связаны с:

1) *монологизацией* диалогического регистра, происходящей вследствие предъявления одной из сторон претензий на владение готовой истиной (в рассматриваемом тексте субъект речи, совпадающий с адресантом сообщения, выступает транслятором идеологии террористической организации, планов этой партии, ее техник расположения первичной аудитории);

2) *наделием вовлекателя чертами состоявшегося идеолога и, наоборот, приписыванием вовлекаемому идеологической незрелости;*

3) выдвиганием сюжетной ситуации диалога (*исключительной, критической ситуации*) как фактора, создающего оптимальные условия для проведения агитации (если изначально в жанре сократического диалога исключительная ситуация была нужна для того, чтобы заставить человека раскрыться в диалоге, то в стилизованной форме она провоцирует эффективное достижение манипулятором инклюзивной цели);

4) использованием техники анакризы как *приема, направленного на контролируемое получение ожидаемых коммуникативных реакций* для не критичного принятия идей группы;

5) реализацией образа *застывшей идеи*, воспроизводимой как универсальный «рецепт» изменения миропорядка, не знающей себе альтернатив и не вступающей в диалог с другими идеями, способными расширить кругозор вовлекаемого.

Результаты реконтекстуализации жанровых признаков сократического диалога см. в табл. 1.

Таблица 1

Реконтекстуализация жанровых признаков сократического диалога в институциональной культуре организации

ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ	СОКРАТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ	
	<i>в традиции</i> (по М.М. Бахтину)	<i>в организации</i>
отношение к природе познания	базируется на диалогичности идеи и мысли как способа познания	базируется на монологизме идеи
образ продуцента/реципиента (как персонажей диалога)	включает идеологических субъектов (героя и его собеседников)	включает состоявшегося идеолога (в отличие от него адресат – незрелая личность)
отношение к предмету речи	требует «диалогического испытания идеи», ее проверки идеологами в ходе общения	идея представляется как универсальный рецепт изменения миропорядка
способы стимулирования адресата	предполагает использование приема анакризы как способа провоцирования слов собеседника для разоблачения их ложности и неполноты	предполагает использование приемов контролируемого получения коммуникативных реакций для подведения собеседника к идее вовлекателя

исключительная ситуация диалога	представляет собой способ спровоцировать «глубинное слово», т.е. заставить человека (героя или же его собеседников) отказаться от всякого жизненного автоматизма и раскрыть глубинные пласты личности и мысли	представляет собой способ, создающий предпосылки для проведения агитации в пользу готовой идеи
ХАРАКТЕР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ	⇄⇒РЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ⇒⇄	

Представим более развернутое описание отдельных тенденций функционирования жанровых показателей интерперсональности.

2.1. Исключительная ситуация диалога. Диалог, отраженный в основной части исследуемого текста, происходит на фоне дисгармоничной ситуации, которая помогает автору текста перейти к пропаганде идей террористической организации. Из текста следует, что персонажами диалога выступают, с одной стороны, инициатор, или идеолог, транслирующий воззрения религиозно-политического характера, он житель Палестины, проживающий *на расстоянии получаса езды на автомобиле* от мечети аль-Акьса, *оккупированной Израилем*, член партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», а с другой – двое молодых людей из Мекки, жителей Аравийского полуострова. Беседа происходит возле Каабы – *святыни, вокруг которой люди поклоняются*. Тем самым задается пограничная ситуация: 1) разъединенности общины (уммы) – есть особое место, где встречаются мусульмане из *разных стран, чтобы совершить одни обряды и объединиться вокруг одного Корана, но нет одного правителя* и мусульмане вынуждены преодолевать *тяжелые, изнурительные, искусственные границы*; 2) прекоммуникативной дистанции между единоверцами – членом *партии «Хизб-ут-Тахрир»*, помогающим другим открыть глаза на истину, жителем оккупированной Израилем страны, и молодыми, т.е. неопытными, людьми, которым предстоит узнать правду, жителями Аравийского полуострова, *довольствующимися положением*, при котором есть *границы и нет завоеваний и открытий*. Иными словами, введение в текст исключительной ситуации позволяет представить диалог в качестве одного из способов изменения парадоксально сложившегося положения дел, указывает на те составляющие контекста, с учетом которых можно организовать ситуацию вовлечения.

2.2. Структурная организация вовлекающего диалога. Несомненно, основная функциональная нагрузка в реализации агитационно-инструктирующей интенции высказывания приходится на композиционно-тематическую структуру диалога, включенного в контекст рассказа. Передаваемая рассказчиком беседа отражает способ упорядоченного представления диалогических

ходов (или *диалогических единств*³⁷ – далее ДЕ), призванных: а) поставить проблему недолжного положения дел в исламе, б) призвать к действиям, направленным на восстановление порядка, обеспечивающего интересы адресатов, в) указать на силу, которая способна восстановить необходимый порядок, г) побудить адресатов присоединиться к партии, деятельность которой отвечает их чаяниям и интересам. Иными словами, в тексте реализована композиция диалога с ведущей ролью вовлекателя, при этом субъект вовлечения исходит из таких интересов адресата, которые соответствуют так называемому инклюзивному (открытому, доступному) коллективному благу, достигаемому и присваиваемому сообща [11, с. 34–35]. Соответственно, в технике построения диалога прослеживается намерение адресанта инициировать присоединение реципиента к организации посредством обещания желаемого блага (*беспрепятственного доступа к святыням*), которое, однако, можно получить только путем включения в коллективную деятельность (*вместе с партией «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»*) и при соблюдении обязанностей, обеспечивающих успех дела (в качестве обязанностей называется следующее: *работа в рядах партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», устранение границ между государствами с традиционно исламским вероисповеданием, освобождение Палестины, ликвидация нынешних правительств и назначение одного правителя, создание единого мусульманского государства* и т.д.).

Формирование намерения сориентировать реципиента в выборе референтной группы и деятельности в ее составе обеспечивается системой ДЕ, представленной в табл. 2.

Таблица 2

Система диалогических единств (ДЕ)

№	Тематика ДЕ
1	<i>Знакомство и приветствие персонажей</i>
2	<i>Обсуждение желания аравийцев читать намаз в мечети аль-Акъса (т.е. на родине автора-идеолога)</i>
3	<i>Обсуждение проблемы границ, препятствующих совершению намаза в мечети аль-Акъса</i>
4	<i>Ввод темы препятствий, лишаящих аравийцев возможности читать намаз в мечети аль-Акъса</i>
5	<i>Побуждения адресатов к устранению препятствий, мешающих мусульманам читать намаз в мечети аль-Акъса</i>
6	<i>Развитие темы оккупации Израилем территории Палестины (аль-Акъса теперь находится на территории Израйля) и побуждение ее освободить</i>

³⁷ Под диалогическим единством в данном случае понимается такая макроструктурная единица диалога, которая характеризуется а) начальными, вынуждающими репликами, б) единством тематических нюансов беседы, в) появлением ответных реплик и действий, назначение которых зависит от целеустановок предшествующих речевых стимулов. Ср. с определением диалогического единства, данным в работе [1].

7	<i>Побуждение адресатов освободить аль-Акьса от оккупантов; подведение собеседников-аравийцев к мысли о том, что установление границ на исламской земле – это разрушение ислама, предпринятое Англией и Францией</i>
8	<i>Настойчивое проведение мысли о необходимости освобождения Палестины с помощью вооруженной борьбы; дополнительно побуждение адресатов освободить Ирак, Афганистан, Чечню</i>
9	<i>Наведение адресатов на мысль, что король Саудовской Аравии слушался Аллаха; их побуждение к неповиновению королю в вопросах освобождения Палестины</i>
10	<i>Очередной акт позиционного давления; подведение адресатов к мысли о необходимости неповиновения верноподданных правителю Саудовской Аравии</i>
11	<i>Побуждение адресатов к учреждению нового правителя (и ликвидации других)</i>
12	<i>Повторение побудительного пассажа, касающегося неповиновения правителю Саудовской Аравии</i>
13	<i>Упрек собеседников в бездействии (нежелании открывать страны, править ими, распространять ислам, вести освободительную войну)</i>
14	<i>Побуждение собеседников назначить правителя, способного распространять ислам</i>
15	<i>Побуждение собеседников стать подобными предкам (возобновить завоевания, распространять ислам по миру, жить под началом одного правителя)</i>
16	<i>Подведение собеседников к мысли о необходимости назначения правителя, способного защитить мусульман</i>
17	<i>Побуждения адресатов к назначению одного правителя, созданию единого мусульманского государства</i>
18	<i>Побуждение адресатов к установлению Исламского Государства и группы, которая будет работать для распространения ислама (в качестве такой группы рассматривается партия «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)</i>
19	<i>Создание образа партии как объединения, являющегося «чужим» для «нечестивого» мира, заслуживающего «райского наслаждения», «исправляющего, если люди испортятся»</i>
20	<i>Приведение фактов, свидетельствующих об отступлениях современных имамов от исламских традиций</i>
21	<i>Побуждение адресатов к совместной работе с партией «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»</i>

2.3. Использование реплик, провоцирующих желательные коммуникативные реакции. Направляемый характер беседы предполагает контроль за реакциями адресата (их стимулирование и управление ими), чему способствует трансформированная техника анакризы, состоящая в отличие от источника (см. табл. 1) в провоцировании ожидаемых откликов, предопределяющих дальнейшие аргументативные ходы и реплики вовлекаемого. Для демонстрации этого тезиса разберем несколько ДЕ:

(ДЕ-1) *И вдруг я увидел двух молодых людей, сидевших передо мной, которые внешне были похожи на жителей Мекки. Я захотел поговорить с ними и спросил их: «Вы живете в Мекке?» Они ответили: «Да!» Я сказал им: «Я из Палестины». Они поприветствовали меня...*

(ДЕ-2) ...и я сказал им: «Разве вы не хотите читать намаз в мечети аль-Акъса?» Они ответили: «Хотим и очень страстно!» Я сказал им: «Вставайте, пойдем сейчас в аль-Акъса!» Они ответили: «Нет, мы не можем».

(ДЕ-3) Я спросил: «А что вам мешает, когда намаз в аль-Акъса подобен намазу в мечети аль-Харам? Я приехал оттуда потому, что аль-Харам является частью нашей доктрины, так же как и аль-Акъса. Почему вы не приезжаете в аль-Акъса, чтобы прочитать намаз в ней?» Они ответили: «Есть много вещей, препятствующих этому». Я спросил у них: «А что это за вещи?» Они промолчали. Я спросил у них: «Это границы между Саудовской Аравией и Иорданией, границы между Иорданией и Палестиной?» Они сказали: «Да!» Я сказал: «Также есть стражи на этих границах, и никто не может въехать в Палестину». Они сказали: «Да, верно».

(ДЕ-4) Я спросил у них: «Может кто-нибудь запретить вам совершить сунну таваф вокруг Каабы, например?» Они сказали: «Нет!» И я сказал: «Почему вы лишились возможности читать намаз в аль-Акъса и довольствуетесь этим, в то время как намаз в ней подобен тавафу? И что вы сделали, чтобы устранить препятствие? Вы устранили его?» Они сказали: «Нет, ибо препятствие огромное».

(ДЕ-5) Я сказал им: «Для того чтобы читать намаз в аль-Акъса, вы должны устранить препятствие». Они сказали: «Да, но препятствий много»...

Приведенные примеры показывают, что контроль за реакциями устанавливается на уровне коммуникативно-семиотической организации стимульных высказываний путем использования:

1) закрытых вопросов (*Вы живете в Мекке?*), сформулированных с учетом наблюдения за собеседниками (*И вдруг я увидел двух молодых людей, сидевших передо мной, которые внешне были похожи на жителей Мекки. Я захотел поговорить с ними и спросил их: «Вы живете в Мекке?» Они ответили: «Да!»*) (ДЕ-1);

2) ритуализованных реплик, вызывающих конвенциональные реакции контактоустанавливающего типа: так, актом представления собеседникам вызывается акт приветствия *Я сказал им: «Я из Палестины». Они поприветствовали меня...* (ДЕ-1);

3) вопросов, сужающих вариативность реакций: так, вопрос о наличии желания совершать намаз в мечети аль-Акъса³⁸ (*Разве вы не хотите читать намаз в мечети аль-Акъса?*), заданный паломникам, пришедшим исполнить таваф в мечети аль-Харам³⁹, вызывает тривиальную реакцию (*Хотим и очень страстно!*), поскольку сформулирован с учетом религиозности собеседников, принятием законов ислама (один из которых – обязательность посещения

³⁸ То есть обязательную молитву в священном для мусульманина месте.

³⁹ Другой важный для мусульманина обряд, связанный с хождением вокруг Каабы в мечети аль-Харам.

310 | исламских святынь – учитывается в формулировке инициальной реплики (ДЕ-2); в вопросе *Может кто-нибудь запретить вам совершить сунну таваф вокруг Каабы, например?* содержится указание на отрицательный ответ, наводимый религиозным термином *сунна таваф* ‘обычай, установившийся в мусульманской общине’, подразумевающим невозможность пересмотра того, что входит в традиции группы (обычно коллективные ценности защищены от ревизии со стороны индивида) (ДЕ-4);

4) ряда вопросов, актуализирующих тривиальное положение вещей в мире, – того, опровержение чего бессмысленно: в вопросах *Почему вы лишились возможности читать намаз в аль-Акъса и довольствуетесь этим, в то время как намаз в ней подобен тавафу? И что вы сделали, чтобы устранить препятствие? Вы устранили его?* как данность преподносятся следующие факты: ‘отсутствие возможности читать намаз в мечети аль-Акъса’, ‘отсутствие недовольства по этому поводу, хотя молитва в мечети аль-Акъса по значимости не уступает обряду хождения вокруг Каабы в мечети аль-Харам’, ‘наличие препятствия, мешающего посещению мечети аль-Акъса’; на их фоне реакция вовлекаемых *Нет, ибо препятствие огромное* выглядит как признание очевидного (ДЕ-4);

5) дополнительных вопросов, подводящих к ожидаемому ответу: так, после вопроса об обстоятельствах, мешающих совершению намаза в мечети аль-Акъса (*«А что вам мешает, когда намаз в аль-Акъса подобен намазу в мечети аль-Харам? Я приехал оттуда потому, что аль-Харам является частью нашей доктрины, так же как и аль-Акъса. Почему вы не приезжаете в аль-Акъса, чтобы прочитать намаз в ней?»*), и уклончивого ответа (*«Есть много вещей, препятствующих этому»*) следует серия дополнительных связанных реплик, продолжающаяся до того момента, пока вовлекатель не получит устраивающий его ответ (*А что это за вещи? – Они промолчали; Это границы между Саудовской Аравией и Иорданией, границы между Иорданией и Палестиной? – Да!; Также есть стражи на этих границах, и никто не может въехать в Палестину – Да, верно*) (ДЕ-3);

6) императивных коммуникативных актов, организация которых ограничивает произвольный характер ответных речевых действий; например, призыв *Вставайте, пойдем сейчас в аль-Акъса!* является заведомо неэффективным речевым актом (*Они ответили: «Нет, мы не можем»*) (ДЕ-2), поскольку при его производстве преднамеренно нарушается подготовительное условие успешности речевого акта: выдвигаемая коммуникативная цель (*побуждение медленно идти из Мекки в Иерусалим*) формулируется без учета объективного положения дел (наличия границ, препятствующих свободному перемещению мусульман из одной святыни в другую); напротив, результативность призыва *Для того чтобы читать намаз в аль-Акъса, вы должны устранить препятствие* зависит от соблюдения условия приемлемости речевого

акта, в соответствии с которым согласие с адресантом (*Да, но препятствий много*) обеспечивается представлением призывного действия (*устранение препятствия*) в качестве целесообразного поступка, позволяющего отстоять религиозную норму (*читать намаз в аль-Акьса*), полноценного исполнения которой верующие на данный момент лишены (ДЕ-5).

2.4. Особенности аргументации и состояния приемлемости аргумента. Управление реакциями собеседников, связанное с соблюдением/несоблюдением условий успешности регулирующих речевых актов, позволяет агитатору (по представлениям автора текста) включать в диалог идеи радикально настроенной группы без критического отношения к ним вовлекаемой стороны. Их принятию способствует и типичное строение большинства ДЕ, по алгоритму которого перед выдвижением тезиса формируются согласующиеся с ним консенсуальные состояния, основанные на соответствии реакций коммуникативным установкам вовлекателя (следовательно, условием, усиливающим приемлемость тезиса, выступает его совместимость с опытом адресата / принятым ранее утверждением⁴⁰). В качестве примера приведем один из фрагментов Объекта, приравненный к самостоятельному ДЕ:

(ДЕ-6) «...А как быть, если аль-Акьса оккупирована Израилем? Знаете ли вы, что я на протяжении десяти лет не читаю намаз в аль-Акьса в то время, как я живу на расстоянии получаса езды на автомобиле? Поистине евреи, окружив ее, не дают мусульманам читать намаз в ней!» Они сказали: «Пусть Аллах поможет вам!» И стали читать ду'а против евреев и взывать о помощи палестинцам. Они сказали: «Наши сердца с вами и мы молимся за вас!» Я сказал им: «Вы думаете, что мольбы для Палестины достаточно, чтобы освободить ее?» Они ответили: «Нет!» Я спросил у них: «Достаточно ли чтения Корана, чтобы освободить ее?» Они ответили: «Нет!» И я сказал: «В таком случае как освободить ее, когда на нее набросились народы, помогая евреям в ее оккупации? Мое послание вам заключается в том, что Палестина не для жителей Палестины, ибо мы, жители Палестины, не можем освободить ее. Мы в Палестине не нуждаемся в еде, одежде, лекарствах и скорой помощи, а нуждаемся в многочисленной армии, которая освободит ее. Палестина не нуждается в застраивании, а нуждается в освобождении!»

Как следует из этого примера, воздействие на адресата осуществляется поэтапно:

1) сначала вовлекатель обеспечивает эмоционально-рассудочное принятие идеи о необходимости освобождения Палестины, провоцируя выражение солидарности с ее народом (Они сказали: «Пусть Аллах поможет вам!» И стали читать ду'а против евреев и взывать о помощи палестинцам. Они сказали: «Наши сердца с вами и мы молимся за вас!») и вынуждая

⁴⁰ О приемлемости как субъективном компоненте аргумента см.: [3, с. 81].

312 | согласиться с тем, что для освобождения Палестины недостаточно обращений к Аллаху и чтения Корана (*Я сказал им: «Вы думаете, что мольбы для Палестины достаточно, чтобы освободить ее?» Они ответили: «Нет!» Я спросил у них: «Достаточно ли чтения Корана, чтобы освободить ее?» Они ответили: «Нет!»*);

2) далее, обеспечив себя субъективными предпосылками для выдвижения приемлемого тезиса (т.е. создав необходимую атмосферу консенсуса), адресант призывает удовлетворить потребность жителей Палестины в многочисленной армии, способной отвоевать захваченную Израилем территорию (*...Мое послание вам заключается в том, что... Мы в Палестине... нуждаемся в многочисленной армии, которая освободит ее. Палестина... нуждается в освобождении!*).

Обсуждение результатов:

к вопросу о судебно-лингвистической параметризации вовлечения в совершение преступлений радикалистской направленности

Исследование опосредованной политической коммуникации с точки зрения ее интерперсональных характеристик привело к необходимости выделения такого антропокомпонента, как позиция вовлечения. В план его реализации входит обеспечение высказывания свойствами, способствующими включению реципиента в сферу интересов адресанта. Позиция вовлечения представляет собой своеобразную разновидность эгоцентричности – ту-центричность (от лат. tu ‘ты’; термин Е.В. Падучевой), которая в нашем случае характеризует обращенность речи *говорящего* к другому лицу, рассматриваемому в перспективе смены его социального статуса. Сфокусированность высказывания на носителе сменяемого статуса следует учитывать при разработке диагностического комплекса, с опорой на который возможно проведение судебно-лингвистических экспертиз, связанных с вербовкой, склонением и иным вовлечением лиц в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности.

При этом решение вопроса о валидности коммуникативно-семиотических параметров для диагностики деликтогенного вовлечения осуществляется в рамках методологии параметрического судебно-лингвистического моделирования [12, с. 7] и состоит в

1) выборе терминологии, приемлемой для моделирования диагностических процедур, направленных на выявление необходимых и достаточных признаков, связанных с объективной стороной преступления;

2) учете тех диагностических признаков, которые значимы для правоприменительной практики по делам экстремистской (террористической) направленности;

3) установлении вербальных параметров (аналогов), репрезентирующих соответствующие диагностические признаки.

Несомненно, решение первых двух проблем невозможно без учета законодательной и правоприменительной практики, в то время как осмысление третьей проблемы в большей степени зависит от усилий лингвиста.

Так, при выборе терминологии корректно исходить из легальных толкований норм права (поэтому, как было отмечено выше, предпочтительно ориентироваться на термин «вовлечение» при установлении вербальных параметров диагностируемого правового риска).

Отбирая составляющие диагностического комплекса, следует руководствоваться положениями теории уголовного права и опытом, накопленным в сфере судебной практики, которые указывают на необходимость выявлять по каждому уголовному делу, связанному с вовлечением в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности, то, *каким конкретно способом* подстрекатель воздействовал на исполнителя и *к совершению какого конкретного преступления* он его склонял [10, с. 525]. Другими словами, необходимыми и достаточными признаками, диагностирующими вовлечение как преступное деяние, в рамках правоприменительной практики признаются 'способы осуществления инклюзии' (сюда же можно отнести и такие параметры, сопутствующие указанному, как 'средства трансляции инклюзии', 'род инклюзии', 'способы ее организации') и 'сфера-ориентир для инклюзии' (провоцируемое преступление), что, в свою очередь, предполагает и установление показателей, доказывающих *наличие самой деликтогенной инклюзии в сфере действия коммуникативной интенции субъекта правонарушения*.

Перевод указанных диагностических признаков на язык лингвистики связан с поиском вербализованных коррелятов, подтверждающих присутствие в высказывании выраженной установки на вовлечение.

Приоритетным в плане включения в предлагаемую диагностическую судебно-лингвистическую модель деликтогенного вовлечения выступает комплексный параметр, учет которого ориентирует эксперта в признаках, эксплицирующих дискурсивные операции:

- 1) переноса инклюзивной интенции в коммуникативную цель высказывания;
- 2) ввода в область действия волевой (побудительной) установки определенных содержаний, отсылающих к событиям или состояниям, возможное наступление которых входит в зону правовых рисков;
- 3) использования коммуникативно-семиотических способов, настраивающих на переход адресата в сферу интересов адресанта.

Так, одно из решений указанной проблемы, определяющей поиск лингвистических аналогов для диагностируемых признаков деликтогенного вовлечения, имеет отношение к вопросу о том, какие языковые единицы сопровождают перевод инклюзивной установки в коммуникативную цель

314 | высказывания. В этом смысле кейс, разбираемый в *подразделе 2*, демонстрирует, что тезис речи, сформулированный как нормативное утверждение о необходимости сотрудничества с радикальной организацией, может рассматриваться в аспекте обращенности высказывания к носителю сменяемого статуса в том случае, если в самом тексте содержатся указания на исходные, референтные и ожидаемые свойства аудитории, свидетельствующие о ее первоначальном несоответствии надлежащему состоянию и предопределяющие прозелитический пафос субъекта речи, направленный на социальную конверсию, преобразование ты-лица. Иными словами, мы имеем дело с аналитическим способом представления ты-лица как непосредственного адресата императивного высказывания конверсивной направленности.

Наряду с аналитическими встречаются и синтетические способы маркирования интенциональной рамки побудительного высказывания, связанные с использованием лексических элементов, в семантику которых инкорпорирован носитель сменяемого статуса. К таковым, в частности, относятся глаголы с коопитивным значением, предполагающие, что наступление того или иного события членства, того или иного статусного состояния происходит вследствие смены у лица его социального положения; см., в частности, предикаты *стать кем-л./чем-л., вступить куда-л., примкнуть к кому-л., войти куда-л., не оставаться (не быть) в стороне от чего-л.* Использование их в формуле интенциональной рамки императивного высказывания (см. призывы *Стань машиной для террора; Стань бойцом...; Не будь в стороне – вступай в...; Примкни к...; Не оставайся в стороне – спасай Россию от <этнофолизм>*) указывает на то, что рассматриваемые коммуникативные акты основываются на предположении, в соответствии с которым ты-лицо не является тем, кем должно стать, или является «дефектным», а потому нуждается в последующем изменении. Пресуппозитивный (исходный) статус адресата служит тем фоном, на котором субъект речи осуществляет прозелитическую активность, приобщая другого к сфере собственных интересов.

Выводы

Социально-семиотическая природа высказывания открывает возможности для исследования политических процессов и явлений через дискурсивные практики, обуславливающие использование, конструирование и интерпретацию различных форматов и форм речевой коммуникации. При этом функционирование жанрообразующих признаков и жанровых показателей, их включение в ситуацию передачи актуальных коммуникативных смыслов весьма отчетливо демонстрируют позицию вовлечения, занимаемую адресантом в отношении взаимодействия с реципиентом. Текст, приспособлявая жанровые ресурсы к условиям контекста, открывает исследователю доступ к особенностям взаимоотношений политического субъекта с внутригрупповым и внешним окружением, восприятию институциональным адресантом соци-

альной реальности сквозь призму собственной групповой принадлежности, а также транслированию, воспроизведению и насаждению категоризации членства различной по статусу аудитории.

Дискурсивный анализ позиции вовлечения выявил, в частности, отдельные аспекты функционирования жанра сократического диалога в изначально асимметричной коммуникативной среде. Так, адаптация жанра к задачам вовлечения, свойственным определенному институциональному контексту, подчинена корпоративным стандартам, принятым в радикальном сообществе для установления связи с аут-группой и обучения представителей ин-группы. В частности, особой значимостью характеризуются сценарии фонового вовлечения и расположения первичной аудитории. Будучи совмещенными в рамках исследованного Объекта, они демонстрируют ситуативную предрасположенность жанрового ресурса к преобразованию для достижения персуазивных эффектов, обеспечивающих контроль за желаемой активностью реципиентов. В конечном счете обнаруживающееся многообразие сценариев вовлечения косвенно указывает на формирование институциональной культуры сообщества, ставящего корпоративные интересы выше индивидуальных потребностей аудитории, нивелирующего ее различия для подготовки к нелегальным коллективным действиям.

Приложение интерперсонального подхода к задачам судебно-лингвистического моделирования деликтогенного вовлечения предполагает отбор языковых средств, обладающих определенным диагностическим весом в ситуациях, связанных с подстрекательством к совершению преступлений экстремистской (террористической) направленности. «Сильными» маркерами деликтогенного вовлечения выступают коммуникативно-семиотические средства, представляющие вовлекаемого как носителя сменяемого статуса, для которого надлежащим будет состояние членства в референтной группе. Вовлекатель же в этом случае изображается в ранге субъекта, в полномочия которого входит стремление распространить идеологию и практику радикализма, предложить (а порой и заставить) других следовать ей.

Список использованной литературы

1. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
3. Боженкова Н.А., Катышев П.А. Принципы лингвистической характеристики феномена вовлечения в деятельность радикальных организаций // Учимся понимать Россию: Политическая и массмедийная коммуникация: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2018. С. 28–32.

- 316 | 4. Боженкова Н.А., Катышев П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 76–92. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>.
5. Волков А.А. Курс русской риторики. М.: Издательство храма св. мц. Татианы, 2001. 480 с.
6. Гуляева М.А. Теоретические основы изучения вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9–10 (113). С. 65–69.
7. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
8. Катышев П.А., Боженкова Н.А. Позиция вовлечения в нелегитимной дискурсивной практике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 5. С. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.15>.
9. Кравченко А.И., Поликарпов В.А., Науменко Л.И. Группа референтная // Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс]. Центр гуманитарных технологий, 2002–2019 (последняя редакция: 23.04.2019). – URL: <https://gtmarket.ru/concept/6931> (дата обращения: 28.09.2019).
10. Нагаева Т.И. Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве // LexRussica. 2011. Т. 70. № 3. С. 515–539.
11. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
12. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «Либроком», 2018. 256 с.
13. Паршин П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО–Университет, 2020. 285 [2] с.
14. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 1 от 09.02.2012. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности. – URL: <https://rg.ru/2012/02/17/terrorozm-dok.html> (дата обращения: 04.11.2020).
15. Решение Верховного суда РФ № ГКПИ 03-116 от 14.02.2003. – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 23.11.2020).
16. Селиванова М.А. К вопросу о понятии вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 2 (70). С. 146–149.
17. Тузова Е.И. Концептуальные модели эффективных предвыборных кампаний на посты мэров Москвы и Лондона: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2016. 174 с.

18. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 27.10.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 23.11.2020).

19. Хазимуллина Е.Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2016. Т. 12. № 3. С. 453–469.

20. Araeva L.A., Katyshev P.A., Osadchiy M.A., Olenev S.V. Recontextualization of the Religious Term ‘Ziyarat’: Critical Discourse Study // *European Journal of Science and Theology*. 2018. № 14(5). Pp. 137–147.

21. Bhatia A. Building community in international politics: A study of political press conferences // *Ibérica*. 2011. № 21. Pp. 117–140.

22. Bhatia V.K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries // *HERMES – Journal Of Language And Communication In Business*. 2015. № 27(54). Pp. 9–20. DOI: 10.7146/hjlc.v27i54.22944.

23. Blokpoel M., et al. Recipient design in human communication: simple heuristics or perspective taking? // *Frontiers In Human Neuroscience*. 2012. DOI: 10.3389/fnhum.2012.00253.

24. Engagement in Professional Genres. – *Pragmatics & Beyond New Series*, 2019. DOI: 10.1075/pbns.301.

25. Fairclough N. *Language and Power*. New York: Longman, 1989. X+248 pp.

26. Fairclough N., Wodak R. *Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. Vol. 2. London: Sage., 1997. Pp. 258–284.

27. Hyland K. Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science // *Journal of English for Academic Purposes*. 2010. № 9 (2). Pp. 116–127. DOI: 10.1016/j.jeap.2010.02.003.

28. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // *Discourse Studies*. 2005. № 7 (2). Pp. 173–192.

29. Hyland K., Jiang F. “We must conclude that...”: A diachronic study of academic engagement // *Journal Of English For Academic Purposes*. 2016. № 24. Pp. 29–42. DOI: 10.1016/j.jeap.2016.09.003.

30. Hyland K. Metadiscourse: What is it and where is it going? // *Journal Of Pragmatics*. 2017. № 113. Pp. 16–29. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.03.007.

31. Jayyusi L. *Categorization and the Moral Order*. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1984. 288 p.

32. Leudar I., et al. On Membership Categorization: ‘Us’, ‘Them’ and ‘Doing Violence’ in Political Discourse // *Discourse & Society*. 2004. № 15(2-3). Pp. 243–266. DOI: 10.1177/0957926504041019.

33. Sacks H. *Lectures on Conversation*. Vol. I & II. Oxford: Blackwell, 1992. – 1520 pp.

34. Sacks H., et al. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. № 50. Pp. 696–735. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/412243>.

- 318 | 35. Schegloff E.A. A tutorial on membership categorization // Journal Of Pragmatics. 2007. № 39(3). Pp. 462–482. DOI: 10.1016/j.pragma.2006.07.007.
36. Suau-Jiménez F., Dolón R. The Importance of Metadiscourse in the genre 'Promotion of Touristic Services and Products': Differences in English and Spanish // Languages for Specific Purposes: Searching for Common Solutions. Publisher: Cambridge Scholars Publishing, 2007. Pp. 71–79.

Katyshev P.A.

*Grand Doctor of Philology, Full Professor,
Professor at the Department of General and Russian Linguistics,
Pushkin State Russian Language Institute
PAKatyshev@pushkin.institute*

DELICTOGENIC ENGAGEMENT IN MEDIATED POLITICAL COMMUNICATION: PROBLEMS OF DISCOURSE ANALYSIS AND FORENSIC LINGUISTIC PARAMETRIZATION

This paper presents a problem related to the development of linguistic aspects of the analysis of mediated speech engagement; at the same time, speech engagement is interpreted as a discursive practice used by illegal subjects of political communication to change the group characteristics (social conversion) of out-group representatives. The solution to this problem is seen in the search for procedures aimed at reconstructing the image of the author of the engaging text. The aim of this work is to create a methodology for the study of inclusive texts. It is achieved by combining the procedures of rhetorical analysis, which takes into account the methodology of critical discourse research and the sociolinguistic theory of membership categorization. The research is based on data taken from the corpus of written texts created to promote the ideology of the terrorist organization Hizb ut-Tahrir al-Islami (the organization is banned in the Russian Federation). Observations and conclusions about the parameters of the author's image of the engaging text are made based on a critical analysis of a certain text – an instance of illegitimate discursive practice.

The analysis of the material makes it possible to establish the system-forming significance of such a text pragmatic component as the engagement stance (it characterizes the initiative to involve the audience to the field of interests of the addressee). The complex nature of this parameter consists in the use of discursive procedures that specify the speaker's appeal to the addressee as the bearer of a changeable social status. This is provided by focusing the addressee on an inclusive intention; including in the text ideas about the desired event of membership or the status state of the addressee; distributing the status and roles of communicants in favor of the addressee; using communicative-semiotic methods of synchronizing the speech behavior of communicants and some other discursive techniques. The identification of the components of the engagement stance actualizes the issue of

judicial and linguistic parameterization of legal risks associated with incitement to commit crimes of an extremist (terrorist) orientation. ³¹⁹

Keywords: political communication, engagement, critical discourse analysis, membership categorization theory, engagement stance, terrorist organization, incitement.

Научное издание

Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса

Коллективная монография

Под научной редакцией Н.А. Боженковой, П.А. Катышева

Редактор *А. Н. Арефьева*
Компьютерная верстка *Е. А. Васюкова*

Подписано в печать 26.07.2021
Гарнитура Таймс. Формат А5. Усл. печ. л. 18,6
Тираж 500 экз. Заказ № 11

Редакционно-издательский отдел
Департамента научной деятельности
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Отпечатано в типографии
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute